Р. К. РИМАНТЕНЕ

ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ ЛИТВЫ

АКАДЕМИЯ НАУК ЛИТОВСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Р. К. РИМАНТЕНЕ

ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ ЛИТВЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИНТИС» * ВИЛЬНЮС * 1971

9(SL)11
P51

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Н. Н. ГУРИНА

1—6—2
Užs.—72

ОТ АВТОРА

Период первоначального заселения территории современной Литвы является одним из «белых пятен» в литовской историографии. До сих пор палеолит и мезолит Литвы фигурировали в трудах историков лишь в качестве введения к описанию более поздних периодов. На это была объективная причина — нехватка соответствующих материалов.

Иное дело теперь, когда в результате широких, планомерных исследований накоплено большое число данных, позволяющих осветить истоки древних культур относительно глубоко и полно. Именно этому и посвящена предлагаемая читателю работа. Автор ее делает попытку свести в систему имеющиеся в его распоряжении материалы о палеолите и мезолите Литвы.

Однако, прежде чем перейти к изложению исследуемой проблемы, автор должен оговориться, что не все поднятые им вопросы освещаются с тождественной аргументацией, поскольку исходные данные далеко не во всех случаях равнозначны. Далее, отсутствие раскопанных торфяниковых стоянок, относящихся к палеолиту и мезолиту, вынуждает автора описывать костяные — роговые изделия только как случайные находки. И еще один недостаток, о котором следует упомянуть, — это неоднородное распространение памятников на исследуемой территории. Безусловно, со временем археологи и краеведы пополнят пробелы в изучении древнейшего периода истории Литвы, а пока будем довольствоваться тем, что есть.

Рукопись книги обсуждалась в Секторе палеолита Ленинградского отделения ордена Трудового Красного Знамени Института археологии АН СССР, сотрудники которого сделали по тексту ценные замечания, за что автор выражает им искреннюю признательность. Автор весьма благодарен также доценту Кафедры истории Литовской ССР Вильнюсского ордена Трудового Красного Знамени гос. университета им. В. Капсукаса П. З. Куликаускасу, рецензировавшему данную работу.

Автор выражает искреннюю признательность всем, кто помогал в создании этой книги: доктору исторических наук Н. Н. Гуриной и кандидату географических наук М. Кабайлене, доктору биологических наук Е. Шимкунайте, кандидату исторических наук А. Даниляускасу, художнице Л. Скерстонайте, изготовившей чертежи к данной книге (рисунки выполнены автором).

Трудам моего отца академика К. Яблонскиса я обязана и своим путем в науку и подготовкой данной работы, поскольку его обширными дневниками и полевыми сборами я пользовалась, как своими.

СОКРАЩЕНИЯ

КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
СА	— Советская археология.
ТПЭ	— Труды прибалтийской объединенной комплексной экспедиции.
Aarbøger	— Aarbøger for nordisk Oldkyndighet och Historie.
Bericht Hamburg	— Bericht über den V. Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte Hamburg von 24. bis 30. August 1958.
Ebert Reallexikon	— Reallexikon der Vorgeschichte herausgegeben von Max Ebert.
LAB	— Lietuvos archeologijos bruožai (Очерки археологии Литвы).
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyndistyksen Aikakauskirja.
Transactions	— Transactions of the II international conference of the association on the study of the quaternary period in Europe fascicle V.

I. ВВЕДЕНИЕ

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА В ЛИТВЕ

История накопления и изучения материалов каменного века прошла в Литве три этапа и вступила сейчас в четвертый.

Начало первого этапа относится к тому времени, когда в частные собрания редкостей, произведений искусств, минералов стали включать и находки каменного века. Примером этому может служить опись Кенигсбергской кунсткамеры литовского магната Богуслава Радвилы (Радзивилла), составленная в 1657 г. В описи мы находим упоминание о «пополам переломанном каменном копье... и кремене, как птица».

В XVIII—XIX вв. имелось уже немало таких собраний (Narbut, 1835—1840, 1, стр. 370; Połujanski, 1859, стр. 450; Tyszkiewicz, 1872; Вольтер, 1889), однако общедоступный археологический музей, называвшийся «Музеем древностей», был открыт в Вильнюсе только в 1856 году. Основал его Еустах Тышкевич (1814—1873). Археологическая экспозиция «Музея древностей», устроенная в одном из залов местного университета, была богаче, по словам современников, чем коллекции польских музеев (Tyszkiewicz, 1872; Talko-Hrynciewicz, 1920, стр. 65; Puzinas, 1935, стр. 41). Справедливости ради надо сказать, что, по нынешним представлениям, коллекция «Музея древностей» все-таки была невелика — каменный век в ней был представлен почти только одними шлифованными топориками (Киркор, 1885; Wilczinski, 1862).

Наряду с этим археологические материалы западных литовских земель, в частности Куршской косы, накапливались в музеях кенигсбергских археологических и природоведческих обществ — «Physikalisch-Ökonomische Gesellschaft», основано в 1970, и «Altertumsgesellschaft Prussia» — 1844 г. Судя по печатным отчетам этих обществ («Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft», «Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia»), археологические материалы представляли собой неолитические находки: шлифованные изделия и керамику.

Бедность археологических коллекций, разумеется, затрудняла теоретическую разработку проблем каменного века. Однако уже и тогда наряду с публикациями делались попытки интерпретации материала, установления хронологии, назначения и даже этнической принадлежности находок. Исследователи, несмотря на недостаточность фактического материала, стремились, привлекая данные, относящиеся к другим территориям, делать некоторые обобщения.

На первом этапе исследователи каменного века в Литве после некоторых колебаний приняли утвердившуюся в европейской науке систему трех периодов, выдвинутую в 1836 г. немецким исследователем И. Ф. Даннейлем (1788—1868) и датским музееведом Ц. Т. Томсеном (1789—1865).

Если собирательская деятельность Е. Тышкевича положила начало общедоступным музеям, то его исследовательские труды можно считать первым шагом археологической науки в Литве. В 1842 г. в Вильнюсе появилась его первая книга — «Взгляд на источники местной археологии», а в 1850 г. — «Археологические исследования изящных ремесел» (обе на польском яз.). Благодаря этому материалы каменного века Литвы вошли в международную археологическую науку.

Спустя некоторое время первая книга Е. Тышкевича была переведена на русский (Тышкевич, 1843) и немецкий (Tyszkiewicz, 1847) языки. В ней Тышкевич еще не признает систему трех периодов. Принял он ее чуть позже, в 1850 году. Кстати, в первом труде Тышкевича не упоминается ни одного изделия

палеолита или мезолита, и только во втором фигурирует один костяной топорик (Tyszkiewicz, E, 1850, стр. 68—69, табл. II, I). При этом автор подчеркивает, что топорик, о котором идет речь, «был употребляем раньше, нежели были изобретены металлы», и далее говорит: «Подобные древности во всех собраниях всего мира относятся к редчайшим и древнейшим». Что касается кремневых изделий, то они были представлены в книге одним крупным мезолитическим нуклеусом из Зависишке (Зарасайский р-н)[1], с помощью которого автор объясняет, как обрабатывался кремень при изготовлении топориков. Ничего не зная о кремневых пластинах, не найденных еще тогда в Литве, Тышкевич вынужден был прибегнуть в качестве примера к пластинам из Швеции, указав, что они использовались для изготовления наконечников стрел.

Почти все исследователи того времени (Я. И. Крашевский (1812—1887) в книге «Славянское искусство» — Kraszewski, 1860; Константин Тышкевич (1806—1868) в книге «О курганах» — Tyszkiewicz K., 1868; И. Р. Аспелин (1842—1915) в труде «Древности северных финно-угров» — Aspelin, 1877) судили о каменном веке Литвы лишь по топорикам. Несколько особняком стоял профессор Дерптского университета К. Гревинг (1816—1887). Будучи естествоведом, он не удовлетворялся только изучением форм археологических находок, но обращал внимание и на особенности материала, из которого они были изготовлены а также на обстоятельства, при которых эти находки были обнаружены (Stieda, 1887—1888, стр. 219—253).

В своем труде «Каменный век в прибалтийских провинциях» (Grewingk, 1865) Гревинг упоминает 120 предметов каменного века, найденных в Прибалтике, и среди них — 4 из Литвы. Что касается мезолита, то он приводит нуклеус и костяной топорик, уже описанные Е. Тышкевичем. В более поздней работе «К вопросу о каменных изделиях, обнаруженных в Ливонии, Эстляндии, Курляндии и некоторых соседних странах» (Grewingk, 1871) профессор упоминает уже 13 находок из Литвы, однако все они — неолитические топорики. Малочисленность привлеченного Гревингом материала объясняется, между прочим, и тем, что он не принял во внимание все находки, не имевшие точного паспорта. В исследовании о северном олене в Прибалтике (Grewingk, 1867), дерптский ученый приходит к выводу, что люди здесь обосновались не в период пещерного медведя, а в период северного оленя, что явилось первой попыткой установить время начала прибалтийского палеолита. Значительную работу К. Гревинг проделал, изучая кундские находки в Эстонии (Grewingk, 1882; 1884). При этом он привлек сравнительный материал из Литвы, в том числе костяной гарпун с кремневыми вкладышами из Будвечяй (Grewingk,1882, стр. 42—43, табл. III, 33).

Заслуга названных выше исследователей состоит в том, что они ввели литовский материал в научную литературу и впервые датировали его каменным веком. Что касается мезолита, то, как мы уже говорили, материал, представленный в перечисленных трудах, ограничивался нуклеусом, костяным топориком и гарпуном с вкладышами — случайными находками, которые, разумеется, не могли стать основой для решения археологических проблем Литвы. Для этого требовались полевые работы — активные поиски памятников каменного века.

Началом второго этапа исследований каменного века в Литве, когда находки палеолита и мезолита уже заняли в коллекциях ученых значительное место, следует считать семидесятые годы XIX века. Известный этнограф З. Глогер (1845—1910), посетивший в 1871 г. окрестности Друскининкай и Лишкявы на юго-востоке Литвы, собрал на обнаруженных им стоянках значительное количество изделий каменного века. В 1872 г. он обследовал берега Немана от Друскининкай до Поцюнай (Пренайский р-н), где обнаружил следы стоянок каменного века (Gloger, 1873, стр. 97—124; 1888, стр. 30—84, 248—305). Надо сказать, что число стоянок, обнаруженных Глогером в обследованном им районе, не соответствует современным данным. На самом деле их было значительно больше — Глогер принимал за одну стоянку места, где в действительности находилось несколько стоянок. В 1899 г. он путешествовал вновь вдоль Немана — от г. Каунаса до Юрбаркаса (Gloger, 1903, стр. 79—94), и обнаружил еще две стоянки каменного века.

Все свои находки Глогер увез в Польшу. Вначале они хранились в его имении Ежевье, Ломжской губернии (Вольтер, 1889), а позже были переданы Краковской академии наук (Talko-Hryncewicz, 1920, стр. 66; 1923, стр. 187). Из описи, сделанной в 1927 г. С. Круковским, известно, что в собрании Глогера имелись плудские и другие палеолитические находки из принеманских стоянок Балташишке и Насуцишкяй, а также из района Друскининкай (Krukowski, 1927). Кроме лично собранных, Глогер располагал и подаренными ему археологическими находками из не

[1] Здесь и далее места находок даются по современному административно-территориальному делению Литовской ССР, в транскрипции, выработанной Институтом литовского языка и литературы республиканской Академии наук.

обследованных им местностей Литвы (Federowski, 1912, стр. 30—31).

Примерно в те же годы, что и Глогер, значительный материал собрал проживавший в Литве Вандалин Шукевич (1852—1919). С 1883 г. вплоть до своей смерти Шукевич сам, а также с помощью местных крестьян собирал находки каменного века на территории теперешнего Варенского района и в соседних местностях юго-восточной Литвы и Белоруссии. Кстати, он собирал древности лишь только для того, чтобы уберечь их от уничтожения (Szukiewicz, 1901а, стр. 3), так как специального образования не имел. Наибольшее число стоянок Шукевич открыл на берегах р. Ула, несколько меньше — у рек Мяркис, Груда, Катра, Нача, а также между речкой Пеляса и одноименным озером. До 1899 г. он открыл в этих местностях 58 стоянок, не считая 35 мест, где находил отдельные изделия. Только на берегах реки Ула (протяженностью в 35 км) до 1900 г. Шукевич обнаружил 29 стоянок, а позже (до 1907 г.) — еще 14 (Szukiewicz, 1907). Из обзора стоянок каменного века, составленного в 1910 г. (Szukiewicz, 1910), видно, что в бывшем Виленском повете ему не удалось найти следов первобытного человека. В Тракайском же повете он более или менее точно зарегистрировал 40 стоянок и еще 5 не совсем уверенно; в большинстве на берегах р. Мяркис и ее притоков. Наибольшее количество — свыше 50 стоянок — было им обнаружено в бывшем Лидском повете, по рекам Дитва, Катра, Ула, Нача, Версока. Большинство этих стоянок расположено на современной территории Литовской ССР.

В 1910 г. В. Шукевич писал: «Смотрите, чтобы наши потомки не имели большого повода упрекать нас в том, что мы не сумели уберечь наших археологических сокровищ» (Szukiewicz, 1910, стр. 62). В его добрых намерениях нет основания сомневаться, и заслуга его велика. Но жаль, что он не имел соответствующей научной подготовки. Именно поэтому большинство находок из коллекции Шукевича располагают весьма приблизительными паспортами. Нередко ряд их объединялись автором под одним названием, включающем довольно обширную территорию.

Часть экспонатов из собрания Шукевича попала в музеи Кракова, Москвы, Ленинграда, однако большинство их осталось в Вильнюсе и хранится теперь в Историко-этнографическом музее Литовской ССР. Значительное место среди них занимают изделия палеолита и мезолита.

В конце XIX — начале XX вв. крупным собранием западнолитовских археологических находок располагал известный литовский археолог, этнограф и художник Т. Даугирдас (1852—1919). Он очень тщательно фиксировал в дневнике обстоятельства обнаружения древностей (Dowgird, 1881—1888). В 1907 г. Даугирдас подарил свою коллекцию Каунасскому городскому музею. Палеолитических и мезолитических находок в ней мало.

Помимо названных, имелись и другие коллекции, хотя и не столь обширные. Например, на стоянках в Балташишке археологический материал собирал М. В. Малахов (Малахов, 1884, стр. 16), а в Варенском и Тракайском районах — Н. Рерих и др. В этих коллекциях тоже есть некоторое количество материала по палеолиту и мезолиту.

В конце XIX в. ученые вплотную занялись изучением Куршской косы. Здесь работали видные немецкие археологи О. Тишлер (1843—1891), А. Беценбергер (1851—1922) и Е. Голлак (1860—1924), представлявшие кенигсбергские научные общества, о которых мы уже упоминали. Исследования велись на должном уровне того времени и дали обильный материал, относящийся целиком к неолиту.

На втором выделенном нами этапе исследователи проявили большую осторожность в интерпретации материалов каменного века. Они даже не пытались установить продолжительность его в Литве. Юго-восточные стоянки в хронологическом отношении были отнесены тогда к «разным периодам».

К чести В. Шукевича, он пытался решить некоторые вопросы хронологии, сравнивая типы своих находок с археологическим материалом Франции и Польши, известным ему по литературе. Некоторые его сравнения были удачными. Например, он правильно отнес ряд наконечников, найденных в Кашетос и Рудне, к концу палеолита (Szukiewicz, 1907, стр. 11; 1910, стр. 59). Однако, наряду с этим, Шукевич допускал и ошибочные предположения, например, в попытке сопоставить нож бронзового века с орудиями мустьерского типа. Правда, здесь он делал оговорку: «Сходство может быть случайным, и делать отсюда какие-либо выводы о хронологии стоянок очень рисковано» (Szukiewicz, 1901, стр. 23).

Вместе с некоторым обобщением, изложенным в публикациях (Szukiewicz, 1901а; 1907), В. Шукевич издал и ряд обзорных работ. В 1901 г. он выпустил книгу «Очерки доисторической археологии Литвы» (Szukiewicz, 1901в), в которой, к сожалению, палеолит освещается только на основе французского материала, и лишь во втором разделе дается краткий обзор находок каменного века Виленской губернии.

В конце XIX в. все известные к тому времени стоянки каменного века были отмечены на археологических картах тогдашних Виленской (Покровский, 1893), Гродненской (Покровский, 1895) и Ковенской (Покровский, 1899) губерний, составленных на основании данных В. Шукевича (В. Шукевич, 1893), З. Глогера, М. В. Малахова и Т. Даугирдаса.

Таким образом, второй этап изучения каменного века в Литве ознаменовался накоплением значительного количества находок палеолита и мезолита, относящихся в основном к юго-восточной Литве. Однако интерпретация собранных материалов все еще оставалась недостаточной.

Третий этап исследований начался после окончания первой мировой войны. Старые собрания каменного века оказались сосредоточенными в основном в Вильнюсе (в то время он был в составе Польши), Кенигсберге (Германия) и Каунасе. И если ученые первых двух центров практически прекратили дальнейший сбор материала, касающегося Литвы, то в Каунасе собрание стало быстро расти.

Первоначально в Каунасском городском музее накапливались большей частью случайные находки, относящиеся в основном к неолиту. В 1936 г. коллекция перешла в ведение вновь открытого Музея культуры им. Витаутаса. Собирательская работа заметно активизировалась. Заслугой музея было сосредоточение находок, хранившихся до тех пор в маленьких местных (школьных и др.) музеях. И все-таки планомерных, широких разведок или раскопок стоянок каменного века ни одно научное учреждение не вело. Этим занимались лишь частные лица — энтузиасты, главным образом П. Тарасенка (1892—1962) и К. Яблонскис (1892—1960).

Литовский археолог П. Тарасенка известен как исследователь городищ и камней, имеющих исторические знаки, однако в начале двадцатых годов нашего века он собрал и материал стоянок по р. Нярис от Кярнаве до Каунаса (Tarasenka, 1922; 1924), большинство которых относится к неолиту.

Крупная систематизированная коллекция изделий каменного века была собрана в 1920—1960 гг. академиком К. Яблонскисом. Вначале она состояла из материалов разведок в окрестностях Каунаса, а позже, в особенности с 1937—1938 гг., значительно расширилась. Многочисленные разведки по Неману от Друскининкай до Юрбаркаса позволили обнаружить 142 стоянки; 65 стоянок найдено по течению р. Нярис (Вилия) от Вильнюса до Каунаса. Наиболее значительное место в собрании заняли находки из юго-восточной Литвы, с 307 стоянок, расположенных по рекам Мяркис, Ула, Дярежнича и побережья некоторых озер. В других местностях было найдено в те годы 27 стоянок. При этом сбор материала велся на должном научном уровне. Там, где это было возможно, находки точно паспортизировались, тщательно шифровались. В дневниках давалось подробное описание комплексов и обстоятельств, при которых они были обнаружены; составлялись топографические планы (Jablonskis, 1939—1960). Большая часть коллекций слагалась из материалов палеолитических и мезолитических стоянок.

Интерпретацией литовских материалов каменного века в третьем и, отчасти, в четвертом десятилетиях XX в. занимался и ряд археологов соседних стран: советский ученый А. А. Спицын, польский — Вл. Антоневич, немецкие — В. Гэрте и К. Энгель. Именно они и предложили первые схемы периодизации каменного века современной Литвы.

В 1925 г. А. А. Спицын опубликовал работу «Литовские древности» (1925, стр. 112—171). Кратко охарактеризовав природные условия, существовавшие в прошлом на изучаемой территории, он отметил, что ему ничего не известно о наличии памятников палеолита в Литве, но выразил надежду, что такие памятники со временем будут обнаружены. Им был выделен «костяной период», однако основой к этому послужили лишь находки, описанные Е. Тышкевичем и В. Шукевичем, а также сравнительный материал соседних стран. Кроме старых собраний, А. А. Спицыну были известны коллекции Т. Даугирдаса, П. Тарасенка и К. Яблонскиса, содержащие каменные орудия. Тем не менее главное внимание автор уделил железному веку. Труд А. А. Спицына долгое время служил основным руководством по археологии Литвы.

По мере дальнейшего накопления материала возникали новые научные проблемы, и в первую очередь необходимость дать общую картину размещения стоянок. Эту работу выполнил П. Тарасенка в книге «Материал литовской археологии», к которой была приложена большая археологическая карта Литвы (Tarasenka, 1928). П. Тарасенка зарегистрировал на карте около 115 стоянок каменного века, не считая многочисленных мест обнаружения отдельных находок, в частности каменных топориков. В своих выводах автор в основном опирался на А. А. Спицына и датировать стоянки не пытался.

Несмотря на ряд очевидных успехов, литовские ученые буржуазного периода были ограничены в своих возможностях. С одной стороны, материалы по каменному веку, накопленные до первой мировой войны, были для них практически недоступны — в Вильнюсе остались собрания В. Шукевича; там же, в Польше, находились коллекции З. Глогера; находки

Куршской косы были увезены в Кенигсберг. С другой стороны, ученые соседних стран не располагали достаточными сведениями о новых литовских материалах, что, естественно, сказывалось на их работах.

Среди авторов трудов, посвященных каменному веку Литвы, следует отметить польского археолога В. Антоневича. К археологии Литвы он обратился, готовя статью об археологических памятниках Вильнюсского края для издания «Вильнюс и Вильнюсский край» (Antoniewicz, 1930). За основу периодизации Антоневич взял схемы польских и немецких археологов. По Антоневичу, самой ранней культурой в Литве была свидерская, достигшая наиболее широкого распространения в анциловом периоде, в конце которого, по его мнению, наблюдалось проникновение в Литву кундской и тарденуазской культур, а позднее — в периоде литорина — кампинийской культуры.

Примерно той же периодизации Антоневич придерживался в своем докладе на международной конференции исследователей четвертичного периода, состоявшейся в Москве в 1935 г. (Antoniewicz, 1935, ст. 29—45).

Кроме Антоневича, ряд других польских археологов, изучавших каменный век, попутно тоже касались литовских находок (Kozłowski, L., 1924; Krukowski, 1927; Kostrzewski, 1923; 1938—1948).

Немецкие археологи в силу специфики имеющегося у них материала изучали только неолит Западной Литвы. И лишь в одном случае был затронут вопрос о палеолитических находках в Кальнишкяй, в районе г. Клайпеды (Gross, 1939).

Новые материалы, накапливавшиеся в это время в самой Литве, вошли в археологическую литературу только в тридцатые годы. Среди многих небольших публикаций выделяется статья бывшего руководителя доисторического отдела Музея культуры И. Пузинаса «Культура послеледникового жителя Литвы» (Puzinas, 1935[a], стр. 281—287). Автор ее впервые дал обстоятельный обзор всех костяных и роговых изделий каменного века Литвы и сделал попытку их хронологизации. Богато иллюстрированная статья содержала важные сведения о находках палеолита и мезолита.

Позднее, в своей крупнейшей обзорной работе «Данные новейших доисторических исследований» (Puzinas, 1938a) Пузинас представил краткий обзор всех находок каменного века Литвы, подразделив их на группы соотвественно периодам палеолита, мезолита и неолита. В сокращенном виде этот обзор фигурировал на 1-й Международной конференции прибалтийских историков в Риге и был опубликован на немецком языке (Puzinas, 1938[в]). Более подробно результаты своих исследований И. Пузинас изложил в лекциях по археологии, прочитанных в Каунасском и Вильнюсском (после 1939 г.) университетах.

Итак, на третьем этапе исследований был собран весьма значительный новый материал. При этом разведочные полевые работы, в значительной части охватывавшие среднюю и южную Литву, велись более квалифицированно. Появились труды обобщающего характера, вводившие литовский археологический материал в европейскую науку.

Четвертый период исследований начался в годы Советской власти, после освобождения Литовской ССР от гитлеровских захватчиков. Для этого этапа характерны систематические разведывательные и стационарные исследования памятников каменного века.

Разведку древних стоянок в окрестностях Вильнюса и Варены продолжал вплоть до самой смерти (1960 г.) академик К. Яблонскис. Экспедиции организовывали Сектор археологии Института истории АН Литовской ССР (Римантене, 1968) и Отдел первобытного общества при Каунасском музее искусств им. М.-К. Чюрлёниса.

Стационарные раскопки раскрыли около 50 стоянок, в том числе немало палеолитических и мезолитических. Богатые материалы дали и разведки.

Кроме того, для литовских ученых стало доступным наследство В. Шукевича. Материалы стоянок Рудня и Кашетос явились объектом статей А. Бернотайте (Bernotaitė, 1959; 1960), в которых она пыталась сделать некоторые обобщения. Материалы Зервинос были опубликованы Р. Римантене (Rimantienė, 1965). Ее перу также принадлежат статьи о стоянках палеолита и мезолита: Эйгуляй (Яблонските-Римантене, 1959), Самантонис (Римантене, 1960), Жямейи Канюкай (Jablonskytė-Rimantienė, 1963а), Лампеджяй (Jablonskytė-Rimantienė, 1963б), Эжяринас (Jablonskytė-Rimantienė, 1966а), Максимонис IV (Jablonskytė-Rimantienė, 1966б) и некоторых других.

В 1952 г. была сделана попытка обобщения материалов литовского палеолита и мезолита (Яблонските, 1952). Сейчас, по мере накопления новых данных, это обобщение следует считать уже несколько устаревшим.

В 1961 г. появился коллективный труд «Очерки археологии Литвы», в котором П. Куликаускас тоже дал краткую характеристику палеолита-мезолита (LAB, 1961, стр. 34—53). В дальнейшем этими проблемами пришлось вплотную заняться автору данной монографии (Римантене, 1962; Jablonskytė-Rimantienė, 1964; Яблонските-Римантене, 1966).

В целом можно констатировать, что к настоящему времени мы располагаем материа-

лом, достаточным для того, чтобы попытаться дать более широкую обобщающую работу по палеолиту и мезолиту Литвы.

Автор предлагаемой читателю книги, опираясь на археологические исследования, поставил целью восстановить картину процесса заселения современной территории Литвы от появления здесь первых людей до того времени, когда уже становится возможным говорить об образовании протобалтийских племен, т. е. до эпохи неолита.

Чтобы решать вопросы первоначального заселения Литвы, требуются исчерпывающие данные по всей ее территории. Но всех таких данных нет, некоторые районы до сих пор остаются недостаточно изученными, многие старые находки не вполне паспортизованы, а сами коллекции фрагментарны; недостаточно ясна до сих пор и последовательность некоторых явлений. Все это вынуждает автора пользоваться рядом рабочих гипотез, основанных как на сравнительном материале, так и на логических предположениях.

Устанавливая важный принцип оценки имеющихся материалов, автор считал для себя главным отделить явления, свидетельствующие об этнических процессах (т. е. о расселении первобытных родовых общин, об их взаимообщении и формировании на этой основе местных культур) от фактов, возникающих конвергентно или в результате культурных связей, и не сопровождающихся миграцией. Подобное разделение последовательно осуществляется по всей книге, поскольку лишь такой подход позволяет определить характер образования и распространения той или иной культурно-этнической общности.

Исходя из этой концепции, автор при классификации материала в первую очередь обращает внимание на культурные группы, вне строго ограниченных хронологических рамок, потому что в одно и то же время рядом могли существовать разные культурные — и, по-видимому, этнические — группы. В хронологическом же отношении эти группы рассматриваются в рамках того периода, к которому относится их возникновение.

Однако в дальнейшем отдельные культуры или их элементы могли выйти за пределы своего времени, для которого они были когда-то характерны. Таким образом, эпипалеолитическая группа изучается не только как хронологическая группа начала мезолита (период пребореаля), но также и как этнокультурное явление, уходящее позднее далеко в середину мезолита.

До сих пор археологи, изучавшие литовские материалы каменного века, и в особенности палеолит и мезолит, основное внимание уделяли истории быта. Автор предлагаемой работы отодвигает вопросы первобытного хозяйства на второй план и касается их лишь постольку, поскольку это нужно для решения некоторых проблем расселения племен, оседлости и других вопросов этнической истории. Этой цели отчасти служат и привлекаемые автором палеоклиматические и геоморфологические данные. Имея в виду некоторую недостаточность последних, автор обращается к классическим методам археологии — типологическому и морфологическому, а также к топографии стоянок, поскольку их месторасположение зависело от колебаний уровня моря, рек и озер, т. е. в большой мере от изменения климата. Так как указанные явления в настоящее время датируются довольно точно, автор стремился воспользоваться этим для определения хронологии стоянок. Кроме того, он старался сопоставить процессы, происходившие в Литве, с аналогичными процессами, протекавшими в соседних странах, где в ряде случаев они датированы с помощью естественных наук. Исходя из этого, при разборе каждого отдельного этапа культурного развития палеолита и мезолита Литвы автор дает обзор природных условий соответствующего времени.

II. К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЗАСЕЛЕНИИ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТВЫ

1. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ В АРКТИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ

Возможность заселения современной территории Литвы человеком появилась лишь тогда, когда ледник стал невозвратимо отступать от максимальной границы своего распространения в Померанской стадии. Краевые образования ледника в современном рельефе составляют так называемую Балтийскую гряду. Ч. Кудаба выделяет свыше 10 моренных массивов, самыми крупными и высокими из которых являются Аукштадварский, Биютишкский, Таурагнайский и др. (Кудаба, 1969) (рис. 1).

Отступление ледника сопровождалось очень большими изменениями в соотношении суши и водных пространств; в то время образовался обширный и глубокий водный резервуар. Следы его береговых границ встречаются по всей Литве, достигая 120—190 *м* абсолютной высоты (Басаликас, 1961, стр. 215; Basalykas, 1965, стр. 19). Постепенно резервуар, о котором идет

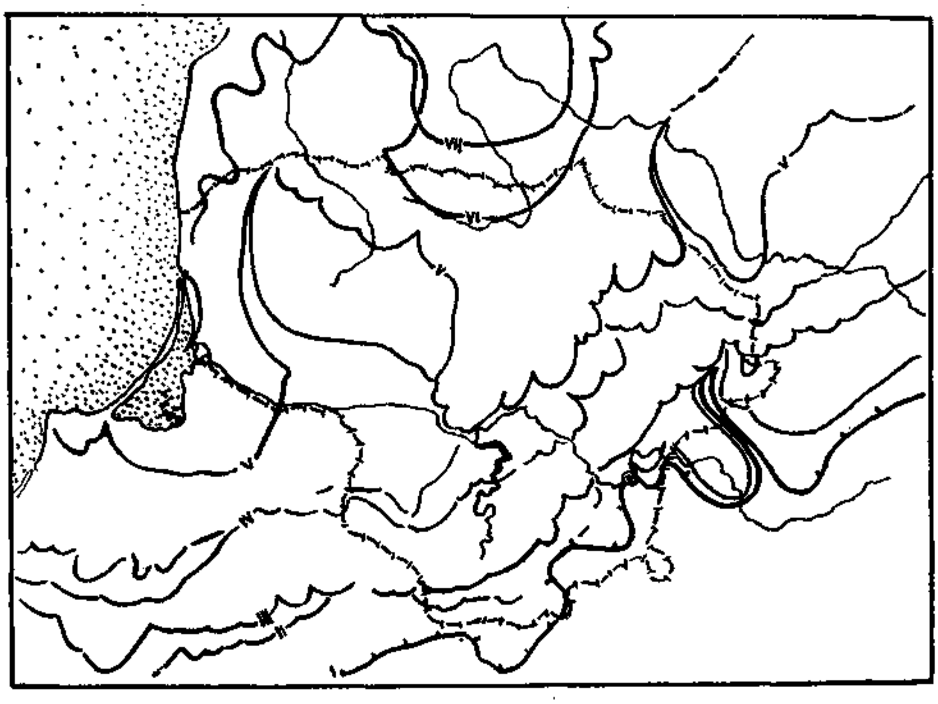


Рис. 1. Расположение границ гляциостадий и гляциофаз в Литве.

I — граница последнего (неманского, валдайского, вислинского, северопольского) оледенения; II — граница жёгяльской (франкфуртской) стадии; III — граница аукштайтской (померанской) стадии; IV — граница южнолитовской фазы; V — граница среднелитовской фазы; VI — граница северолитовской фазы; VII — граница плиеньской фазы (по П. Вайтекунасу, 1969).

речь, распался на несколько озер, берега которых имели высоту около 100, 80—90 и 60—65 *м* (Басаликас, 1961, стр. 218; Basalykas, 1965, стр. 19). В конце нижнего дриаса береговые границы озер составляли абсолютную высоту примерно в 40 *м*. Именно с этим периодом и следует связывать начало образования речной системы Литвы, так как самая высокая терраса Немана достигает именно 40 *м* высоты.

В это время на месте современного Куршского залива располагалось приледниковое озеро, занимавшее значительную часть среднелитовской низменности и питавшее все крупнейшие реки Литвы (Басаликас, 1961, стр. 217). Воды Пранемана текли по долине Инстручи и Преголи к юго-востоку — в сторону Вислинского залива.

По варвометрическим данным (De Geer 1954), отступление ледника началось около 14—15 тысяч лет назад. Приблизительно такая же дата была установлена и с помощью других методов в частности изучением особенностей развития бассейна Балтийского моря и этапов отступления ледника, а также по результатам радиокарбонных анализов (Gudelis, 1955; Gudelis, Kabailienė, 1958, табл. I).

По данным микропалеоботанических исследований (Гуделис, 1957, 1958; Seibutis, Sudnikavičienė, 1960; Кабайлене, 1965а, б), растительный покров в наиболее древнем арктическом периоде, включающем так называемый нижний дриас, бёллинг и средний дриас, был мало развит. На основе результатов палинологического анализа можно судить (Кабайлене, 1965а), что растительность юго-восточной Литвы в то время была лесотундрового и тундрового типа. Предположительно, флору представляли кустарниковая береза и полярная ива, а на открытых пространствах — травянистые растения, в основном полыни, лебедовые, злаковые и осоковые. О холодном климате и незначительной облесенности территории Литвы в арктическом периоде свидетельствует и характер осадков — в озерах того времени накапливались песчанистые и глинистые отложения (Кабайлене, 1967). В котловинах одних озер оставались погребенными глыбы мертвого льда (Garunkštis, Stanaitis, 1959), в других сохранялась остаточная мерзлота, наблюдались явления перигляциальных процессов (Dvareckas, Basalykas, 1959) и т. д.

Первые слои бёллинга были обнаружены в 1937 г. в Мянтуряй (Gross, 1937c). По данным, в основном палинологического анализа, отложения бёллинга найдены в ряде мест южной и юго-восточной Литвы (Gudelis, Kabailienė, 1958; Кабайлене, 1965а; Шулия, 1969). На р. Мяркис вскрыты бёллингские органогенные слои, возраст которых определен по C^{14} соответственно 12715±395 и 11500±400 лет от наших дней (Виноградов и др., 1963).

Бёллингское потепление, выделенное во многих местах Северо-Западной и Северной Европы, было датировано радиоуглеродным методом в интервале от 12700 до 12200 лет тому назад (Fromm, 1963).

Судя по микропалеоботаническим данным, можно считать, что бёллингское потепление было недолгим и на растительном покрове Литвы, очевидно, почти не отразилось, если не считать увеличения распространения березы. Растительность во время бёллинга была лесотундрового типа. В озерных отложениях того времени встречены макроостатки зеленых и сфагновых мхов и в небольшом количестве следы водяных растений.

Изучение озерных котловин показало (Garunkštis, Stanaitis, 1959), что во время бёллинга на территории Литвы имела место первая термокарстовая просадка — в результате таяния погребенного льда произошло понижение дна озер на несколько метров. Благоприятных условий для накопления торфа в то время не было (Сейбутис, 1970).

В тот период в Балтийской котловине находилось так называемое Южно-Балтийское бёллингское море (Серебряный, Раукас, 1967, стр. 237—240), южные и юго-восточные берега которого лежали значительно дальше к северо-западу, нежели сейчас. А. Басаликас (Basalykas, 1965, стр. 38—39) относит к бёллингу спуск приледникового озера, располагавшегося в низовьях Немана на высоте примерно 40 *м* над уровнем моря. Со спуском этого озера связывается первый врез рек Литвы.

По сводным данным радиокарбонных датировок, период бёллинга имел место в XI тысячелетии до н. э.

Стоянки периода бёллинга в Европе (Голландии, Дании, Шлезвиг-Гольштейне), датированные пыльцевым и радиоуглеродным методами, находились примерно в тех же природных условиях (Rust, 1958, стр. 134), какие существовали и на территории Литвы. А отсюда можно полагать, что бёллинг был первым периодом, когда на изучаемой территории стало возможным появление отдельных групп охотников позднеледникового времени. Их следы следует искать южнее среднелитовских фазиальных конечных морен, на третьей надпойменной террасе крупных рек или на берегах термокарстовых озер. В последнем случае стоянки должны были бы располагаться на значительно более низкой относительной высоте, поскольку уровень воды в озерах был пониженным.

Кроме того, есть надежда обнаружить следы стоянок времен бёллинга под нижними слоями дюн юго-восточной Литвы. А. Басаликас

(Basalykas, 1955, стр. 48—56) высказал мнение, что дюны бассейна р. Мяркис образовались как раз вследствие накопления зандров померанской стадии.

Бёллингское потепление климата сменилось похолоданием в среднем дриасе (дриас II), по-видимому, весьма коротким, так как с помощью радиоуглеродного метода аллерёд датируется X тысячелетием до н. э. Это похолодание было связано с начавшимся около 12200 лет назад наступлением ледника.

Граница ледника во время среднего дриаса проходила по Северной Эстонии (Серебряный, Раукас, 1967, стр. 240). Тогда же несколько повысился и базис эрозии, образовался бассейн в 16—20 *м* абсолютной высоты (Басаликас, 1961, стр. 229).

Можно предполагать, однако, что похолодание климата могло и не воспрепятствовать появлению на территории Литвы отдельных групп охотников. Тем не менее постоянное ее заселение было затруднено, поскольку в течение всего нижнего дриаса, бёллинга и среднего дриаса, т. е. на протяжении около 2000 лет, в Литве удерживались перигляциальные условия, а среднелитовскую низменность долгое время покрывали льды (Басаликас, 1961, стр. 227).

За период бёллинга и среднего дриаса в долинах рек накопились большие толщи гравия и галечников. Аккумуляция их закончилась на высоте от 13 до 20 *м* выше русел современных рек (III надпойменная терраса). Базисом эрозии в это время был приледниковый водоем, оставивший в низовьях Немана береговые образования на абсолютной высоте в 16—20 *м* (Basalykas, 1965, стр. 23—24). С точки зрения стратиграфии, стоянки периода бёллинга должны были бы очутиться под слоями этого галечника.

На кого же охотились люди того времени и вслед за какими животными они пришли в Литву? Несомненно, это был северный олень.

Во многих местностях Литвы и Калининградской области обнаружены остатки мамонтов (Gaerte, 1926, 1929, стр. 4—5; Gross, 1937a, стр. 156; Kulikauskas, Mačionis, Żeiba, 1957), однако на упомянутой территории, как и по всему южному побережью Балтийского моря, не обнаружено пока ни одной находки мамонтовых бивней или костей, где имелись бы следы обработки. Напрашивается следующая мысль: или к появлению в Литве первых охотников мамонты уже вымерли, или пришельцы просто не умели на мамонтов охотиться, ограничиваясь добычей мелкого зверя. Более вероятным надо, видимо, считать первое предположение, так как все найденные до сих пор в Литве кости мамонта являются переотложенными.

2. ПЕРВЫЕ СЛЕДЫ ЗАСЕЛЕНИЯ

Потепление в бёллинге создало условия, при которых отдельные родовые общины получили возможность освоения предледниковой области. Следы их пребывания в соседней Калининградской области и северной Польше говорят за то, что они равным образом могли посещать и южную территорию Литвы.

Типичными следами охотников периода бёллинга являются узкие выемки, вырезанные кремневым боковым острием на роге северного оленя. Один такой рог был найден в 1888 г. в русле речки Мелава, у бывшей деревни Папялькяй (уезд Лабгува), на глубине 2,35 *м*. На внутренней стороне рога имелась выемка длиной в 14 *см* с заостренными концами (La Baume, 1925, стр. 87—89). Судя по светло-серой окраске рога, он лежал в известняковой песчано-глинистой прослойке, в толстом слое галечника. Прослойка была отнесена Г. Гроссом к раннему готигляциалу, т. е. к раннему дриасу (Gross, 1937a, стр. 156; 1938б, стр. 84; 1938a, стр. 118—120).

Подобные рога с надрезами, хотя и в небольшом количестве, обнаружены по всему юго-балтийскому приморью. Например, рог, найденный в галечном карьере у Хелма в низовьях Вислы (La Baume, 1925, стр. 86—87; 1938a, стр. 118). Обстоятельства, при которых он был обнаружен, не ясны, однако его принадлежность к концу ледникового периода несомненна[1].

На территории северной Польши, недалеко от Гижицка, в местности Мала Поповка, в террасовых песках озера Мамры, был найден еще один кусок рога северного оленя со следами надреза. Обстоятельства обнаружения рога позволяют отнести его к бёллингу уже с большей определенностью[2].

Подобная техника вырезывания узких выемок-полосок характерна для культуры Гамбурга, распространенной в период бёллинга в южной Прибалтике. Полоски вырезались толстым кремневым острием с довольно тупым

---

[1] В. Ля Баум отнес рог просто к мадлену. Г. Гросс был склонен датировать его очень ранним временем — 18000 г. до н. э. (Gross, 1937a, стр. 156), основываясь на том, что рог обнаружен в галечном карьере между конечными моренами Франкфуртской и Померанской стадий.

[2] Озеро образовалось в раннем палеолите, поэтому Г. Гросс отнес в свое время эту находку к периоду отступления ледника Померанской стадии — даниглящиалу (Gross, 1938a, стр. 84), т. е. к началу нижнего дриаса. Однако польские исследователи этот рог, как и другие подобные ему находки, относят к бёллингу (Antoniewicz, J., 1948, стр. 6—7).

концом (Schwantes, 1934, илл. 62—65; Rust, 1937, стр. 95, илл. 27, табл. 24—36). Служили они для изготовления некоторых видов изделий — чаще всего шильев (Rust, 1937, табл. 38), реже — гарпунов мадленского типа или других орудий.

На границе Литвы с Калининградской областью, в местности Опшрутай, найден костяной кинжал, относящийся к периоду бёллинга. Он был сделан из расколотой кости передней конечности зубра и имел 22 *см* в длину (Bos primigenius) (Gross, 1937a, илл. 5c; 1938a; илл. 13c). Изделие обнаружено в нижнем слое глины, относящемся к позднему ледниковому периоду, на 21 *см* ниже, чем слой аллерёда. Согласно данным пыльцевого анализа, кинжалу сопутствовали растения, характерные скудной арктической степи (XI тысячелетие до н. э.), т. е. периоду бёллинга (Gross, 1937a, стр. 154).

Упомянутые выше находки можно увязать с потеплением климата во время бёллинга, когда первые охотники изредка стали появляться на территории Литвы. Откуда же они шли, из какой культурной области происходили?

Изделия, о которых мы только что говорили, еще не дают на это определенного ответа. Роговые и костяные острия (или проколки) и кинжалы принадлежат к широко распространенным типам европейского мадлена. Однако, учитывая природные условия, можно полагать, что первые охотники шли вдоль южного берега Балтики (в то время он простирался значительно севернее, нежели сейчас) из области культуры Гамбурга на восток. По радиоуглеродным данным, культуру Гамбурга относят к концу раннего дриаса и периоду бёллинга; она появилась около 11500 лет до н. э. и исчезла примерно через тысячелетие (Rust, 1958, стр. 136).

III. ПАЛЕОЛИТ

1. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ В АЛЛЕРЕДЕ И ПОЗДНЕМ ДРИАСЕ

Начиная с аллерёда, на современной территории Литвы сложились благоприятные условия для ее постоянного заселения. Люди не ушли отсюда и во время последующего похолодания климата в позднем дриасе.

Аллерёд ознаменовался потеплением, более значительным, чем в период бёллинга. От льдов освободилась южная Скандинавия. Средняя годовая температура в Прибалтике должна была быть в то время ниже современной лишь на 6°, а на юге Средней Европы — на 4°. Столь значительное потепление содействовало окончательному таянию ледников. Похолодание верхнего дриаса было сравнительно кратковременным и остановить процесс таяния льда уже не могло.

Судя по геохронологическим и радиоуглеродным данным, полученным при изучении материала Дании и южной Скандинавии, аллерёд должен был охватить период между 10000 и 9000 гг. до нашей эры, а возможно и несколько больше (Gross, 1958; Firbas, 1961, стр. 280; Серебряный, 1961, стр. 185; Шулия и др., 1967)[1].

В аллерёде на северо-европейских низменностях, от Нидерландов до Эстонии, появилась береза, а позже и сосна. Северная граница распространения этих пород достигала Исландии и южной Норвегии. Восточнее значительное распространение имела ель (Лисицына, 1959).

Литва во время аллерёда была покрыта зарослями уже не кустарниковой, а древовидной березы, но встречались и редкие сосновые леса (Seibutis, Sudnikavičienė, 1960; Кабайлене, 1965а; 1965б). По данным диатомового анализа озерных отложений, в это время в озерах Литвы, даже в летний период, вода нагревалась мало, была прозрачной, богатой кислородом. По мнению А. Сейбутиса (Сейбутис, 1970), во время аллерёдского потепления средняя температура июля в Литве достигала +11—12°. В результате потепления в озерных котловинах происходило таяние глыб погребенного льда, что вело к отложению торфянистой прослойки в нижней части многих озерных и болотных толщ Литвы (Seibutis, Sudnikavičienė, 1960). Во второй половине аллерёда в связи с таянием погребенного льда и значительным опусканием дна озер торфянистые отложения покрывались озерными.

Уровень Балтийского моря (пресноводного ледникового озера) в то время был на 20—22 *м* выше современного (Gudelis, 1958, стр. 86) (рис. 2).

По А. Басаликасу (Basalykas, 1965, стр. 24), в аллерёде имел место большой врез рек. Образовавшиеся глубокие долины в верхнем дриасе были заполнены наносами. На этот раз аккумуляция прекратилась на относительной высоте 6—10 *м* (II надпойменная терраса). Пойменный аллювий был в значительной мере лимонизирован и мало гумифицирован. Отсюда видно, что терраса формировалась в условиях прохладного климата. Это соответствует концу существования балтийского ледникового озера с его субарктическим климатом.

Вторая надпойменная терраса является как бы разграничительной чертой между верхними террасами, образовавшимися в условиях холодного климата, и нижними — сформировавшимися уже во время потепления. Появление ее можно связывать с общим изменением речной системы, происходившим в позднеледниковое

[1] Можно указать на следующие даты, полученные на основе материалов голландских торфяников: нижний слой аллерёда — 10610±260 г. до н. э., верхний слой — 9250±320 г. до н. э. (Gross, 1958, стр. 178). По данным К. Шулия, в котловине озера Бебрукас (юго-восточная Литва) аллерёдские отложения накоплялись от 11800±300 до 11300±300 лет назад (9850—9350±300 г. до н. э.) (Шулия и др., 1967, стр. 236).

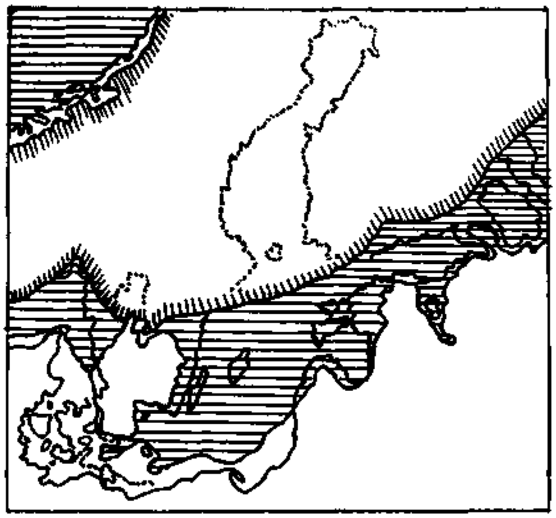


Рис. 2. Балтийское ледниковое озеро (аллерёд — верхний дриас) (по М. Саурамо)

время (Basalykas, 1955, стр. 63—64; 1956, стр. 60; Гуделис, 1957, стр. 4).

Вторая надпойменная терраса литовских рек могла быть заселена в период, начиная от аллерёда (может быть, в поздней его фазе) и вплоть до пребореаля, когда стала формироваться первая надпойменная терраса и люди вынуждены были селиться ближе к воде.

С пойменным аллювием второй террасы связаны известные нам ранние стоянки литовского палеолита. Правда, часто инвентарь стоянок обнаруживается на русловом аллювии, т. е. на слое лимонизированного гравия, что объясняется действием эоловых сил: песок был унесен ветром, а изделия, находившиеся в нем, осели на гравий. Слой, характерный для аллерёда, сохранился только там, где сложились исключительно благоприятные условия — явление редкое, однако все же встречающееся как в стоянках Литвы, так и в стоянках других стран приледниковой Европы.

Одним из наиболее характерных примеров этому может служить стратиграфический разрез стоянки Эйгуляй 1А (пригород Каунаса) на второй надпойменной террасе р. Нярис. Слой, в котором обнаружены находки, был сильно ортштейнированным и пятнистым. Над ним лежали песок и дерн (рис. 21). Под культурным слоем залегал слой песка разной зернистости с косыми полосами ортштейна. Верхняя и нижняя линии этого слоя были довольно четко разграничены тонкими прослойками ортштейнированного песка. Такие же косые прослойки слабо ортштейнированного песка разной зернистости имелись и под культурным слоем, относящимся к концу аллерёда, на стоянке Шилялис 2 (Каунасский р-н), расположенной на второй надпойменной террасе Немана.

Характерно, что подобное явление наблюдалось и в стоянках-мастерских комплекса Эжяринас (Алитусский р-н), находки которых относились уже к позднему дриасу. Они лежали в песке третьей надпойменной террасы Немана. Под слоем песка, на глубине около 1 *м*, обнаружена прослойка несколько гумусированной земли (аллерёда?). Рядом со стоянками, где первобытные охотники добывали кремень, имелись насыпи, состоявшие из слоя песка толщиной 60—80 *см*, нанесенного ветром, и камней, среди которых встречались мелкие обломки кремня (крупный кремень, по-видимому, был выбран и употреблен людьми, жившими на стоянках или приходившими сюда за кремнем). Под гравием опять начинался песок, переходивший в слой мелкого ортштейнированного галечника с очевидными косыми следами оползня. Эти слои существовали уже тогда, когда здесь останавливались люди, приходившие за кремнем, в период, последовавший за аллерёдом, когда указанные наслоения аллювия бывшего русла и поймы находились под толстым слоем песка. Ясно и то, что люди здесь останавливались до наступления бореального периода, потому что в силу термокарстовых процессов некоторые участки террасы провалились и на них образовались небольшие песчаные дюны, частично покрывшие ранее существовавшие стоянки.

Итак, хотя находки периода аллерёда в Литве обычно встречаются в песке, геоморфологическое изучение лежащих ниже слоев может дать важные данные, способствующие уточнению датировки палеолитических стоянок. Дело в том, что слои, залегающие под культурным слоем стоянок аллерёда, встречаются также в стоянках, расположенных в Северной Европе и даже несколько южнее[1]. Надо полагать, что и в Литве указанные слои образовались в сходных условиях. Все эти, хотя и немногочисленные, стратиграфические данные могут послужить источником для некоторых обобщений.

Когда таяние ледника приостановилось, до Литвы докатилась новая волна похолодания — верхний дриас. По сравнению с аллерёдом в этот период в растительном покрове уменьшилась доля сосны и древовидной березы. На смену этим породам, как свидетель-

[1] Так, например, в стоянке Витов (Польша) аллерёдский слой лежал на слое, четко очерченном по краям и состоявшем из косых прослоек и коричневых пятен (Chmielewska, Chmielewski, 1960, стр. 133—141). То же самое наблюдалось и в стоянке Риссен вблизи Гамбурга, где аллерёдский слой с находками позднего мадлена лежал над среднедриасским слоем, содержащем косые прослойки (Schwabedissen, 1954, 35, илл. 20, табл. 106[6]).

ствуют данные споровопыльцевого анализа (Seibutis, Sudnikavičienė, 1960, стр. 346; Кабайлене, 1965, стр. 150), вновь пришли кустарниковые виды березы, полярная ива, травянистые растения. Физико-географические условия в верхнем дриасе благодаря более развитому растительному покрову были благоприятнее для жизни людей, чем в среднем и, особенно, в нижнем дриасе (Gudelis, Kabailienė, 1958).

Балтийское ледниковое озеро имело в верхнем дриасе уровень воды примерно на 6—8 *м* выше современного (Gudelis, 1955; Basalykas, 1965). Таким образом, базис эрозии в то время был значительно выше, чем в аллерёде.

Судя по геохронологическим и радиоуглеродным данным, поздний дриас продолжался около 860—880 лет[1].

Для определения стратиграфии позднедриасовых стоянок важное значение имеют данные о формировании отложений. К тому времени в основном прекратилось формирование отложений органического происхождения, а на их месте стали накапливаться различные минерогенные образования. Шли процессы обнажения и эрозии, причем в бассейне Немана эрозию усилила новая волна тектонического поднятия (Gudelis, 1958, стр. 87). В совокупности все эти признаки способствуют датировке культурных слоев литовских палеолитических стоянок. На основе тех или иных признаков мы можем отнести эти стоянки ко времени, предшествовавшему позднему дриасу, или к позднему дриасу.

Наиболее характерные отложения позднего дриаса — глины — наблюдаются в большинстве стоянок. В тех случаях, когда материала для пыльцевого анализа было недостаточно, Г. Гросс определял возраст костяных находок, обнаруженных на территории современной Калининградской области, по расположению их относительно дриасовых глин. Таким способом были датированы и роговые наконечники, найденные в К а л ь н и ш к я й (пригород Клайпеды; см. стр. 20).

В случае оползней дриасовые глины иногда смешивались со слоями второй надпойменной террасы. Примером этому может служить стоянка Эйгуляй 1D (пригород Каунаса), находившаяся на второй надпойменной террасе р. Нярис. Расположение слоев в этом случае было следующим: наверху темно-серый лесной песок толщиной 20—25 *см*, прикрытый дерном; под ним — довольно светлый переходный слой 10—20 *см* и культурный слой эпохи бронзы 10—30 *см;* ниже — сильно ортштейнированный песок, в котором (на краю стоянки) наблюдались тонкие волнообразные прослойки суглинка (20—70 *см* ниже верхнего серого культурного слоя). Между слоями найдены сильно патинизированные находки свидерского типа. Число прослоек на площадке неодинаково, а в восточной части раскопа они отсутствовали вовсе (рис. 29).

Расположение слоев свидетельствует о том, что находки стоянки Эйгуляй 1D, относящиеся к додриасовому периоду, были сдвинуты с верхних террас оползаниями глины. Так как оползни затронули лишь западную часть стоянки, находящуюся ближе к реке, можно предположить, что во время сползания глины стоянка, особенно восточная ее часть, уже была занесена песком. Вследствие этого процессы эрозии затронули лишь один ее край. Отсюда видно, что стоянка Эйгуляй 1D существовала на второй надпойменной террасе задолго до наступления позднего дриаса. К тому времени большая часть ее была покрыта настолько толстым слоем песка, что сползавшая сверху глина не смогла увлечь его за собой.

Исходя из изложенного, следует делать вывод, что условия для возникновения стоянок на второй террасе были неблагоприятными. Поэтому в позднем дриасе (или, во всяком случае, в первой его половине) люди предпочитали селиться выше — на третьей террасе. Воду они брали из мелких притоков, а не у заболоченных берегов крупных рек. Вот почему стоянки, которые по инвентарю должны вроде бы относиться к периоду, более позднему, чем аллерёд, мы находим на песчаных мысах верхних террас. Особенно отчетливо это проявляется там, где на разных уровнях обнаруживаются стоянки различных периодов. Примером этому могут служить группы стоянок Эйгуляй 1A-D и Шилялис 2 — Раудондварис.

В Эйгуляй 1, кроме упомянутой уже стоянки 1D, имеются палеолитические стоянки А и В (рис. 3), обе на второй надпойменой террасе р. Нярис, но на разной высоте. Существовали они в разное время, но в пределах одного периода — в конце аллерёда. В то же время восточнее стоянки D, на третьей террасе, находилась стоянка С, в инвентаре которой проступают черты, характерные более позднему времени.

Стоянка Ш и л я л и с 2 (Каунасский р-н; рис. 4), хотя и не принадлежит к тому типу, что стоянки Эйгуляй, но по некоторым элементам инвентаря (см. стр. 59) может быть синхронизирована со стоянками Эйгуляй 1А, В, D. Находится она на краю второй надпойменной террасы Немана. Почти рядом, на краю третьей террасы, обнаружена стоянка Раудон-

[1] Начало поднего дриаса датируется по-разному: 10770±300, 10830±200, 10834±185 лет от нашего времени. Конец позднего дриаса датируется как 10300±350 лет (Ютландия) и 10263±350 лет (Англия). Итак, время позднего дриаса лежит приблизительно между 8800 и 8000 гг. до нашей эры (Gross, 1958, стр. 180—181)

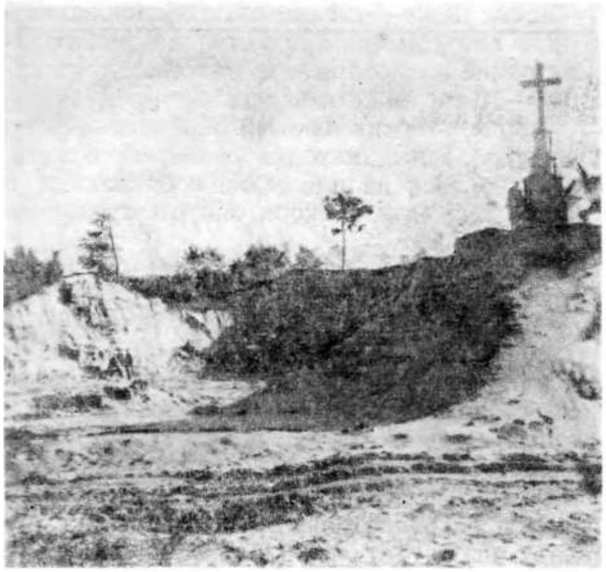


Рис. 3. Вид стоянки Эйгуляй 1В

Рис. 4. Вид стоянки Шилялис 2

дварис, которая по инвентарю может быть сопоставлена со стоянкой Эйгуляй 1С.

Стоянки периода дриаса, находящиеся на высоких песчаных берегах, никогда не бывают перекрыты слоями глины; они не переотложены. И только позже, под действием денудационных процессов инвентарь этих стоянок иногда оседал и оказывался в более глубоких слоях, перемешанных с гравием.

Опасаясь оползней верхних террас, люди позднего дриаса зачастую селились дальше от береговых обрывов. Несколько сот метров или даже километр от реки — расстояние довольно обычное для месторасположения стоянок этого времени. Позже эти места уже не привлекали новых поселенцев, и здесь сохранялся однородный инвентарь. Примером такой ситуации может служить стоянка позднего дриаса П у в о ч я й (Варенский р-н), которая сейчас находится на расстоянии около 1 *км* от р. Мяркис, или же группа стоянок Эжяринас, удаленная на 500 *м* от Немана, либо группа стоянок М и т р и ш к е с (Варенский р-н), удаленная на 1,5 *км* от речки Дярежнича и примерно на столько же от р. Мяркис.

Наряду с этим следует отметить и некоторые случаи обнаружения стоянок позднего дриаса на берегу террас, нередко служивших местом для поселения и в последующие периоды увлажнения (во времена литориновых трансгрессий). Там, где верхние, поздние культурные слои сохранились непотревоженными, они по цвету явно отличаются от дриасового слоя. Так, например, в стоянке Р а у д о н д в а р и с (Каунасский р-н) над слоем песка с палеолитическими находками лежал коричневатый ортштейнированный песок с находками позднего мезолита (времен второй литориновой трансгрессии), а над ним, в свою очередь, — слой почвы с находками раннего железного века. Все это покрывалось песком и дерном.

Во второй половине позднего дриаса оползание береговых глин приостановилось. На второй надпойменной террасе снова началось отложение песка и вместе с этим создавались условия для ее заселения. Примером этому может служить стоянка Н я т е с а й I (Варенский р-н), расположенная на мысу у Немана, там, где в него впадает речка Нятеса, на высоте 14 *м* над современным уровнем реки (рис. 72, 73). Палеолитические находки лежали здесь в слое белого песка, под которым залегали небольшие прослойки суглинка и глины, местами довольно явно ортштейнированные, по-видимому, относящиеся к началу позднего дриаса. Пески, образовавшиеся над ними, привлекли людей сюда в конце позднего дриаса. В дальнейшем, во времена пребореального и бореального периодов, место бывшей стоянки подверглось воздействию ветра, и ее окраина, расположенная ближе к Неману, обнажилась вплоть до упомянутого слоя глины, тогда как стоянка, находившаяся дальше от реки, осталась покрытой песком. Во времена максимальной (II) литориновой трансгрессии это место вновь заселили люди. Поэтому-то на береговой окраине стоянки мы находим инвентарь времен дриаса, перемешавшийся с мезолитическими находками, а дальше от нее, над прослойками дриасовой глины, лежит слой белого песка с палеолитическими находками, а уже над ним — слой почвы с находками позднего мезолита.

Изложенное позволяет определить некоторые общие черты месторасположения стоянок позднего дриаса, существенные для датировки палеолитических стоянок и определения границы между палеолитом и мезолитом.

Итак, в холодном климате начала позднего дриаса, когда на второй надпойменной терра-

се накоплялись глина и суглинок, стоянки возникали на песчаных площадках мысов третьей надпойменной террасы. Позже, под воздействием денудационных процессов, стоянки обнажились вплоть до слоев гравия-песка.

В конце дриаса, когда климат стал теплее и суше и все сильнее давали себя знать эоловы процессы, сползание глины с верхних террас прекратилось, и люди стали селиться на второй надпойменной террасе, где к тому времени над оползнями глины образовался слой песка.

Таким образом, в стратиграфии и топографии палеолитических стоянок Литвы имелся ряд вариантов, соответствующих разным отрезкам позднего палеолита.

2. ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ГРУППЫ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТВЫ

Значительное изменение климата в аллерёде создало условия для постоянного заселения современной территории Литвы. Миграция северных оленей дальше от тепла вынудила общины охотников приледниковой Европы следовать за ними. Многие из общин, пришедших в это время в Литву, были этнически близки друг другу и вместе с тем друг от друга существенно отличались.

Основная область внешнего культурного влияния на Литву в период аллерёда осталась та же, что и во время бёллинга, однако само влияние стало значительно интенсивнее. Для аллерёда и позднего дриаса характерно не только перемещение отдельных групп первобытных охотников, но и сложные явления расселения культур и их взаимодействия.

Общие черты, характерные для отдельных памятников, позволяют объединять их в группы, однако при этом следует учитывать и определенные различия внутри групп как в хронологическом, так и в культурном отношении.

В Литве того времени можно выделить два основных типа культур: прибалтийскую группу мадленских культур и группу свидерских культур.

А. ПРИБАЛТИЙСКАЯ ГРУППА МАДЛЕНСКИХ КУЛЬТУР

В Средней Европе культурные группы мадлена существовали уже тогда, когда южную и восточную Прибалтику еще покрывали ледники. Поэтому-то в Прибалтике встречаются памятники лишь последних — V и VI — ступеней мадлена, имевших в аллерёде и позднем дриасе очень широкое распространение*.

В развитии мадленской культуры в Европе мы наблюдаем два течения. На западе для мадлена был характерен широкий наконечник стрелы с суженным черешком, с некоторыми чертами солютрейского и ориньякского типа. В других областях был известен только простой, прямой наконечник с притупленной спинкой, изготовленный из ножевидной пластинки и унаследованный от граветных культур. Первое течение в Западной Европе называют мадленом VI (Breuil, Lantier, 1959, стр. 188—189), второе — получило название «перочинного ножа» („Federmesser") (Schwabedissen, 1951, стр. 152—165; 1954).

В Восточной Европе тоже наблюдались два течения — одно с наконечниками дротиков, унаследованных от стоянок типа Костенок — Авдиево, второе — только с узкими ланцетовидными наконечниками и кремневыми вкладышами (Формозов, 1959, стр. 51—66).

В Центральной Европе (в большей части это территория современной Польши) культура первой группы (наконечники с черешком) представлена изделиями, ясно связанными с пережитками солютре (мазовшанский цикл — свидерская культура), а вторая (наконечники в виде перочинного ножа) отражена такими памятниками, как Машицка, пещера Мамутова — начало мадлена, а также Витув и Тарнова — конец мадлена.

Западноевропейская культурная группа распространялась на южную, западную и восточную Прибалтику. Восточноевропейское влияние на Прибалтику столь значительным не было.

Разнообразие мадленских культур привело к тому, что некоторые западноевропейские ученые склонны считать мадленом только вторую группу — «Federmesser», связанную с ранними фазами мадлена. Гамбургскую, аренсбургскую и другие фазы первой группы те же ученые считают отдельными самостоятельными культурами, полагая что их не следует причислять даже к локальным разновидностям мадлена (Schwabedissen, 1951, стр. 152—153).

Однако прибалтийские культуры имеют несомненный мадленский характер и генетически связаны между собою, что позволяет объединить культуры, существовавшие по берегам Балтийского моря, под общим названием прибалтийского мадлена. Тем самым будет отмечена и генетическая связь этой группы с пережитками ориньяка, в противоположность

* Напр., стоянка ла Ваш о Нио (La Vache aux Niaux), мадлен V—VI ступени, датируется по C^{14} 9700±200 г. до н. э. (Gross, 1958, стр. 178).

свидерской культуре, косвенно связанной с пережитками солютре.

Название «Прибалтийский мадлен» выражает и эпоху, и культурную принадлежность. Разнообразие подгрупп мадлена, существовавшее в Прибалтике, является одним из главных признаков конечной фазы мадлена периода аллерёда. В Литве найдено значительное число мадленских в этом смысле стоянок, распространенных почти по всей ее территории. В культурном отношении они объединены некоторыми общими чертами, связывающими их в одну хронологическую группу. Памятники встречаются на второй и третьей надпойменных террасах крупных рек и на высоких берегах некоторых озер. В большей части это следы небольших кратковременных стоянок, основанных в таких местах, которые позже не подвергались заселению. Чистые комплексы изделий, обнаруживаемые в таких стоянках, позволяют довольно ясно определить характер мадленских культур в Литве и проследить их связь с мадленом Западной и Восточной Европы.

1) Наиболее характерные стоянки прибалтийского мадлена в Литве

В период аллерёда и позднего дриаса в юго-западной Прибалтике сложилось значительное число отдельных культурных групп (Taute, 1968), кремневый инвентарь которых более или менее близок инвентарю мадлена VI Западной Европы, т. е. классическому мадлену. В культурных группах удается выделить подгруппы и выявить несколько этапов развития. Объединяющим признаком для всех их является широкий наконечник стрелы с черешком, ретушированный только с лицевой стороны. Он бывает довольно крупным (как в стоянках группы Бромме-Люнгбю) или совсем маленьким (наподобие встречающихся в стоянках Аренсбургского типа). Скребки и резцы в большинстве широкие и короткие, нуклеусы имеют пирамидальную или лодкообразную форму. Характерно появление микролитов негеометрических форм.

Литовские стоянки не поддаются столь четкой классификации, как, например, шлезвиг-гольштейнские. Конечно, они в чем-то различаются, но общих черт у них настолько много, что эти различия, по существу, нивелируются.

В настоящее время в Литве известно значительное число стоянок, комплекс кремневых изделий которых связывает их с мадленом юго-западной Прибалтики. Судя же по отдельным находкам в стоянках с перемешанным инвентарем, число мадленских стоянок должно быть больше, чем их известно (рис. 5).

Одной из наиболее ярких и однородных по инвентарю является стоянка В и л ь н ю с, обнаруженная на западной окраине столицы Литвы,

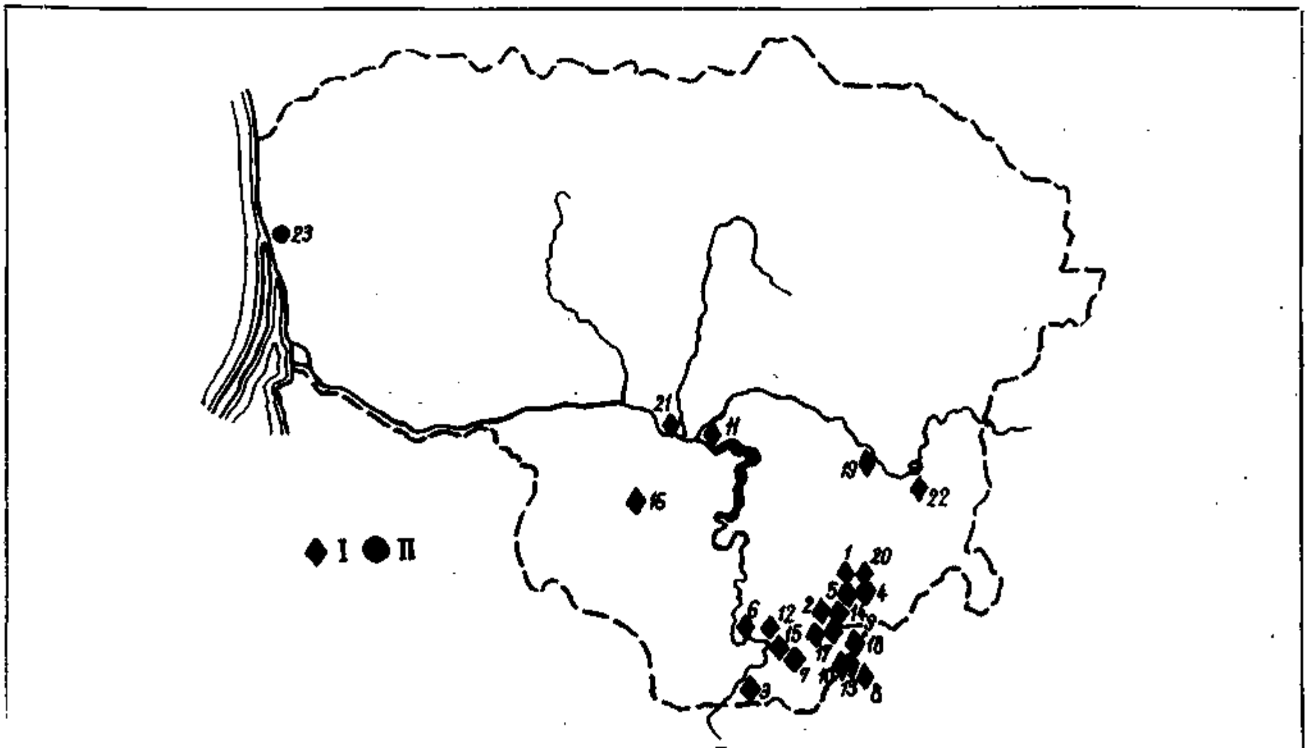


Рис. 5. Распространение прибалтийско-мадленских стоянок в Литве:

I — стоянки с кремневыми орудиями: 1. Бабришкес, 2. р. Дярежнича, 3. Друскининкай, 4. Дуобупис, 5. Эжярекай, 6. Эжяринас, 7. оз. Глинас, 8. Грибаша и оз. Дуба, 9. оз. Ильгис и Мяргяжярис, 10. Кашетос, 11. Каунас, 12. Максимонис 13. Маргяй (Сала), 14. Мяскаука, 15. Мяркине, 16. Няндриняй, 17. Пярлоя, 18. Прауда, 19. Пугайняй, 20. Смальнинкай, 21. Шилялис, 22. Вильнюс. II — местонахождение костяных изделий: 23. Кальнишкяй.

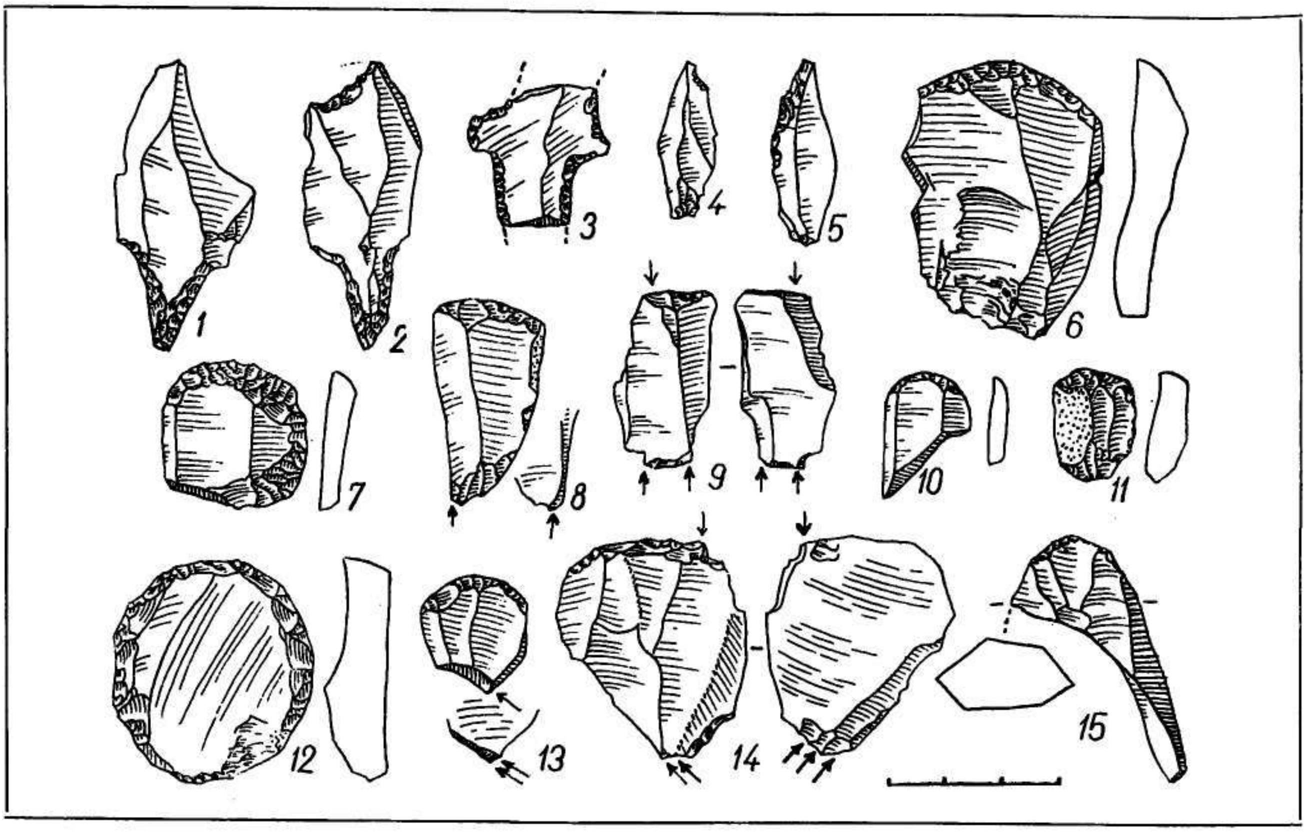


Рис. 6. Орудия стоянки Вильнюс

на территории городской теплоэлектроцентрали № 2. По существу, это комплекс из шести отдельных небольших стоянок (гнезд), расположенных на берегу третьей надпойменной террасы р. Нярис. Самыми характерными из них являются стоянки 1 и 4; там найден наиболее богатый инвентарь (рис. 6). В остальных четырех стоянках наряду с отщепами найдены лишь отдельные изделия, относящиеся к тому же комплексу.

Все находки изготовлены из местного серого кремня (большинство — из крупных ножевидных пластин, имеющих по несколько граней) и покрыты толстой белой или голубоватой патиной. У всех изделий ретушь крутая, насенная по краям. Наконечники стрел — двух типов. Первый тип — широкие наконечники, с коротким, чаще всего остроконечным черешком (рис. 6, *1, 2*). Больше всего их обнаружено в стоянке 1. Второй тип — ножевидные маленькие наконечники неправильной формы (рис. 6, *4, 5*). Помимо их, обнаружено несколько негеометрических микролитов.

Большинство скребков (рис. 6, *6, 7, 10—12*) во всех стоянках Вильнюса — короткие, иногда круглые. Продолговатых скребков мало, и то лишь в стоянке 1. Кроме того, найдено несколько неправильных скребков, изготовленных из случайных отщепов.

Резцов (рис. 6, *8, 9, 13, 14*) много. Меньшую часть из них составляют серединные клиновидные. При этом ретуширована только та часть орудия, которую держали рукой. Большой процент составляют угловые резцы, рабочий угол которых образован путем скола и ретуши или только сколом. Немало в находках двухконечных резцов, а также комбинированных со скребками или скобелями.

Скоблей здесь больше, чем в других стоянках этого типа; ретушированных пластин — мало. Большинство их лишь слегка тронуто ретушью; только у одной пластины край отретуширован наподобие зубцов пилы. Значительно больше обнаружено ретушированных отщепов, в особенности маленьких неправильных кусочков, обработанных кое-где наподобие скребка или скобля.

Нуклеусы (рис. 6, *15*) в большинстве мелкие, неправильной формы, иногда в разрезе представляющие трапецию или прямоугольник. Некоторые из них ретушированы по краям. Возможно, они использовались как орудия труда. Известны и пирамидальные одноплощадочные нуклеусы.

Как уже указывалось, стоянки этой группы не велики. Площадь стоянки Вильнюс 1 не достигает 300 $м^2$, а размеры остальных четырех — менее ста метров. Кстати, небольшими

были и другие известные нам мадленские стоянки Литвы. Среди них следует упомянуть кратковременную стоянку Ильгис (деревня Мяргяжярис, Варенского р-на), обнаруженную на склоне высокого, северного берега озера того же названия. Склон спускается к перешейку, соединяющему озера Ильгис и Жежулис. Находки, обнаруженные в маленьком скоплении, покрыты толстой беловатой патиной.

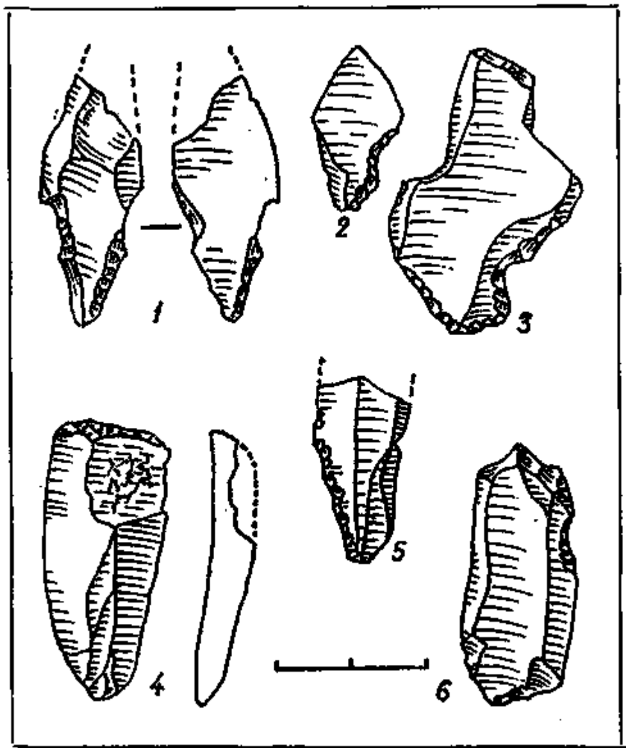


Рис. 7. Орудия стоянки у оз. Ильгис I

Их составляют (рис. 7) два небольших, широких, не совсем правильных наконечника, вертикально ретушированных то с брюшка, то со спинки. Кроме них, найден черешок неправильного ножевидного наконечника, обработанный по краю со спинки, а также продолговатый скребок и два ретушированных изделия неизвестного назначения (одно из них, возможно, употреблялось как резец).

В нескольких километрах к востоку от Ильгис обнаружена еще группа стоянок мадленского типа: небольшие скопления в обширных песках Митришкес (Варенский р-н) между речкой Дярежничя и поселком Варена I. Пески сейчас находятся приблизительно в 1,5 *км* севернее речки, на верхней террасе, поднятой на 15 *м* выше современного уровня воды. В песках расположено несколько чисто мадленских скоплений, среди которых следует отметить стоянку Митришкес 6а в северной части песков. Все немногочисленные изделия (рис. 8) покрыты синевато-белой патиной. Среди них имеются образцы основных типов изделий прибалтийского мадлена: два наконечника, черешки которых попеременно ретушированы то с лицевой стороны, то со спинки (один из них, по-видимому, неоконченный, сломанный). Характерными следует считать две пластины со скошенными ретушированными остриями. Найдены 3 отщепа с ретушью, нане-

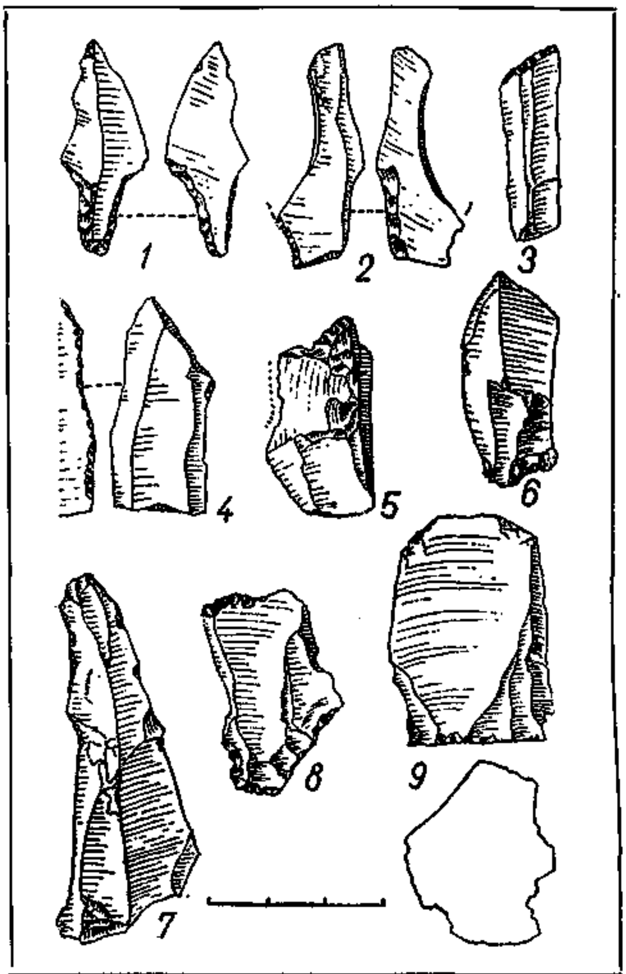


Рис. 8. Орудия стоянки Митришкес 6а

сенной с целью употребления их в качестве орудий какого-то специального назначения. Нуклеусы небольшие, напоминающие конусообразные, однако обычно обиты с разных сторон, края скола сильно отжаты. Такие же нуклеусы, покрытые толстой белой патиной, обнаружены неподалеку, в гнездах Митришкес 6в и 6с.

Следует упомянуть еще несколько стоянок, находящихся в тех же песках, но имеющих перемешанный разнообразный инвентарь, в котором встречаются мадленские наконечники. Такова, например, стоянка Митришкес 6с,

расположенная в южном конце песков. В ней обнаружены изделия разных периодов, в большинстве — мелкие, поздние, не тронутые патиной микролитические. Выделяется один мадленский наконечник, покрытый толстой белой патиной (идентичный наконечнику из стоянки Ильгис 1), с острым, но толстым черешком и вертикальной ретушью, характерной для находок мадленского типа.

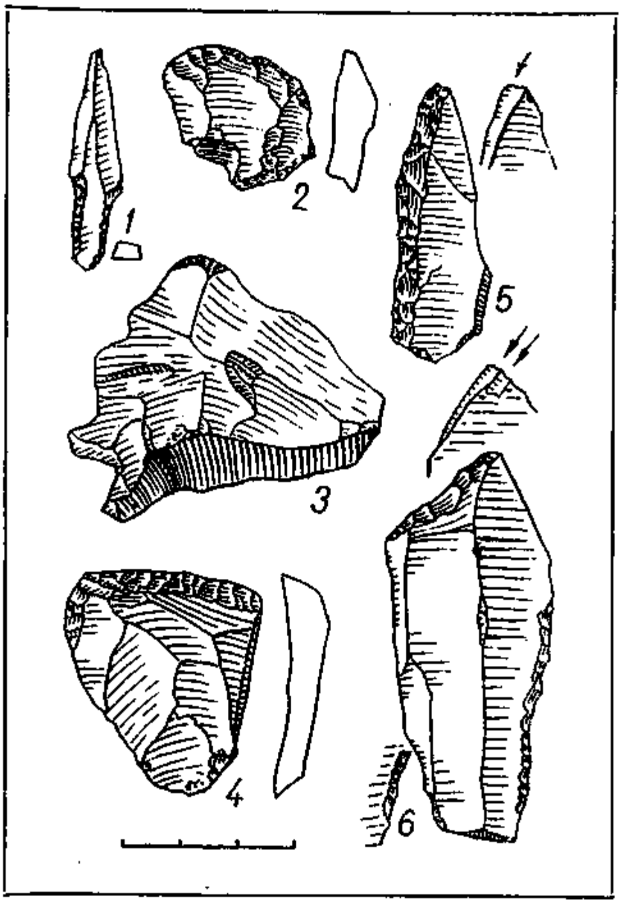


Рис. 9. Орудия стоянки Маскаука 6

Подобные изделия, также покрытые беловатой патиной, обнаружены и в стоянке Митришкес 6в. Среди них — обломок наконечника, подобного наконечникам стоянок Вильнюс. Перо его широкое, ретушь вертикальная, нанесенная по краям острого черешка, имеющего вид шипа. Кроме того, здесь найдены скребок с отжимом, а также короткий широкий скребок с лезвием, скошенным в одном краю, хорошей работы, с коркой и толстой патиной.

К северо-востоку от стоянок Митришкес, на песчаной площадке в лесу, на высоком берегу, отдаленном от реки Мяркис, обнаружена относящаяся к тому же типу стоянка С м а л ь н и н к а й. Все находки, покрытые толстой синевато-белой патиной, представляют собой один комплекс. К сожалению, типичных изделий мало — только часть одного наконечника, очень близкого наконечнику Ильгис — с вертикальной ретушью на лицевой стороне по краям шипообразного черешка и по одному краю пера наконечника.

В 10 *км* к северо-западу от Смальнинкай найдены следы мадленских стоянок-гнезд Б а б р и ш к е с 4в и 4d (Варенский р-н). Они также находятся на верхней террасе р. Мяркис и удалены от современных берегов речки Варене. Инвентарь стоянки 4в составляют: черешок мадленского (?) наконечника, продолговатый угловой резец, площадка нуклеуса, ретушированная пластина, а также пластины и отщепы. Стоянка Бабришкес 4в содержала перемешанный инвентарь нескольких периодов (палеолита, позднего неолита или даже бронзового века). Мадленские находки здесь были такие: наконечник из длинной пластинки, косой ланцетовидный наконечник, скобель-резец, скребок, ретушированные, а также лишенные ретуши пластины и отщепы.

Помимо названных выше, имеется группа стоянок, во многом близких к ним, но отличающаяся формой наконечников — они имеют здесь не только широкое перо, но и широкий толстый черешок, часто с бугорком скола. Несколько крупнее и другие изделия этих стоянок.

Мадленский наконечник с широким черешком найден в стоянке М а с к а у к а 6 (Варенский р-н), находящейся в 3 *км* южнее поселка Варена I. Это отдельное небольшое скопление, расположенное высоко над рекой Мяркис, на противоположном от нее склоне. Все находки здесь покрыты толстой белой патиной и ретушированы вертикальной ретушью, характерной для мадлена. Комплекс изделий состоит (рис. 9) из наконечника стрелы с вертикальной ретушью по краям и двух серединных резцов, ретушированных также по краям. Ретушь меньшего из резцов очень крутая. По-видимому, он употреблялся и как скобель. Хотя нуклеусы в Маскауке 6 не обнаружены, о них можно судить по найденной боковой пластине: они были низкими, широкими, одноплощадочными. Сама пластина ретуширована по вершине и служила скребком (рис. 9, *3*).

Очень сходный инвентарь обнаружен на стоянке М я р г я ж я р и с 8, расположенной на низком холме у южного конца болота Мяргяжярис, в 10 *м* выше современного уровня воды. Там, где болото сужается, холм образует мыс. Как раз на нем и были две стоянки разных периодов. На вершине найдены мелкие изделия позднего неолита. На склоне — изделия, покрытые синеватой и белой патиной (рис. 10). Среди них наконечник стрелы (рис. 10, *1*), очень близкий наконечнику из Маскауки 6

(рис. 9, *1*) — довольно узкий, с толстым, очень круто ретушированным черешком. Четыре обнаруженных здесь резца (рис. 10, *3—6*) очень сходны друг с другом и близки резцам Маскауки так же, как и короткий, почти круглый скребок (рис. 10, *10*) и обломок второго крупного скребка. Этот комплекс дополняется продолговатым скребком (рис. 10, *9*) и обломком скобеля с вогнутыми лезвиями.

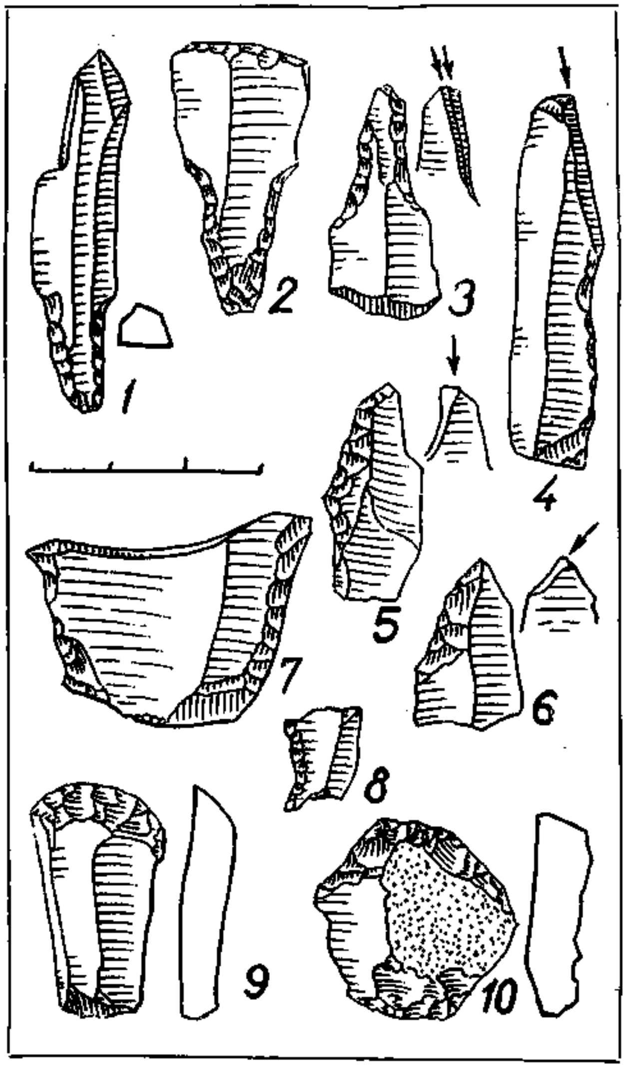


Рис. 10. Орудия стоянки Мяргяжярис 8

Аналогичной стоянкой, т. е. небольшим палеолитическим скоплением, является Дуобупис Iв (Варенский р-н). Она находилась в обширных, высоко расположенных песках у дороги, ведущей от речки Дуобупис в дер. Акмуо. Все изделия и отщепы в Дуобуписе, как и в Маскауке, покрыты толстой синевато-белой патиной. Среди находок — три, позволяющие отнести скопление к мадленской группе стоянок — наконечник с очень толстым черешком и вертикальной ретушью, короткий скребок и отщеп, судя по которому нуклеус должен был быть лодкообразным.

Иногда наконечники стрел бывают шире, чем мы описали, зачастую их черешки ретушированы не столь круто и часто, имеют бугорок на оборотной стороне черешка.

Характерными примерами стоянок чистого комплекса являются несколько стоянок-гнезд в Эжяринасе. Все они находились на дюнах третьей надпойменной террасы Немана.

К этой группе относятся находки из скопления Эжяринас 16, имевшего 10 *м* в длину и 6 *м* в ширину, найденные в неглубокой ложбине у остатков когда-то находившегося в этом месте вала гравия. Здесь обнаружено около 300 кремневых находок. Большую часть их составляют отщепы, что заставляет характеризовать ложбину как место кратковременной остановки людей, добывавших тут кремень. Другие изделия, хотя и немногочисленные (рис. 11) позволяют приблизить ее к типу прибалтийского мадлена. Мы имеем в виду почти симметричный наконечник с широким, ретушированным по краям черешком. Он, по-видимому, не окончен, потому что частично его покрывает кремневая корка. Характерен для этой группы стоянок и довольно крупный угловой резец со сколом и ретушью у рабочего угла. Нуклеусы большей частью неправильной формы, некоторые — одноплощадные или лодкообразные. Следует отметить овальные топорики, обитые со спинки наискось, наподобие нуклеуса.

По инвентарю этому скоплению близко и соседнее — Эжяринас 15 (рис. 12), удаленное от Эжяринас 16 на 40 *м*. Размер его — 9 *м* в длину и 5 *м* в ширину. Здесь обнаружено около 2500 отщепов и изделий. Некоторые из них покрыты тонкой патиной. Единственный наконечник (?) не имеет ярко выраженных характерных черт, но по своему типу приближается к наконечникам из Эжяринас 16. Скребки разнообразные — короткие и совсем маленькие. Здесь обнаружены и такие изделия, которые нельзя назвать типичными, например, широкая пластина с косо ретушированным концом, пластина, ретушированная по краям, скребок на конце короткой пластины. Резцы в большинстве клиновидные, среди них встречаются срединные и боковые. Найдено много макролитических изделий — отбойников, овальных топориков, нуклеусов, не использованных в работе. Для эжяринаских стоянок характерен скобель с перехватом, изготовленный из пластины с кремневой коркой на поверхности. Нуклеусы в большинстве одноплощадные.

Очень похожие изделия найдены и на стоянке Дярежнича 31, находящейся на северном склоне берега р. Дярежнича, к западу от

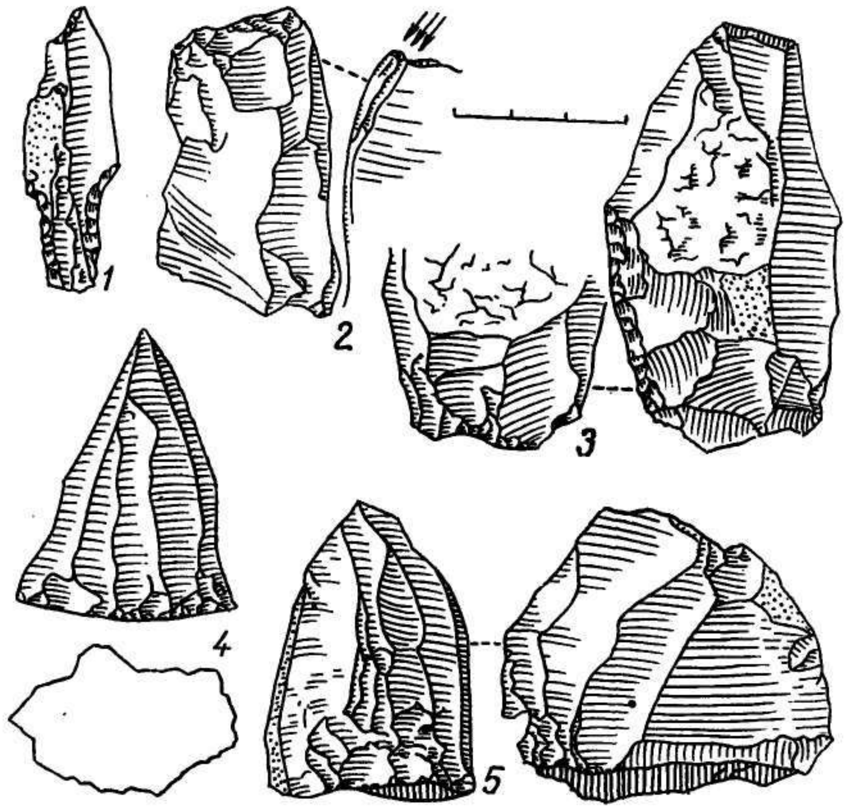


Рис. 11. Орудия стоянки Эжяринас 16

шоссейной дороги Варена I—Варена II (Варенский р-н), там, где речка и цепь небольших холмов поворачивают к северу. Находки обнаружены в выветренном песке разбросанными на значительном пространстве. Принадлежат они к разным периодам. Палеолитические орудия выделяются, кроме характерной формы, синевато-белой патиной, отсутствующей у более поздних находок. Среди палеолитических находок (рис. 13) следует упомянуть два коротких наконечника со слегка суженными черешками, а также отдельные ножевидные наконечники и несколько довольно крупных, почти круглых, небольших коротких скребков. Резцы боковые, явно выраженных палеолитических форм. Нуклеус один, не очень правильной формы, чуть ретушированный по боку.

Следы мадленской стоянки такого же типа — Дярежнича 6 обнаружены у той же речки вблизи бывшего железнодорожного моста. Большинство здешних находок относится к неолиту, однако наряду с ними обнаружены один широкий мадленский наконечник, покрытый толстой беловатой патиной, и два фрагмента ретушированных пластин (или ланцетовидных наконечников).

Третьим типом мадленских наконечников, обнаруженных на стоянках Литвы, является наконечник с боковой выемкой.

Немногочисленны, но интересны находки на стоянке у болота Глинас (Варенский р-н) — на вершине высокой дюны, на южном берегу болота. Наконечники, найденные здесь (рис. 14), покрыты толстой бело-синей патиной, ретушированы вертикальной встречной ретушью. Они и составляют, не считая нескольких неретушированных отщепов, главный инвентарь стоянки. Целым сохранился только один наконечник. Его черешок занимает большую часть всего изделия. Инвентарь дополняется простой широкой пластинкой с косо отретушированной верхушкой.

К этому типу принадлежит и несколько наконечников со стоянки Максимонис 1 (Варенский р-н) (рис. 15), обнаруженной на третьей надпойменной террасе Немана возле устья речки Страуя. Местность эта заселялась не раз, и поэтому находки здесь механически перемешаны и относятся к разным периодам и культурам. Среди находок выделяются однобокие наконечники стрел с вертикальной ретушью, покрытые толстой белой патиной. Дру-

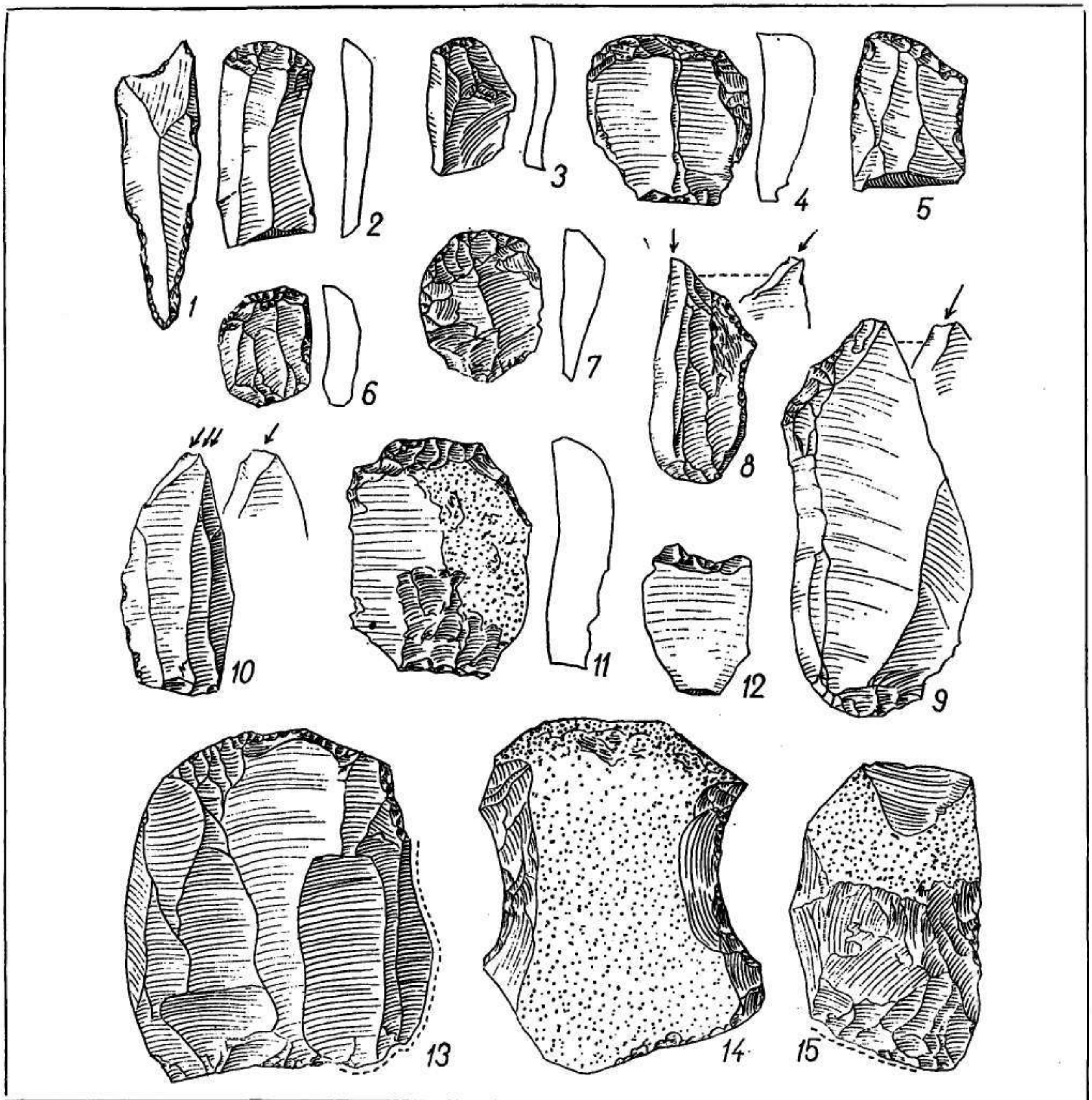


Рис. 12. Орудия стоянки Эжяринас 15

гие обнаруженные здесь изделия патины лишены. Топография позволяет утверждать, что холм у Страуи впервые обжит в позднем дриасе, так как расположен он значительно выше других стоянок.

Большое число стоянок прибалтийского мадлена на территории Литвы, хотя и небогатых, позволяет составить представление об их характере. К тому, что уже нами сказано о них, следует добавить сведения о старых музейных собраниях, в частности о коллекции В. Шукевича. Правда, отсутствие в ряде случаев точного паспорта его находок затрудняет их датировку, установление местонахождения. Чтобы определить место этих находок в хронологических и типологических рамках, мы можем пользоваться только сведениями, содержащимися в статьях Шукевича, и аналогиями, которые можно провести, опираясь на современный опыт исследований долины реки Улы, откуда происходят почти все находки Шукевича.

В коллекциях Историко-этнографического музея Литовской ССР имеются находки прибалтийского мадлена из трех местностей, расположенных по берегам р. Ула: деревни Каштос, Рудня и Грибаша (Варенский р-н).

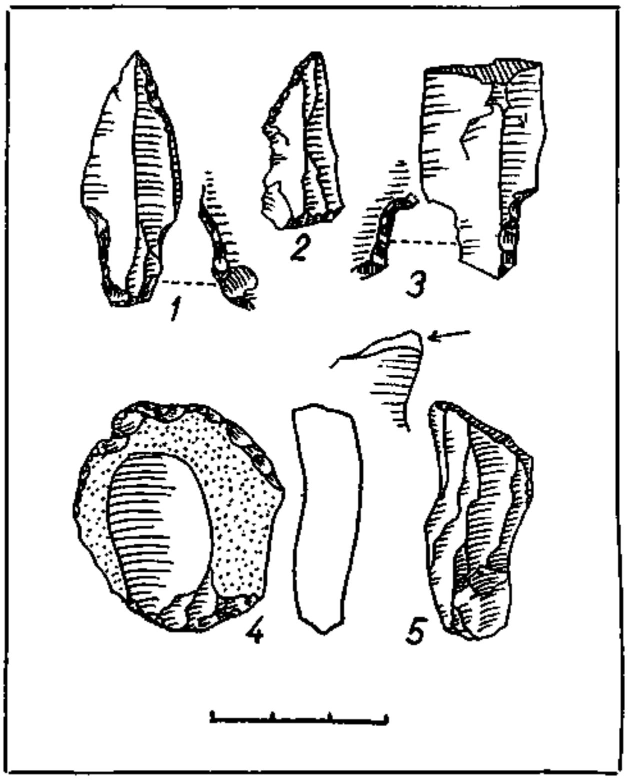


Рис. 13. Орудия стоянки у р. Дярежнича 31

Крупная коллекция из Каштос содержит находки, собранные в нескольких стоянках, существовавших в разное время. В своей обзорной статье (Szukiewicz, 1901, стр. 12) Шукевич упоминает пять местностей, где были обнаружены изделия каменного века: у озера

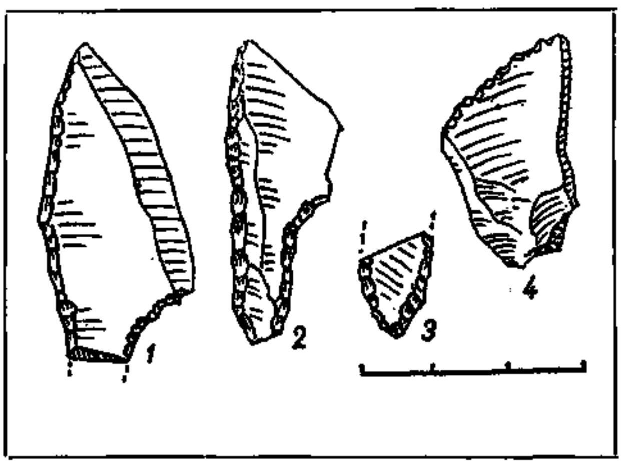


Рис. 14. Наконечники стрел стоянки у оз. Глинас 6

Мачюла, к западу от озера Малинюкас, на левом берегу р. Улы в Грандай, на правом берегу — в Гайджю-сала и Рачкунишкис. Шукевич писал, что все находки обнаружены им на второй террасе р. Ула.

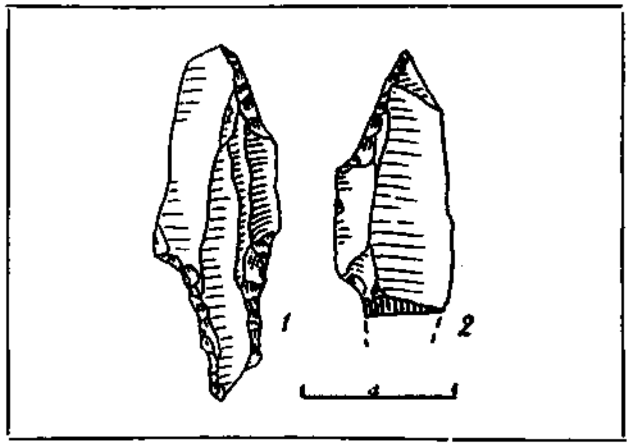


Рис. 15. Наконечники стрел с выемкой стоянки Максимонис 1

Позднейшие обследования указанных местностей (А. Бернотайте в 1953 и 1954 гг., К. Яблонскис в 1959 г.) позволили выделить здесь около 30 отдельных стоянок, но находки ранних типов (палеолитических и эпипалеолитических) были обнаружены лишь в нескольких из них. Представляет интерес стоянка Гайджю-сала на высоком песчаном берегу Улы, у южной оконечности озера Мачюла, где найдены боковой резец, покрытый синей патиной, и несколько таких же пластин. На северной оконечности оз. Мачюла, на верхней террасе, находилась стоянка 8. Здесь был обнаружен патинизированный скол с длинного нуклеуса и одноплощадный нуклеус, близкий к мадленским типам. Мадленские находки могли попасть в коллекцию Шукевича также и из стоянок № 2 и № 3. Стоянка 3 находится в отдалении от речного берега, на склоне террасы к западу от озера Малинюкас. Там найдено много разных (преимущественно малохарактерных) изделий, часть которых покрыта патиной. Значительно больше находок ярко выраженного мадленского типа (наряду с находками, относящимися к другим периодам) обнаружено в стоянке Вилькиню-Грандай. Среди них — сильно патинизированные короткие одноплощадные нуклеусы, тоже короткие неправильные скребки, маленькие пластины и одно изделие, очень близкое к проколкам мадленского типа.

Все это дает основание предполагать, что мадленские находки в коллекцию В. Шукевича могли попасть именно из этих трех стоянок.

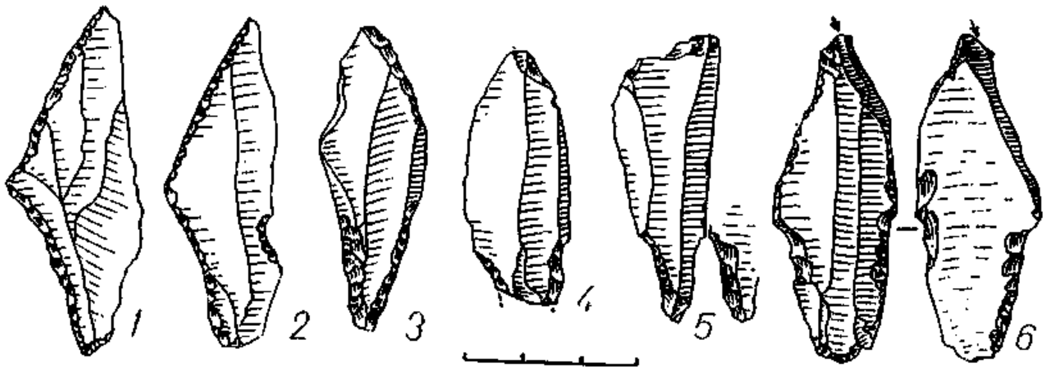


Рис. 16. Наконечники и резец прибалтийско-мадленского типа стоянок у пос. Кашетос

В коллекции из Кашетос прибалтийский мадлен (рис. 16) представлен наконечниками, зачастую по своей общей форме напоминающими свидерские типы, однако черешки их острые, а ретушь имеется только на лицевой стороне. Мадленских наконечников с широким черешком в коллекции очень немного. Все они покрыты толстой белой патиной. Правда, патина в коллекции Кашетос не может служить бесспорным критерием для определения возраста находок, поскольку ею покрыта часть изделий, относящихся и к позднейшим периодам. Кроме того, в упомянутой коллекции имеются и наконечники с боковой выемкой или близкие к таким; все они тоже покрыты толстой патиной. По патине и форме к этой группе следовало бы отнести и значительное число крупных длинных скребков, в большинстве довольно широких, затронутых ретушью по бокам. В коллекции имеются и крупные короткие кругообразные скребки с такой же патиной.

К мадленской группе принадлежат и два клювовидных изделия, родственных проколкам, покрытые толстой синевато-белой патиной. Есть также покрытые патиной резцы, имеющие ясно выраженные свидерские формы.

Вторая группа мадленских стоянок, представленная в коллекции В. Шукевича, располагалась у дер. Р у д н я (Варенский р-н). Позднейшие обследования (А. Бернотайте — 1954; К. Яблонскис — 1954, 1955, 1959; Р. Римантене — 1966) позволили выявить здесь 20 стоянок. Однако только в некоторых из них удалось обнаружить палеолитические (малохарактерные, лишь слегка напоминающие мадлен) находки, что не дало возможности с достоверностью уточнить место, где была собрана коллекция В. Шукевича. К тому же к нынешнему времени высокие берега реки здесь сплошь поросли лесом и лугами, что делает их обследование затруднительным.

В той части коллекции В. Шукевича, которая была собрана им у Рудни (рис. 17), имеются широкие наконечники с узкими черешками, очень близкие к инвентарю стоянки Ильгис. Есть в коллекции и наконечники с широкими

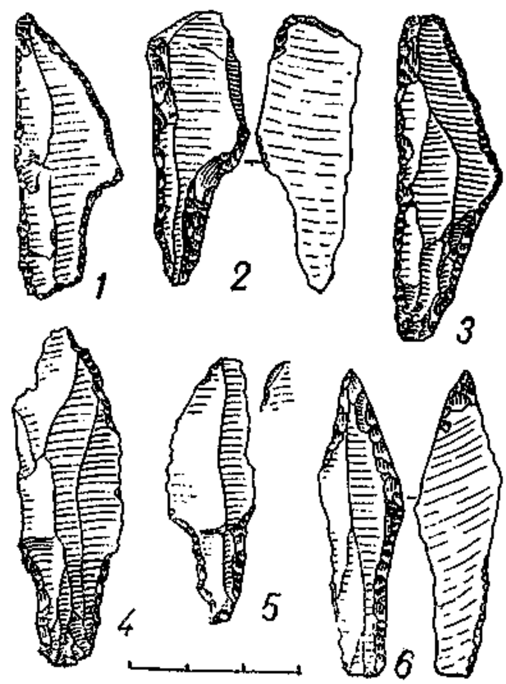


Рис. 17. Наконечники прибалтийско-мадленского типа стоянок у пос. Рудня

черешками, похожие на находку из стоянки Митришкес 6а, а также наконечники с боковой выемкой (рис. 17, *1—3*). К этой группе относится ряд длинных скребков с ретушью по краям и некоторые проколки с длинными, несколько вогнутыми остриями ретушированны-

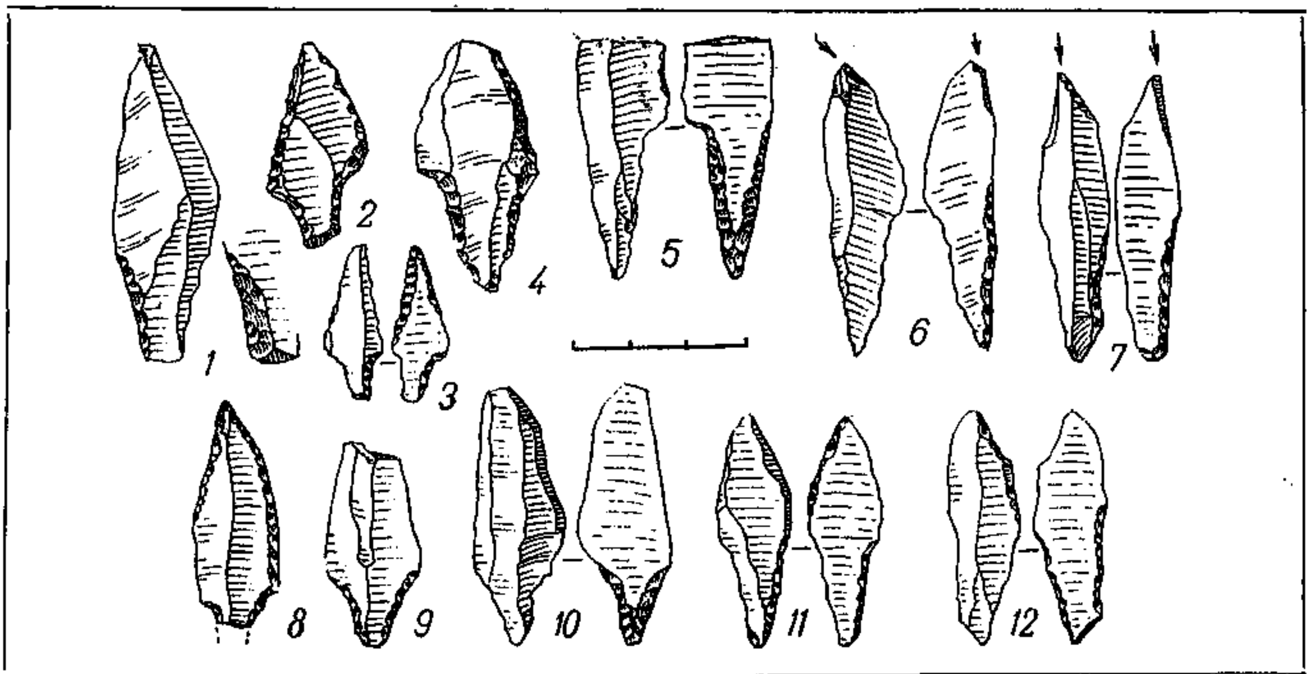


Рис. 18. Наконечники и резцы прибалтийско-мадленского типа стоянок у пос. Грибаша (*1—7*) и оз. Дуба (*8—12*)

ми вертикальной ретушью только с лицевой стороны. Все изделия ранних мадленских типов, хранящиеся в коллекции, покрыты патиной. Встречаются покрытые такой же патиной и короткие, почти круглые крупные скребки. Несомненно, что к стоянкам этой группы принадлежала и часть больших широких ретушированных пластин, которые иногда имеют косо скошенные и ретушированные верхушки.

Довольно много находок мадленских типов происходит из стоянок у озера Дуба[1], из местности, названной Грибаша.

В коллекции Грибаша (рис. 18, *1—7*) изделия мадленского типа выделяются толстой белой или голубой патиной. Таковы, например, три наконечника, длинный скребок, сходный по обработке с этими наконечниками, и одно орудие, представляющее собой удлиненную, несколько вогнутую проколку.

По всему близка находкам Грибаша и та часть коллекций В. Шукевича, которая у него отмечена под названием «озеро Дуба» (рис. 18, *8—12*). Судя по тому, что в описи коллекции стоянка под таким названием не значится, можно предполагать, что находки «озера Дуба» на самом деле были подняты на одной из указанных выше стоянок. Они покрыты белой или голубоватой патиной. Наконечники стрел ретушированы по краям со спинки, как и в коллекции Грибаша. Особенно близки к находкам из стоянки Грибаша наконечники с невыделенными широкими черешками. Напрашивается мысль, что и они принадлежат к инвентарю этой стоянки.

Другие наконечники, несколько отличающиеся патиной и формой, имеют более или менее выделенный черешок. Возможно, что они относились к инвентарю другой стоянки, близкой по времени к Грибаша. К ранней группе изделий относится и резец с толстой белой патиной и ретушью у вершины. Все сильно патинизированные скребки из этой коллекции невелики, удлиненны, обработаны вертикальной ретушью. Среди них имеются скребки с двумя рабочими концами. К этой же группе относится и проколка грубой работы с толстой белой патиной.

Говоря о стоянках, расположенных у озера Дуба, нельзя обойти молчанием ту часть коллекции Шукевича, которая имеет весьма неопределенный паспорт и связана с названиями рек Мяркис и Ула (рис. 19). Эти изделия отличаются очень хорошей обработкой. Среди них довольно много наконечников стрел мадленского типа, по форме и общему виду очень напоминающих находки, поднятые у озера Ду-

[1] В свое время озеро Дуба было самым крупным в бассейне рек Мяркис и Ула, однако уже в начале нашего столетия из-за заболоченности в нем осталось лишь 270 *га* открытой воды. В. Шукевич выделил у озера Дуба пять поселений каменного века. Некоторые из находок в его коллекции имеют соответствующий паспорт: «Сала», «Маргяй», «Крокшлис». Названия остальных двух мест не указаны. По всему видно, что из инвентаря упомянутых стоянок Шукевич выделил только некоторые находки, а остальные вместе с другими поместил под названием «Грибаша» и «озеро Дуба». Кроме того, ряд находок, идентичных находкам Грибаша, в коллекции имеют весьма неопределенное наименование — «с р. Мяркис и Ула».

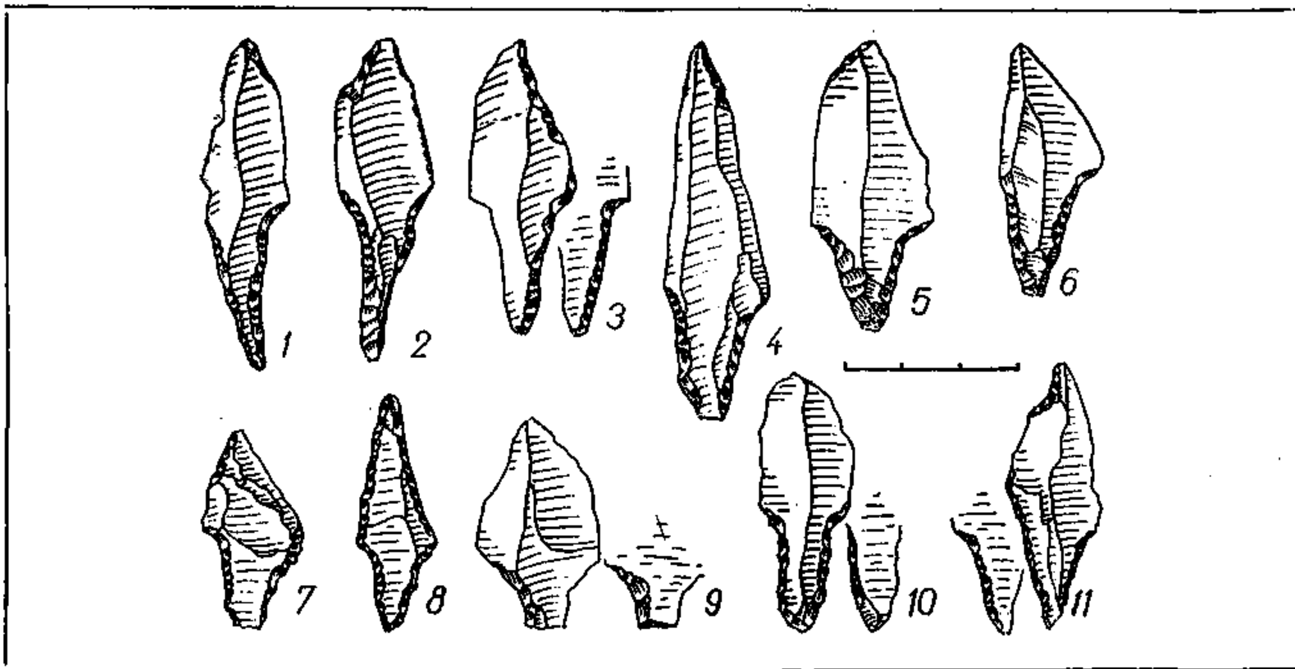


Рис. 19. Наконечники прибалтийско-мадленского типа стоянок над реками Мяркис и Ула

ба. Думается, что большая часть их происходит именно из указанной местности. Все они сделаны из широких неправильных пластин, ретушированы по краям черешка узкой вертикальной ретушью по одной или двум противоположным сторонам. Черешки их выделены по отношению к перу незначительно; иногда они довольно широки.

2) Общие черты мадленских памятников Литвы с памятниками соседних территорий

Для всех мадленских культур вообще характерны два вида изделий: кремневые и роговые — костяные. В Литве они должны были составлять тоже один комплекс. Однако трудность реконструкции такого комплекса заключается в том, что в стоянках сохраняются только кремневые изделия. Роговые же и костяные известны в Литве только как случайные находки. Поэтому ниже мы будем говорить об этих двух видах изделий палеолита раздельно.

В инвентаре различных мадленских стоянок Литвы можно подметить определенные своеобразия, позволяющие производить соответствующую их классификацию. Если за основу классификации брать наконечники стрел, то мы можем выделить три группы стоянок. Первую представляют стоянки Вильнюс, Ильгис, Митришкес 6а, где преобладают мелкие наконечники с острыми черешками и неправильные ланцетовидные. Ко второй группе следует отнести такие стоянки, как Маскаука 6, Эжеринас 16, Дярежничя 31, где наконечники стрел крупные, со сравнительно широкими черешками. Третью группу составляют стоянки, где найдены наконечники с боковой выемкой. Важно отметить, что два или три типа никогда не встречаются в одной и той же стоянке вместе (судя по стоянкам чистого комплекса).

Подобные группы изделий выделяются и в других областях Прибалтики.

Первая выделенная нами группа близка к стоянкам аренсбургского типа (Schwantes, 1934, стр. 77, илл. 73; Rust, 1958, илл. 31 : 10— —11), распространенным на южном побережье Балтийского моря. На западе аренсбургские наконечники распространены от Голландии до Одера (Taute 1968, карта 4). Восточнее современных территорий Литвы и Белоруссии такие находки в чистых комплексах не найдены.

Аренсбургский наконечник стрелы небольшой, обычно с выемками по обоим краям черешка, встречается на территории Литвы во всех упомянутых стоянках. Обычно он имеет ретушь лишь со спинки, черешок у него узкий и острый. Характерно, что рядом с ним на стоянках встречаются нижние части пластин (рис. 59, *9*; 60, *22*, *23*), которые, как это убедительно показал В. Тауте (Taute, 1968, стр. 177—178, рис. 44), всегда остаются при изготовлении аренсбургских наконечников.

Кроме того, существенно, что в большинстве аренсбургских стоянок встречается также неправильный, слабо ретушированный ножевидный наконечник. Иногда он настолько неве-

Табл. I

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Вильнюс 1а	4?			3	29	14	8	25	6	5	+	+
Вильнюс 1d	1				2			2	3	5		
Ильгис 1	2			1		1			1	1		
Митришкес 6а	2								2	3		+
Маскаука 6		1			2			2		2		+
Мяргяжярис 8		2			2	1	5		2	1		
Дуобупис 1b		1			1							+
Эжяринас 15		1				6	7		3		+	+
Эжяринас 16		1						1		2		+
Дярежнича 31		2		3	3	2	5	10	+	+	+	+
Бабришкес 6		1		1	1			5	3			
Глинас, дюна			3	1						1		
Максимонис 1	+		+	+								
Кашетос		+	+		+	+						
Рудня	+	+	+		+	+						
Грибаша	+	+				+						

Количество типов изделий некоторых мадленских стоянок Литвы. Наконечники стрел: аренсбургского типа (1), типа Бромме-Люнгбю (2), с выемкой (3), острия (4). Скребки: короткие (5), продолговатые (6). Резцы: срединные (7), боковые-угловые (8). Ретушированные пластинки (9) и отщепы (10). Нуклеусы: двухплощадочные (11), одноплощадочные (12).

лик, что может быть отнесен к микролитам, хотя и не обладает специфическими геометрическими формами. В позднем палеолите эти так называемые «граветные наконечники» обычно имеют косо ретушированную основу (Breuil, 1937, илл. 1 и 46). В период мадлена ретушь основы вообще исчезает, а сама форма наконечника становится как бы случайной (в мезолите наконечник вновь приобретет более четко выраженные очертания). Подобные наконечники — маленькие, неправильные, слабо ретушированные — являются одной из характернейших форм литовского мадлена.

Наиболее ранние микролиты, лишенные четких геометрических очертаний, известны в Литве уже со второй половины аллерёда. Так, например, в стоянке Вильнюс обнаружен маленький короткий микролит с концом, ретушированным косой ретушью, и два тоже маленьких ножевидных наконечника. Этот комплекс дополняется значительным числом (см. табл. I) коротких и почти округлых азильских скребков. В упомянутой стоянке они

довольно крупные, часто двухконцовые; ретушь идет почти вокруг всего орудия. Микролиты встречаются часто и в стоянках, отнесенных к группе мадленских, испытавших влияние свидерской культуры (стр. 73—82).

К первой, наиболее ранней группе следует отнести и стоянку Шилялис 2 (вторая половина аллерёда). Среди находок здесь обнаружена очень тонкая пластина с косо ретушированным концом и два мелких ножевидных наконечника (рис. 59, *3, 5, 6*). Это уже настоящие микролитические изделия, однако не имеющие геометрических форм. Следует отметить, что в остальных изделиях этой стоянки микролитизации не наблюдается.

Следы микролитизации обнаруживаются в целом ряде других мадленских стоянок Литвы. Так, например, в Дярежнича 31 наряду с широким мадленским наконечником мы видим довольно маленький неправильный ножевидный наконечник (рис. 13, *2*). В стоянке Дярежнича 6 найдена пластина с косо отретушированной вершинкой, напоминающая ножевидный наконечник, в стоянке Ильгис — один микролитический наконечник, имеющий, однако, аренсбургские формы (рис. 7, *2*).

Появление микролитов неправильных геометрических форм в инвентаре литовских палеолитических стоянок, отнесенных нами выше к первой группе (Вильнюс, Ильгис), соответствует такому же явлению, наблюдающемуся и в других аренсбургских стоянках, например, в Штельморе (Schwantes, 1934, илл. 74), в восточной стоянке Борнек (Rust, 1958, илл. 31 : 1—9) и др. Микролиты неправильных форм особенно характерны для западных стоянок аренсбургского типа; на восток от реки Эльбы их очень мало, в стоянках же типа Люнгбю они не обнаружены вовсе (Taute, 1968, стр. 181, карта 7).

Основной тип скребка в литовских аренсбургских стоянках — это короткий, широкий скребок. Располагая лишь ограниченным количеством мадленских палеолитических находок, мы не решаемся на этой основе делать какие-либо статистические выводы. Однако, как показывает таблица I, узких продолговатых скребков обнаружено пока очень мало (кстати, они сравнительно не так уж узки). В количественном отношении эти изделия как бы теряются среди множества широких, почти круглых скребков, сделанных зачастую из отщепов. Встречающиеся в находках продолговатые скребки лишены ретуши по краям. Они весьма далеки от типов, характерных для гамбургской культуры. При этом округлый короткий скребок вообще не был известен в гамбургской культуре, являясь одним из признаков аренсбургской культуры, характерной для позднейшей фазы палеолита (Schwantes, 1934, стр. 77, илл. 75; Rust, 1958, илл. 31 : 19; 25, 31).

Резцы, типичные для литовских аренсбургских стоянок, в большинстве изготовлены из отщепов. Они довольно широкие, иногда крупные, со сколом и ретушью, по характеру напоминают скребки. Ретушь покрывает весь край или, по крайней мере, большую часть резца. Клинообразные, а тем более срединные резцы встречаются здесь очень редко, что вообще характерно для аренсбургской культуры. Большинство резцов — угловые или боковые со сколом и ретушью у рабочего угла. На западе в стоянках аренсбургского типа отмечают сильное сокращение числа резцов по сравнению с более ранними фазами (Schwantes, 1934, стр. 78). В Литве же резцов встречается еще довольно много (см. табл. I).

Большинство нуклеусов литовских аренсбургских стоянок — одноплощадные; тип, общий для всего западного мадлена. Встречается он в стоянках гамбургской культуры (Schwantes, 1934, илл. 43) и сохраняется в аренсбургской (Schwantes, 1934, стр. 78). Иногда такие нуклеусы, в особенности те, что меньше размером, после нанесения ретуши употреблялись и как высокие скребки.

Вторая группа литовских мадленских стоянок, будучи во многом близкой к первой, содержит в своем инвентаре относительно больше таких изделий, которые напоминают находки Бромме-Люнгбю. Надо признать, что материал, на основе которого мы выделили вторую группу, пока что в количественном отношении весьма скромен — несколько небольших однородных комплексов (табл. I). Выделению этой группы способствует тот факт, что некоторые кремневые изделия, характерные для второй группы, встречаются и позже, в комплексах, отмеченных влиянием свидерской культуры.

Для второй группы стоянок характерен листовидный наконечник с толстым и широким черешком. Подобная форма черешка зависит чаще всего от того, что внизу остается невыравненный бугорок скола. Таким способом изготовлены все наконечники этого типа, обнаруженные в Литве, а также в Бромме и других родственных ей стоянках.

Наиболее ранние типы таких наконечников известны в Западной Европе в мадлене VI (т. е. в классическом мадлене), который, согласно радиоуглеродной датировке, относится к аллерёду (Gross, 1958, стр. 176—178). Характерные для таких изделий черты в некотором отношении связывают их с ориньякскими и перигордскими культурами, в которых встречаются наконечники с выемкой (хотя уже не напоминающие солютрейские формы), крупные наконечники с черешками, близкие к типу

Фонт-Роберт, и ланцетовидные маленькие наконечники (Breuil, Lantier, 1959, стр. 188—189). В этот же период они распространяются к северу, как это видно по находкам стоянки Бромме на острове Зееланд (55—56° северной широты).

Стоянка Бромме, согласно анализу пыльцы и данным о фауне, относится ко второй половине аллерёда (Mathiassen,1946; Iversen, 1946, стр. 210; Molyn, 1954, стр. 109—117). Наконечники стрел здесь крупные, изготовленные из широких пластин, с широкими же, ретушированными только по краям черешками, с невыровненным горбиком скола и зачастую неретушированным острием. Эти формы очень напоминают находки литовских стоянок Маскаука 6, Дуобупис 1в, Дярежнича 31 и др.

На западе аналогичные наконечники встречаются и в конце аллерёда (например, в стоянке Андернах), и в позднем дриасе, доживая даже до начала пребореаля (например, стоянка Калленгардт) (Andree, 1932).

В северных областях — Шлезвиг-Гольштейне, Дании и на южном побережье Балтийского моря — на рубеже палеолита и мезолита еще встречаются такие же крупные наконечники с широкими черешками. Они находятся в близком родстве с вышеупомянутым мадленским типом (Rust, 1958, илл. 25 : 18—23), а иногда приобретают форму (короткие и широкие) так называемых наконечников стрел и дротиков типа Люнгбю (Schwantes, 1934, стр. 84—87; илл. 83; Ekholm, 1926, илл. 215а-е). Наконечники типа Люнгбю распространены главным образом от Дании до Померании. Особенно много их между реками Эльба и Хавель. Встречаются также в южной Швеции (в Сконе) (Taute, 1968, стр. 179, карта 3). К северо-востоку от границы Литвы с Белоруссией наконечники Люнгбю обнаружены лишь в недавно открытых мастерских в верховьях Днепра, близ села Аносово, Смоленской области[1].

Литовские находки, о которых мы упоминали, по форме не соответствуют ни самым ранним, ни самым поздним вариантам наконечников типа Люнгбю. Аналогами для них могут служить некоторые наконечники Бромме и других стоянок, относящихся к концу аллерёда и началу позднего дриаса.

В ранних аллерёдских стоянках типа Бромме скребки в основном довольно крупные, короткие, изготовленные из пластин или отщепов (Molyn, 1954, илл. 2), кстати, характерные для всех мадленских стоянок аллерёда Западной Европы. Во второй группе литовских мадленских стоянок, о которой сейчас идет речь, такие скребки представляют собой один из существенных признаков, характеризующих культурную и хронологическую принадлежность памятников. Продолговатые и более мелкие скребки появляются только во второй половине аллерёда (что подтверждает и комплекс Бромме).

Для мадлена VI во Франции характерны клиновидные резцы (Breuil, Lantier, 1959, стр. 188), преобладающие и в стоянке Бромме (Molyn, 1954, илл. 2). Они короткие и широкие, сделаны в большинстве случаев из неправильных отщепов (рядом с ними, правда, встречаются и другие разновидности резцов). Эти резцы являются основным типом, сохранявшимся в течение всего позднего дриаса.

Итак, судя по находкам, вторая группа литовских мадленских наконечников несомненно близка к типу Бромме-Люнгбю, существовавшему в юго-западной Прибалтике. В типологическом отношении группу следует сопоставлять с более поздней фазой развития (однако не с самой последней), т. е. со стоянками конца аллерёда или начала позднего дриаса.

Наконечник с боковой выемкой представляет из себя форму, редко встречающуюся не только в материале литовского палеолита, но и в конце палеолита соседних стран. Происхождение его следует искать в несколько старших мадленских культурах. Наконечник такого типа, как и почти треугольные изделия в коллекции Кашетос и Рудня (рис. 16, *1, 2;* 17, *1—3*), встречается, хотя и редко, в таких пещерных мадленских стоянках Центральной Европы, как, например, Зиргенштейн (Andree, 1939, стр. 396, илл. 202, *3*), Ранис 4 (там же, стр. 416, илл. 214, *8, 9, 11—13*), Велен (там же, стр. 560, илл. 286, *4, 5*) Таинген (Andree 1932, стр. 89, илл. 3, *34*), Пеннемор близ Куксгавена (Büttner, 1940, рис. 13) и др. Подобные изделия являлись предшественниками наконечников типа Гамбурга (Schwantes, 1934, илл. 52; Rust, 1937, табл. 17). У некоторых из них черешок бывает почти не сужен, а сам наконечник представляет собой треугольник (Rust, 1954, илл. 44, *3—5, 11, 12*).

Но культура Гамбурга относится еще к эпохи бёллинга, поэтому не следует проводить прямую связь наших находок с этой культурой, тем более, что форма литовских и гамбургских наконечников близка лишь в общих чертах. В то же время следует учитывать, что в течение всего конечного палеолита за пределами распространения гамбургской культуры изредка встречаются дериваты этой формы, например, в Силезии (Rothert, 1936, илл. III, *9;* IV, *8—11*) и южной Швеции (Niklasson, 1934, стр. 102—105, илл. 39, 40, 41, 58). К северо-востоку от границы Литвы с Белоруссией — в мастерской Аносово — обнаружен единственный наконеч-

---

[1] Раскопки Н. Н. Гуриной 1969 года; Ленинградское отделение Института археологии АН СССР; упоминается с любезного согласия руководителя раскопок.

ник, напоминающий изделия из стоянок у села Кашетос (рис. 16, *1*).

С группами позднего прибалтийского мадлена можно связать и некоторые роговые и костяные изделия из торфяников Литвы и современной Калининградской области. К сожалению, в Литве пока нет находок, которые были бы точно датированы геологическими или палеоботаническими методами. Поэтому приходится датировать их косвенным образом, опираясь на параллели с некоторыми находками из Калининградской области и северной Польши, исходя из общих черт позднего мадлена на этой территории, куда включается и Литва.

Формы некоторых изделий из рога и кости были характерными лишь для сравнительно коротких промежутков времени и для более или менее четко очерченных культурных групп. Конечно, следует учитывать при этом, что некоторые другие изделия просуществовали без каких-либо изменений в течение тысячелетий.

Находки из кости и рога, обнаруженные в торфяниках Литвы и Калининградской области, носят случайный характер. Так как основной период формирования торфяников относится ко времени послеледникового потепления, то палеолитические находки обычно встречаются в песчаных или глинистых слоях, лежащих под торфом. Такие слои образовались во время таяния подземного льда вследствие намыва песка и глин с площадей, еще не покрытых растительностью. Данное обстоятельство позволяет отнести некоторые изделия из рога и кости, найденные в Литве и Калининградской области, к палеолиту, а также, согласно характеру, связать их с группой мадленских культур южной Прибалтики.

Находок, типы которых характерны только позднему мадлену, сравнительно немного. Это веслообразные и веретенообразные наконечники копий, гарпуны и мотыги типа Люнгбю. Наряду с этим встречаются формы (кинжалы, проколки, иглы и разные кости случайной обработки), унаследованные от еще более ранних эпох, и поэтому не представляющие значения для хронологизации и типологии.

Одной из древнейших форм изделий из рога и кости позднего палеолита (ориньяка и солютре) являлись веретенообразные наконечники копий. Они повсюду имели общие черты, но в разное время в различных культурных группах обладали некоторым своеобразием. В Восточной Европе в раннем мадлене (Мезинская стоянка) подобные находки редки (Рудинский, 1931, табл. 27; Ефименко, 1938, стр. 502; Борисковский, 1953, стр. 274 и илл. 135 : 1), а в позднем мадлене их нет вообще.

Параллели костяным изделиям, обнаруженным на территории современной Литвы, приходится искать в мадлене Западной Европы. Так, в начале мадлена наконечники дротиков были довольно крупными с широкими основаниями. Позже черешки становятся многогранными, конусообразными или пирамидальными; острые наконечники округляются и делаются более длинными; на спинке появляется характерная узкая канавка. В дальнейшем наконечники опять укорачиваются, пока окончательно не устанавливается тип наконечника с черешком, скошенным с обеих сторон (Breuil, 1937, стр. 49—50). Именно этот поздний тип и характерен для времени распространения мадленской культуры в южной Прибалтике.

Наконечник дротика (рис. 20, *1*) указанного типа (вместе с четырьмя веслообразными наконечниками) был обнаружен в Кальнишкяй (ныне восточная часть г. Клайпеды), в мергельном карьере бывшего имения Бахмана. В 1865 г. вместе с другими находками он оказался в Берлинском музее. Когда он попал, наконец, в руки Г. Гросса, об анализе пыльцы на месте находки уже не могло быть и речи. Однако Гросс заметил в порах находки крошечные остатки глины и по этому признаку заключил, что они должны были относиться к позднему ледниковому периоду (Gross, 1939[b], стр. 65). Изделие было желтовато-серого цвета со слабым оливковым оттенком, что характерно для долго пролежавшего в глине рога северного оленя.

Это был почти прямой, ровный, стройный наконечник дротика, изготовленный из рога северного оленя с остатками на одной стороне пористой внутренней роговой ткани. Длина его — 28,2 *см*, а диаметр в середине — около 1 *см*. Вершина наконечника скошена с одной стороны, черешок клинообразный, скошенный вогнутыми плоскостями с двух сторон и превращенный в язычек длиной 2,7 *см*. На пористой части рога видны два надреза.

Несколько аналогичных наконечников, обнаруженных в Калининградской области, были отнесены, согласно пыльцевому анализу, к периоду аллерёда (ко II зоне диаграммы Г. Гросса). Наиболее характерен из них наконечник из Гумбинена (ныне г. Гусев), найденный в 1935 г. в слое глины под торфом. Длина его — 30 *см*. Черешок — клинообразный, скошен. Это первая точно датированная палеолитическая находка на территории современной Калининградской области. Следует отметить, что неподалеку, в том же слое, был обнаружен сосновый сук, что свидетельствует о существовании лесов во время жизни здесь людей, изготовивших упомянутый наконечник (Gross, 1937[b], стр. 113; 1937[a], стр. 148—152, илл. 3; 1938[a] стр. 96—102, илл. 7). Согласно пыльцевому

анализу, к аллерёду отнесен еще один наконечник такого же типа из находок Калининградской области (Gross, 1943, стр. 5; 1958, стр. 73).

Помимо того, несколько наконечников дротиков с клинообразным черешком известны по литературе, посвященной археологии Калининградской области и соседних районов северной Польши (Engel, 1935, илл. 16 вт; Gross, 1939[c], стр. 66; La Baume, 1942, стр. 19). Особенно много их найдено в бассейне реки Хавель (Stimming, 1928, стр. 118, 233—240, илл. 96—116; Clarc, 1936, стр. 125, илл. 41 : 1; Mey, 1960, стр. 18—20).

Все это свидетельствует, что наконечники дротиков, о которых идет речь, представляют собой характерную особенность мадленской культуры южной Прибалтики, и наиболее ранние из них относятся к аллерёду и позднему дриасу. В Литве, кроме упомянутой выше находки из Кальнишкяй, других наконечников, относящихся к палеолиту, пока не обнаружено. Более поздние дериваты этого типа будут нами рассмотрены в следующем разделе, в связи с наследием палеолитических культур в мезолите.

Другие палеолитические изделия из рога — четыре веслообразных наконечника — были найдены в том же карьере в Кальнишкяй (рис. 20, *2—5*). Они имели такой же цвет, как и веретенообразный наконечник, и так же сохранили приставшие к кости остатки глины, свидетельствующей о том, что изделия относятся к позднеледниковому периоду. Первый из наконечников имел в длину 25,6 *см;* черешок занимал около половины всей находки. Длина второго — 20,7 *см,* третьего — 15,2 *см* и четвертого — 13,7 *см.* Все они изготовлены из рогов и костей северного оленя (Gross, 1939[b], стр. 65).

Наконечники такого типа (иногда украшенные орнаментом) сравнительно часто встречаются в Калининградской области и северной Польше (Gross, 1939[b], стр. 66; Gaerte, 1929, илл. 4[e]; Clarc, 1936, илл. 44 : 7; La Baume, 1942, стр. 18—19, илл. I). Распространены они на том же пространстве, что и веретенообразные наконечники. Ближайшие параллели к ним можно встретить также в бассейне р. Хавель (Stimming, 1917, илл. 97; Clarc, 1936, илл. 43 : 6; Mey, 1960, стр. 18—20).

К палеолитическим типам относится также мотыга Люнгбю, одно из характернейших изделий из рога северного оленя. Это довольно простое орудие — длинный рог, срезанный у венчика, с укороченным нижним отростком. В мотыгу иногда вставлялось кремневое или сделанное из клыков лезвие. Такая мотыга была обнаружена на границе Литвы и Калининградской области, у р. Шеймяна, в Маурушайчяй. Найденный в слое гитии экземпляр был хорошей работы, очень тонкий, длиной 56 *см* (Gross, 1938[a], илл. 9). Г. Гросс, пользуясь методом пыльцевого анализа, отнес изделие к III зоне своей диаграммы, т. е. к позд-

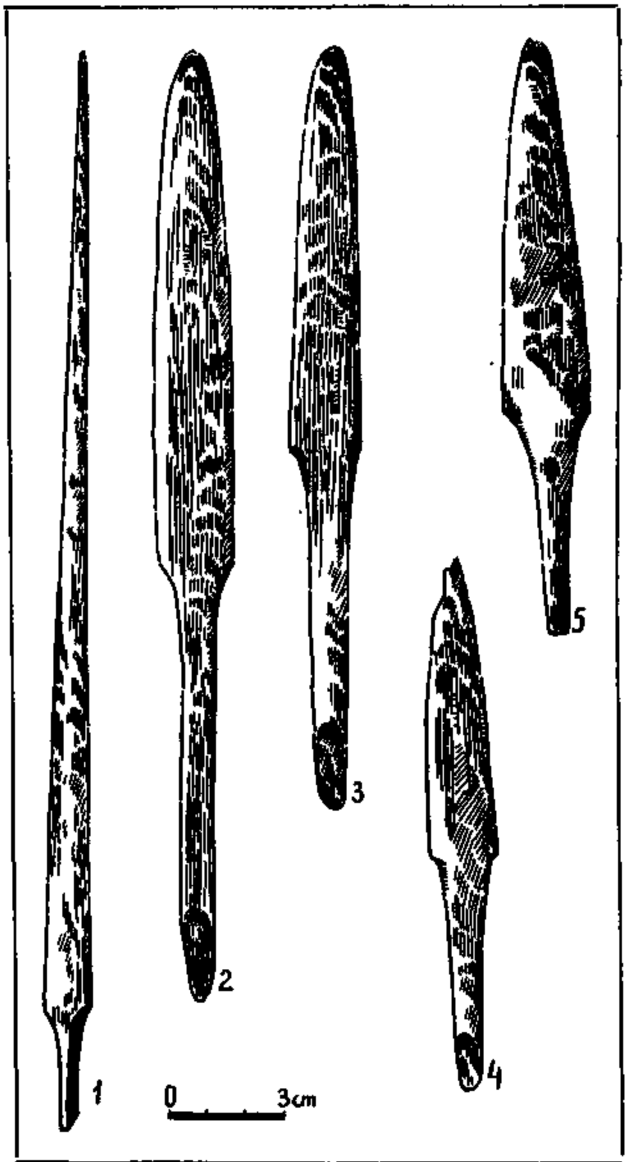


Рис. 20. Кальнишкяй (предместье Клайпеды). Роговые и костяные наконечники

нему дриасу, считая его несколько более ранним, чем мотыги культуры Аренсбурга, найденные в Штеллмоore (Gross, 1938[a], стр. 102—105).

Мотыги типа Люнгбю с северной окраины Польши тоже, по-видимому, могут быть отнесены к позднему дриасу (Gross, 1938a, стр. 128—129). Несколько заготовок для подобных мотыг, найденных в Калининградской области, также удалось датировать палеолитом (Gross,

1938[b], стр. 83—85), применив пыльцевой анализ. Заготовка для мотыги Люнгбю, найденная в южной части Куршской косы у поселка Рыбачий, тоже изготовлена из рога северного оленя (LAB, 1961, илл. 14).

Мотыги Люнгбю известны по всей Прибалтике, в частности на польском взморье (Kostrzewski, 1955, стр. 16) и в Мекленбургской области (Schuld, 1954, стр. 16, илл. 5). Особенно много их в бассейне р. Хавель (Stimming, 1917, стр. 233—240; Indreko, 1948, стр. 54; Taute, 1968, карта 8). Они были распространены в южной Прибалтике одновременно, начиная с позднего дриаса, и существовали до начала мезолита — пребореаля (Gross, 1937[b], стр. 109—113; 1937[a], стр. 148; 1938[a], стр. 91—92; La Baume, 1942, стр. 20, илл. 4; Kostrzewski, 1955, стр. 16). В Швеции же они встречаются и в бореале.

Мотыги, близкие к только что рассмотренным, встречаются в Моравии (Klima, 1957) и на Украине, например, в Молодове V (Черныш, 1959). Место их первоначального происхождения искали в разных местах, но вероятнее всего их (как и другие позднемадленские находки южной Прибалтики) надо считать присущими всей культурной области, простиравшейся от Кимбрийского полуострова до южной Литвы. Повсюду здесь они появляются и исчезают почти в одно и то же время.

Еще одно изделие позднего палеолита — гарпун. Хотя до сих пор в Литве не найдено ни одного гарпуна, на соседних территориях они известны. Некоторые литовские находки этого рода, относящиеся к более позднему времени, позволяют надеяться, что рано или поздно гарпуны будут обнаружены.

Отметим, что характерной чертой палеолитического гарпуна южной Прибалтики являются редкие, крупные, изогнутые зубья, среди которых нижний выгнут в противоположную сторону. Французские мадленские гарпуны не имеют такого завершения; они заканчиваются кольцеобразными расширениями (Breuil, 1937, илл. 32 : 9, стр. 53), хотя сами зубцы очень близки к мадленским. Гарпуны южной Прибалтики, несомненно, были связаны с мадленскими.

Прибалтийский гарпун известен уже в гамбургской культуре (Rust, 1937, илл. 39 : 1). Особенно много их обнаружено в долине Хавеля (Stimming, 1917, стр. 233—240), где они изготовлялись из рога северного оленя. Относятся они, несомненно, к концу палеолита. Гарпуны этого типа, датируемые согласно данным пыльцевого анализа поздним дриасом, обнаружены в северной Польше, граничащей с Калининградской областью (La Baume, 1942, стр. 19—20; Gross, 1938; Antoniewicz, J. 1948, стр. 13).

Чтобы составить по возможности более полную картину комплекса находок позднего прибалтийского палеолита, надо упомянуть еще несколько датированных находок, известных на территории, соседней с современной Литвой. Среди них несколько кинжалов (пешней?), изготовленных из расколотой трубчатой кости, с хорошо обтесанным эпифизом. Одно из таких орудий было найдено в Калининградской области, на границе с Литвой (в Опшрутай). Оно изготовлено из кости зубра или тура, имеет 20 *см* в длину, острую вершину и округленную тыльную часть — эпифиз (Gross, 1937[a], стр. 154, илл. 5а; 1938[a], стр. 111—112, илл. 13а). Удаление и округление эпифиза — характерная черта позднего палеолита. Анализ пыльцы свидетельствует о том, что орудие должно быть отнесено к позднему дриасу.

Там же, в Опшрутай, была найдена часть четырехгранного наконечника дротика и куски костей крупных щук (Gross, 1938[a], стр. 111). К этому же периоду относится и кинжал с обработанным эпифизом, найденный в северной Польше, в Гижицком повете (бывш. Eisermühl) (Gross, 1940, стр. 81—84; Antoniewicz, J., 1948, стр. 13). Неподалеку от него была обнаружена мотыга Люнгбю того же периода, что и верхняя часть стамески, изготовленной из рога северного оленя (Gross, 1938[a], стр. 123, илл. 27 : 6), а также нож для обработки шкур (Gross, 1938a, стр. 129—132, илл. 19).

Подобные кинжалы (пешни?) и орудия для обработки шкур характерны для культуры Аренсбурга.

Кроме этих наиболее характерных изделий, следует упомянуть значительное количество рогов северного оленя с надрезами, найденных в Калининградской области и северной Польше и датированных поздним палеолитом (Gross, 1938[a], стр. 132—136). В гамбургской культуре таких надрезов, как правило, нет. Зато они часто встречаются в культуре Аренсбурга. Некоторые типы костяных изделий, явно унаследованные от культур палеолита, распространились в Литве лишь в мезолите. На них мы остановимся ниже.

Ставя вопрос о происхождении упомянутых роговых и костяных изделий, приходится обращаться к территории, лежащей западнее Литвы. Наибольшее количество соответствующих находок пока что встречено в бассейне р. Хавель (Mey, 1960, стр. 18—20). В целом же они распространены на той самой территории, что и кремневые находки южно-прибалтийских мадленских культур (аренсбургской, Бромме-Люнгбю и др.).

Однако отметим, что отчасти на той же территории и приблизительно в то же время распространялась и другая — свидерская культура. Поэтому, пока не были изучены мадлен-

ские стоянки восточной Прибалтики, ряд исследователей пытались вместить некоторые изделия из рога и кости, о которых мы говорили, в рамки свидерской культуры[1]. Теперь же мы вправе предполагать, что они относятся к комплексу прибалтийского мадлена.

Кроме проблемы связей культурного характера, возникает очень важный вопрос о географических связях. Можно ли в одну культурную область объединить такие территории, как Ютландия и Литва, отдаленные друг от друга пространством в тысячу километров? Если да, то в таком случае мы должны были бы найти стоянки упомянутого типа на всем этом пространстве. Так это или нет, пока не совсем ясно. Например, неясны географические связи культуры Люнгбю как с восточными, так и с западными областями, что даже породило гипотезу (Rust, 1944) о существовании центров культуры Бромме-Люнгбю на ныне затопленном побережьи Северного моря, откуда она в аллерёде могла распространиться в мадленские области Западной Европы (Schwabedissen, 1951, стр. 158). Оправдана эта гипотеза или не оправдана, однако нет сомнения, что затопленное ныне южное побережье Балтийского моря должно было играть важную роль посредника между Ютландией и Литвой (кстати, южные берега Балтики до сих пор вообще остаются недостаточно изученными). Об этом свидетельствуют, например, отдельные находки прибалтийского мадлена на побережье, и в особенности предметы аренсбургской культуры. Не говоря уже о стоянке Берлин-Тегель (Taute, 1957), на которой нам придется остановиться в дальнейшем, в разных местностях Мекленбурга, непосредственно на берегу моря, на острове Рюген обнаружены широкие наконечники стрел с узким, ретушированным по краям черешком (Schuld, 1954, стр. 16—17, илл. 6; 1958, стр. 162), относящиеся, несомненно, к аренсбургской культуре. В северной Польше аренсбургские наконечники встречаются в низовьях Вислы, недалеко от Мальборка и Элька. Отдельные изделия той же культуры найдены в северной части Калининградской области (Gaerte, 1933).

Все это вместе взятое подтверждает, что литовские мадленские стоянки входят в общую культурную область южной Прибалтики и совпадают с нею в хронологическом отношении, т. е. относятся к концу аллерёда — позднему дриасу. В Литве они, как и в других частях культурной области[2], существовали и в начальной стадии мезолита.

Однако, при всем этом, следует отметить, что несмотря на родство отдельных типов литовских изделий с находками из стоянок Аренсбурга и Бромме-Люнгбю, мы не можем быть уверенными в однородности всего культурного комплекса, поскольку даже в стоянках, рассмотренных в данном разделе, ощущается ряд восточных черт (некоторые типы резцов, овальные топорики и др.). Большинство же мадленских стоянок в Литве подвергалось сильному влиянию свидерской культуры, о чем нам придется говорить несколько позже (см. стр. 73—83).

Б. ГРУППА СВИДЕРСКИХ КУЛЬТУР

Характерными чертами, отличающими эту группу стоянок от мадленских, является как сохранение солютрейской ретуши и некоторых других солютрейских пережитков, просуществовавших вплоть до конца палеолита, так и своеобразные формы многих изделий.

Свидерская культура появилась в Литве иначе, чем мадленская. Носители последней, придя сюда, оказывались далеко от центров своего происхождения. Они приходили в разное время и из разных местностей, и поэтому прибалтийские мадленские стоянки иногда значительно отличаются друг от друга в хронологическом и типологическом отношении. Разные группы охотников могли в тот период одновременно жить рядом, появляться и опять уходить, оставляя после себя лишь слабые следы или даже вовсе не оставляя их.

Характер распространения свидерской культуры был иным. Ее центры находились рядом — к юго-западу от Литвы, а обширная территория, занимаемая этой культурой, простиралась до юга Литвы.

Вот почему свидерская культура достигла Литвы еще на раннем этапе и основательно утвердилась здесь. Все позднейшие местные ее варианты уже не говорят о каких-то пришельцах со стороны: в Литве происходило внутреннее развитие культуры, оставившее здесь глубокие традиции, ощутимые не только в мезолите, но и в неолите.

---

[1] Г. Гросс, датировавший путем пыльцевого анализа роговые и костяные изделия Калининградской области и северной Польши, не раз поднимал вопрос об их культурной принадлежности. Хотя единственные параллели он находил лишь в области р. Хавель, однако выдвигал мысль, что те же самые формы изделий, которые на Западе характерны для носителей аренсбургской культуры, здесь — на Востоке могли употребляться носителями свидерской культуры (Gross, 1939[c], стр. 79—127). Этой версии придерживаются и польские археологи (Kozłowski, S. K., 1969, стр. 122—123).

[2] Напр., стоянка аренсбургского типа Леенде, в северном Брабанте, датируется по C^{14} 8770±85 г. до н. э. (Gross, 1958, стр. 179), а стоянка Риссен 14а — 8350±350 г. до н. э. (Schwabedissen, 1957, стр. 8). Имеются данные, доказывающие, что стоянки этого типа сохранялись даже до начала мезолита — 7500±200 г. до н. э. (Rust, 1958, стр. 140).

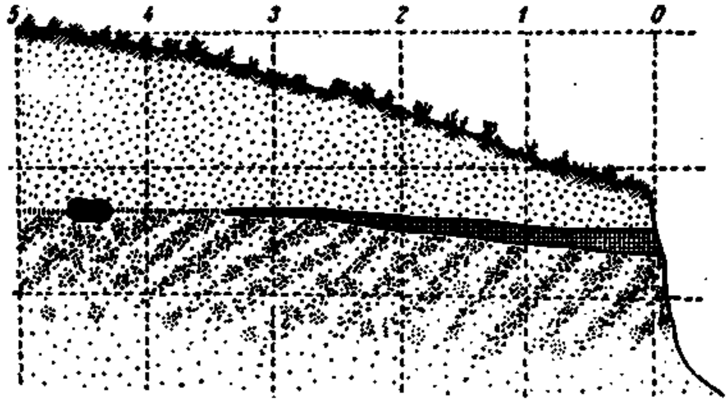


Рис. 21. Разрез и стратиграфия стоянки Эйгуляй 1А

Кроме того, надо иметь в виду, что свидерская культура в Литве соприкасалась с мадленской; воздействие их было обоюдным — наряду с разновременными группами свидерской культуры параллельно существовали и такие группы, в которых заметно влияние мадленских культур.

Поэтому, определяя сущность свидерской палеолитической культуры в Литве, мы выделяем два хронологически-типологических этапа — ранний (I), поздний (II) и, кроме того, свидерскую группу с признаками влияния мадленской культуры (III).

Свидерская культура в Литве, так же как и в других странах Восточной Европы, отчетливо проявлялась и в голоцене, а отсюда невозможно провести строгой границы между группами палеолитических и мезолитических стоянок, опираясь только на типологические признаки. Группы приходится разделять, исходя из их топографического расположения. В связи с этим в настоящем разделе пойдет речь только о тех свидерских стоянках, топографическое месторасположение которых соответствует периодам аллерёда и позднего дриаса.

1) Памятники I (ранней) группы

Ранних стоянок свидерской культуры в Литве относительно немного. Долгое время ставилась под сомнение даже сама возможность их обнаружения здесь. Однако последние изыскания открыли стоянки, которые по типологическим и геоморфологическим признакам относятся к группе ранних (разумеется, не к самым первоначальным ее вариантам). Выяснилось также, что свидерская культура не является столь древней, как считалось раньше, и как раз совпадает со временем первоначального заселения Литвы.

Для стоянок I группы характерны узкие иволистные наконечники, не имеющие выделенного черешка. Они были единственными на стоянке Свидры Вельке I (вблизи Варшавы). Однако даже на территории Польши к ранней группе относят и такие стоянки, в которых наряду с упомянутыми наконечниками появляются другие — с незначительно выделенным (а в некоторых, правда, немногочисленных случаях и с ясно выделенным) черешком (Schild, 1960, стр. 45). Резцы, встречающиеся в стоянках I группы, в большинстве случаев боковые, со сколом и ретушью, скребки — узкие и длинные, нуклеусы — двухплощадные. За исключением пластин, носящих следы ретуши, других типов изделий эти стоянки не дают. Лишь изредка в них попадаются изделия, похожие на топорики или мотыги (Krukowski, 1939—1945, стр. 83—84). Для ранних стоянок характерно почти полное или полное отсутствие влияния других культур.

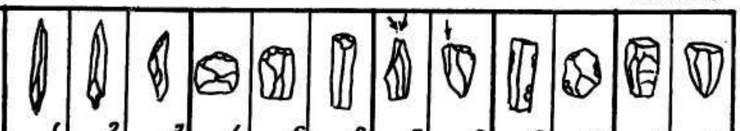
Все стоянки I группы в Литве расположены на второй и третьей надпойменных террасах рек. Наиболее ранним и ярким является комплекс стоянок Эйгуляй 1, включающий 4 палеолитические стоянки, обозначенные в литературе буквами A, B, C, D. Расположены они к северу от кладбища Эйгуляй[1], на расстоянии около 400 *м* от берега р. Нярис.

В районе Эйгуляй существуют надпойменные террасы реки Нярис. Нижняя, расположенная на 3—5 метров выше современного уровня воды, простирается приблизительно до шоссейной дороги Каунас — Клебонишкис. За ней круто поднимается вторая, возвышающаяся у стоянок B и D на 7 *м* над первой террасой, т. е. всего на 10—12 *м* над современным уровнем реки (рис. 3).

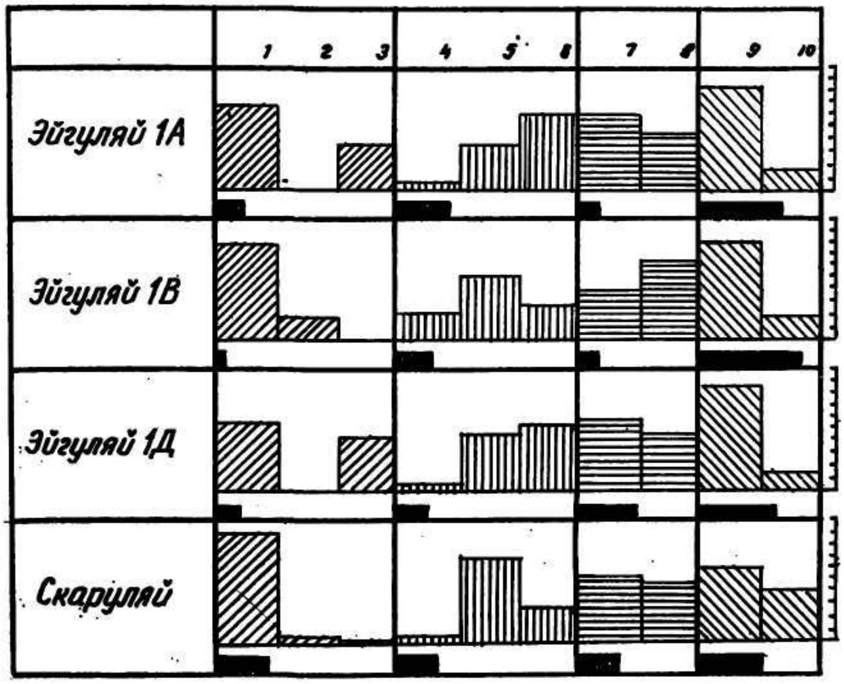
[1] В настоящее время территория стоянок срыта при возведении моста через Нярис на автостраде Вильнюс — Каунас.

Стоянки А и С были отделены от В и D выемкой, по которой идет автострада Вильнюс — Каунас. Западная часть стоянки А была почти на том же уровне, что и стоянка В, а восточная часть (находки здесь попадались песчаном склоне, где сохранились остатки культурного слоя. Во время обследования в 1948 г. (Яблонските-Римантене, 1959) оказалось, что слой сохранился лишь на незначительной дугообразной площади, имевшей в

Табл. II



	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Эйгуляй 1А	7		4	2	8	13	4	3	28	6	+	
Эйгуляй 1В	4	1		4	9	5	3	5	50	14	+	+
Эйгуляй 1Д	11		9	1	11	14	25	21	59	10	+	
Скаруляй	36	2	1	1	19	7	14	13	36	17	+	+



Основные типы изделий некоторых ранних свидерских стоянок Литвы и их количественное соотношение внутри каждой группы находок (вертикальная диаграмма) **и между отдельными группами находок** (горизонтальная диаграмма) Наконечники стрел: свидерские наконечники без черешка (1), черешковые наконечники (2), острия (3). Скребки: короткие (4), продолговатые (5), длинные (6). Резцы: срединные (7), боковые-угловые (8). Ретушированные пластинки (9) и отщепы (10). Нуклеусы: двухплощадочные (11), одноплощадочные (12).

редко, но был обнаружен очаг) поднималась приблизительно на 16 *м* над современным уровнем реки. Стоянка С находится еще выше: на площадке, поднятой на 18 *м* над Нярис.

Наиболее ранней в комплексе является стоянка Эйгуляй 1А. Она лежит на разрушенном третьем раскопе 5 *м* в длину. Слой был плотный, сильно ортштейнированный, с примесью мелкого угля и большим количеством темных пятен. Возможно, что здесь некогда было какое-то строение. На чистом песке, вне культурного слоя на той же глубине встречались

кремни, а несколько дальше — остатки двух очагов, устроенных в небольших углублениях (рис. 22). Один из очагов имел в диаметре 30 *см*, второй — 60 *см*.

К началу обследований большая часть стоянки уже была разрушена. По расположению находок и очагов можно судить, что стоянка занимала площадь длиной около 100 *м* и шириной 50 *м*. Заселена она была один раз — более поздних находок здесь не обнаружено.

Все находки были покрыты толстой белой или синеватой патиной. Наконечники стрел (рис. 23, *1—7*) обработаны слабо. Изготовлены они из неправильных пластин, чуть ретушированных у острия. Выделяется один наконечник (проколка?) с вертикальной ретушью вокруг всей спинки (рис. 23, *5*). Встречались и простые заостренные пластины безо всякой свидерской ретуши со стороны спинки (рис. 23, *6, 7*). На наконечники похожи и сверла (рис. 23, *8*), характерные для свидерских стоянок. Почти все скребки (рис. 23, *13—22*) — длинные, изготовленные из пластин, чаще всего с одной продольной гранью. Изредка края скребков ретушированы. Коротких скребков обнаружено всего два; они довольно крупные. Лезвия большинства скребков в значительной мере обработаны. Найдено и одно орудие двойного назначения (скребок-резец) (рис. 23, *13*). Резцы в большинстве клиновидные серединные или боковые (рис. 23, *9—11*); изредка попадаются такие, вершина которых оформлена сколом и ретушью. Среди других изделий следует упомянуть два скобеля, сделанных из неправильных крупных кусков кремня. Один из них с прямым, другой с вогнутым лезвием, оба сильно сработаны. Все нуклеусы — призматические, двухплощадные (рис. 23, *23*). Количество найденных пластин и отщепов примерно одинаково. Некоторые пластины тронуты по краям ретушью (рис. 23, *12*).

Уникальной находкой является пластинка глинистого сланца, найденная в культурном слое, с явными линейными надрезами (рис. 24) длиной 9 *см* и шириной 7 *см*. Линии не создают какого-либо определенного рисунка, но проведены человеком при помощи клинообразного резца.

На той же (второй) террасе р. Нярис расположен небольшой песчаный холм-стоянка Эйгуляй 1 В. Там были проведены раскопки (Яблонските-Римантене, 1959), охватившие 111 $м^2$. На поверхности залегал слой дерна и подзола толщиной 30—60 *см*; ниже — слой темно-серого песка толщиной в 20—25 *см* — след сгоревшего (уже в историческое время) леса; под ним — более светлый слой толщиной 10—15 *см*, в котором не обнаружено никаких находок; и еще ниже — слой коричневато-серой ископаемой почвы толщиной в 20—35 *см* с находками шнуровой керамики. Под ним залегал желтый, несколько ортштейнированный песок, который через 50 *см* переходил в белый песок, покрывавший слой крупного гравия (рис. 25).

Палеолитические находки располагались в слое ортштейнированного песка. В нем же обнаружен почти не сохранившийся небольшой очаг, расположенный на 18 *см* ниже неолитического слоя (рис. 26).

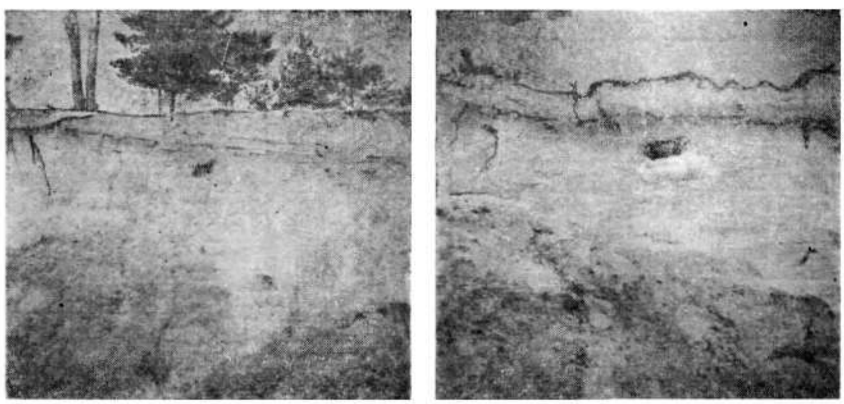


Рис. 22. Палеолитические очаги в обрыве стоянки Эйгуляй 1А

Основным типом наконечников стрел здесь был свидерский, за исключением одного изделия с невыделенным черешком (рис. 27, *5*). Почти все скребки в большей или меньшей мере удлиненные (рис. 27, *9—13*). Найдено два коротких скребка (рис. 27, *14, 15*). Одно орудие — комбинированный резец-скребок (рис. 27, *19*). Рабочие углы резцов обычно оформлены сколом и ретушью (рис. 27, *16—20*); большинство их — боковые. Иногда на рабочем углу наблюдается ретушь (рис. 27, *25*). Среди других изделий стоит упомянуть более или менее ретушированные пластины. Одна из них

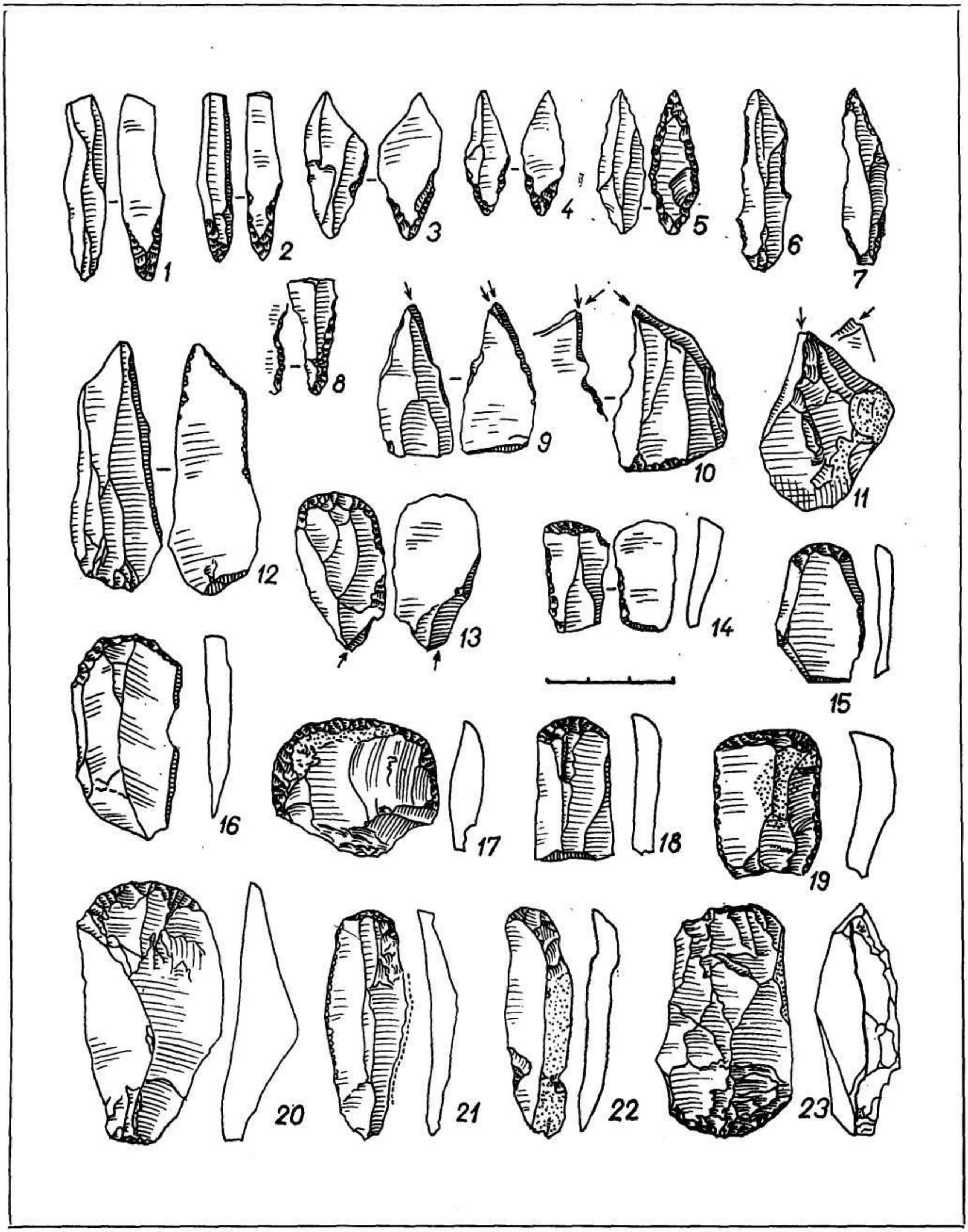


Рис. 23. Орудия стоянки Эйгуляй 1А

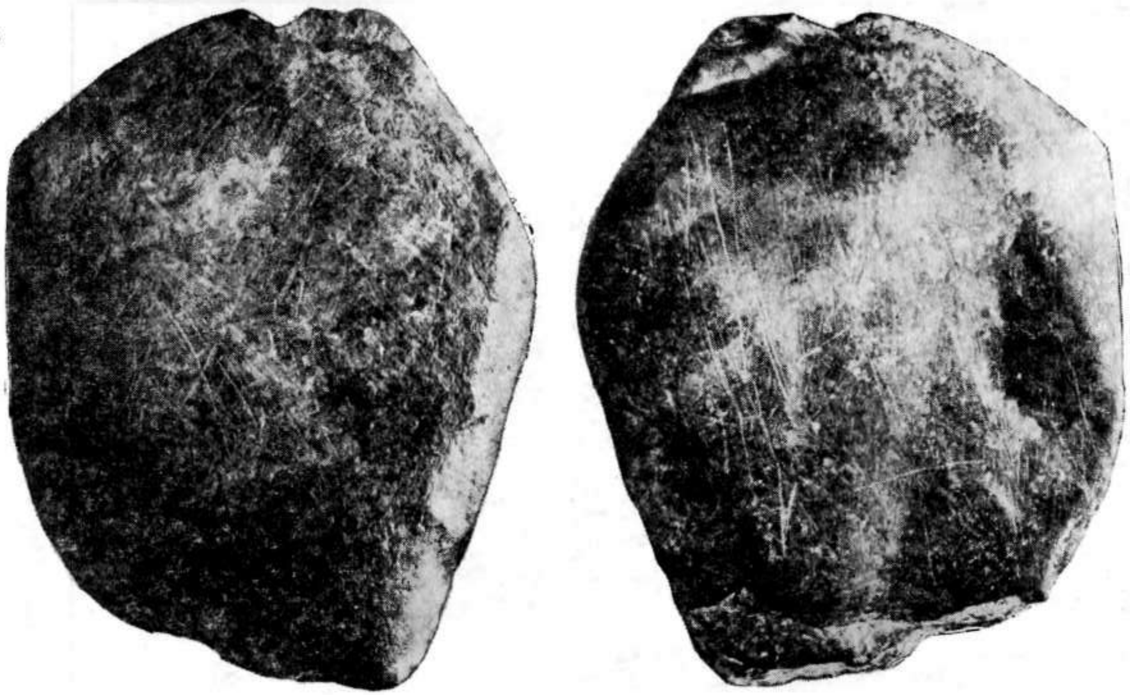


Рис. 24. Камень с нарезкой стоянки Эйгуляй 1А

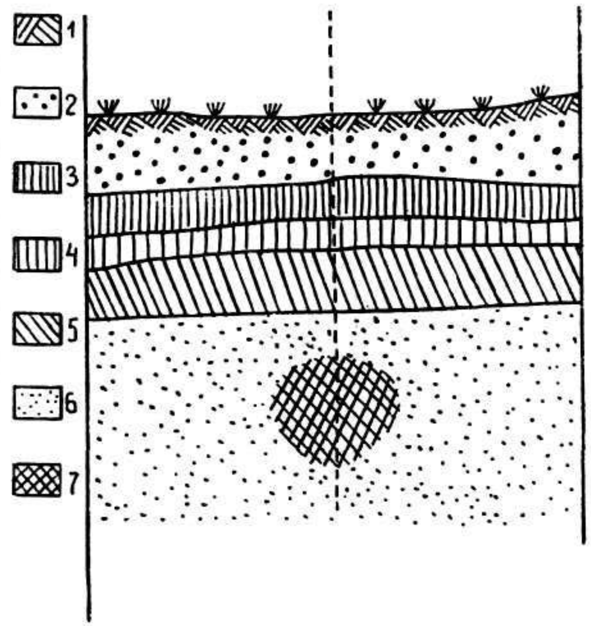


Рис. 25. Эйгуляй 1В. Разрез палеолитического очага:
1 — дерн, 2 — лесной песок, 3 — ископаемая почва, 4 — подзол — светло-серый песок, 5 — культурный слой позднего неолита, 6 — слабо железистый песок (культурный слой палеолита), 7 — очаг.

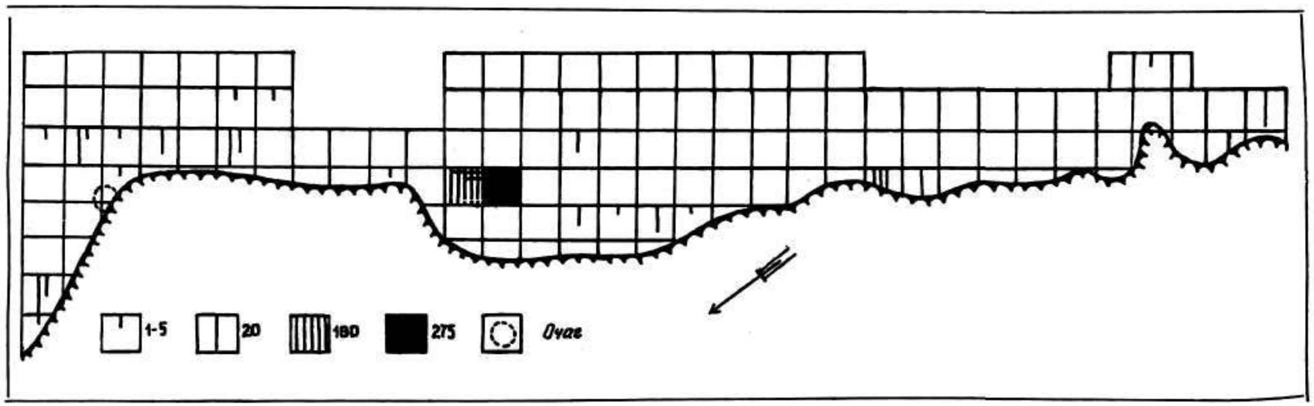


Рис. 26. Эйгуляй 1В. Расположение кремневых находок в палеолитическом культурном слое

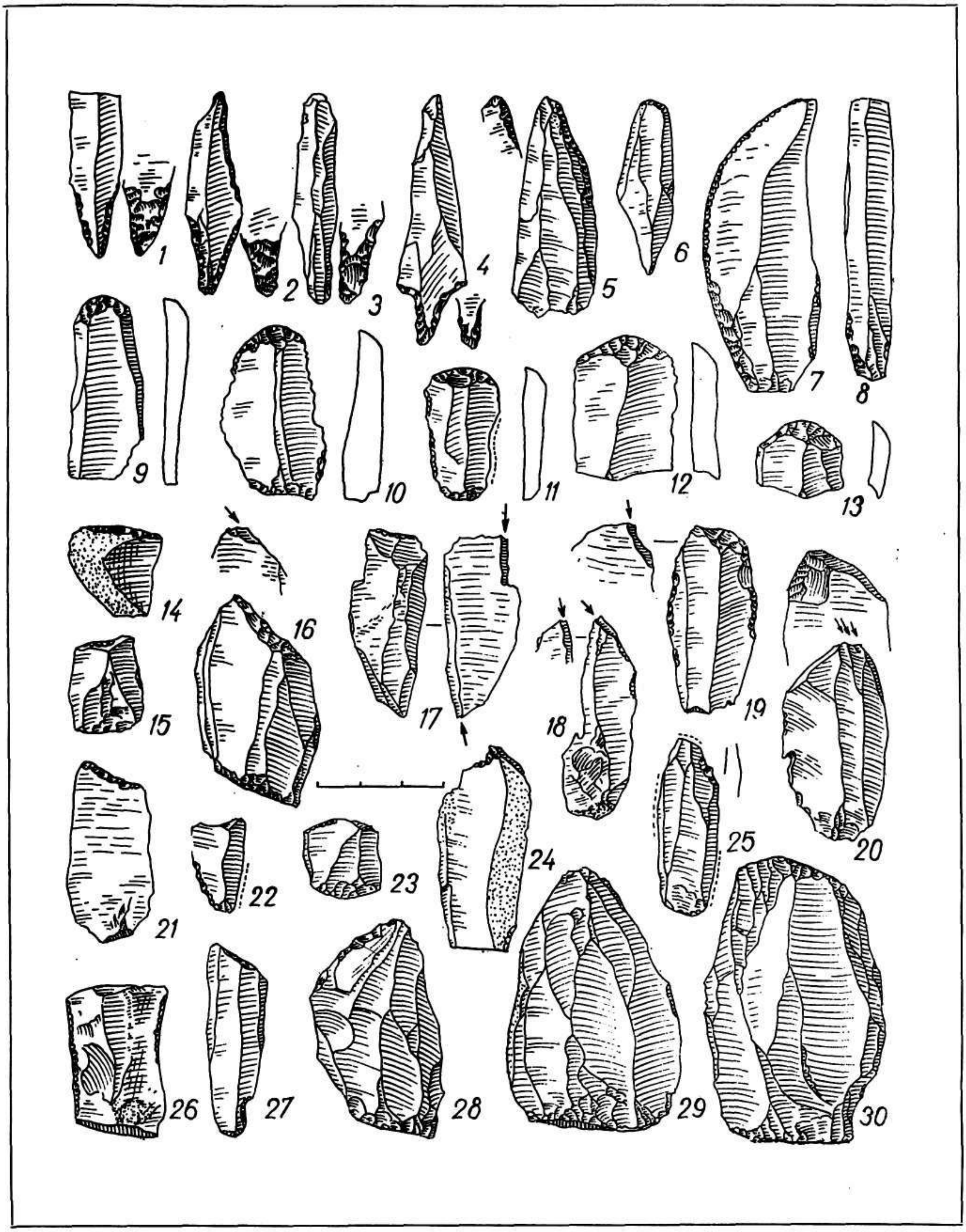


Рис. 27. Орудия стоянки Эйгуляй 1В

имеет дугообразный край (рис. 27, *7*). Нуклеусы почти все двухплощадные, со скошенными основаниями и (иногда) очень суженными вершинами (рис. 27, *28—30*).

В 1957 г. примерно в 60 *м* к юго-западу от стоянки 1В была обнаружена стоянка 1D — яркий пример ранних свидерских памятников Литвы. Стоянка, к сожалению, пострадала при устройстве песчаного карьера; уцелела лишь мысообразная площадка.

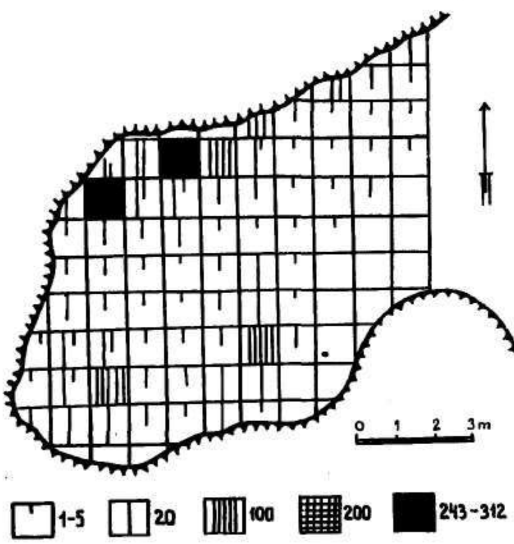


Рис. 28. Эйгуляй 1D. Расположение кремневых находок в палеолитическом культурном слое

Раскопки вскрыли площадь в 60 $м^2$ (рис. 28). Наблюдалась следующая стратиграфия: наверху слой темно-серого песка с дерном толщиной в 20—25 *см*, под ним слой довольно светлого песка толщиной в 10—20 *см*. Последний покрывал культурный слой ископаемой почвы темно-серого цвета толщиной в 10—30 *см*, относящейся к середине II тысячелетия до н. э. (рис. 29).

Палеолитические находки лежали еще ниже, в слое сильно ортштейнированного песка. В западной части раскопа были видны, хотя и не везде, тонкие извилистые прослойки глины, отделенные друг от друга несколькими сантиметрами. Палеолитические находки находились между этими прослойками, над ними и под ними. Прослойки не были параллельными; местами они сливались друг с другом или исчезали вовсе. В глине встречались кусочки железистого песка диаметром до 7 *см*. Вместе взятый палеолитический слой имел толщину около 50 *см*. В нем обнаружены два очага (рис. 30), залегающие на 18 и 25 *см* ниже верхнего культурного слоя. В двух местах найдены скопления кремневых отщепов, вместе с которыми находилось значительное количество изделий и нуклеусов (в первом скоплении из 282 кусков кремня ретушь имели 27, во втором — из 141 куска — 56).

Все наконечники стрел — длинные, с невыделенными черешками, чуть-чуть тронутые свидерской ретушью со спинки (рис. 31, *1—4, 6*). Кроме того, найдено значительное число широких длинных пластин с ретушированными верхушками-остриями (рис. 31, *5*). Часть из них имели дугообразно ретушированную спинку и могли быть использованы в качестве ножей. У некоторых пластин были ретушированные

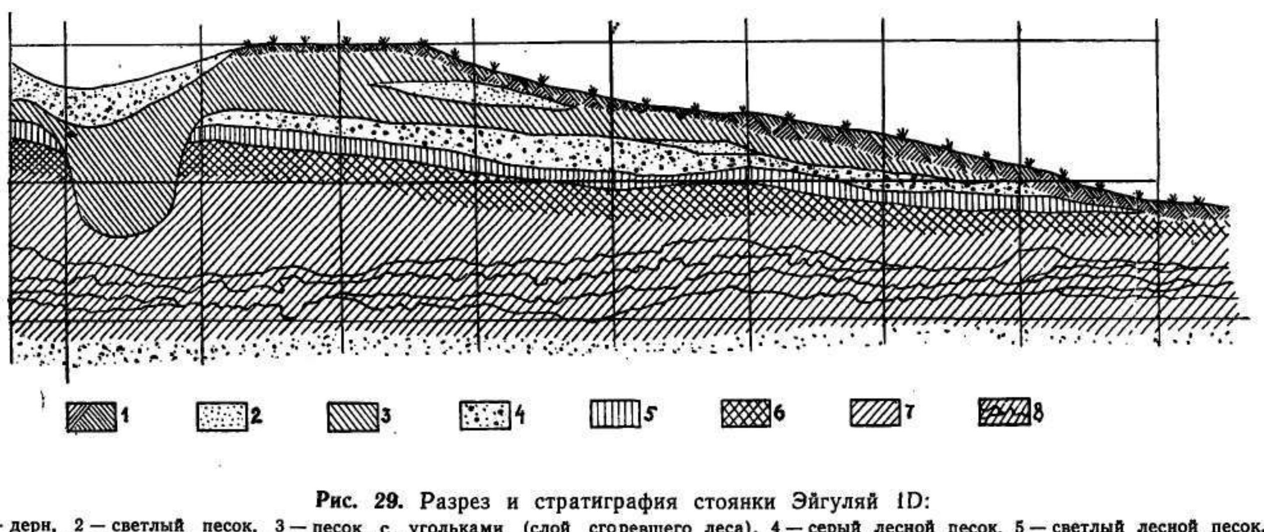


Рис. 29. Разрез и стратиграфия стоянки Эйгуляй 1D:
1 — дерн, 2 — светлый песок, 3 — песок с угольками (слой сгоревшего леса), 4 — серый лесной песок, 5 — светлый лесной песок, 6 — ископаемая почва (культурный слой II тысячелетия до н.э.), 7 — подзол, железистый песок (культурный слой палеолита), 8 — прослойки суглинка с ортштейном.

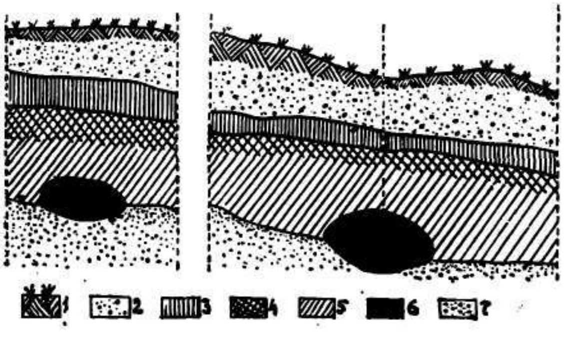


Рис. 30. Эйгуляй 1D. Очаги палеолитического культурного слоя стоянки:

1 — дерн, 2 — лесной песок, 3 — древняя почва, 4 — серый песок (культурный слой II тысячелетия до н. э.), 5 — слабо железистый слой палеолита, 6 — очаг, 7 — песок.

выемки. В большинстве своем пластины, несомненно, служили наконечниками стрел, обработанными весьма небрежно.

Значительно лучше сделаны скребки. Они изготовлены из продолговатых, довольно толстых пластин; лезвия крутые, сильно ретушированные (рис. 31, *9—11*). Двухконцевой скребок найден лишь один (рис. 31, *9*). Короткие скребки встречались очень редко, а круглые отсутствовали вовсе. Можно упомянуть два комбинированных скребка-резца (рис. 31, *15, 16*).

Резцов очень много. Большинство их клинообразные, без какой-либо ретуши у рабочей части (рис. 31, *7, 8, 12, 13*). Меньшая часть имеет рабочий угол, оформленный сколом и ретушью (рис. 31, *15, 17*). Своеобразную группу составляют резцы, имеющие ретушированный рабочий угол (рис. 31, *14*). Ретушированных отщепов, а также нетипичных находок мы почти не встретили, за исключением одного треугольного изделия с сильно сработанным рабочим краем. Вместе с тем найдено много крупных изделий, для которых иногда использовались нуклеусы. Из крупных толстых пластинок изготовлялись изделия типа скребков (рис. 37, *18*) и резцы (рис. 31, *17*). Характерны крупные мотыгообразные скобели с вогнутыми боками (рис. 31, *19*).

Все нуклеусы — двухплощадочные. Иногда они очень длинные и к одному концу суженные (рис. 31, *20*). У некоторых основания настолько скошенные, что в разрезе представляют треугольник. Выделяются нуклеусы, сплющенные с лицевой стороны, напоминающие по форме мотыги или топорики и, по всей вероятности, употреблявшиеся в этом качестве.

Ближайшей параллелью трем упомянутым стоянкам Эйгуляй 1 являются стоянки П и п л я й (Каунасский р-н), обнаруженные не in situ, а на пойме, в слое гравия. По-видимому, берег здесь в свое время был подмыт рекой и находки сползли вниз. В силу этих обстоятельств изделий обнаружено немного, в том числе ни одного наконечника стрел. Однако весь остальной инвентарь позволяет связывать их с инвентарем стоянок Эйгуляй 1.

Пластины, обнаруженные в Пипляй, в большинстве широкие и длинные, иногда по краям имеют ретушь. Наиболее характерными являются два резца, скребок и изделие, предназначенное, видимо, для рубки (рис. 32, *1—10*); оно очень напоминает крупные изделия стоянки Эйгуляй 1 В. Нуклеусы стоянки Пипляй—крупные. Им соответствуют крупные и широкие пластины. Хотя обнаруженные нуклеусы не имеют правильной формы, но все же они явно двухплощадные, призматические, со скошенными основаниями. К этой же стоянке скорее всего относится почерневшая, сильно минерализованная часть лопатки какого-то животного.

По совокупности инвентаря и топографии близкими к ранней стоянке Эйгуляй 1 являются и стоянки С к а р у л я й (Ионавский р-н), хотя здесь проступают некоторые более поздние черты.

Стоянки Скаруляй (Jablonskytė, 1941, стр. 3—20) расположены на второй, очень широкой надпойменной террасе р. Нярис. (Третья терраса здесь находится на расстоянии 2 *км* от реки.) Высота террасы в настоящее время — 12—13 *м* над уровнем реки. Однако местами терраса настолько выветрена и размыта, что ее высота опускается до 9 *м*. На ней образовались невысокие дюны, поросшие соснами. В пойменном аллювии террасы, там, где залегали находки, гравия мало, песок без примесей и довольно чистый. Разрезы показали, что в большей части площадки, занимаемой стоянкой, под сравнительно тонким слоем пойменного аллювия лежит слой темно-красного, сильно лимонизированного песка толщиной до 50 *см*. В нижней своей части он переходит в слой более светлого песка, под которым лежит крупный гравий.

На возвышенностях, не подвергшихся выветриванию, разрез показал такое же наслоение, как и в стоянках Эйгуляй 1В и D. Неолитические находки обнаружены в тонком слое древней почвы, а в полуметре ниже, в чистом, несколько ортштейнированном песке найдены покрытые патиной отщепы, относящиеся к палеолитической стоянке. Так как почти вся площадь подверглась сильному выветриванию, принадлежность находок к палеолитическому или неолитическому комплексам устанавливается типологически и по другим внешним признакам. На площади около 1 *км* длиной и 400 *м* шириной обнаружены 3 отдельных скопления находок — I, II, и III стоянки.

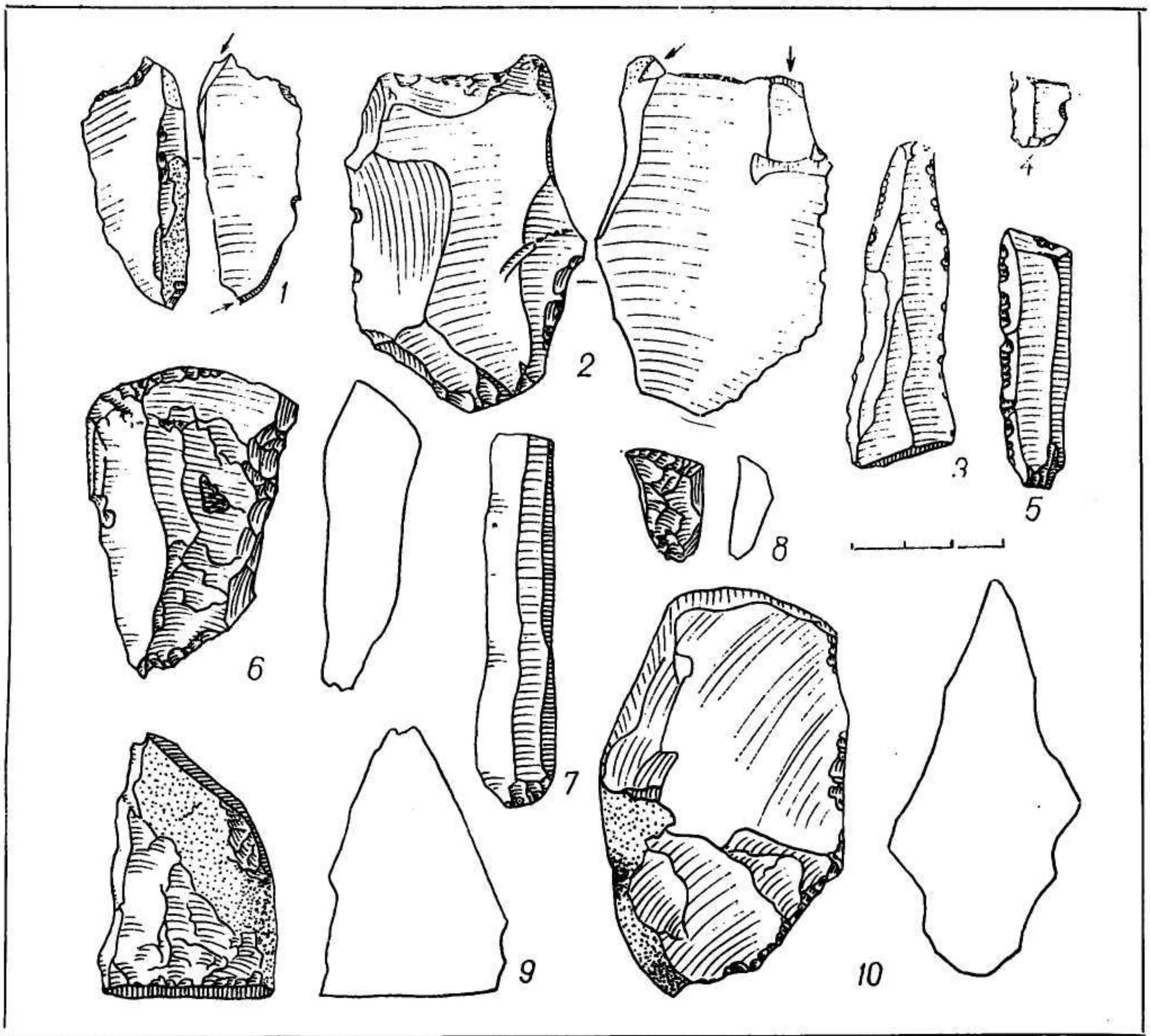


Рис. 32. Орудия стоянки Пипляй

Основные палеолитические находки относятся к I стоянке; почти все палеолитические изделия здесь покрыты толстой голубой или почти синей патиной. Некоторые из них ортштейнированы — коричневые. Неолитические изделия, поднятые на этом месте, не имеют ни патины, ни признаков ортштейнирования.

Значительную часть инвентаря составляют свидерские наконечники стрел (рис. 33, *1—27*) с невыделенными черешками. Для изготовления наконечников употреблены в большинстве случаев, как и в Эйгуляй 1, неровные пластины; их вершины почти не подвергались ретушированию, черешок же зачастую обрабатывался со стороны спинки плоской свидерской ретушью. Иногда черешки ретушировались по краям. Среди находок имеется несколько широких наконечников, ретушированных только по краям, и некоторое количество острых вершинок от наконечников стрел неопределенного типа.

Скребков обнаружено много и довольно разных. Продолговатых (рис. 34, *1—3, 5, 6*) меньше, чем широких и крупных (рис. 34, *4, 8*) (см. табл. II). Бугорок скола с брюшка обычно выровнен, а края иногда ретушированы. Найдены два скребка с двумя рабочими концами (рис. 34, *5*) и один с выемками по сторонам (рис. 34, *9*).

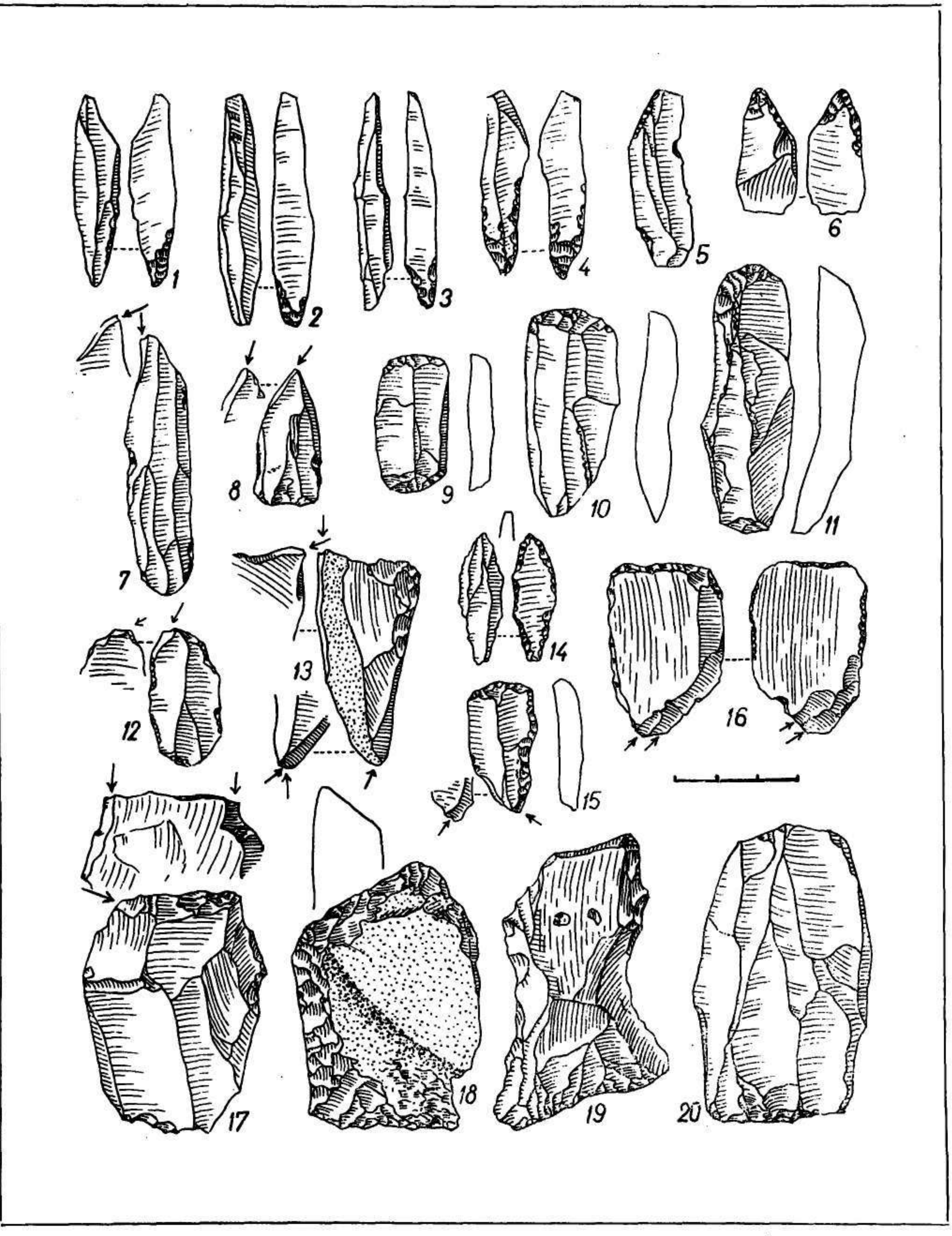


Рис. 31. Орудия стоянки Эйгуляй 1D

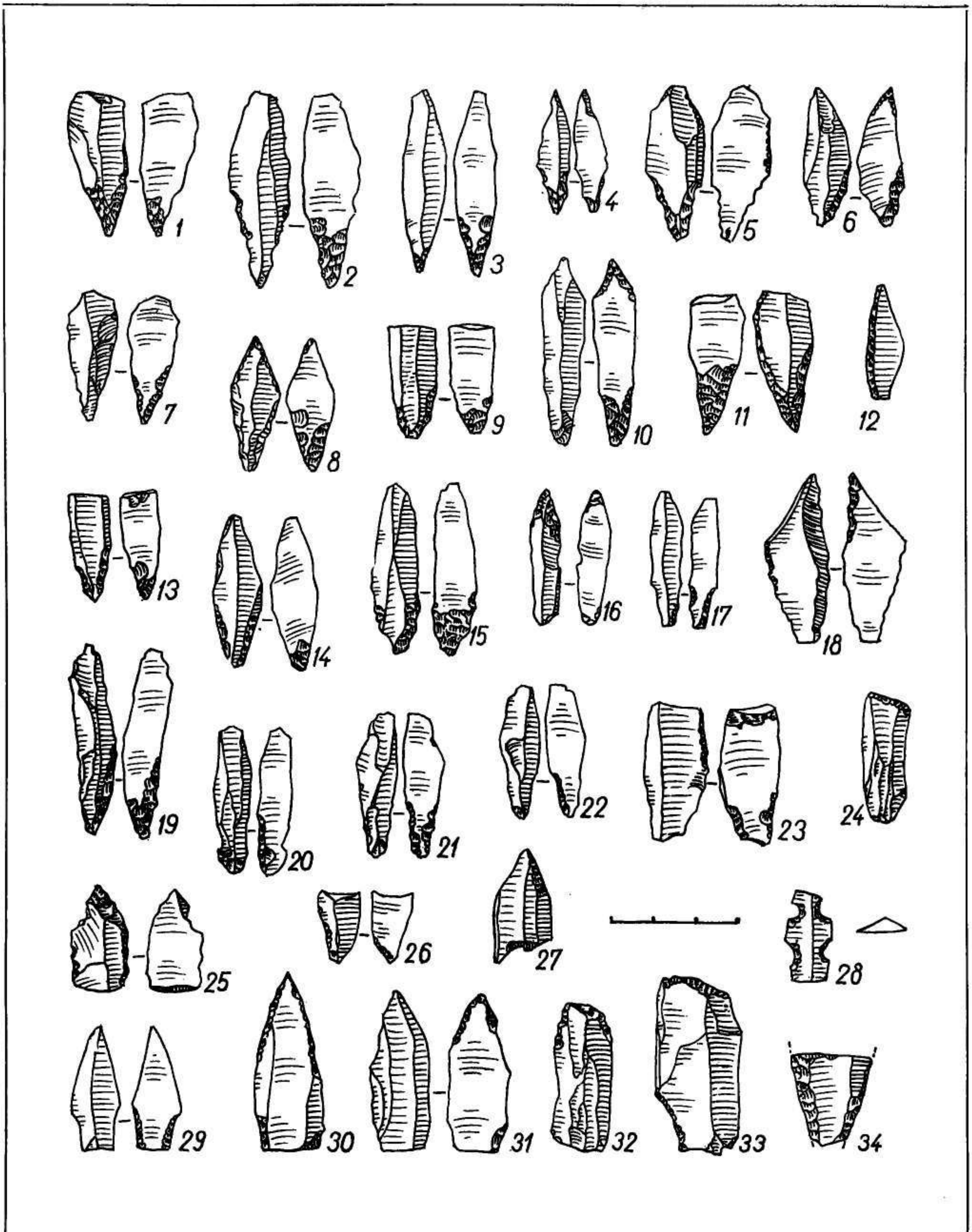


Рис. 33. Орудия стоянки Скаруляй

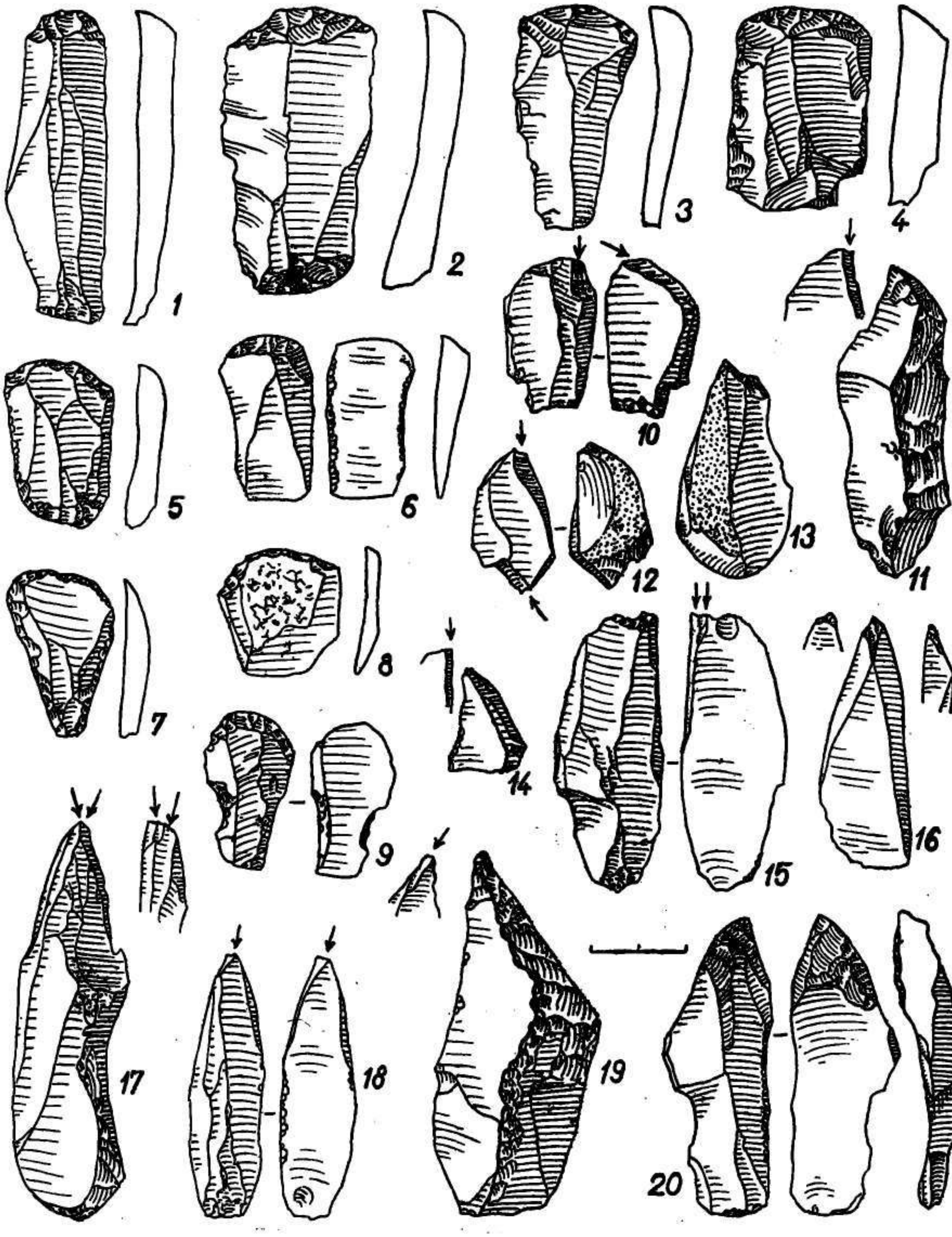


Рис. 34. Орудия стоянки Скаруляй

Большинство резцов крупные, изготовленные из довольно толстых отщепов, с широкой режущей гранью. Преобладают боковые резцы (рис. 34, *10—12, 19*), изредка имеющие ретушь. Серединных резцов обнаружено всего несколько экземпляров (рис. 34, *17*). Кроме того, ряд резцов имеют своеобразную форму (рис. 34, *13, 16, 20*).

Среди других находок известный интерес представляет небольшая пластинка с четырьмя ретушированными выемками (рис. 33, *28*); оба ее конца обломаны. Такой тип орудия нигде больше не повторяется. Судя по тому, что оно орттштейнировано, его можно отнести к палеолитическому комплексу.

Следует также упомянуть ножи со скошенными с одного края вершинами (рис. 33, *32, 33*), а также различные ретушированные пластины (рис. 33, *24, 34*) и фрагменты изделий, по которым теперь уже трудно установить форму орудий.

По разнообразию форм изделий стоянки Скаруляй несколько отличаются от стоянок Эйгуляй 1; первые относятся, несомненно, к несколько более позднему времени, но все же входят в I группу выделенных нами выше стоянок свидерского типа.

На территории Литвы существовали и другие стоянки I группы, помимо тех, которые мы назвали. Однако инвентарь их, как правило, весьма невелик, и не может добавить ничего существенного к тому, что уже сказано. Остановимся только на тех стоянках, которые часто упоминались в литературе и долгое время представляли в глазах археологов свидерскую культуру на современной территории Литвы. Одной из таких была группа стоянок свидерской культуры в Рудне.

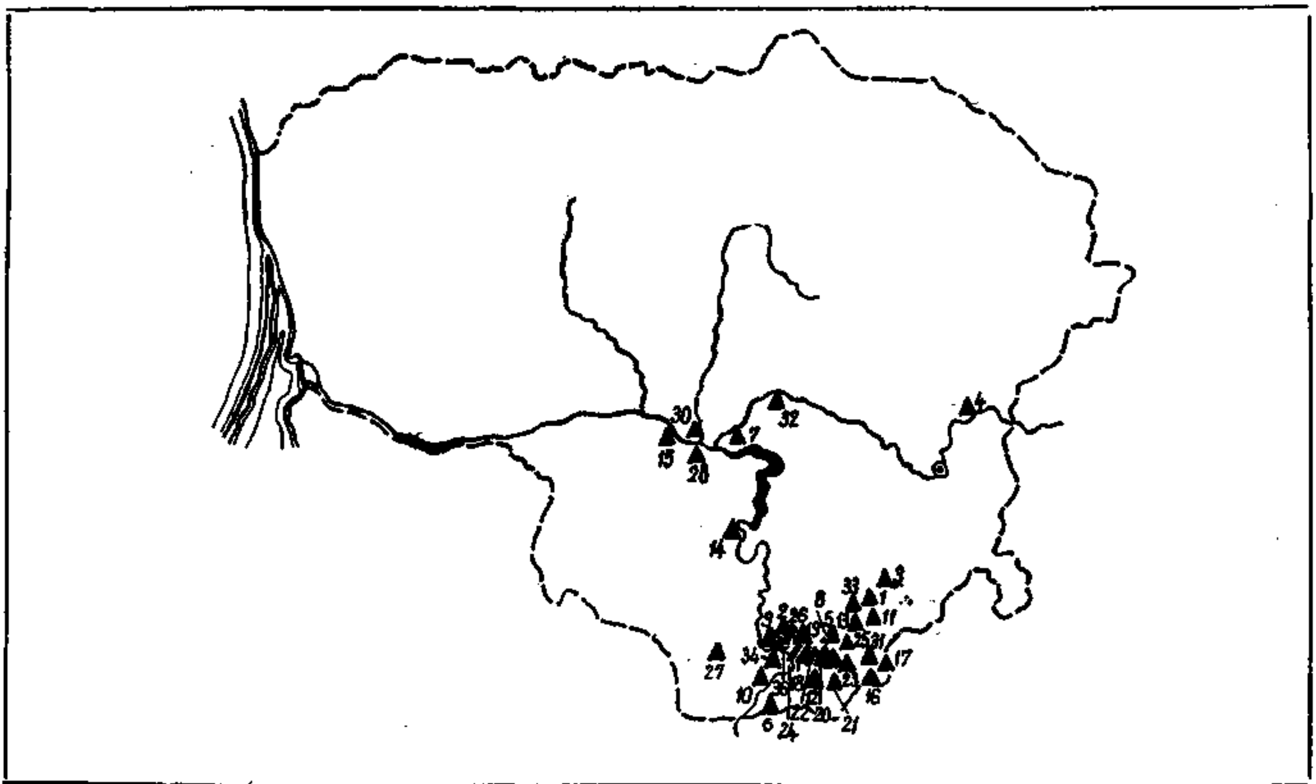


Рис. 35. Распространение палеолитических свидерских стоянок в Литве:

1. Акмуо, *2.* Апсинге, *3.* Бабришкес, *4.* Братонишкес, *5.* р. Дярежнича, *6.* Друскининкай, *7.* Эйгуляй, *8.* оз. Эшярнис, *9.* Эжярнас, *10.* Гайлюнай, *11.* Гирайте, *12.* оз. Глинас, *13.* оз. Глукас, *14.* Ивонишкес, *15.* Юдрайчяй, *16.* Кашетос, *17.* Крокшлис, *18.* Лаукининкай, *19.* Максимонис, *20.* Мардосавас, *21.* Марцинконис, *22.* Маскаука, *23.* Мяргяжярис, *24.* Маркине, *25.* Митришкес, *26.* Нятесай, *27.* Павейсининкай, *28.* Пипляй, *29.* Пувочяй, *30.* Раудондварис, *31.* Рудня, *32.* Скаруляй, *33.* ф. Варене, *34.* Жильвичяй, *35.* Живульчишке.

Материалы стоянок Рудня, известные по коллекции В. Шукевича, как уже было указано, перемешаны. Разведки, проведенные в последние годы в окрестностях Рудни, обнаружили только одну стоянку (Рудня 4), изделия которой можно поставить рядом с находками Эйгуляй 1 и других стоянок ранней свидерской культуры.

Стоянка Рудня 4 (Bernotaitė, 1959) находилась высоко, на второй надпойменной левобережной террасе р. Ула, к юго-западу от озера того же, что и река, названия. Местность

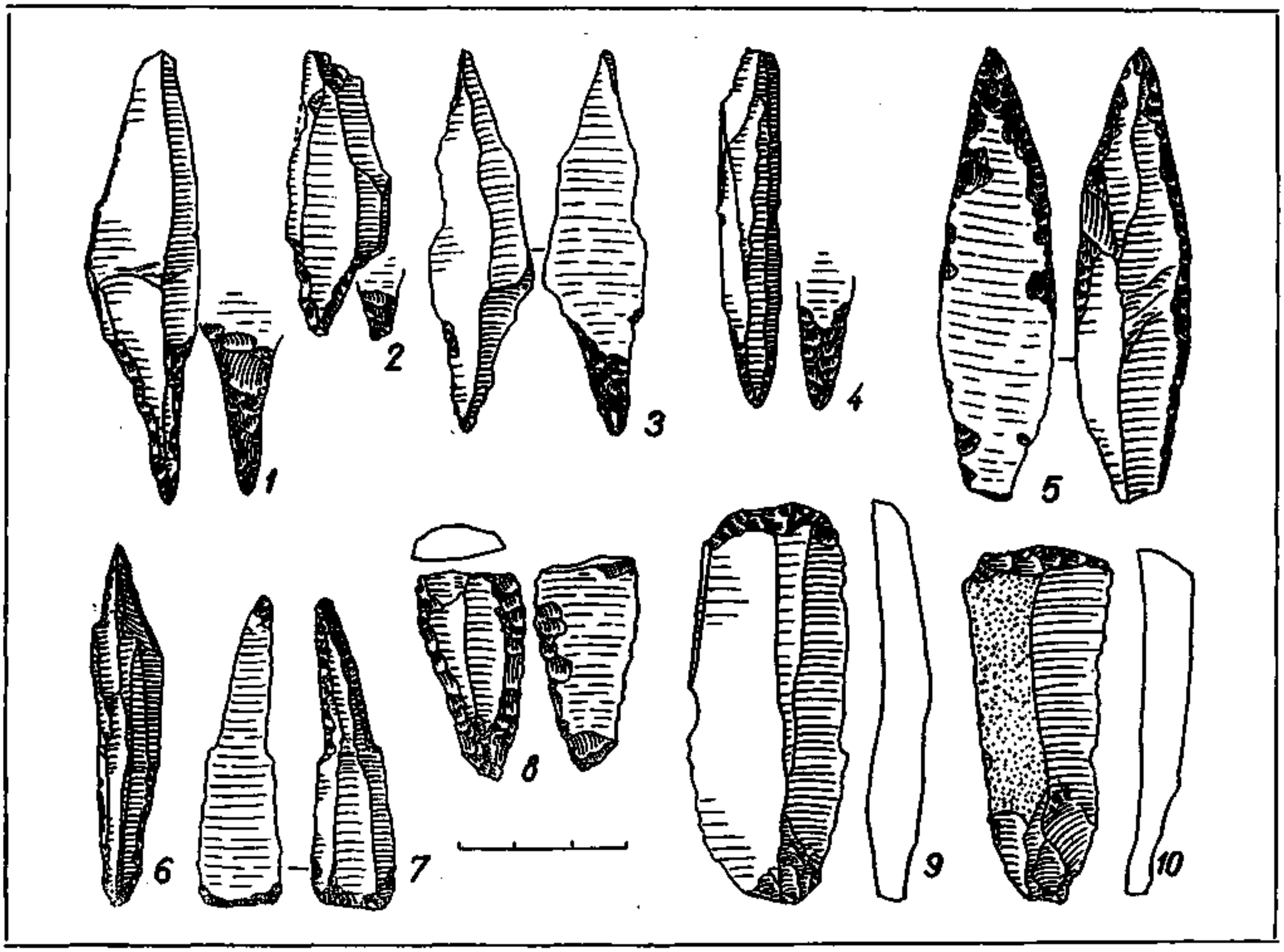


Рис. 36. Свидерские орудия стоянок у пос. Рудня

представляет собою крутой песчаный откос. В прошлом он был занят лесом; позже лес вырубили, и откос оказался размытым водой. Кремневые изделия в большинстве смыты к подножью откоса. Относятся они к нескольким периодам. Ранние выделяются белой и синеватой патиной. Среди них следует упомянуть свидерский наконечник раннего типа с невыделенным черешком (Bernotaitė, 1959, илл. 3:6), крупный боковой резец, сделанный из нуклеуса, небольшой продолговатый скребок (?) (Bernotaitė, 1959, илл. 3:8) и широкие неправильные нуклеусы.

Некоторые свидерские изделия из коллекции В. Шукевича, собранной в Рудне, имеют толстую белую патину (большинство же лишено патины). Коллекционные изделия с патиной полностью соответствуют находкам стоянки Рудня 4 и по форме отличаются от более поздних. Так, к ранней группе свидерской культуры следует отнести наконечники с невыделенным черешком, покрытые патиной. Несколько особняком стоит один наконечник, расширенный посередине, но и он не выпадает из общего комплекса типа Эйгуляй 1 (рис. 36, *1*). В коллекции Рудня имеются скребки с патиной раннего свидерского типа — узкие и длинные. Однако наряду с ними встречаются и широкие, короткие скребки, также покрытые патиной. Сейчас трудно установить, следует ли отнести к раннему свидерскому комплексу в Рудне только длинные скребки и как датируются остальные.

К сожалению, коллекция Шукевича не представляет полного комплекса; в ней почти отсутствуют резцы (имеется лишь один продолговатый клиновидный резец, покрытый толстой белой патиной), нуклеусы, а также остатки обломанных орудий. Поэтому коллекция сейчас, по сути дела, лишь указывает на факт существования в данной местности ранней свидерской культуры.

В коллекции Шукевича значительное место занимают находки из стоянок Кашетос.

Трудно сказать, относятся ли хотя бы некоторые изделия к стоянкам, которые удалось локализировать здесь в советское время (Bernotaitė, 1960, стр. 49—51). Свидерские находки в Кашетос еще более разнообразны по типам, чем в Рудне. Среди них мы находим изделия, явно относящиеся к I свидерской группе, однако большинство относятся ко II группе.

Часть наконечников Кашетос (рис. 37) из коллекции Шукевича, покрытых синеватой патиной, с невыделенным черешком, принадлежит к свидерскому типу. К этой группе относится и сравнительно большое число резцов[1] с отчетливо сколотым рабочим углом, изготовленных из пластин. Ретушь обычно наносилась на них по краям. К этой же группе изделий, по-видимому, должны относиться и некоторые длинные скребки, а также ножи с косо скошенной и ретушированной вершиной, довольно крупные, покрытые толстой патиной.

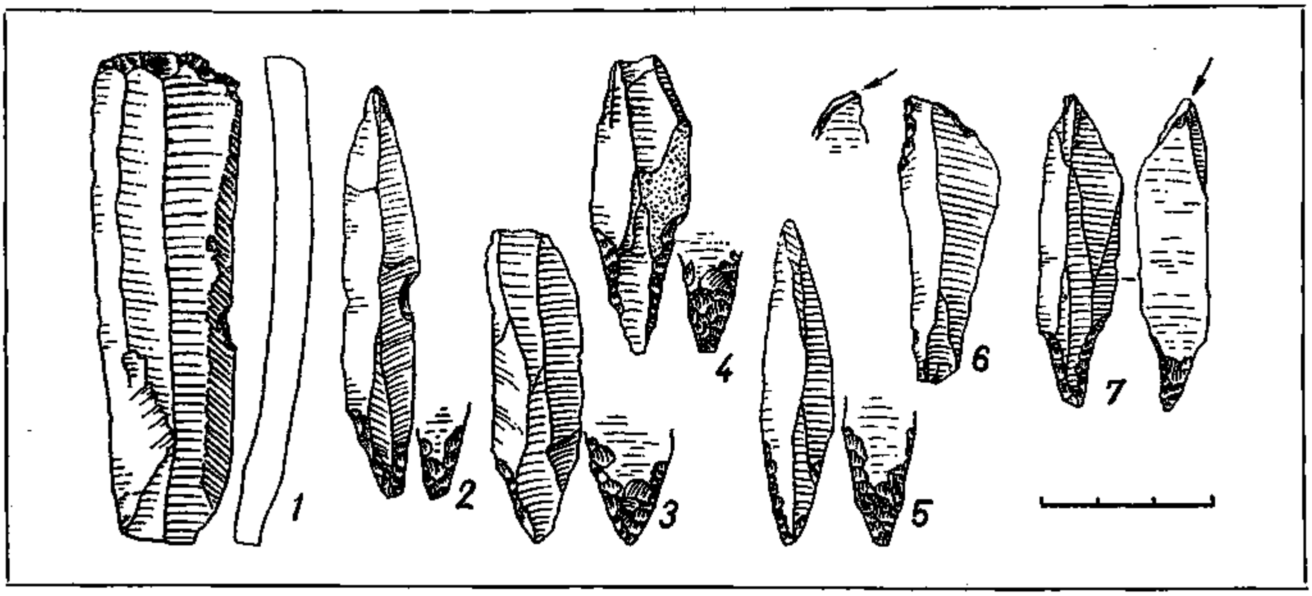


Рис. 37. Свидерские наконечники, резцы и скребок стоянок у пос. Кашетос

В коллекции Шукевича значительное место занимают свидерские изделия, поднятые в окрестностях озера Дуба. Из них наиболее ранние типы изделий встречаются в группе стоянок Грибаша. Это длинные свидерские наконечники с невыделенными черешками, а также длинные (но не узкие) скребки. Все они покрыты довольно толстой патиной.

В коллекции Шукевича имеются, помимо того, очень ранние образцы свидерских наконечников, поднятые в Марцинконисе (как и многие другие стоянки, обследованные Шукевичем, она находится на территории нынешнего Варенского р-на, Литовской ССР). К сожалению, обследование этой местности, проведенное в последние десятилетия, не обнаружило стоянок, которые относились бы к столь раннему времени (по-видимому, места стоянок заросли лесом).

Большинство остальных свидерских находок, имеющихся в коллекции В. Шукевича, принадлежит к более позднему — II комплексу свидерских стоянок или даже к мезолиту.

2) Памятники II (поздней) группы

Вторая группа палеолитических свидерских стоянок, существовавших на современной территории Литвы, отличается от первой некоторыми формами изделий, изменением их количественного соотношения и топографией.

Правда, наконечники стрел часто еще не имеют выделенного черешка или черешок лишь чуть-чуть намечен, но они обычно короче и шире. Тем не менее наконечников с ясно выделенным черешком в этой группе намного больше, чем в первой. Острие и края наконечника, в отличие от I группы, чаще ретушированы. Длинные скребки уступают место более коротким, сделанным из довольно широких пластин. Встречаются резцы, острие которых образовано при помощи скалывания и ретуши. Но большинство составляют клинообразные, короткие, широкие резцы. Нуклеусы близки к себе подобным из стоянок I группы.

[1] Как уже говорилось, резцы в коллекцию Шукевича попадали редко — разве только те, которые имели явные следы ретуши.

Во второй группе уже заметно влияние других культур: появляются некоторые азильские элементы, чувствуется, хотя и незначительное, воздействие прибалтийского мадлена, еще не позволяющее отождествить эту группу с III группой свидерской культуры (см. стр. 83—91).

Стоянки II группы обычно располагаются на более высоких террасах, чем I группы, — на третьей надпойменной террасе или далеко от русла реки, что свидетельствует об их принадлежности к позднему дриасу.

Одной из наиболее характерных является стоянка Пувочяй (Варенский р-н) (Jablonskytė, 1941[a]), расположенная на верхней террасе р. Мяркис в песках протяженностью около 1 *км* и шириной до 700 *м*, окаймленных с северной стороны небольшими дюнами, поросшими соснами. В настоящее время ближайший источник воды (р. Мяркис) находится примерно на расстоянии 1 *км* к югу от стоянки. Поверхность песков подвергалась сильному выветриванию. Посередине их лежит камень высотой около 1 *м*. Находки концентрировались по отдельным площадкам, среди которых, в свою очередь, выделялись 1—3 скопления. По-видимому, здесь стояли отдельные шалаши или другие жилые строения, относившиеся к одной большой стоянке (рис. 38). Находки палеолитических скоплений совершенно одинаковы. Единственное исключение представляет скопление «F» начала бронзового века.

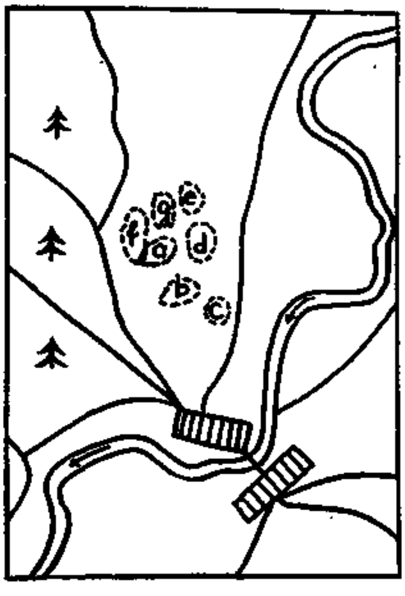


Рис. 38. Расположение стоянок Пувочяй 1

Наконечники стрел составляют в Пувочяй почти треть находок (табл. III). Они разнообразны, однако в целом относятся к свидерскому типу. Наконечники обычно довольно узкие, продолговатые, достигающие в отдельных случаях 8,1 *см* в длину. Встречается также свидерский наконечник с невыделенным черешком (рис. 39, *1—3;* 40, *1—3;* 41, *1—4*), ретушированным со стороны спинки свидерской ретушью. Острие чаще всего ретушировано по краям. Иногда ретушь идет почти по всему краю наконечника. Большинство наконечников имеет более или менее выделенный черешок (рис. 39, *4—8;* 40, *4—6;* 41, *5—7*). Наряду с такими встречаются также наконечники широкие, короткие, с острым коротким черешком, иногда напоминающим односторонние мадленские наконечники (рис. 41, *11, 12*), что дает право говорить о влияниях прибалтийско-мадленских культур. Близкими к мадленскому типу следовало бы считать и наконечники с почти несуженным черешком, которые, кроме того, часто ретушированы только по краям и не носят следов свидерской ретуши (рис. 39, *18;* 41, *5*). Наряду с этим вместе с поздними мадленскими типами сюда из области мадленской культуры попали азильские элементы в виде некоторых микролитов (рис. 39, *22;* 41, *22*).

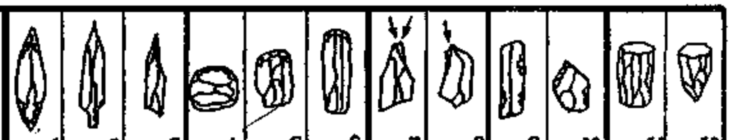
Количество скребков примерно наполовину меньше числа наконечников. Скребки не отличаются разнообразием. Большинство их овальной формы, с несколько сплюснутыми концами (рис. 40, *12, 13*), иногда приближающиеся к прямоугольному (рис. 41, *24, 25*). Лезвия — в виде выгнутой дуги, не очень выпуклые, довольно круто ретушированные. Скребок обычно изготовлялся из части пластины, имеющей бугорок, который скалывался далеко не всегда. Длина таких скребков обычно в полтора раза больше ширины. Встречаются и двухконечные скребки, иногда по форме приближающиеся к круглым (рис. 40, *20*). Значительно меньше длинных скребков (рис. 39, *24, 25;* 40, *26;* 41, *17*). Как правило, они толстые, с крутыми лезвиями, порой чуть тронутые ретушью по краям; в некоторых случаях — двухконечные (рис. 40, *25;* 41, *18*).

Число резцов в находках не достигает и половины количества скребков. Большинство их — клиновидные серединные (рис. 39, *21, 30, 31, 36;* 40, *17, 22;* 41, *11*), иногда обработанные по краю ретушью так, чтобы удобнее было держать в руке. Часть резцов — боковые и угловые (рис. 39, *37, 38*; 40, *23*), рабочий угол которых образован при помощи скалывания и ретуши.

Нуклеусы — обычной свидерской палеолитической формы, с двумя скошенными площадками. Скошенность иногда бывает настолько велика, что поперечный разрез нуклеуса представляет собой почти треугольник.

Из других изделий достойны внимания пластины-ножи с ретушированными краями или только концом (рис. 40, *15, 16;* 41, *8, 23, 28*). о количественном соотношении между отдельными видами изделий этого сказать нельзя. Своеобразие стоянки Пувочяй заключается в

Табл. IIIа



	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Пувочяй 1а	11	11	4	10	5	1	5	4	19	24	+	
Пувочяй 1b	12	4	4	10	15		3	4	12	13	+	
Пувочяй 1с	2	6		2	5		3	2	2	2	+	
Пувочяй 1d	36	9	1	5	8	4	3	1	15	7	+	
Пувочяй 1е	9		1	1	1	1	2	3	9	9	+	
Пувочяй 1g	2	1				1			3	1	+	
Пувочяй 1	8	1		1	1		3	1	1			
Эжяринас 1	2	5		3	3	1	15	8	9	5	+	
Эжяринас 4	2				2		2	1	4	6		
Эжяринас 14	5	3	1	2	5	2			2	7		
Митришкес 5с		5	3	1	3		1		7	1		+
Мардосавас 3				3			9	5	2	7		+
Ланкининкай	4	1				1	2		10	3	+	
Мяргяжярис 4		1		5			2		3	8	+	+
Эйгуляй 1С	2		3		1		2	1	8	5		
Глинас 3	2	3	2					1				
Бартонишкес 1	5						5	5	26	23		

Основные типы изделий некоторых позднесвидерских стоянок Литвы. Наконечники стрел: без черешка (1), черешковые (2), острия (3). Скребки: короткие (4), продолговатые (5), длинные (6). Резцы: серединные (7), боковые-угловые (8). Ретушированные пластинки (9) и отщепы (10). Нуклеусы: двухплощадочные (11), одноплощадочные (12).

Стоянка Пувочяй несколько отличается от других палеолитических стоянок. Если количественное соотношение типов внутри одного какого-то вида изделий (например, соотношение числа коротких и длинных скребков), можно считать признаком определенной культуры, то том, что люди жили здесь короткое время и почти не изготовляли орудий, о чем говорит мизерное количество отщепов.

Свидерской культуре характерно такое скопление нескольких одновременных маленьких стоянок, как, например, в песках у села

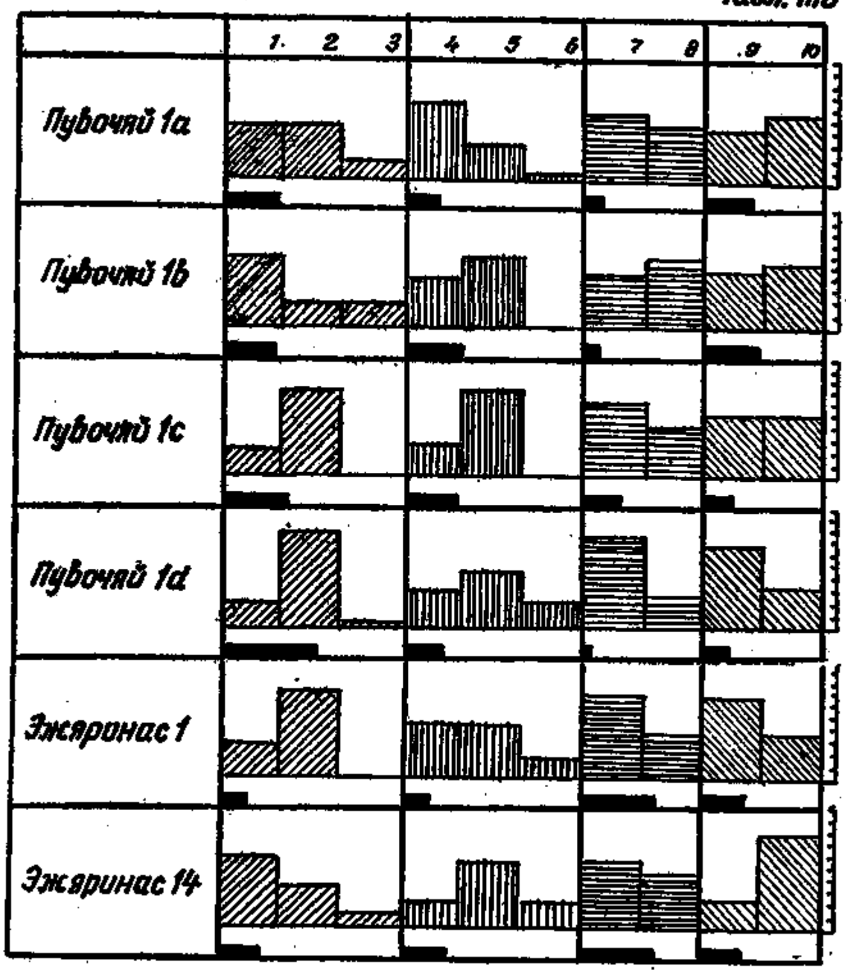
Акмуо (Варенский р-н). Ситуация здесь во многом напоминает условия стоянки Пувочяй. Скопление Акмуо тоже расположено на ровной площадке верхней террасы и в настоящее время находится очень далеко от воды. В этих песках люди, носители разных культур, останавливались неоднократно. Следы их остались в виде отдельных скоплений, разбросанных среди пустого пространства. Свидерское скопление находилось на самом краю песков со стороны деревни Акмуо. Обнаруженные здесь кремневые изделия и отщепы по своему виду соответствуют находкам стоянки Пувочяй. Все изделия (рис. 42) не тронуты патиной. Изготовлены они из серого, хорошего, несколько зернистого кремня.

В скоплении обнаружено шесть начатых обработкой свидерских наконечников — пластины с заостренными концами, кое-где ретушированные по краям, иногда и со стороны брюшка. Кроме того, найден маленький свидерский наконечник, широко ретушированный с брюшка, и часть другого такого же наконечника с отломанным острием. Вместе с ними был обнаружен двухплощадный нуклеус. Кроме находок, лежавших в скоплении, в песках оказалось еще три свидерских наконечника: два с выделенными и слабо ретушированными с обратной стороны черешками и один с невыделенным черешком, ретушированный только по краю с лицевой стороны (вероятно, это остатки разрушенных стоянок).

Ко второй группе свидерских стоянок следует отнести и стоянку Эйгуляй 1С, отличающуюся от А, В, и D как по топографии, так и по инвентарю (рис. 43).

Эйгуляй 1С находилась на третьей надпойменной террасе р. Нярис, выше более ранних стоянок (А, В и D), занимая небольшую площадку. Культурный слой ее не сохранился,

Табл. IIIб



Количественное соотношение типов изделий внутри каждой группы находок (вертикальная диаграмма) и между отдельными группами находок (горизонтальная диаграмма) позднесвидерских стоянок Литвы

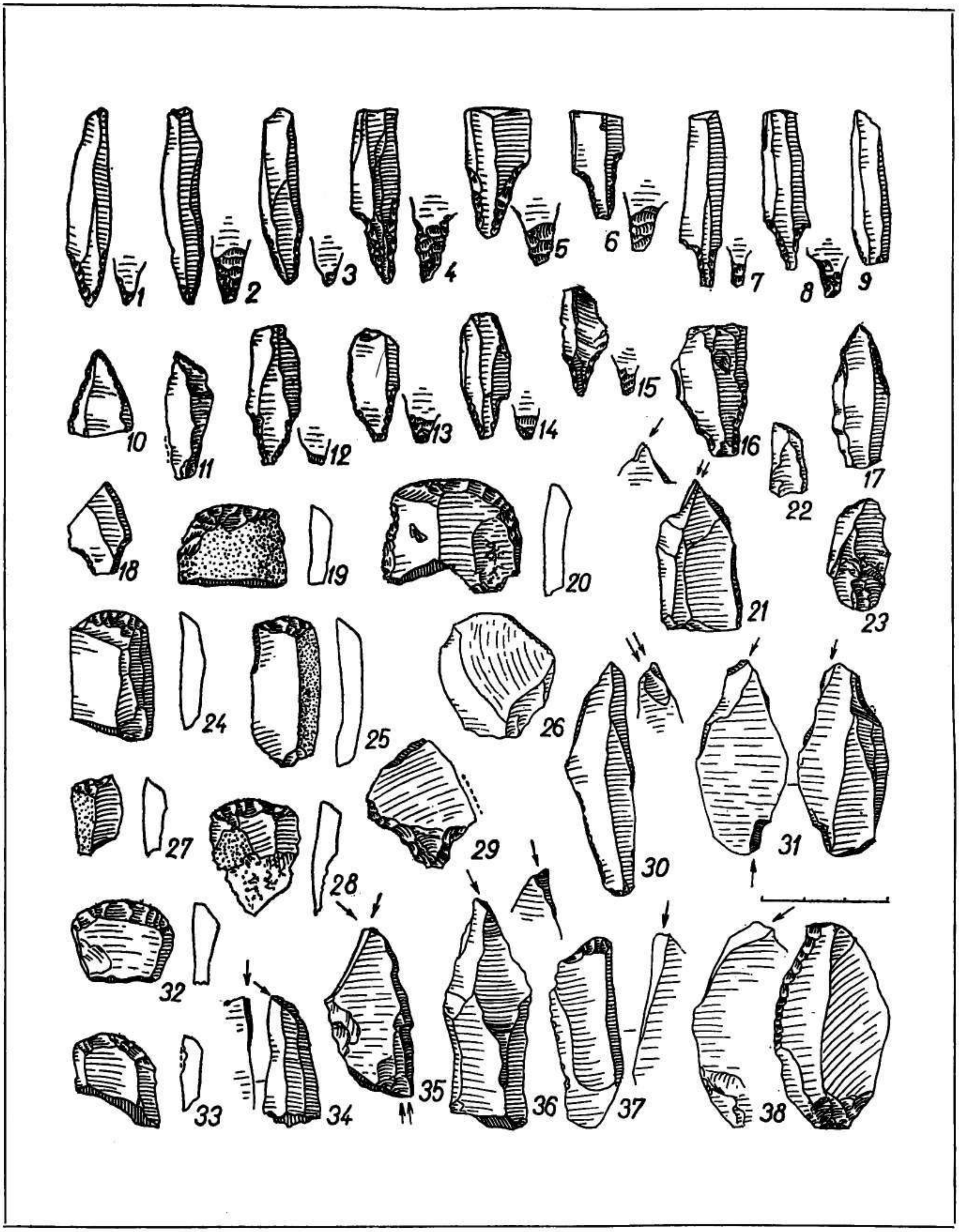


Рис. 39. Орудия стоянки Пувочяй 1а

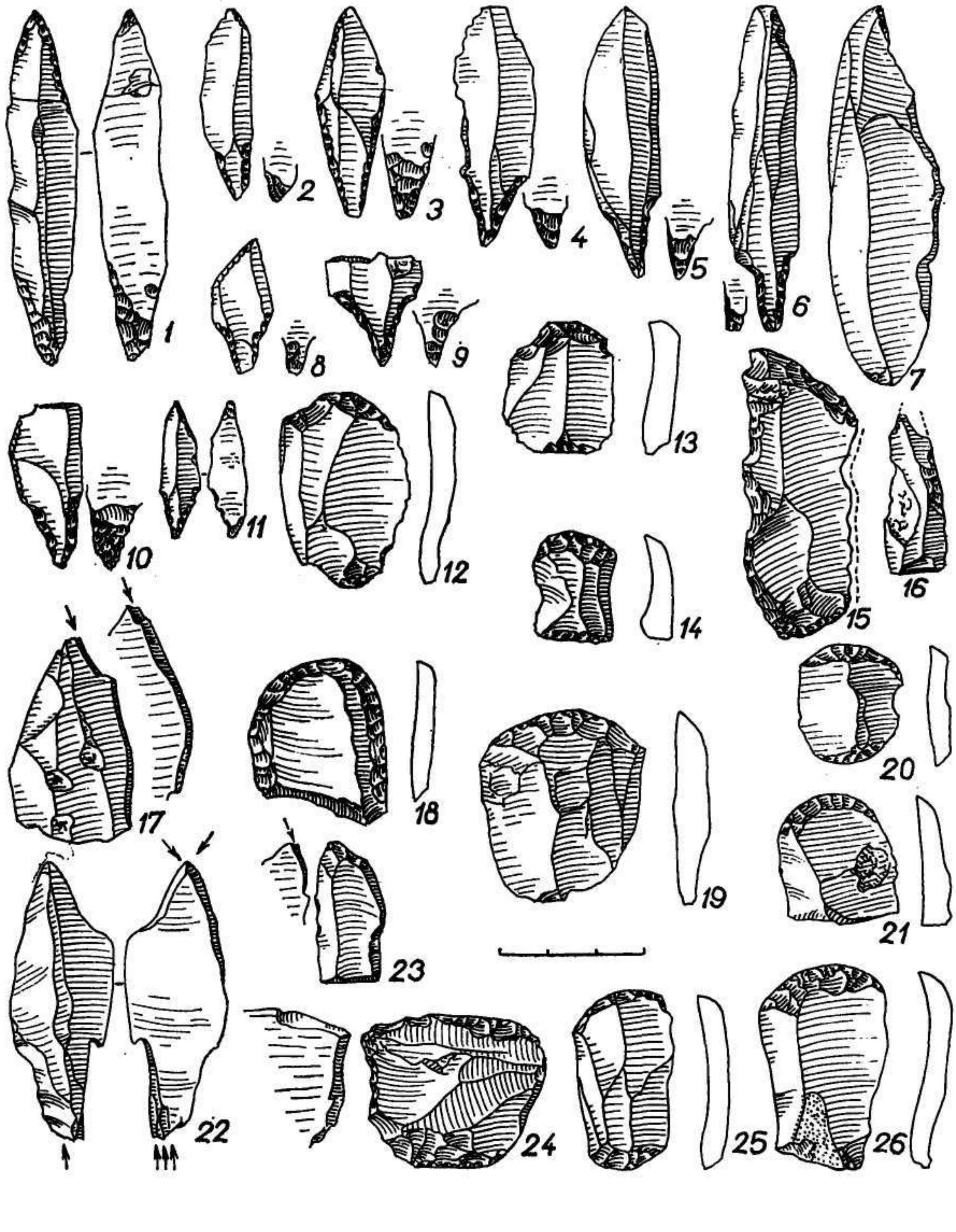


Рис. 40. Орудия стоянки Пувочяй 1b

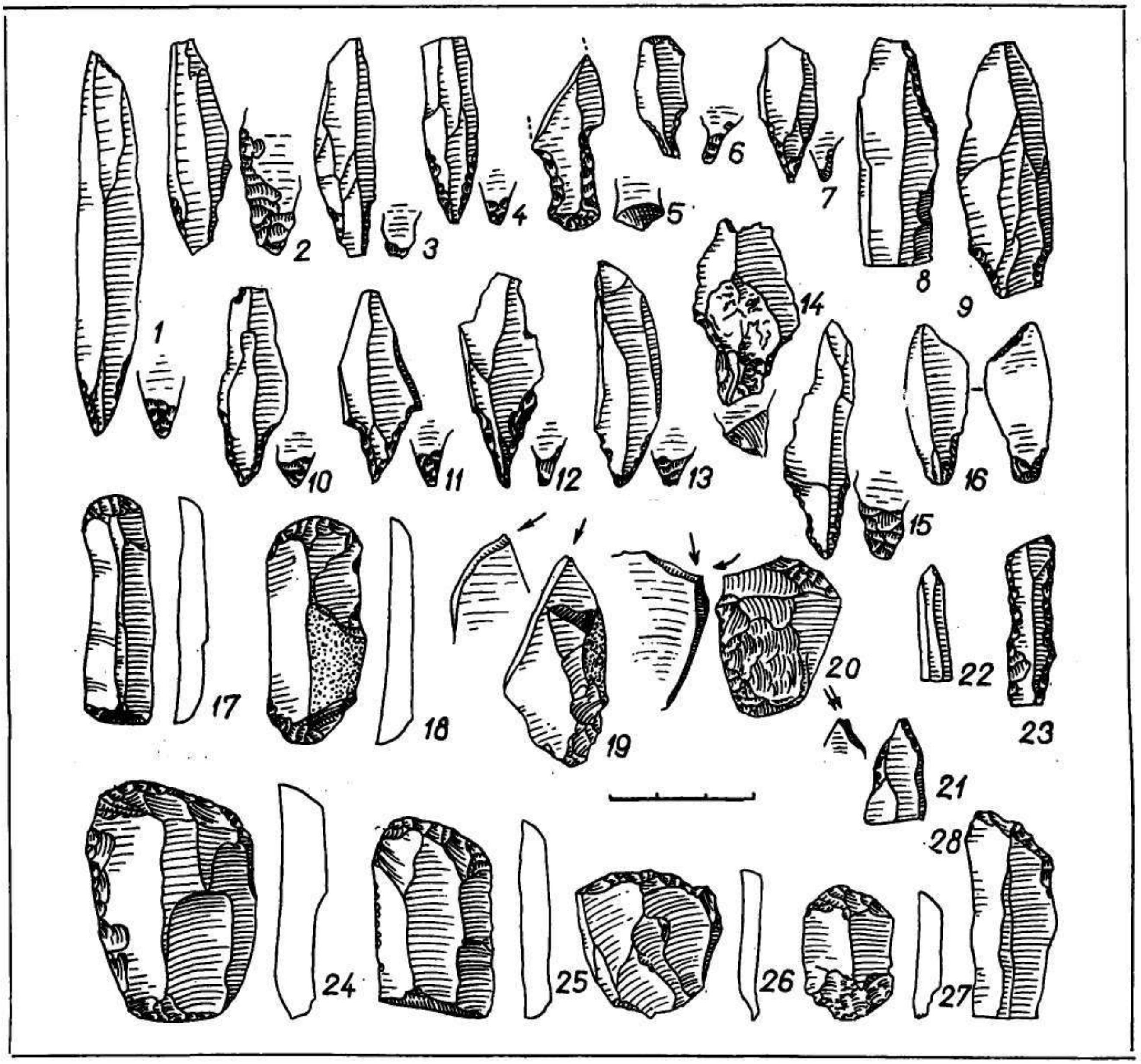


Рис. 41. Орудия стоянки Пувочяй 1d

но в инвентаре не обнаружено никаких вещей, которые принадлежали бы другим культурам или эпохам. Во время обследования место расположения стоянки было покрыто слоем серого лесного песка, в котором и лежали все находки. Безусловно, Эйгуляй 1С во многом похожа на А, В и D, но имеет своеобразные черты (которые могут служить основанием для некоторых сравнений): наконечники стрел обработаны более небрежно, чем в ранних стоянках; большое количество простых пластин, ретушированных кое-где по краям; немало различных специализированных изделий; все резцы имеют ретушированные вершины; обнаружен лишь один скребок — короткий, широкий, довольно правильной формы, с крутыми лезвиями (рис. 44, *1—13*).

На высоком берегу Немана, на третьей надпойменной террасе находилась позднепалеолитическая стоянка Ивонишкес (Пренайский р-н). Здесь найден наконечник свидерского типа, покрытый толстой голубой патиной, длинные ретушированные пластины, также с патиной, и несколько крупных изделий — скребок и топорообразные орудия, которые пока трудно точно отнести к какому-либо определенному периоду.

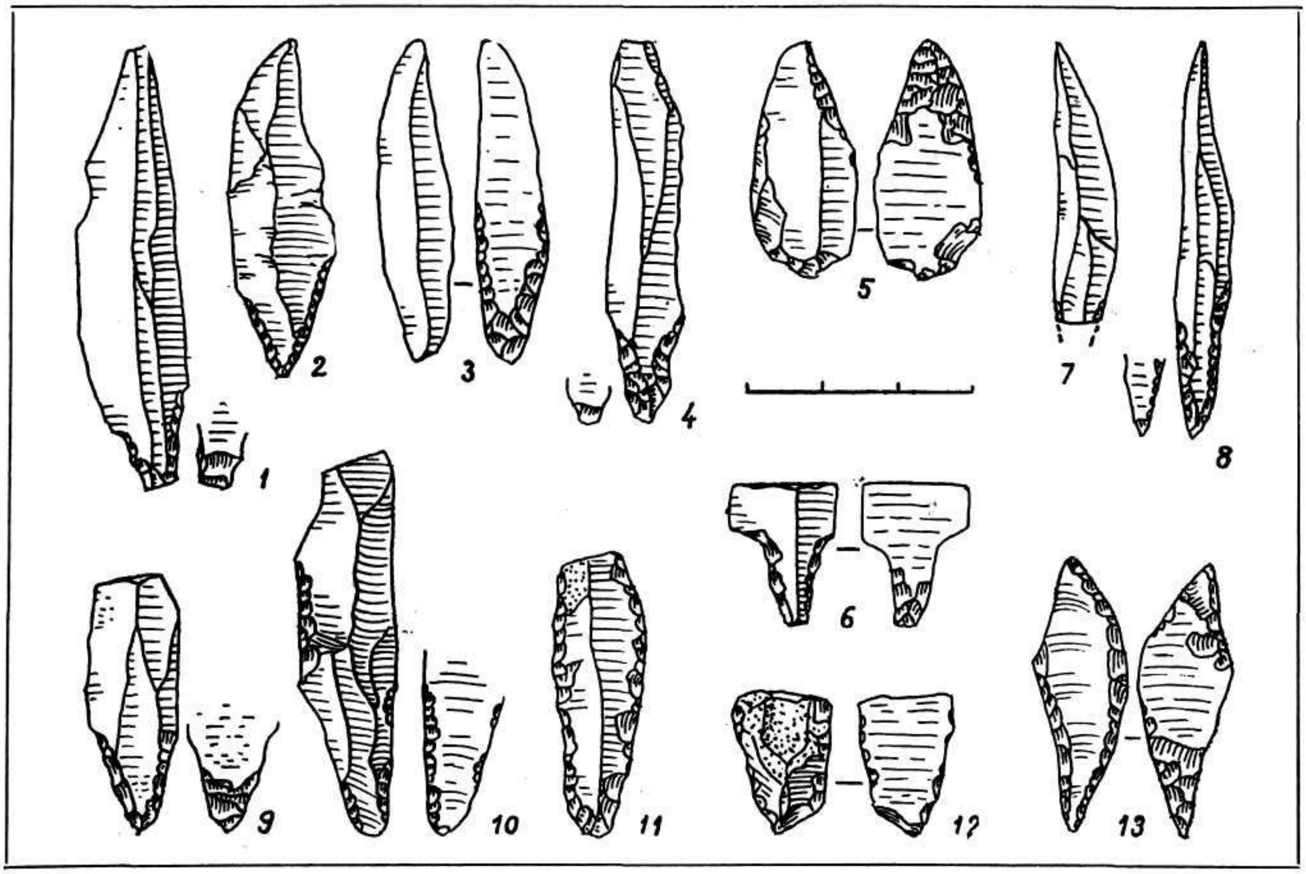


Рис. 42. Орудия стоянки Акмуо

Рис. 43. Вид стоянки Эйгуляй 1С

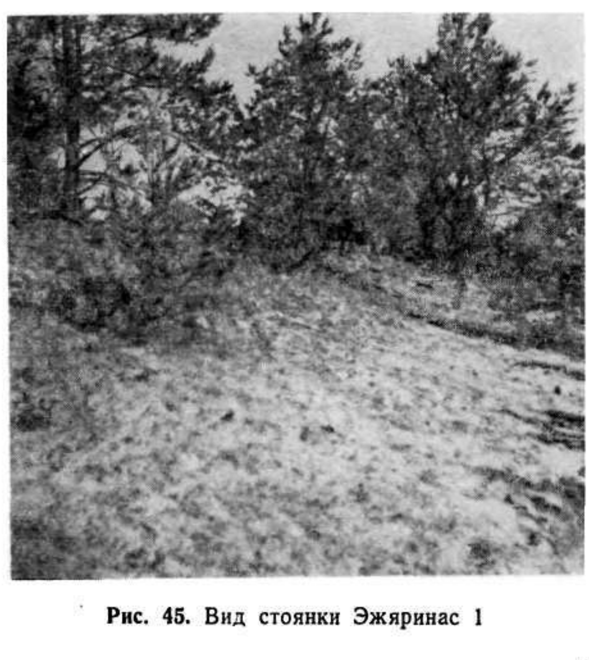


Рис. 45. Вид стоянки Эжяринас 1

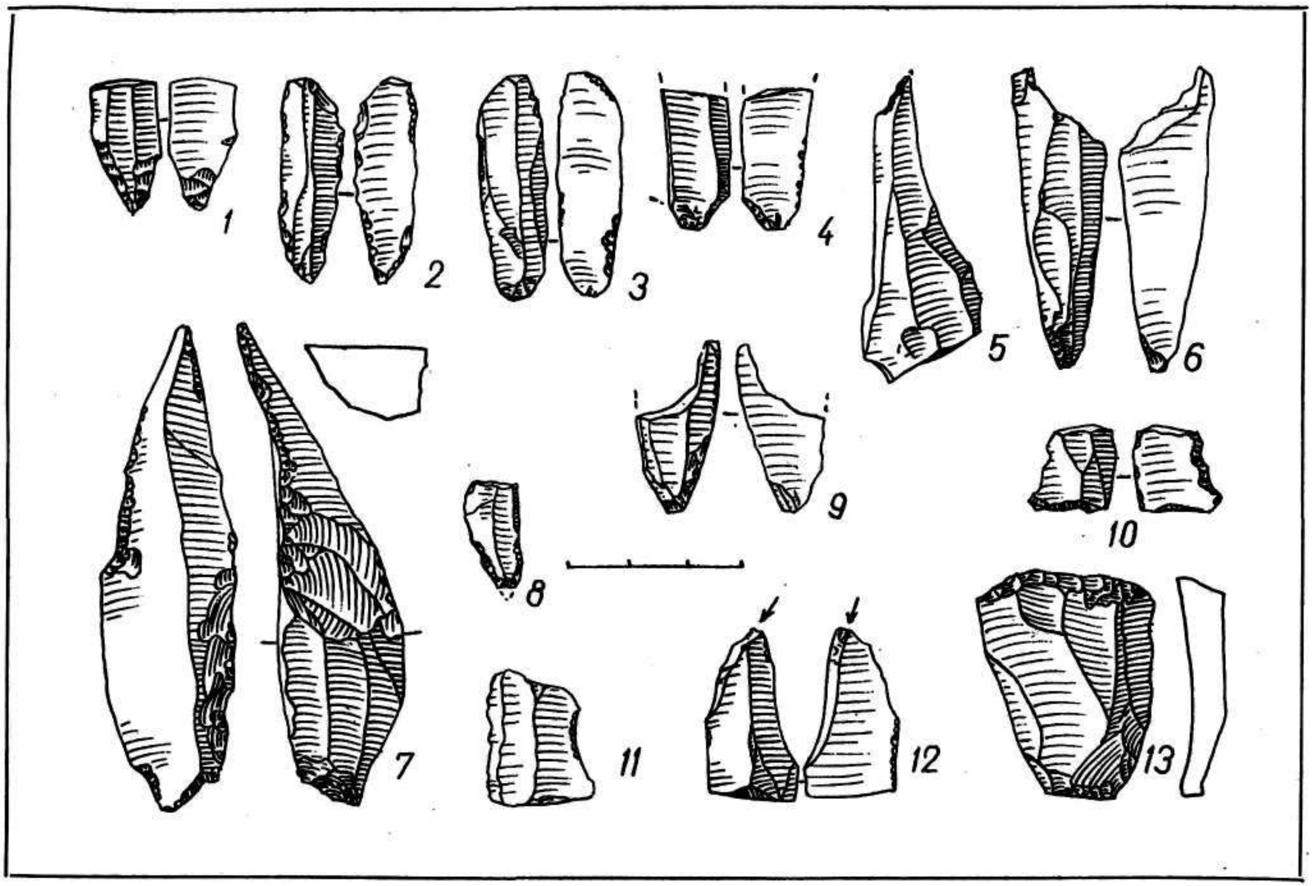


Рис. 44. Орудия стоянки Эйгуляй IC

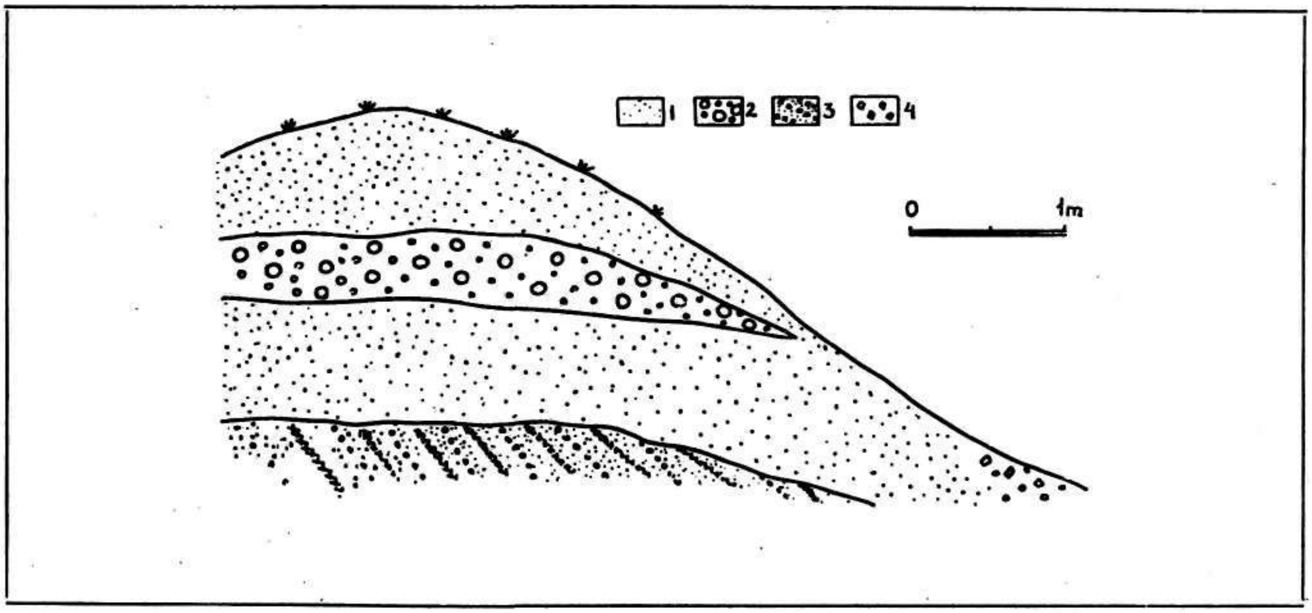


Рис. 46. Эжяринас. Разрез песочного вала у стоянки № 1:
1 — мелкозернистый песок, 2 — гравий с конкрециями кремня, 3 — железистый косо-полосатый песок с гравием, 4 — кремневые находки стоянки.

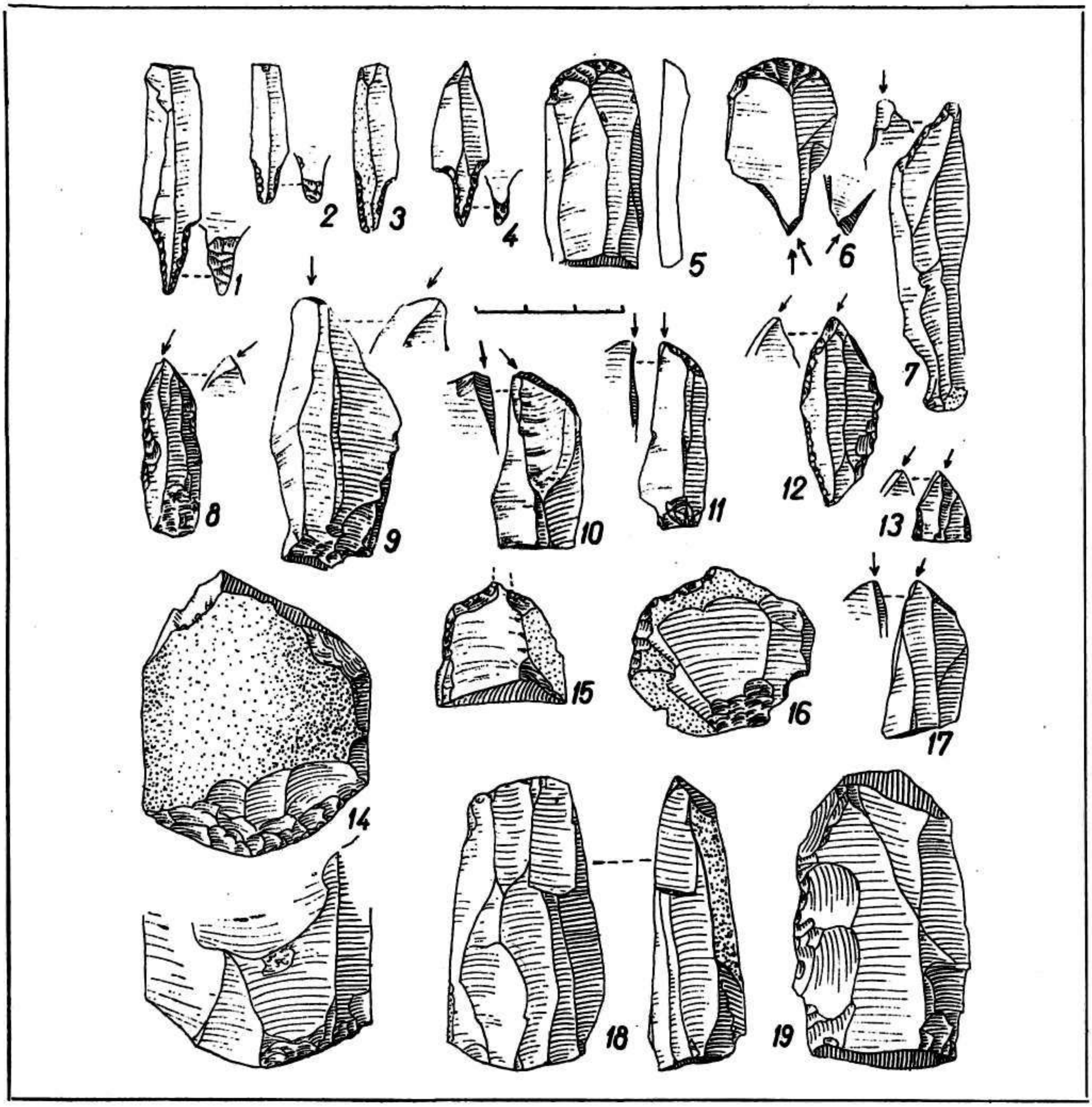


Рис. 47. Орудия стоянки Эжяринас 1

Примером небольших стоянок II группы могут служить три стоянки Эжяринас (Алитусский р-н), расположенные на третьей надпойменной террасе Немана (Jablonskytė-Rimantienė, 1966[a], стр. 87—109). Скопление Эжяринас 1 (рис. 45) обнаружено на додовольно крутом склоне, возвышающемся на 18 метров над современным уровнем озерка-болотца. Находки залегали в слое желтоватого песка толщиной в 15—20 *см,* рассеянные на площадке длиной 10 *м* и шириной 20 *м,* окаймленной с запада и севера песчано-галечным валом (рис. 46).

Почти все находки этого скопления покрыты белой патиной (рис. 47). Однако маленькие размеры наконечников и других изделий наталкивают на сравнение с аналогичными изделиями позднейших палеолитических стоянок. Скребки представлены двумя экземплярами. Обнаружен один скребок-резец. Резцов же сравнительно много — 20 штук. Все они очень сходны — клиновидные, серединные

или боковые, некоторые ретушированы. (Разумеется, делать статистические выводы на основе небольшого количества находок в данном случае невозможно.)

Как и в других стоянках Эжяринас, здесь обнаружены 4 топорика, ретушированные с одной стороны, а с другой только сколотые. После просмотра изделий в лупу (х8) убеждаешься, что они использовались именно как топорики. Характерным признаком существовавшей здесь мастерской являются 74 целых

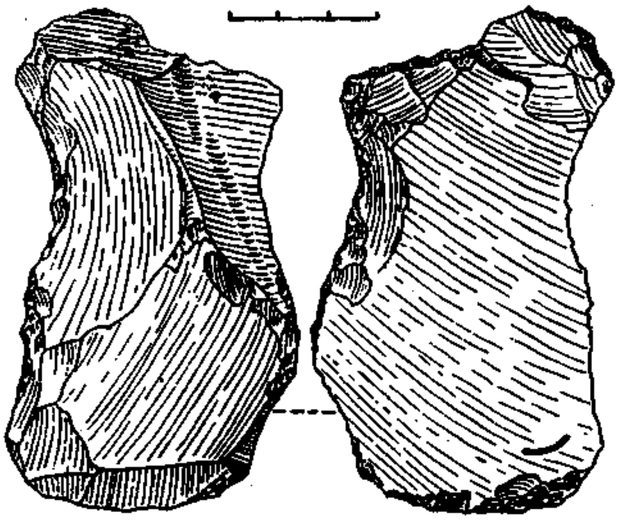


Рис. 48. Топорик с перехватом стоянки Эжяринас 4

нуклеуса и остатки еще 244-х. В большинстве они продолговатые, призматические, двухплощадные. Остальные — неправильные, одноплощадные. Некоторые нуклеусы ретушированы по бокам и использованы в качестве скребков. Найдены также крупные скребки, похожие на аналогичные изделия стоянок I группы.

Очень близки друг к другу находки скопления Эжяринас 4 и 14. В скоплении 4 наконечники стрел довольно позднего типа, хотя и имеют невыделенный черешок. Изготовлялись они тут же на месте, о чем свидетельствует большое количество заготовок в виде длинных правильных, иногда ретушированных пластин. Число резцов и скребков почти одинаково. Скребки небольшие, продолговатые; один из них — двухконечный. Резцы клиновидные, сделаны при помощи резцовых сколов. Два из них серединные и один боковой. Нуклеусы и крупные изделия (рис. 48) очень близки к соответствующим находкам из первого скопления.

Наиболее ранним среди свидерских скоплений Эжяринас, по-видимому, было 14-е, поскольку на его инвентаре не заметно никаких следов влияния прибалтийского мадлена.

Это скопление находилось выше остальных. С двух сторон его окружали невысокие валы, в которых слой кремнистого гравия был покрыт песком, нанесенным ветром. Почти все находки (рис. 49, 50) лишены патины. Наконечники стрел фрагментированные, небольшие, с невыделенными или незначительно выделенными черешками, ретушированные свидерской ретушью с оборотной стороны или по краям. Сохранилась только одна ретушированная вершинка наконечника. Из 9 скребков 2 крупных, не очень правильных форм. Остальные — небольшие, продолговатые, правильных форм; иногда имеют по краям ретушь; один из скребков двойной. Резцов обнаружено вдвое больше (18 экз.). Среди них четыре крупных, один из которых изготовлен из нуклеуса. Резцы в большинстве изготовлены из довольно крупных пластин. Они — клиновидные, серединные или сформированы при помощи скола и ретуши рабочего угла. Особенно правильную форму имеют крупные изделия, значительная часть которых изготовлена из нуклеусов.

Нуклеусов здесь найдено 50 штук. В большинстве они продолговатые, двухплощадные; 8 имеют краевую ретушь и употреблялись, несомненно, в качестве скребков. Кроме того, обнаружено 9 больших скребков, изготовленных из крупных кусков кремня. Близки к ним и два крупных скребка-резца. Особенно интересен топорик с зауженными боками и веерообразным лезвием. Его довольно выпуклая поверхность покрыта коркой, боковые выемки ретушированы только с лицевой стороны. Лезвие с обеих сторон носит следы использования топора по его прямому назначению. По своей форме он близок к суженным топорикам других поздних свидерских стоянок, а также к суженным нуклеусам стоянок I группы, таких, например, как Эйгуляй 1 D.

Большинство известных ныне стоянок II свидерской группы находится в окрестностях поселка Мяркине (Варенский р-н). Культурный слой здесь сохранился лишь в редких случаях, поскольку стоянки располагались на высоких песчаных берегах, подверженных выветриванию. Кроме того, эти места неоднократно заселялись и в более позднее время. Так, например, много находок этой группы обнаружено на холме Максимонис I, на песчаной вершине третьей надпойменной террасы Немана. Там же находилось большое число изделий, относящихся к другим культурам и периодам каменного века. Такая же картина наблюдалась в стоянке Мяркине — на голом холме у берега Немана, отделенном от стоянки Максимонис речкой Страуя, — и в других местах.

Интересные свидерские стоянки II группы

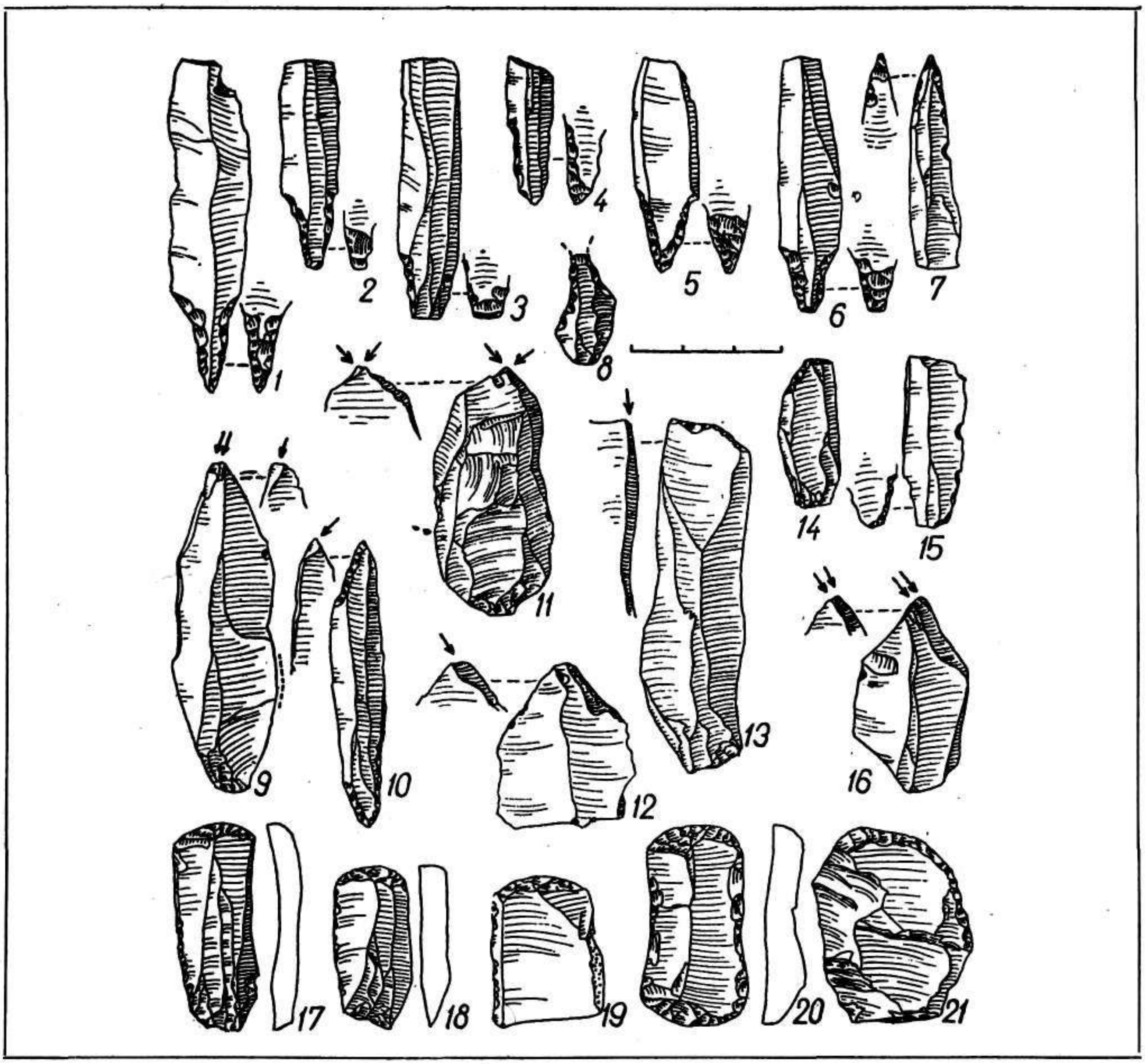


Рис. 49. Орудия стоянки Эжяринас 14

концентрировались на высоких берегах озера Глинас, неподалеку от Мяркине. На высоком западном берегу этого озера, у дороги в деревню Бингяляй, возвышаясь на 20 *м* над современным уровнем воды, расположена стоянка Глинас 1. Место это подвергалось сильному выветриванию. Находки встречаются на обширной площади. Среди палеолитических находок значительное место занимают свидерские наконечники стрел (рис. 51, *1—6*). Большинство их изготовлено из тонких пластин и тщательно обработано. Один из наконечников (рис. 51, *1*) очень напоминает более поздний (эпипалеолитический) наконечник, найденный в Памяркине (Варенский р-н) (рис. 86, *1*). Характерные наконечники II периода — с очень острым концом и широкой серединой — встречаются и здесь. Помимо их, имеются также толстые наконечники грубой работы, указывающие на конец палеолита (рис. 51, *3, 5*). Почти все скребки — маленькие, круглые. Только один скребок большой и широкий (рис. 51, *7—12*), обработанный тщательно довольно плоской ретушью по низу оборотной стороны. Резцов найдено два (рис. 51, *13, 14*). Из них только один можно с уверенностью отнести к палеолиту.

Нуклеусы стоянки Глинас 1 (целых там обнаружено 5 экземпляров) двухплощадные, в поперечном сечении представляют трапецию. Один, по-видимому, изготовлен из кремневой

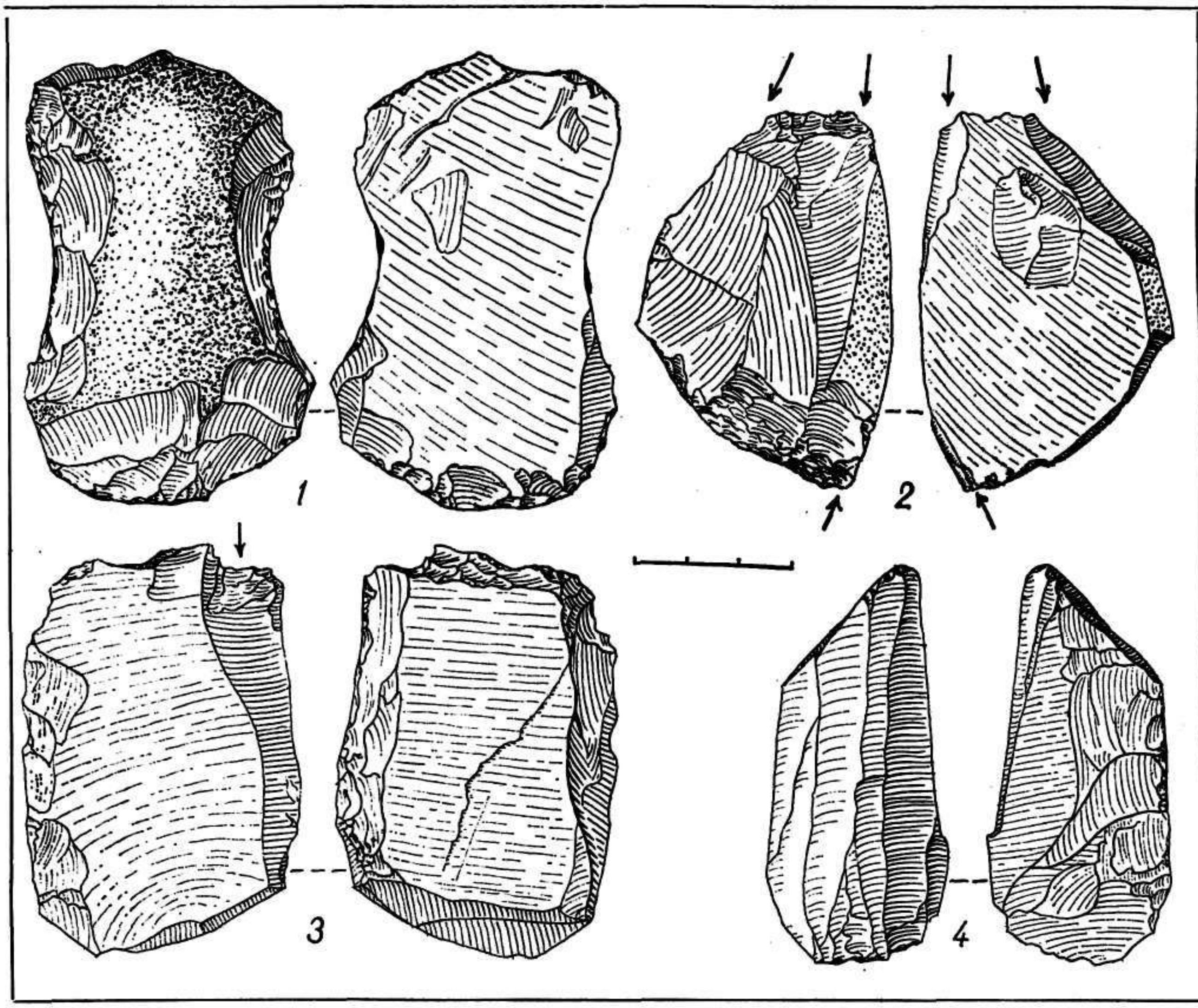


Рис. 50. Орудия стоянки Эжяринас 14

округлой конкреции с корой (рис. 51, *15*), а остальные спереди несколько сплющены. Наиболее интересен большой плоский нуклеус (рис. 52). Его основания скошены уже не одним ударом, а преднамеренно выровнены сколами. Такая форма нуклеуса является переходной к овальным топорикам, как это наблюдалось и в стоянках комплекса Эжяринас. Заслуживает упоминания также небольшая стоянка Глинас 3, находящаяся на расстоянии около 1 *км* от озера в лесу. Площадка ее невелика. Культурный слой здесь тоже подвергся выветриванию. Немногочисленные находки относятся к одному периоду. Это в большинстве — наконечники стрел (рис. 53, *1—9*) с чуть выделенными черешками, ретушированными свидерской или краевой ретушью со спинки и с брюшка. Там же найдены два нетипичных наконечника, изготовленных из пластин. Следует упомянуть изделие (рис. 53, *3*), очень напоминающее наконечник стрелы, однако служившее, вероятно, другим целям, так как его вершина толще, чем у наконечника, и представляет в поперечном сечении треугольник. Кроме того, на стоянке найден один боковой резец и довольно сильно сработанный отбойник (рис. 53, *8, 9*).

Свидерская стоянка конца палеолита Мардосавас 3 (Варенский р-н) расположена на верхней террасе р. Мяркис, за деревней Мардосавас, в лесу у дороги в Пувочяй. К сожалению, в ней не обнаружено ни одного наконечника, однако остальной инвентарь (рис. 54, *1—14*) позволяет дать стоянке весьма определенную характеристику. Он содержит 11 серединных резцов, имеющих изредка ретушь у рабочего угла, один неправильный резец, небольшой скребок, тоже небольшое изделие,

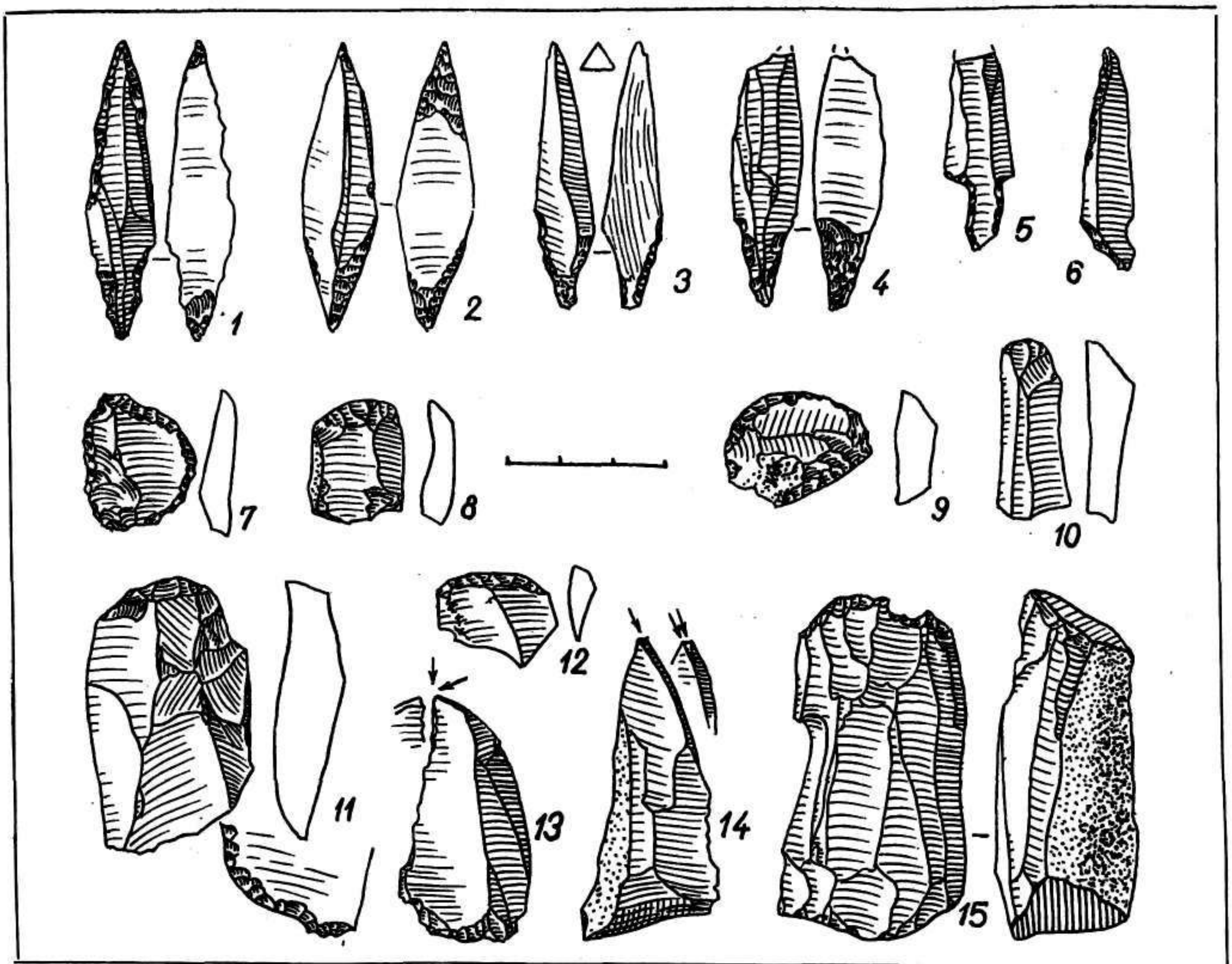


Рис. 51. Орудия стоянки у оз. Глинас 1

ретушированное кругом, плоский, довольно крупный двухплощадный нуклеус, а также ретушированные пластины и отщепы. Найдено

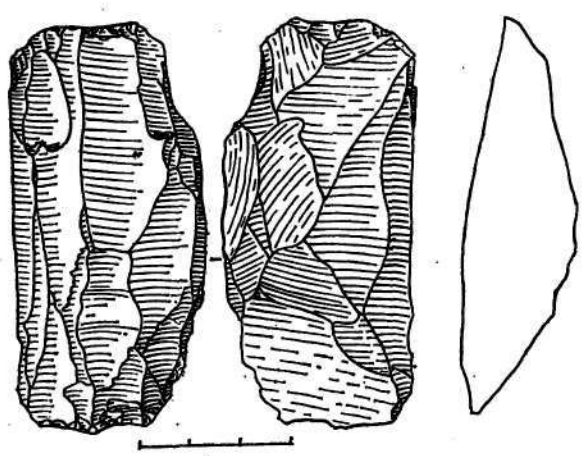


Рис. 52. Нуклеус стоянки у оз. Глинас 1

много резцовых сколов. Все это говорит о том, что здесь была мастерская резцов.

Ко II группе свидерских стоянок следует отнести и те, в которых единственным представителем данной культуры является своеобразный наконечник дротика, сопоставимый с находками таких стоянок II группы, как, например, Пувочяй (рис. 40, *7;* 41, *8, 9*).

К стоянкам с наконечником дротика относится и Э ж я р и н а с 11 площадью около 10×8 *м*, расположенная на третьей надпойменной террасе. Почти все находки здесь покрыты толстой белой патиной. Найденный на стоянке наконечник дротика (рис. 55, *1*) довольно широкий и крупный, ретушированный со спинки только у острия. Все другие изделия, обнаруженые в Эжяринасе 11, характерны для позднего прибалтийского мадлена.

Аналогичный наконечник дротика был найден на стоянке Г л у к а с 3 (Варенский р-н), находившейся в лесу, к северу от ручейка,

соединяющего озера Глукас и Варенис, на песчаном склоне. Здесь были обнаружены мелкие, плохо обработанные изделия позднего неолита и между ними — наконечник дротика, явно выделяющийся своей патиной и вертикальной ретушью. Его острая вершина очень слабо ретуширована, черешок плоский, по одному краю обработан с лицевой стороны, по другому — с оборотной (рис. 56). Надо думать, что среди изделий неолита наконечник оказался потому, что на этом месте ранее находилась палеолитическая стоянка.

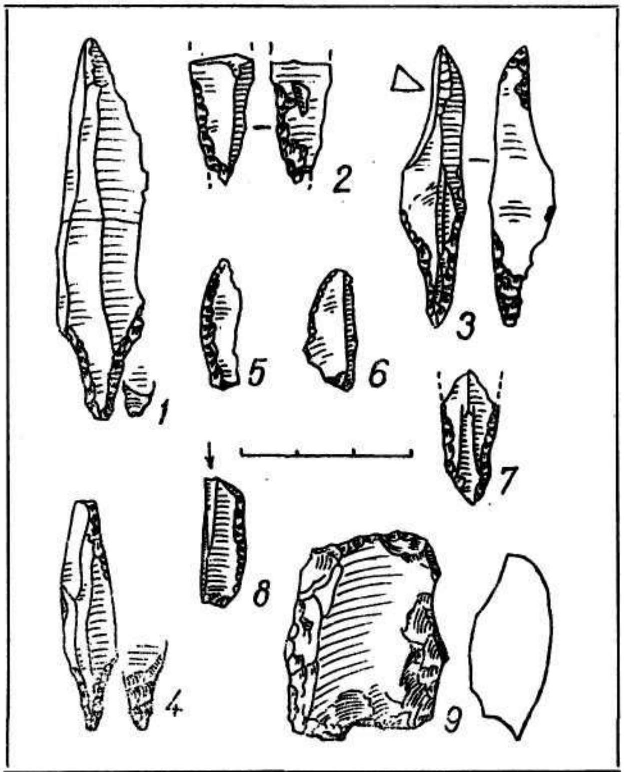


Рис. 53. Орудия стоянки у оз. Глинас 3

Перед тем как подвести итоги, следует и на этот раз сделать обзор материала старых коллекций, отражающих свидерскую культуру в Литве, и, в первую очередь, той части коллекции В. Шукевича, которая была собрана на реке Ула. В стоянках Рудня свидерские наконечники стрел второй группы обычно слабо покрыты патиной или лишены ее вовсе. Они значительно тоньше, ретушь на них мельче, однако среди них попадаются экземпляры и более грубой работы. В целом же большинство наконечников имеет более или менее выделенные острые и длинные черешки, характерные для изделий, уже выходящих за рамки палеолита.

Поздние свидерские скребки в стоянке Рудня весьма разнообразны. Среди них есть очень крупные, длинные, но встречаются и совсем маленькие. Большинство скребков продолговатые, изготовлены из пластин.

Среди других находок надо упомянуть сверла и шилья, изготовленные из пластин. Те из них, которые сделаны из отщепов, иногда очень напоминают мадленские проколки; разница заключается лишь в том, что оборотная сторона наших изделий покрыта свидерской ретушью. Резцов, как и во всей коллекции Шукевича, в Рудне очень мало. Это несколько комбинированных орудий — скребки с резцами на другом конце.

Большинство изделий Рудни следует увязывать со стоянками II свидерской группы, имея, однако, в виду, что часть их могла относиться уже к мезолитическому (эпипалеолитическому) комплексу, а некоторые наконечники стрел — даже к стоянкам микролито-макролитической культуры.

Поздние свидерские изделия в коллекции Шукевича, имеющие паспорт Кашетос, так же, как и в Рудне, обычно лишены патины. Встречаются наконечники с невыделенным черешком, обработанные по краям и острию мелкой ретушью. Но значительная часть наконечников имеет выделенный узкий черешок и ретушированное острие. Судя по всему, наконечники этой группы (так же как и остальной инвентарь, сопровождающий их) очень близки к свидерским изделиям стоянок II группы, таких, как Пувочяй. К этому комплексу относятся и многие мелкие скребки из Кашетос, а также резцы очень тщательной работы — клиновидные, срединные, сделанные из пластин. Скорее всего, к тому же комплексу относится и значительная часть ретушированных пластин.

В археологической литературе также упоминаются свидерские стоянки, известные по З. Глогеру (см. стр. 6).

На левом берегу Немана, у дер. Балташишке (Лаздийский р-н), на второй надпойменной террасе Глогер обнаружил ряд невысоких, подвергающихся выветриванию холмов, протянувшихся примерно на 0,5 *км* по течению реки. На этой территории, как пишет Глогер, были найдены следы первобытного поселения (Gloger, 1903, стр. 36). Не подлежит сомнению, что в разное время здесь существовали первобытные стоянки.

Часть находок из Балташишке известна нам лишь по рисункам (Gloger, 1903, стр. 37). Среди неолитических изделий здесь встречаются и свидерские наконечники с невыделенным или выделенным черешком. В некоторых из них отражено явное влияние прибалтийско-мадленской культуры. Разумеется, опираясь только на эти сведения, невозможно сказать, какое именно соотношение существовало между

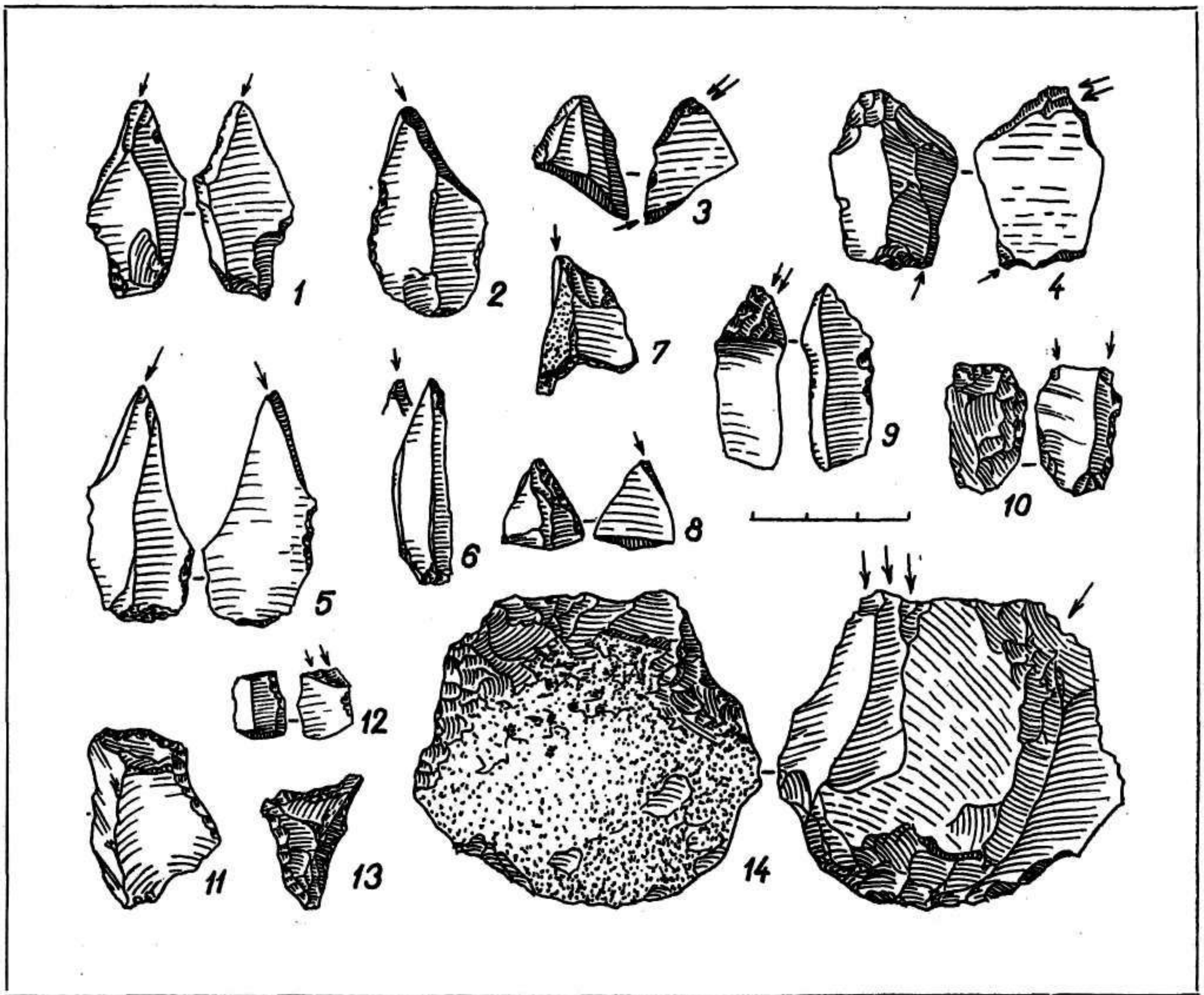


Рис. 54. Орудия стоянки Мардосавас 3

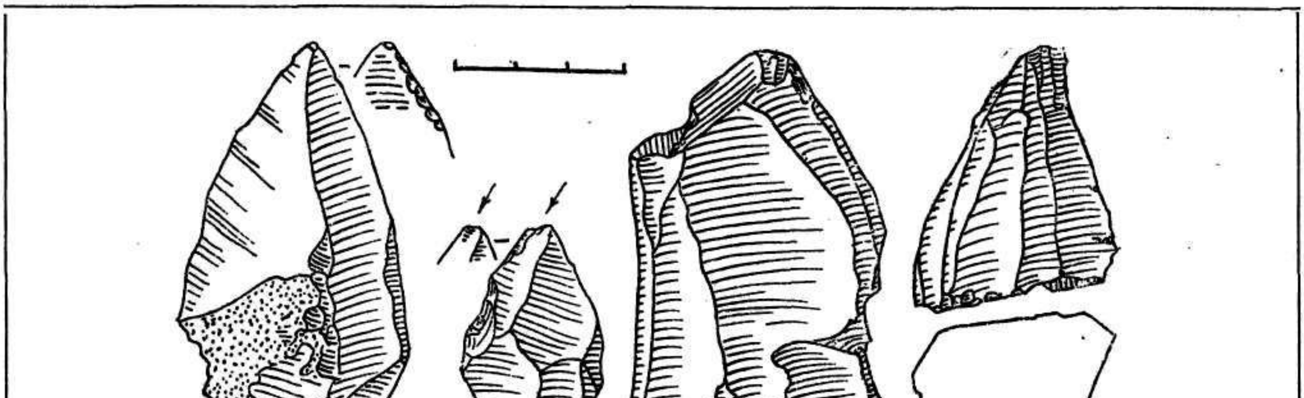


Рис. 55. Орудия стоянки Эжяринас 11

свидерскими и мадленскими элементами культуры в инвентаре отдельных стоянок. Можно заметить лишь, что в коллекции Глогера свидерские наконечники II группы дополняются продолговатыми, довольно широкими скребками.

Небольшое количество находок из Балташишке через посредство Русского географического общества перешло из частного собрания М. В. Малахова в фонды Музея института

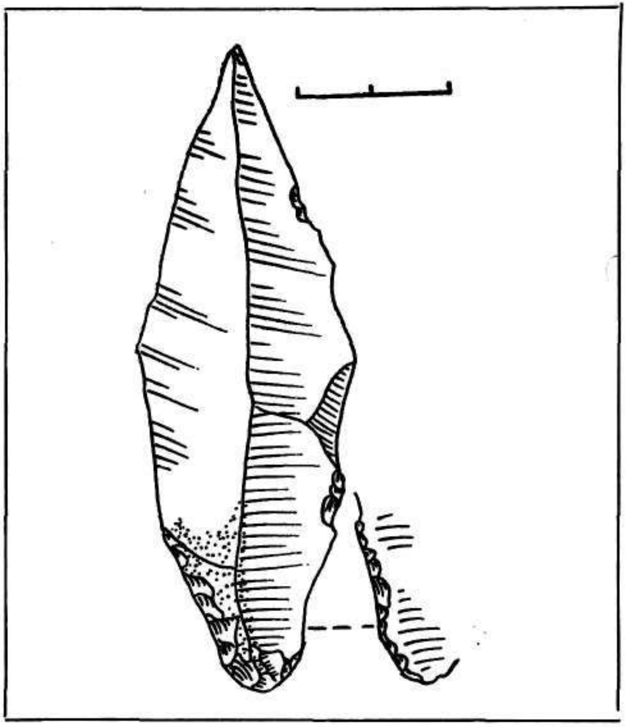


Рис. 56. Наконечник копья стоянки у оз. Глукас 1

антропологии и этнографии АН СССР г. Ленинграда (МАЭ). Среди них есть один резец, напоминающий аренсбургские наконечники. Свидерские наконечники имеют узкие острые черешки; скребки короткие. Кажется (особенно при сравнении с другими явно мезолитическими и неолитическими находками, поднятыми в Балташишке), что упомянутые выше изделия не выходят за рамки палеолита.

Примерно в 0,5 *км* от Балташишке, ниже по реке, З. Глогер нашел группу стоянок Г а й л ю н а й (Лаздийский р-н) (Gloger, 1903, стр. 38), где в выветренных песках, так же как и в Балташишке, собрал значительное число кремневых изделий. Среди них, как видно из рисунков и описаний, были и свидерские наконечники стрел с черешками, и листовидные наконечники эпохи бронзы. Материалы, собранные Глогером, попали в музеи Польши. Долгое время они наряду с коллекцией В. Шукевича использовались как основные представители поздней свидерской (плудской) культуры в Литве (например, Krukowski, 1939—1945, стр. 86).

3) Общие черты свидерских памятников Литвы с памятниками соседних территорий

В данном разделе мы рассмотрим, что общего имеют обе выделенные нами группы со свидерскими стоянками, находящимися на территории современной Польши и Белоруссии.

Наиболее близкие параллели для первой из наших групп мы находим в ранних мазовшанских свидерских комплексах (Свидры Вельке, Мариянки-Выглендув), хотя они не всегда совпадают с литовскими по времени. В наиболее ранних мазовшанских свидерских стоянках наконечники имеют совсем невыделенный или незначительно выделенный черешок (Sawicki, 1933, илл. X, XI; Krukowski, 1939—1945, стр. 83, илл. 23; Schild, 1964, стр. 372—373), без ретуши по краям и острию. Этим они напоминают наконечники стоянок Эйгуляй I. Однако из общего комплекса I группы не выпадают и некоторые наконечники, имеющие ретушь по всему краю. Такие же наконечники присутствуют и в комплексе Свидры Вельке 1 (Sawicki, 1933, илл. X : 7, XI : 5,6). Этому не противоречит и один наконечник с ясно выделенным черешком из стоянки Эйгуляй 1 В, так как в ранней группе мазовшанских стоянок, называемой Выглендовской (Krukowski, 1939—1945, стр. 84) или Засветской (Schild, 1960, стр. 44; 1964, стр. 374—375), тоже встречается небольшой процент наконечников с выделенным черешком.

Как мы уже говорили, основной формой скребков Свидры Вельке I являются узкие продолговатые (Krukowski, 1939—1945, стр. 83), такие же как и в ранних стоянках Литвы и Белоруссии. Однако следует отметить, что это отнюдь не единственная форма: уже в ранних мазовшанских свидерских стоянках встречаются короткие скребки, а среди них даже такие, у которых длина почти равна ширине (Sawicki, 1933, табл. XIV : 10, 17, 20—23).

Резцы в стоянке Свидры Вельке I большей частью изготовлены из длинных пластин — боковые, изготовленные при помощи скола и ретуши; клиновидные серединные здесь попадаются редко (Krukowski, 1939—1945, стр. 83). Кроме того, встречаются довольно круглые и широкие резцы, например, крупный боковой резец (Sawicki, 1933, табл. XI : 14), соответствующий резцу, найденному в стоянке Пипляй. Резцы, обнаруженные в стоянках типа Эйгуляй, весьма разнообразны. Преобладают клиновидные, сделанные из коротких, толстых и довольно широких пластин. Вообще же резцы ранних стоянок на территории Литвы и Белоруссии близки к более развитым ранним

фазам свидерской культуры, представленным стоянками выглендовского и засветского типа, где найдено сравнительно большое число клиновидных серединных резцов, преимущественно широких, иногда многогранных (Krukowski, 1939—1945, стр. 84).

Других изделий, за исключением длинных, иногда заостренных и подвергнутых ретуши пластин, которые могли быть использованы как наконечники (Sawicki, 1933, табл. IX), стоянка Свидры Вельке 1 почти не знает. Однако обработанные пластины встречаются во всех

Таким образом, по своим основным чертам и соотношению типов изделий (табл. II[a] и II[b]) эта группа стоянок Литвы и Западной Белоруссии не выходит за рамки ранней свидерской культуры. Однако по некоторым признакам их следовало бы отнести к несколько более поздней, развитой ступени этой фазы. В пользу такого вывода говорит уменьшение размеров изделий, и в особенности наконечников стрел, появление наконечников с явно выделенным черешком (Эйгуляй 1 В, Свитязь),

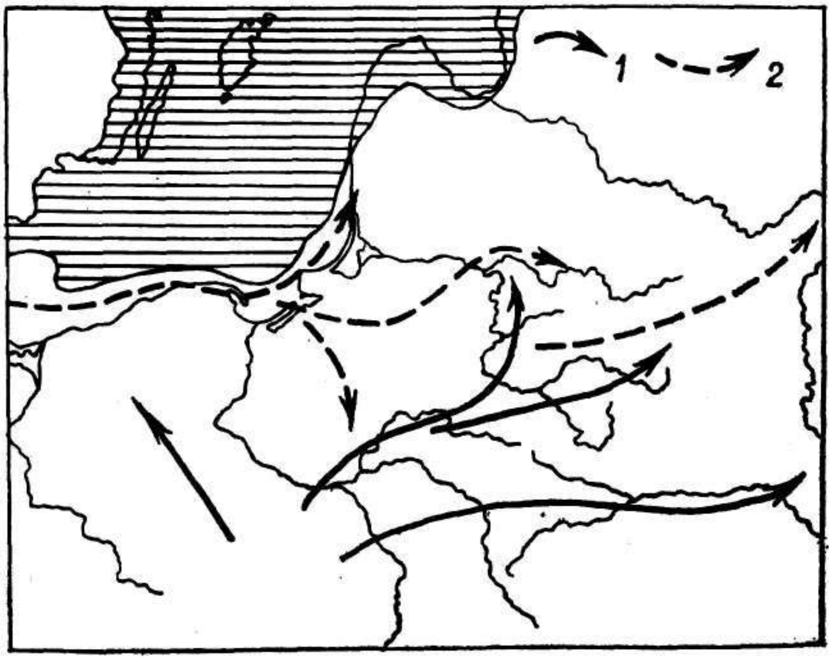


Рис. 57. Пути распространения свидерской (1) и прибалтийско-мадленской (2) культур в конце палеолита

ранних свидерских стоянках Литвы и Белоруссии. А в стоянке Эйгуляй I В мы находим также широкую пластину с дугообразно ретушированной спинкой и более разнообразный набор изделий из пластинок, что сближает ее со стоянками выглендовского и засветского типа.

Крупные двухконечные нуклеусы ранних мазовшанских стоянок (Sawicki, 1933, табл. V и VI) ничем не отличаются от нуклеусов стоянок типа Эйгуляй 1. Важной и характерной чертой мазовшанских нуклеусов является то, что они иногда применялись как мотыги или даже своеобразные топорики, для чего на них наносилась соответствующая ретушь. В одних случаях они бывали суженными по бокам (Sawicki, 1933, табл. VI:4), в других — с ретушированным сплющенным концом (Sawicki, 1933, VI:3). Нуклеусы тех же типов встречаются и во всех литовских свидерских стоянках I группы.

большее количество коротких, широких, а также серединных клиновидных резцов, разнообразие всего комплекса изделий.

Все это, как мы уже отметили, сближает стоянки Литвы и Западной Белоруссии, вероятнее всего, со стоянками выглендовского и засветского этапов.

Соотношение основных типов изделий I группы свидерских стоянок Литвы представлено в табл. II[a]. Но иногда, как уже отмечалось выше, соотношение количества типов не указывает ни на хронологическую, ни на культурную группу, а лишь на специфические особенности данной стоянки. Поэтому во второй строке таблицы даны проценты по отдельным группам изделий.

В те годы, когда Л. Савицкий опубликовал монографию о стоянке Свидры Вельке I (Sawicki, 1933, стр. 1—23), в Польше было известно всего несколько стоянок этого типа, расположенных на сравнительно небольшой терри-

тории между горами Святого Креста на юге, Варшавой — на севере, в долине Вислы и ее притоков. Стоянок, которые бы относились к ранней группе, тогда не знали ни к северу, ни к западу, ни к востоку от этого района (Sawicki, 1933, стр. 20). Позднее С. Круковский (Krukowski, 1939—1945, стр. 89) подчеркивал, что стоянки первой группы известны только по материалам северо-польской низменности, т. е. южной Мазовии. Согласно С. Круковскому, в области балтийских морен подобных стоянок не обнаружено.

Таким образом создавалось мнение, что ранняя группа свидерских стоянок была связана с территорией, лежащей к югу от области обледенения. Отсюда делали вывод, что стоянки этой группы существовали в то время, когда территория, лежащая к северу от балтийских морен, была еще необитаемой.

Однако современное состояние археологических открытий требует пересмотра этой концепции. Кстати, пересмотру не противоречат и новейшие данные о хронологии ранней свидерской культуры.

Зону ранней свидерской культуры можно значительно расширить за счет северных и северо-восточных территорий. Что касается Литвы, то, судя по материалам, имеющимся на сегодня, ранняя свидерская культура пришла сюда с юго-запада (рис. 57), не захватывая при этом ни области Мазурских озер, ни литовского Занеманья. Распространялась она по Неману и его восточным притокам, достигнув слияния рек Неман и Нярис (Вилия), а также местностей, расположенных несколько ниже этого слияния. Дальше к западу, несомненно, в то время кочевали потомки племен мадленской культуры. На северо-востоке свидерская культура охватывала бассейн р. Мяркис.

Северо-западная Белоруссия пока что бедна находками, которые можно было бы отнести к I (ранней) группе свидерских культур. Крайним пунктом в этом направлении считается стоянка у озера Свитязь (Гурина, 1960, стр. 126—128, илл. 1; 1966, стр. 31, илл. 10).

Таким образом, ранняя группа свидерской культуры занимала на северо-востоке сравнительно небольшую компактную территорию, тесно связанную с Мазовией. Территория современной Литвы и Западной Белоруссии входила в ядро, в котором сформировалась свидерская культура.

Наряду с этим имеются данные о влиянии ранней свидерской культуры на местные памятники восточной Белоруссии. В таких стоянках, как Подлужье III, вместе с материалом местного происхождения появляются свидерские наконечники стрел и другие изделия (Будько, 1966, илл. I). Предлагалось даже выделить соответствующую группу стоянок в отдельную свидерско-гренскую культуру (Будько, там же).

Надо полагать, что в рассматриваемый период связей между населением Литвы, Западной Белоруссии и жителями Восточной Белоруссии (бассейн р. Сож) не было. Свидерское влияние проникало на восток, по-видимому, через Полесье.

Как уже указывалось, у нас нет прямых фактов, которые позволили бы точно датировать раннюю фазу свидерской культуры. Л. Савицкий, интерпретируя геологические данные, относил ее к периоду между Куяво-Мазурской и Померанской стадиями (Sawicki, 1936, стр. 38). С. Круковский связывал зарождение свидерской культуры с интерстадиалом Вюрм II и Вюрм III (Krukowski, 1939—1945, стр. 81). Однако более поздние исследования (Schild, 1960, стр. 7—64; 1964, стр. 363—382) показали, что первую ее стадию можно относить не ранее, чем к аллерёду или концу среднего дриаса[1]. Как показывают литовские геоморфологические данные и наблюдения за морфологией комплекса находок, представители ранней свидерской культуры (I группы) должны были начать заселение территории Литвы именно в конце аллерёда.

В позднем дриасе носители свидерской культуры расселились уже на широком пространстве. Ко времени прихода в Литву представителей II группы, здесь уже жили потомки носителей культуры I группы, инвентарь которых имел многие черты, более близкие к первой группе, чем ко второй. Следовательно, часть литовских свидерских стоянок, которые по характеру изделий можно было бы отнести к I группе, существовала позже, отражая местное развитие культуры, примером чего является стоянка Скаруляй 1.

Распространение II свидерской культурной группы, по-видимому, следует считать второй культурной волной на территории современной Литвы. Кстати, она была намного интенсивнее, чем первая. Кое-где ее можно увязать с передвижением населения, в других случаях это лишь культурное влияние, привносимое иногда

---

[1] Свидерские стоянки до сих пор встречались лишь на речных террасах и дюнах, что затрудняет их точную датировку. Однако в распоряжении археологов имеются косвенные данные, при помощи которых удается увязать свидерскую культуру с датами, полученными методом радиоуглеродного анализа (Chmielewska, Chmielewski, 1960) и стратиграфией пещер (Векилова, 1961). Для датировки большое значение имеет также сравнение развития свидерской и других культур.

По системе Р. Шилда (Schild, 1960; 1964[a]) можно выделить три основных типологически-хронологических группы: 1) раннюю, совпадающую с первой половиной аллерёда; 2) среднюю — с середины аллерёда до начала позднего дриаса; 3) позднюю — поздний дриас. Все эти три стадии вмещаются в промежуток между 9950—8000 гг. до н. э.

через посредников и проявляющееся в виде некоторых новых элементов в старых культурных комплексах.

Представители II свидерской группы расселялись различными путями и образовывали культурные центры, сохранявшиеся во многих местах вплоть до мезолита. В Литву они могли проникнуть по Западному Бугу, Нареву, Неману. Вторая свидерская группа, как и первая, занимала юго-восточную часть Литвы, а в Белоруссии — верховья Немана (Исаенко, 1966, стр. 23).

К юго-западу от Литвы свидерские стоянки II группы концентрируются в области Мазурских конечных морен у г. Элк (Gaerte, 1933, стр. 239; Engel, 1935, стр. 137—138, карта IV). На их палеолитический характер указывают не только форма некоторых изделий, но и обстоятельства, при которых они найдены. Стоянки находятся на так называемых континентальных дюнах, неподалеку от больших озер, многие из которых ныне успели превратиться в торфяники (Engel, 1935, стр. 137, илл. 29, 28А, В, С).

Второй путь шел в Полесье с юго-запада, достигая Припяти, верховьев Днепра, восточной границы Белоруссии (Исаенко, 1966, стр. 23; Polikarpowitsch, 1935, 75, илл. III). Здесь мы также находим стоянки, характерные для позднего палеолита: Пульм, Орехово, Нобель, Ополь. Почти все они, как и в Литве, расположены на возвышенностях, и по ассортименту и форме изделий близки к литовским стоянкам II группы. Например, находки стоянки Нобель (Исаенко, 1966, стр. 44—45, илл. 8) многим напоминают находки Пувочяй, а ее топорики близки к топорикам свидерских стоянок Эжяринас.

Однако рядом с чисто свидерскими стоянками II группы мы знаем и стоянки с явно аренсбургскими чертами, привнесенными из таких стоянок Польского Полесья, как Станковиче I-V, Ополь или Береза (Исаенко, 1966, илл. II).

Значительное число типичных стоянок II свидерской группы (поздних) обнаружено в бассейне р. Сож (Поликарпович, 1957а, стр. 5—29; 1957б, стр. 44—148). Они сходны со свидерскими стоянками северной Украины — Смячка 14 у Новгорода-Северского (Рудинский, 1928, стр. 84—91, илл. V—IX). Как уже упоминалось, эту территорию связывал с основной областью распространения поздней свидерской (плудской) культуры путь, ведший по Припяти. Это видно по находкам Полесья (Кухаренко, 1962, стр. 8, илл. I:1—6, 14, 16, 17), которые очень близки к польским и литовским.

Для полноты картины надо упомянуть и третий путь — на северо-запад, по которому в конце палеолита распространялась свидерская культура. Люди, шедшие этим путем, начали его, видимо, от возвышенностей Малой Польши или южной Мазовии, так как наряду с местным, балтийским кремнем употребляли кремень шоколадного цвета из окрестностей Лисогур (Kostrzewski, 1955, стр. 15—16). Путь их вел из средней Польши вниз по Висле, где в результате образовалась Великопольская культурная группа. От Литвы ее отделяло обширное пространство без следов свидерской культуры, заселенное, по-видимому, носителями поздних мадленских прибалтийских культур (Engel, 1935, стр. 143, карта IV). Свидерские поселенцы нашли на балтийском побережье, вероятно, издавна живших здесь носителей мадленских культур. Вот почему чисто свидерские стоянки встречаются здесь редко. Преобладает же смешанная культура (см. стр. 83), характеризуемая нами как III группа свидерской культуры.

К основным чертам II (плудской) группы Л. Савицкий относит (Sawicki, 1933, стр. 19—20, илл. 23—24), во-первых, употребление разных сортов кремня (что, собственно, характерно только для территории Польши, и то не всей); во-вторых, численное преобладание наконечников с выделенным черешком; в-третьих, появление заостренных пластин с ретушированной спинкой; в-четвертых, постепенное сокращение числа боковых резцов и увеличение количества клиновидных и с выгнутым плоским концом; в-пятых, изменение формы скребков (они становятся короче, приближаясь к азильским типам).

В последнее время Р. Шильд пытался использовать азильские элементы для уточнения датировки свидерских стоянок. Он пришел к выводу, что нижняя плудская культура, в том виде, в каком она встречается, например, в стоянке Смячка 14 (на севере Украины), где тарновских (т. е. азильских) элементов еще немного, могла относиться к середине аллерёда, а верхняя плудская, судя по количеству азильских элементов, по крайней мере, — к границе аллерёда и позднего дриаса. Однако по Шильду, основной период существования плудской культуры совпадал с поздним дриасом (Schild, 1960, стр. 41—42). Такие же данные можно получить, изучая соотношение плудских и аренсбургских элементов.

Соотношение числа основных типов изделий отражено в табл. IIIа и IIIб таким же образом, как и в табл. IIа и IIб. При сравнении этих таблиц видна разница между обеими группами, хотя всех различий, таких, как значительное уменьшение размеров изделий и появление некоторых новых форм, таблица, естественно, отразить не в состоянии.

В свое время, опираясь на геоморфологические данные, Л. Савицкий отнес II группу свидерской культуры к иольдиевому периоду, который считал концом палеолита в Польше. По Савицкому, II группа была синхронна началу культуры Люнгбю в конце французского мадлена (Sawicki, 1933, табл. IV). К иольдиевому периоду (пребореалю) обычно относили и литовские находки свидерской культуры II. Господствовало мнение, что свидерская культура в Литве была мезолитической (Antoniewicz, Wl., 1935, стр. 34).

Данных для геоморфологического определения возраста и хронологии II (плудской) группы было очень мало. В стоянке Свидры Вельке находки II группы лежали там же, где и находки I группы — под нижним слоем ископаемой почвы, в верхней части песка древних дюн. Кроме того, они встречались и несколько выше по склону, отдельно от других находок, что давало возможность уверенно выделить весь их комплекс (Sawicki, 1933, илл. I).

С. Круковский пытался установить хронологию плудской культуры по стоянкам, наиболее удаленным к северу, и выдвигал предположение, что ее можно отнести к аллерёду или к трансгрессии Вюрма III (Krukowski, 1939—1945, стр. 88).

Косвенные данные, полученные в последнее время радиоуглеродным методом, помогают уточнить хронологию плудской культуры. Находки в дюне Витув, относящиеся к этой культуре, лежали в 6-ом слое, над так называемым витовским комплексом (5-й слой), радиокарбонный возраст которого 10815±160 лет (т. е. 8055±160 лет до н. э.) (Chmielewska, Chmielewski, 1960, стр. 133—141). Отсюда плудский комплекс витовской стоянки мог относиться к самому концу позднего дриаса или даже к пребореалю.

Кстати, комплекс упомянутой стоянки выглядит очень поздним. Наконечники стрел маленькие, с выделенными черешками, однако имеются и довольно широкие, с выемкой. Все они со стороны спинки покрыты свидерской ретушью. Резцы очень разнообразные. Скребки мелкие, короткие и широкие (Chmielewska, Chmielewski, 1960, илл. 3 : 17—33; Chmielewska, 1962, илл. 3 : 1—14).

Таким образом, взяв за основу приведенные данные и дополнив их топографией и стратиграфией литовских стоянок II свидерской группы, мы можем предположить, что ранней датой появления II группы в Литве (а также и во всей северной области ее распространения) допустимо считать границу аллерёда и позднего дриаса; основным же временем ее существования здесь был поздний дриас.

Свидерская культура в самых различных вариантах встречается в Литве также в раннем мезолите, а некоторые ее отголоски — в течение всего мезолита.

В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАДЛЕНСКОЙ И СВИДЕРСКОЙ КУЛЬТУР

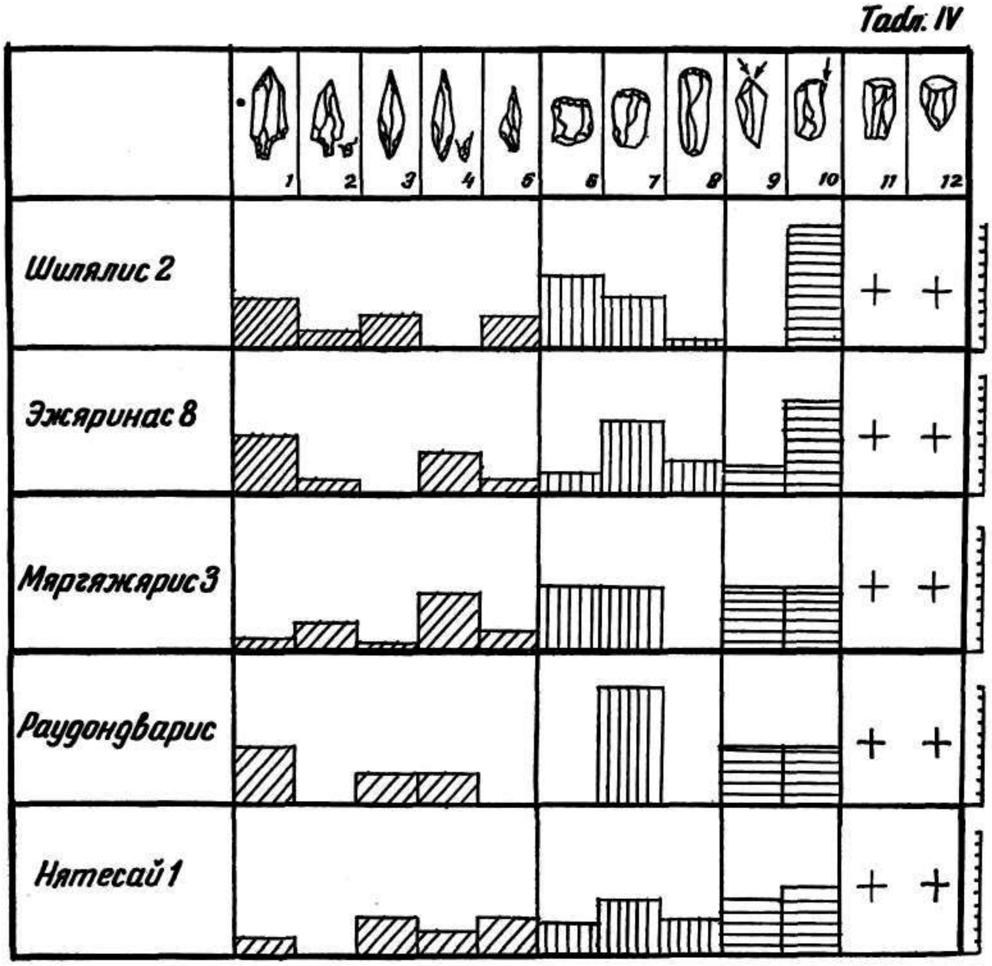
Какова же в Литве степень воздействия свидерской культуры на мадленскую или наоборот? Ответить на этот вопрос с помощью статистических методов пока, к сожалению, невозможно (табл. IV). Приходится оперировать материалом небольших стоянок, а отсюда количественные данные о характере находок не могут считаться опорными. Принадлежность стоянок к мадленским, подвергнувшимся влиянию свидерской культуры, или наоборот, устанавливается с учетом совокупности всех обстоятельств.

Определяя критерий, по которому мы устанавливаем влияние той или иной культуры, надо отметить, что свидерская приносит с собой прежде всего технические новшества, а мадленская — новые формы изделий. Уже поэтому трудно определить силу свидерских влияний простым подсчетом свидерских изделий.

В первых своих фазах влияние свидерской культуры было весьма ограниченным. Она принесла скол длинных пластин с призматического двухплощадного нуклеуса и ретуширование некоторых изделий свидерской ретушью с оборотной стороны. На более поздних стоянках комплекс находок дополняется некоторыми свидерскими типами изделий — продолговатыми скребками и топориками с перехватом.

Влияние мадленской культуры сказалось на изменении формы наконечников стрел: они укорачиваются, становятся шире, выделяется черешок. В самых ранних стоянках, которые мы относим к свидерским, испытавшим мадленское влияние, встречаются лишь единичные наконечники — широкие, иногда с выемкой, ретушированные по краям.

Судя по топографическому расположению стоянок, можно заметить, что свидерская культура стала оказывать влияние на мадленскую раньше, чем мадленская на свидерскую. Уже на второй надпойменной террасе мы открываем мадленские стоянки, носящие признаки свидерских влияний,— обстоятельство, характерное для конца аллерёда, — а затем и на третьей террасе — явление, типичное для позднего дриаса. Свидерские же стоянки, подвергнувшиеся влиянию мадлена, встречаются только на третьей надпойменной террасе, при обстоятельствах, соответствующих позднему дриасу. Эту разницу во времени отчасти отражают и статистические данные о соотношении типов изделий (табл. IV).



Количественное соотношение между основными типами изделий некоторых мадленских комплексов с элементами свидерской культуры и свидерских комплексов с элементами мадленской культуры

1) Мадленские стоянки с элементами свидерской культуры

Среди стоянок, в которых инвентарь является чисто мадленским, а свидерские влияния отражаются на нем еще весьма незначительно, следует упомянуть Кашетос 16 — на краю склона верхней террасы правого берега р. Ула, в небольших песках слева от дороги Кашетос — Варена. Скопление невелико — стоянка существовала в один короткий промежуток времени.

Все находки здесь более или менее покрыты толстой сине-белой патиной (рис. 58). Наконечник стрелы близок к аренсбургским типам — довольно короткий и широкий. Единственный свидерский признак — соответствующая ретушь на оборотной стороне черешка. Найдена также заготовка аналогичного наконечника, только что начатая обработкой. Пять резцов довольно массивные и почти круглые, типичные для мадленских стоянок. Продолговатый скребок толстый, маленький, не характерный для свидерских стоянок. Крупный, широкий боковой клиновидный резец тоже представляет форму, широко известную в литовских мадленских стоянках. Нуклеус — двухплощадный, но очень короткий и широкий, вследствие чего практически более близок к одноплощадным мадленским нуклеусам, чем к свидерским. Других изделий очень мало: части четырех нуклеусов, какое-то мелкое изделие с выемкой, 5 ретушированных отщепов и несколько обработанных пластин.

Другим примером является стоянка Шилялис 2 вблизи слияния рек Неман и Нявежис, на второй надпойменной террасе Немана (рис. 4), примерно в 800 *м* от современного берега и на 16 *м* выше уровня воды. Поверхность террасы — песчаная, с вымытым крупным гравием. Именно в этом слое песка и гравия и

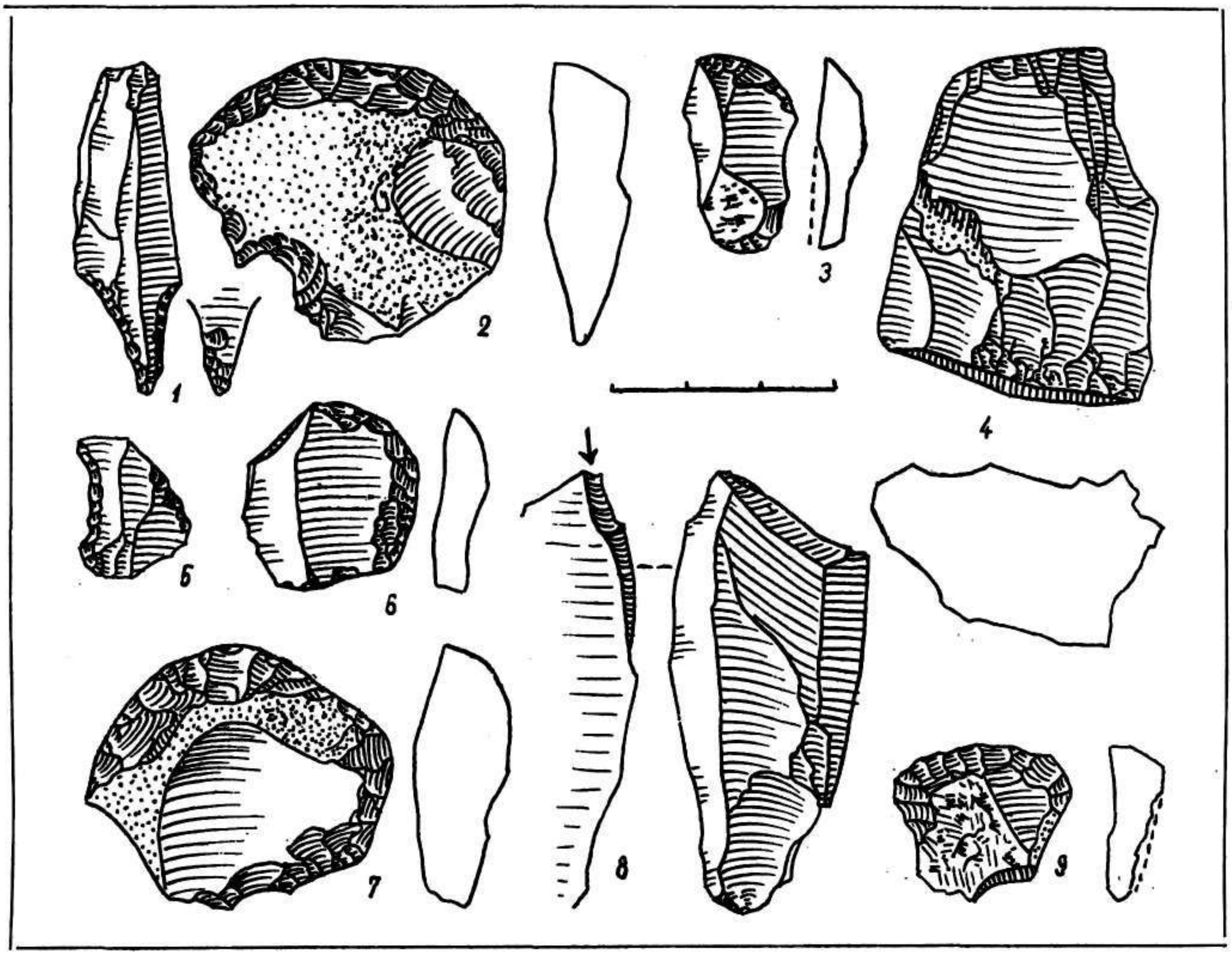


Рис. 58. Орудия стоянки Кашетос 16

обнаружены кремневые изделия. Почти все они концентрировались на краю террасы. Часть их найдена смытой вниз по склону. Стоянка занимала площадку приблизительно 50×30 *м²*; существовала она короткий промежуток времени.

Изделия, изготовленные из темно-серого местного кремня, покрыты толстой белой или голубоватой патиной (рис. 59). Наконечники стрел представляют собой довольно характерные образцы прибалтийского мадлена, но со свидерской ретушью на оборотной стороне черешка наконечника и с более узкой и удлиненной формой пера (рис. 59, *1—4, 7*). Маленький, неправильный ланцетовидный наконечник (рис. 59, *6*) и микролиты (рис. 59, *5*), обнаруженные на стоянке Шилялис 2, характерны и для других литовских мадленских стоянок. То же самое можно сказать и о скребках (рис. 59, *11, 12, 14—16, 20—28*), в большинстве коротких и широких. Встретившиеся здесь длинные скребки не имеют характерной свидерской узкой формы. При этом все скребки изготовлены не из отщепов, а из пластин, хотя и широких. Кроме них, найдены длинные и короткие двойные скребки. Неретушированные концы скребков обычно несколько сужены и выровнены по поверхности.

Резцов (рис. 59, *10, 17, 19*) обнаружено немного. По характеру они ближе к аренсбургским, чем к свидерским — в большинстве короткие, почти четырехугольные, небольшие. Только один из них сделан из толстой пластины. Среди других орудий достойно упоминания несколько изделий специального назначения, изготовленных из отщепов (рис. 59, *13, 18*).

Влияние свидерской культуры наиболее ярко (если не считать свидерской ретуши на одном наконечнике) проявляется в нуклеусах — характерных двухплощадных, призматических. Пластины с одной стороны, как правило, скалывались в поперечном направлении, а с дру-

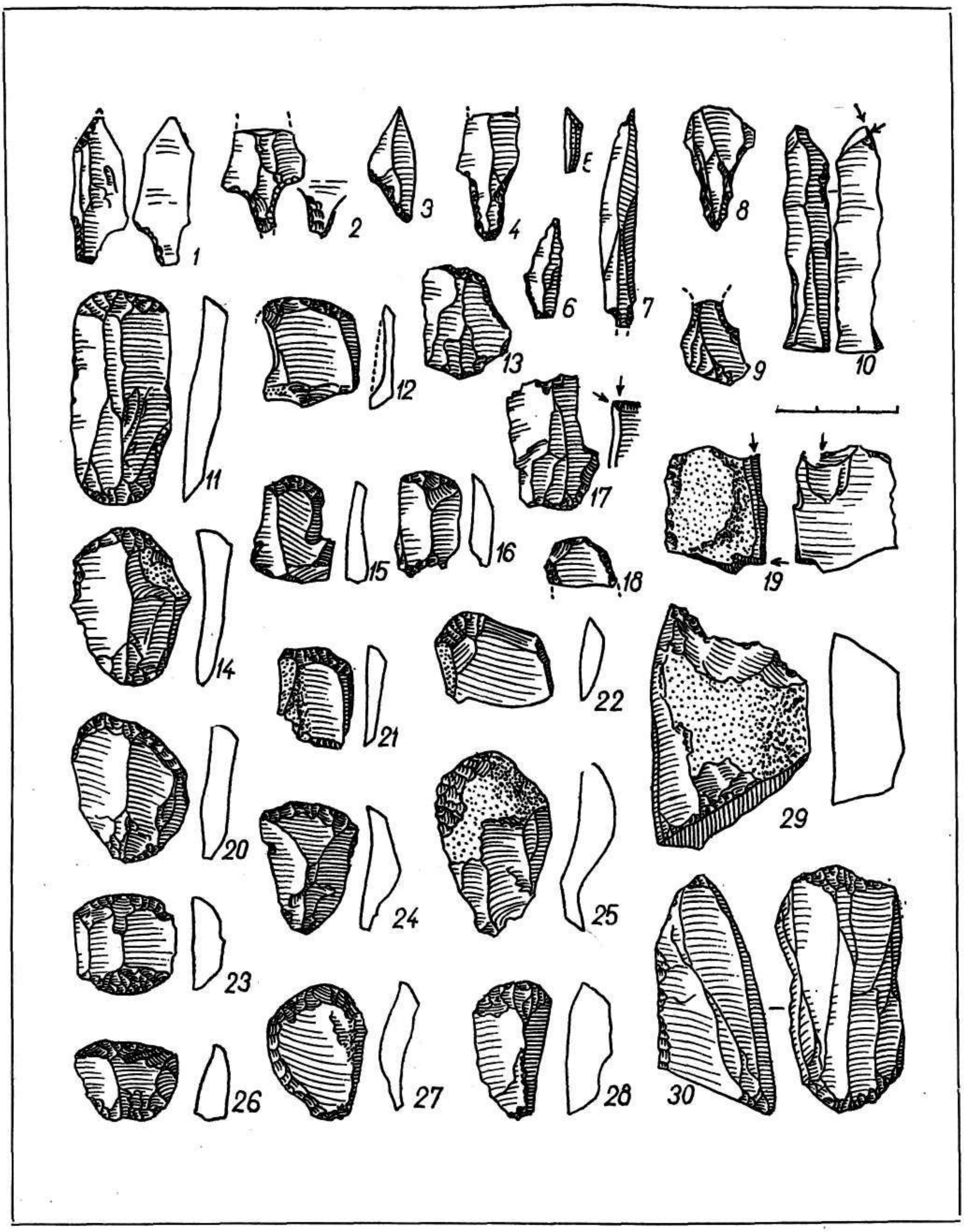


Рис. 59. Орудия стоянки Шилялис 2

гой — в продольном. Площадки нуклеусов обычно скошенные. У оснований и часто по бокам имеются следы ретуши (рис. 59, *30*). Кроме того, в стоянке обнаружены специальные крупные, похожие на нуклеусы изделия, на поверхности которых преднамеренно оставлена корка кремня, и только концы косо сколоты и отретушированы (рис. 59, *29*).

Аналогичным примером может служить и стоянка М я р г я ж я р и с 3 (Варенский р-н) — на небольшой возвышенности, поросшей мхом. С западной стороны к ней подступает небольшой торфяник — заросшее озеро, из которого вытекает речка Мяргяжярис. Поверхность возвышенности была когда-то открытой и подвергалась выветриванию. Сейчас ее покрывают мелкие камни. У вершины, на склоне, обращенном в сторону торфяника Мяргяжярис, располагается скопление площадью около 15×15 *м²* с комплексом находок (рис. 60).

Кремень покрыт толстой белой патиной. Форма большинства наконечников стрел характерна для мадлена, однако все они очень мелки, по краям обработаны узкой ретушью, на черешках встречается свидерская ретушь (рис. 60, *2—5, 7—10, 14*). Интересно, что некоторые наконечники, близкие к поздним свидерским типам, этой ретуши как раз не имеют (рис. 60, *1*). По большинству изделий Мяргяжярис 3 не отличается от стоянки Шилялис 2 (хотя в последней свидерская ретушь встречается еще реже). Некоторые типы наконечников здесь настолько сходны, что нет никакого сомнения, что обе стоянки существовали в одно и то же время.

В стоянке Мяргяжярис 3 обнаружено некоторое число ланцетовидных наконечников и ретушированных пластин (рис. 60, *6, 15, 16, 20*). По-видимому, здесь находилась мастерская по изготовлению наконечников стрел, так как других изделий очень мало. Наконечники в большинстве обломаны (брак производства). Три найденных скребка — небольшие, продолговатые (рис. 60, *13, 19, 21*). Пять резцов — разные по форме, клиновидные угловые и боковые (рис. 60, *11, 12, 18*). Нуклеусы (рис. 60, *17, 24*) в большинстве двухплощадные, узкие и неправильные. Один из них был использован как скребло, рабочей частью которого служила боковая грань (рис. 60, *24*). Предположение о существовании здесь мастерской подтверждается наличием значительного числа отщепов, сколотых с поверхности нуклеусов.

Дальнейший этап развития стоянок этого типа представлен скоплением Э ж я р и н а с 8 (рис. 61, 62) — наиболее поздней мадленской стоянкой в Эжяринасе. Стоянка располагалась на пологом склоне третьей надпойменной террасы, обращенном к западу, занимая площадь около 30×18 *м²*. Находки находились под мхом в слое ярко-желтого песка толщиной 15—20 *см*; ниже залегал белый песок дюн. В западной части скопления, под белым песком, на глубине около 40 *см* обнаружен очень тонкий слой ископаемой почвы. В скоплении найдено свыше 23000 различных кремневых отщепов и изделий; почти все они покрыты толстой белой и синеватой патиной.

Судя по восьми обнаруженным наконечникам стрел (рис. 61, *1—7*), эта стоянка должна была относиться к периоду, когда мадленская культура слилась со свидерской. Некоторые из наконечников напоминают свидерские (рис. 61, *6, 7*), другие принадлежат к мадленскому типу, но плохо обработаны (рис. 61, *1—5*). К ним можно прибавить одну острую, слегка ретушированную небольшую пластинку (рис. 61, *9*). Мадленские наконечники здесь обработаны той встречной крутой ретушью, которая встречается и в более ранних мадленских стоянках.

Большинство из 13 скребков (рис. 61, *10—14*) — продолговатые. О том, что стоянка датируется относительно поздним временем, говорят находящиеся среди скребков очень мелкие экземпляры. Два скребка имеют только узко ретушированные лезвия (рис. 61, *13*). Кроме того, обнаружены две заготовки для крупных продолговатых скребков.

Резцов (рис. 61, *15—25*) найдено довольно много (18 экз.). Большинство их — из отщепов, некоторые из нуклеусов. По типу преобладают клиновидные, но имеются боковые и даже угловые. Несколько резцов изготовлены при помощи скалывания и ретуши рабочего угла. Обнаружено также несколько атипичных небольших изделий.

Среди орудий труда надо упомянуть и 11 крупных скобелей, изготовленных из нуклеусов, или плоских кусков кремня, относящихся к типу скобелей-резцов (рис. 62, *4, 6*). Некоторые из них — просто толстые продолговатые кусочки кремня с круто ретушированными концами. Семь изделий типа топориков почти все — целые. Лишь от одного осталось отколотое лезвие. Топорики образованы путем ретуширования некоторых нуклеусов по бокам. Такие типы изделий создают впечатление унаследованных от свидерской культуры, также как и плоский нуклеус с перехватом, ретушированный кое-где с обеих сторон. В целом же нуклеусы (284 экз.) в большинстве одноплощадные, плоские (рис. 63). Остальной инвентарь составляют куски нуклеусов (в том числе краевые сколы, сколы с площадок и краев) и более 1500 неретушированных пластин, в большинстве довольно крупных.

Иной характер носит скопление Э ж я р и н а с 17 (рис. 64), но и здесь видны следы влияния свидерской культуры на мадленскую.

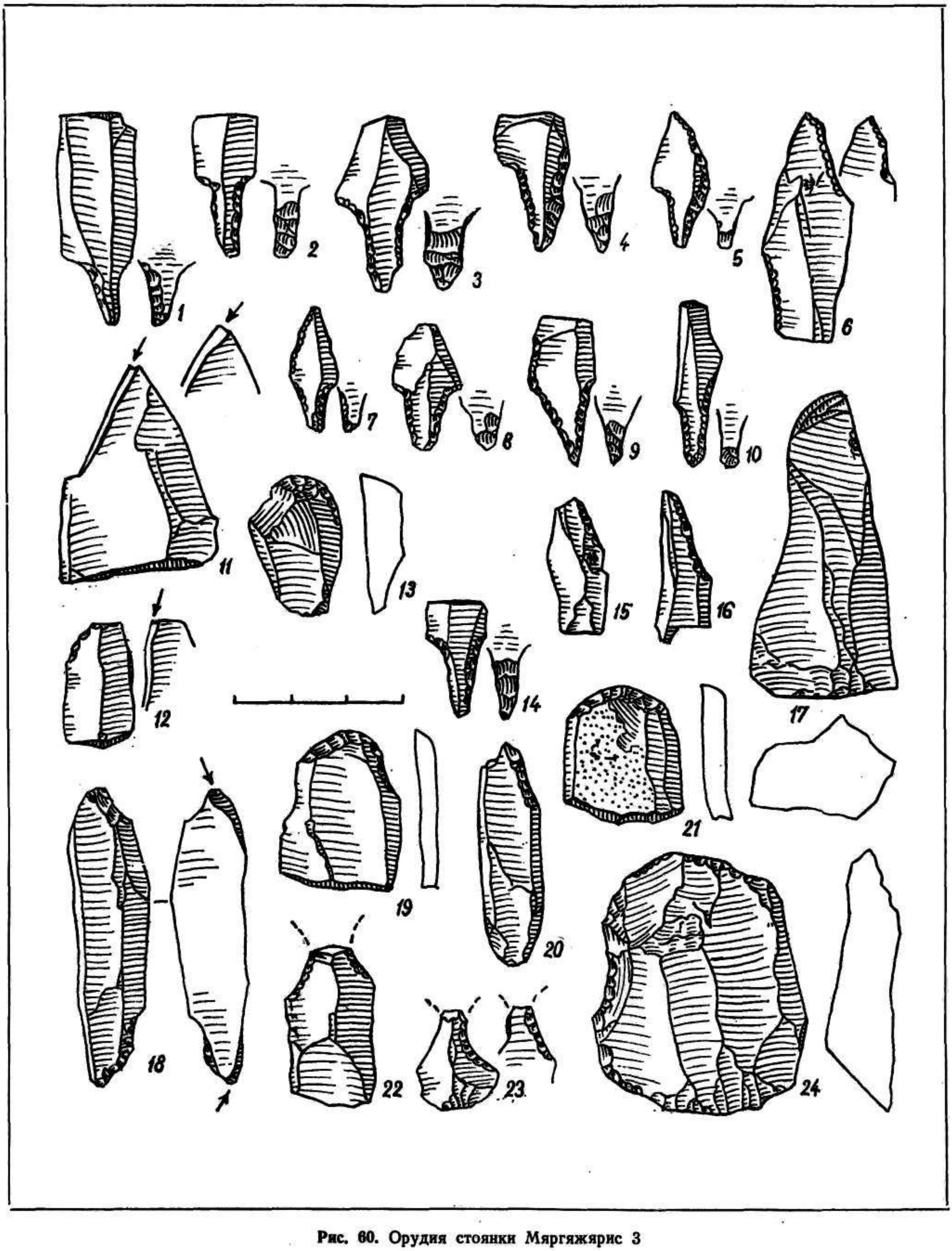


Рис. 60. Орудия стоянки Мяргяжярис 3

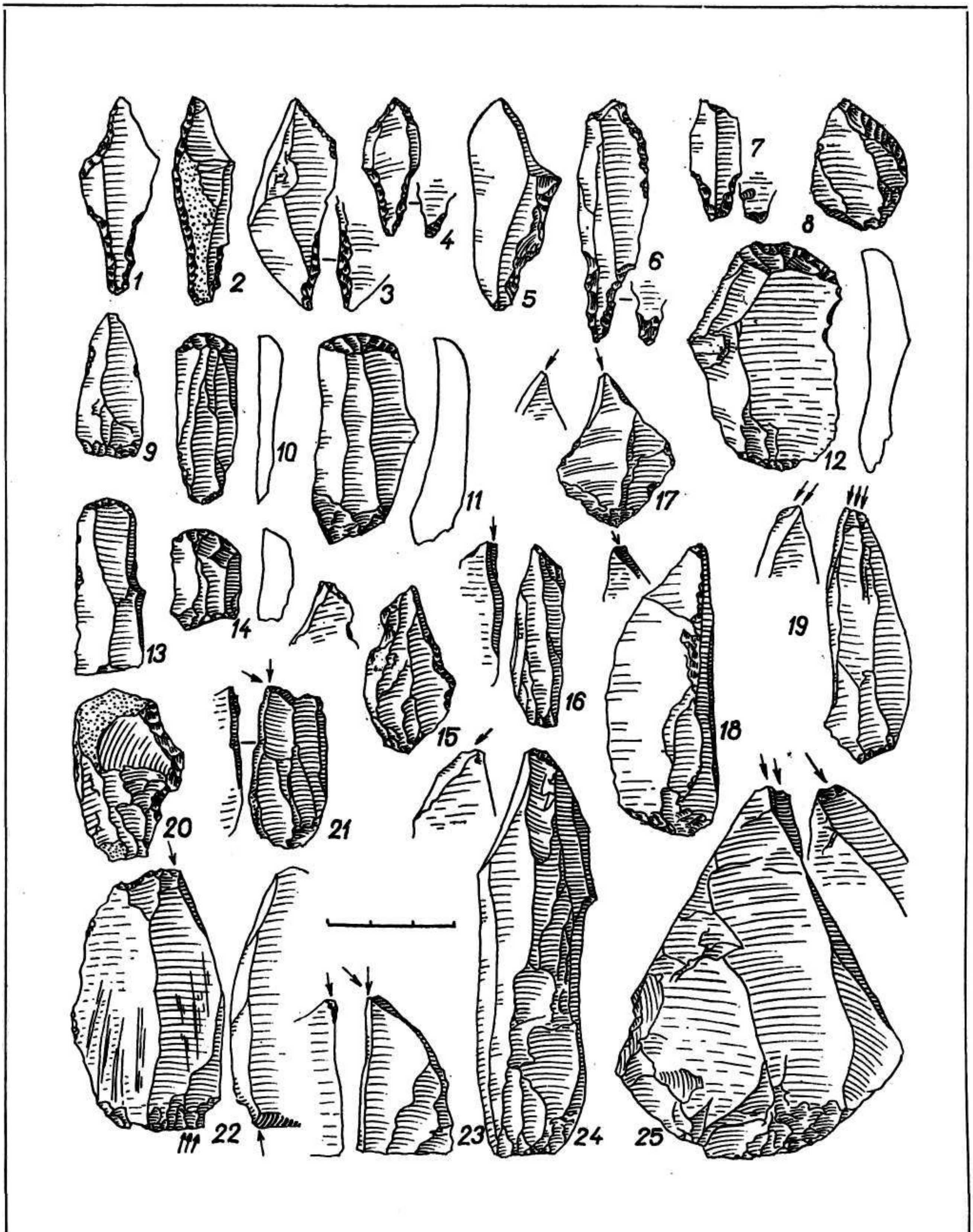


Рис. 61. Орудия стоянки Эжяринас 8

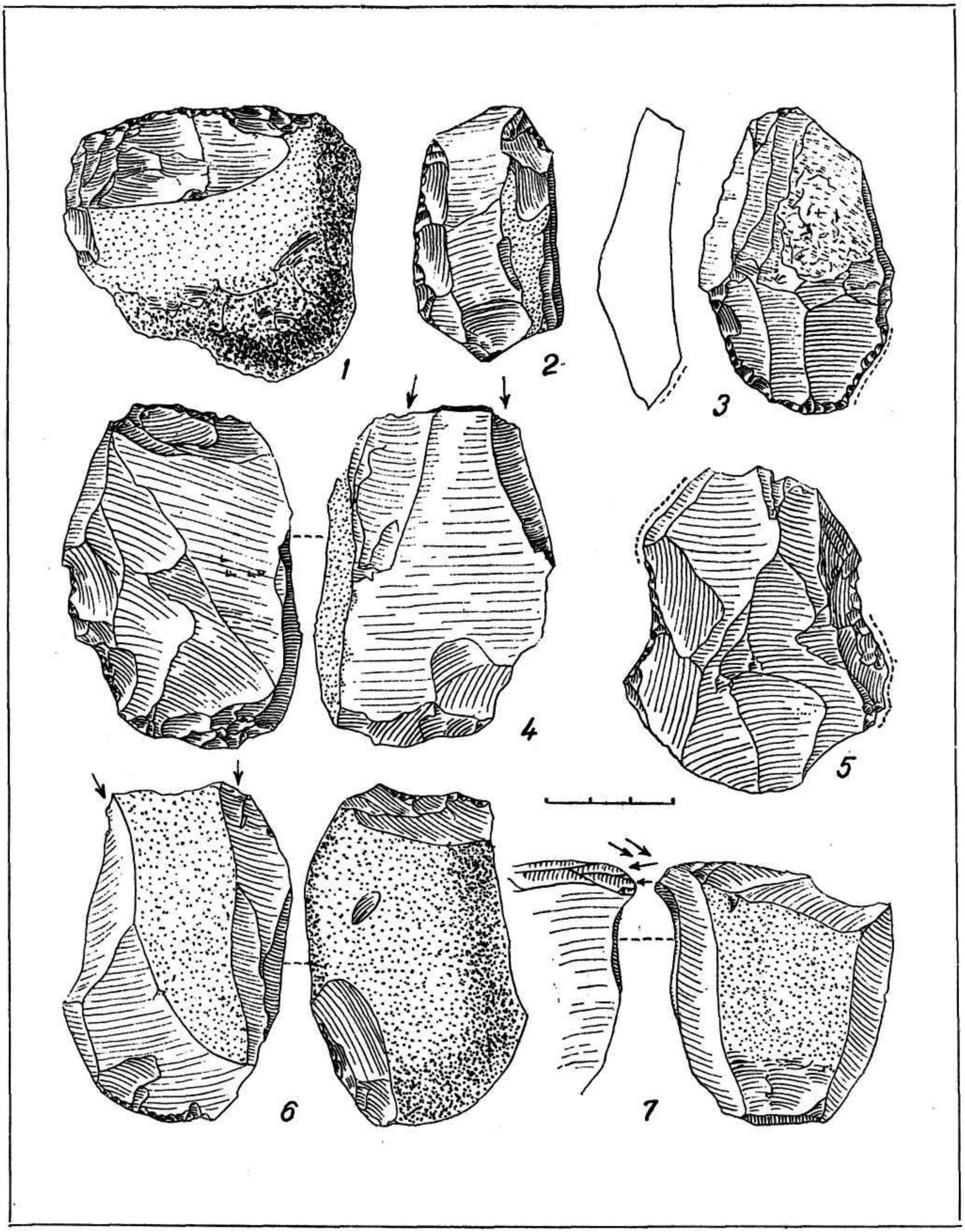


Рис. 62. Орудия стоянки Эжяринас 8

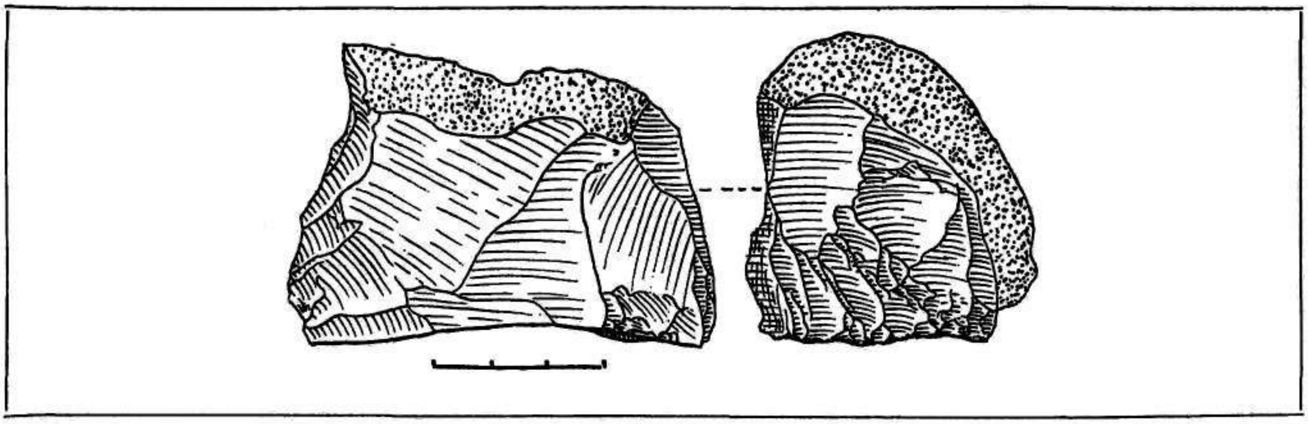


Рис. 63. Нуклеус стоянки Эжяринас 4

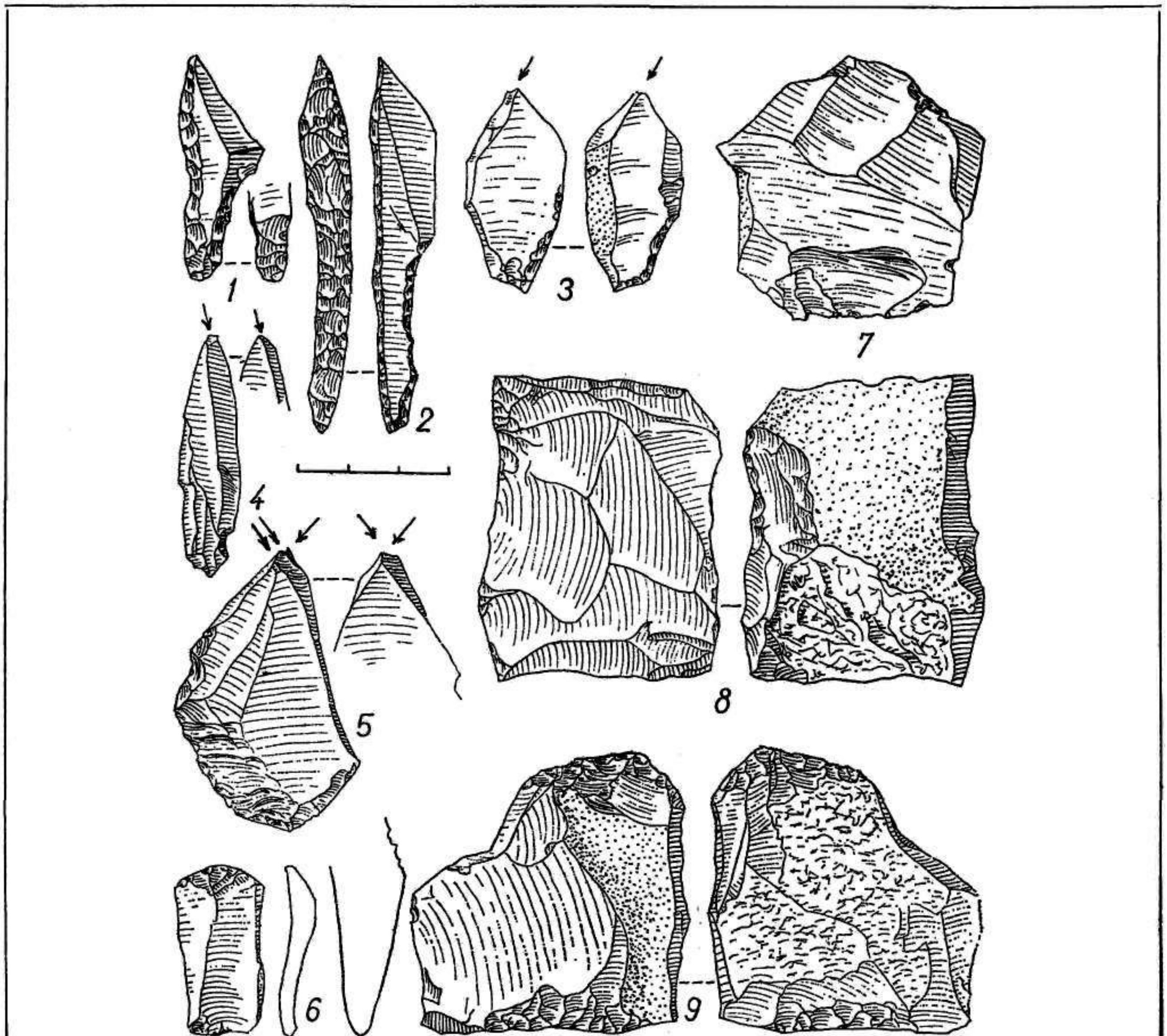


Рис. 64. Орудия стоянки Эжяринас 17

Скопление небольшое, находится в лесу, на третьей надпойменной террасе. Все находки лежали сразу под дерном, в тонком коричневатом слое песка.

Здесь обнаружено около 3000 кремневых отщепов, в большей части необработанных, что дает основание считать стоянку мастерской. Почти все находки покрыты беловато-синей патиной. Для определения их культурной принадлежности очень важны два наконечника стрел (рис. 64, *1, 2*). Оба с выемкой, толстые, ретушированные встречной ретушью по краям. Один из них тронут ретушью и с обратной стороны. Наконечники имеют очень длинные черешки. Другой инвентарь не играет сколько-нибудь важной роли в культурно-историческом отношении, но все-таки дополняет наши знания о стоянках этого малоизвестного типа.

Поскольку стоянка Эжяринас 17 имела назначение мастерской, в ней найдено 105 нуклеусов и их частей, а также 230 неретушированных пластин. Нуклеусы в большинстве небольшие, неправильной формы, со следами отжима широких пластин. Прочие орудия труда представлены двумя крупными скребками, сделанными из нуклеусов, и одним изделием типа топора.

Важные мадленские находки, тоже с влиянием свидерской культуры, встречены и в Занеманье (юго-западная Литва), в стоянке Няндриняй (Капсукский р-н), разрушенной поздними конскими захоронениями. Здесь обнаружены широкие наконечники с ретушью по краям — мадленского типа (рис. 65, *1—2*), а также другие, очень узкие, с черешком — почти свидерского типа, но без свидерской ретуши (рис. 65, *4, 5*). Резцы напоминают и мадленские (рис. 65, *6*) и свидерские (рис. 65, *3*). К этой же группе находок относятся длинная, довольно широкая пластинка (рис. 65, *7*), короткие искривленные пластинки, незаконченный скребок и отщепы.

Из старых музейных собраний следует вспомнить находки со стоянки у озера Дуба, в местности «Сала» (остров). Стоянка располагалась на возвышенности на юго-западном берегу озера в окружении болот (Szukiewicz, 1901, стр. 16), т. е. в месте, характерном для палеолитических стоянок. Болота, представляющие сейчас продолжение торфяника Чяпкяляй, образовались в атлантическом периоде.

В Сала обнаружены находки разного времени и различных культур. Мадленские изделия выделяются толстой белой или голубой патиной, вертикальной ретушью и величиной (рис. 66). Наконечники трех видов: широкие, не совсем правильные, с широким же черешком; широкие с длинным черешком и коротким широким пером; ланцетовидные, правда, неправильной формы. На наконечниках иногда встречается свидерская ретушь (рис. 66, *1*). К мадленским должны быть причислены также и все скребки, покрытые патиной. (Изделия

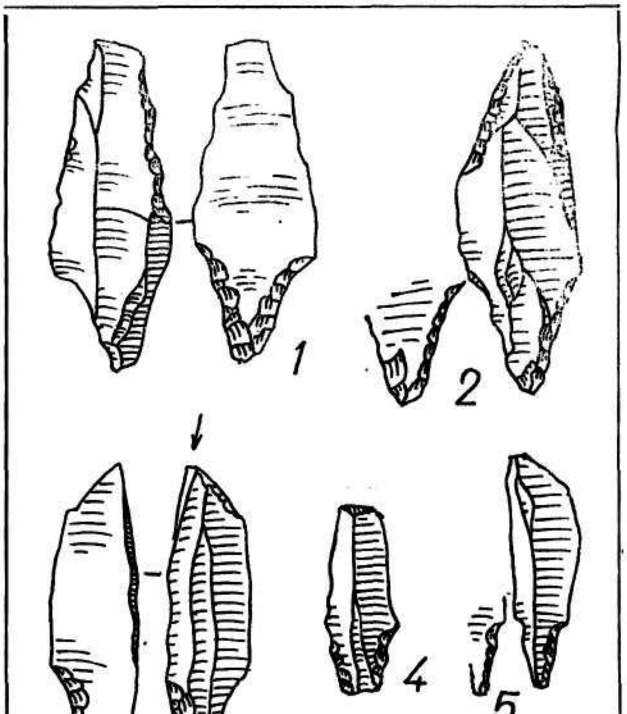


Рис. 65. Орудия стоянки Няндриняй

более позднего времени, например мезолитические наконечники свидерского типа, не имеют патины.) Скребки — узкие, длинные, тоже близкие свидерским типам (рис. 66, *7, 8*), как это характерно для коллекций В. Шукевича.

Резцы и нуклеусы отсутствуют, за исключением некоторых боковых проколок (рис. 66, *4, 5, 6*).

Подобные палеолитические стоянки прибалтийского мадлена, на которых лежит более или

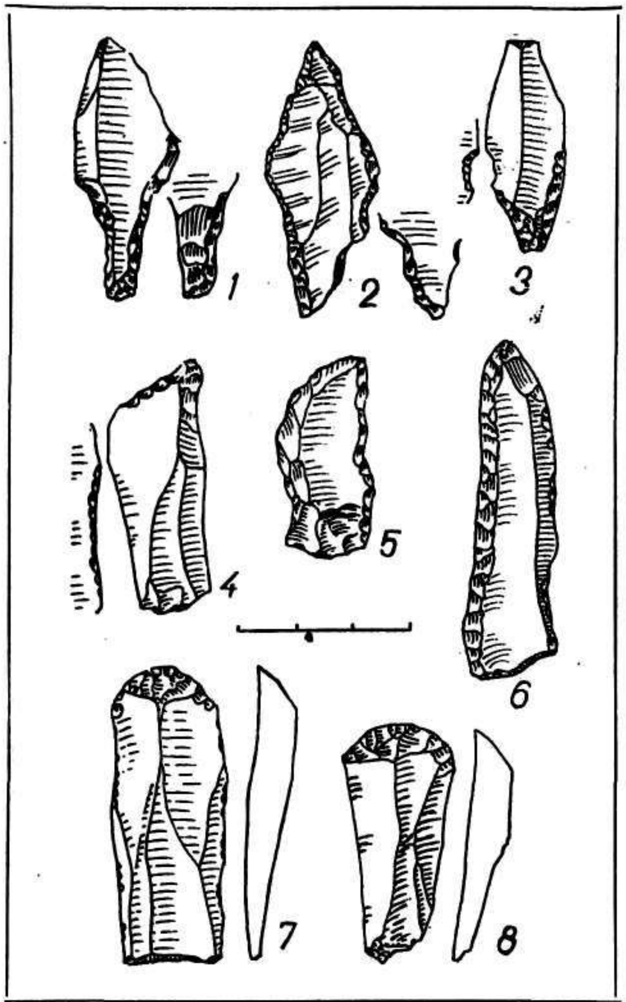


Рис. 66. Прибалтийско-мадленские орудия стоянки «Сала» у оз. Дуба

ме́нее явный отпечаток свидерских влияний, можно встретить в пограничных районах обеих культур. Это — зона, лежащая несколько южнее балтийского побережья, к западу от низовьев Вислы. (На основной территории распространения свидерской культуры можно говорить лишь о некотором влиянии аренсбургской культуры, которое, надо думать, проявилось там значительно позже, чем в Литве.)

В данной зоне, так же как и в Литве, влияние свидерской культуры на мадленскую иногда было очень незначительным — только ретушь на оборотной стороне черешка и двухплощадные нуклеусы. Так, например, свидерская ретушь появляется на наконечниках явно аренсбургского типа в северо-восточной Польше, в уезде Елк (Gaerte, 1933, илл. 3[d], 3[h]). В Германии ярким тому примером является стоянка Берлин-Тегель (Taute, 1957; Gramsch, 1957; Mey, 1957; 1960, стр. 13, илл. 4), в которой лишь некоторые листовидные мадленские наконечники имеют ретушь с обратной стороны, да и сами наконечники несколько уже, а их черешки выражены не так ярко, как в аренсбургских наконечниках. Все другие типы изделий (ланцетовидные наконечники, двойные скребки, угловые резцы) типичны для аренсбургской культуры.

Другой пример — стоянка Мюнхехофе в Бранденбурге (Hohmann, 1927, стр. 186—207). Здесь обнаружены аренсбургские наконечники стрел, один из которых имеет свидерскую ретушь на черешке. Наряду с ними найдены наконечники свидерских форм, немного ретушированные по краю с оборотной стороны и лишь только один наконечник носит на себе настоящую свидерскую ретушь. Прочие находки (ланцетовидные наконечники, короткие широкие скребки и т. п.) сближают эту стоянку с аренсбургскими.

Чем дальше на запад, тем меньше влияние свидерской культуры (Taute, 1968, карта 8). Однако считают, что она оказала определенное воздействие на западно-европейский мадлен VI. Особенно это касается формы наконечников (Breuil, Lantier, 1959, стр. 276). Свидерское влияние в разных стоянках проявлялось по-разному. В результате, однако, единая особая культурная группа не сложилась.

Как мы уже указывали, на современной территории Литвы влияние свидерской культуры на мадленскую проявилось, по-видимому, довольно рано. Стоянку Шилялис 2 можем датировать второй половиной аллерёда и сравнивать по времени со стоянками Эйгуляй 1 A, B, D. Топографическое расположение других рассмотренных нами стоянок также указывает, что соответствующий процесс начался во второй половине аллерёда, т. е. раньше, чем в Западной Европе. Стоянки Кашетос 16 и Мяргяжярис 3 и 8 расположены на второй надпойменной террасе; по типам изделий они очень близки к остальным литовским аренсбургским стоянкам. Появление микролитов, имеющих довольно четкие, определенные формы, а также увеличение количества изделий специального назначения, указывает, что Кашетос 16 и Мяргяжярис 8, 3 функционировали в самом конце аллерёда или в позднем дриасе.

К юго-востоку от Литвы влияние свидерской культуры дало себя знать еще раньше. В стоянке Подлужье III у р. Сож (Будько, 1966[в], стр. 34—37) это явление относится ко

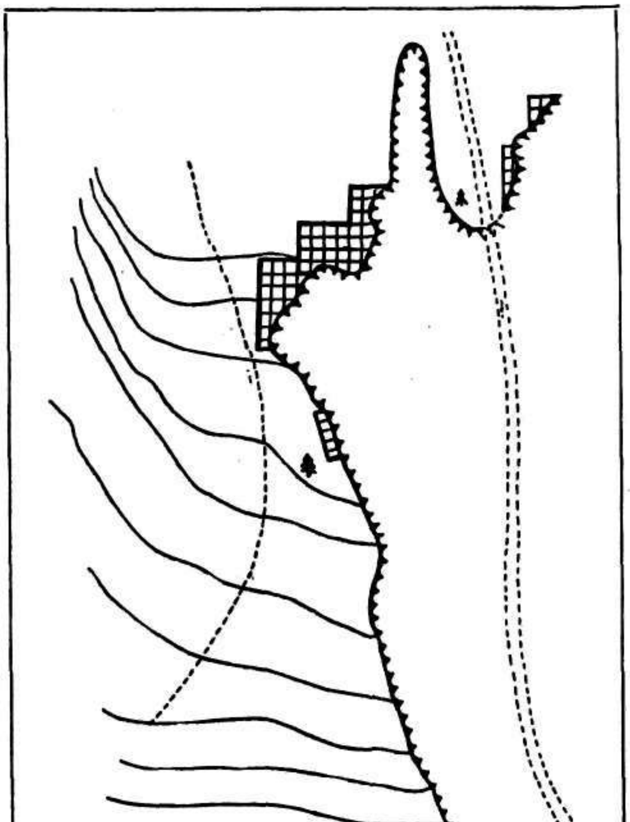


Рис. 67. Расположение раскопа стоянки Раудондварис

временам ранней свидерской культуры (конец бёллинга — начало аллерёда). В раннем слое стоянки Гренск, относящемся к концу аллерёда — позднему дриасу (там же, стр. 37—42), свидерское влияние уже вполне отчетливо, как в смысле техники, так и в отношении типов изделий, хотя при этом еще сохранялся старый местный мадленский субстрат.

Приходится думать, что в периферийных зонах, которых свидерская культра достигла в аллерёде, шел некоторый культурный обмен, взаимодействие местной и свидерской культур, и что такой процесс мог быть характерным не только для одного ограниченного промежутка времени. Поэтому стоянки с признаками влияния свидерской культуры мы не можем объединить в одну цепь развития, несмотря на то, что располагаем фактами, говорящими о последовательном усилении и углублении такого влияния. Возможно, что эффективность свидерского влияния определяла не хронология, а обычаи отдельных племен.

2) Свидерские стоянки (III группа) с элементами мадленской культуры

Как мы уже указывали, влияние мадленской культуры на свидерскую проявилось в Литве несколько позже, чем свидерской на мадленскую. Все стоянки, о которых пойдет речь, находились на третьей надпойменной террасе рек, в слоях, относящихся ко времени не раньше позднего дриаса.

Характерным примером свидерской стоянки, где воздействие мадлена еще слабо ощутимо, может служить Раудондварис 1 (Каунасский р-н). Сейчас она находится на высоте 28 *м* над уровнем рек Неман и Нявежис и занимает площадку третьей надпойменной террасы (рис. 67). От рек ее отделяет пойма шириною около 450 *м* с первой надпойменной террасой и II терраса, на которой неподалеку находилась упомянутая нами раньше стоянка Шилялис 2. Часть склона, на котором возникла Раудондварис 1, с запада и востока отделена глубокими оврагами с текущими по ним ручейками. Четвертая терраса Немана от этого места далеко.

В стоянке, на самой поверхности (рис. 68) лежал слой темно-серого песка толщиной 20—50 *см*, с дерном. Ниже — тонкий, в 10 *см* (и то не всюду), слой светло-желтого песка, в котором найдены остатки костриш. чо обнаруженным гончарным черепкам, датируемые уже историческим временем. Под светло-желтым песком лежал культурный слой — ортштейнированный песок, на верхнем горизонте которого обнаружены предметы раннего железного века, а в нижнем — позднего мезолита. На 20 *см* ниже, в слое белого песка, найдены остатки палеолитической стоянки: изделия и отщепы, покрытые толстой патиной.

Основной палеолитический инвентарь стоянки Раудондварис 1 составляют свидерские на-

конечники стрел, знакомые нам по другим стоянкам (рис. 68, *1, 2*). Однако черешки их короткие, тупые, мало ретушированные, близкие к наконечнику из стоянки Эйгуляй 1 С (рис. 44, *1*). Сходна и топография обеих стоянок. Надо думать, что они относятся к одному времени и являются более поздними, чем стоянки Эйгуляй 1 А, В и D. Два фрагмента наконечников с оборотной стороны ретушированы свидерской ретушью. Однако имеются и два наконечника стрел с мадленскими чертами (рис. 68, *3, 5*). Один — довольно длинный, узко ретушированный, односторонний, второй — фрагмент наконечника с выемкой. Характер-

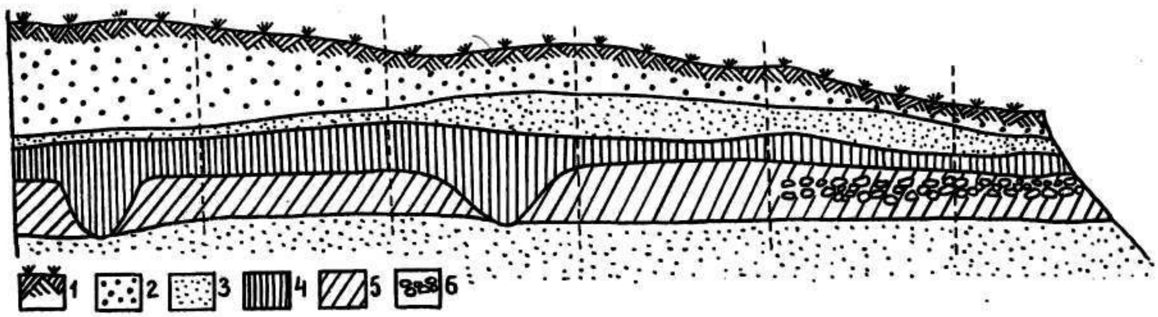


Рис. 68. Разрез и стратиграфия стоянки Раудондварис:
1 — дерн, 2 — темно-серый лесной песок, 3 — светло-желтый песок, 4 — ископаемая почва, 5 — подпочва — железистый песок (в верхнем горизонте — культурный слой мезолита), 6 — камни

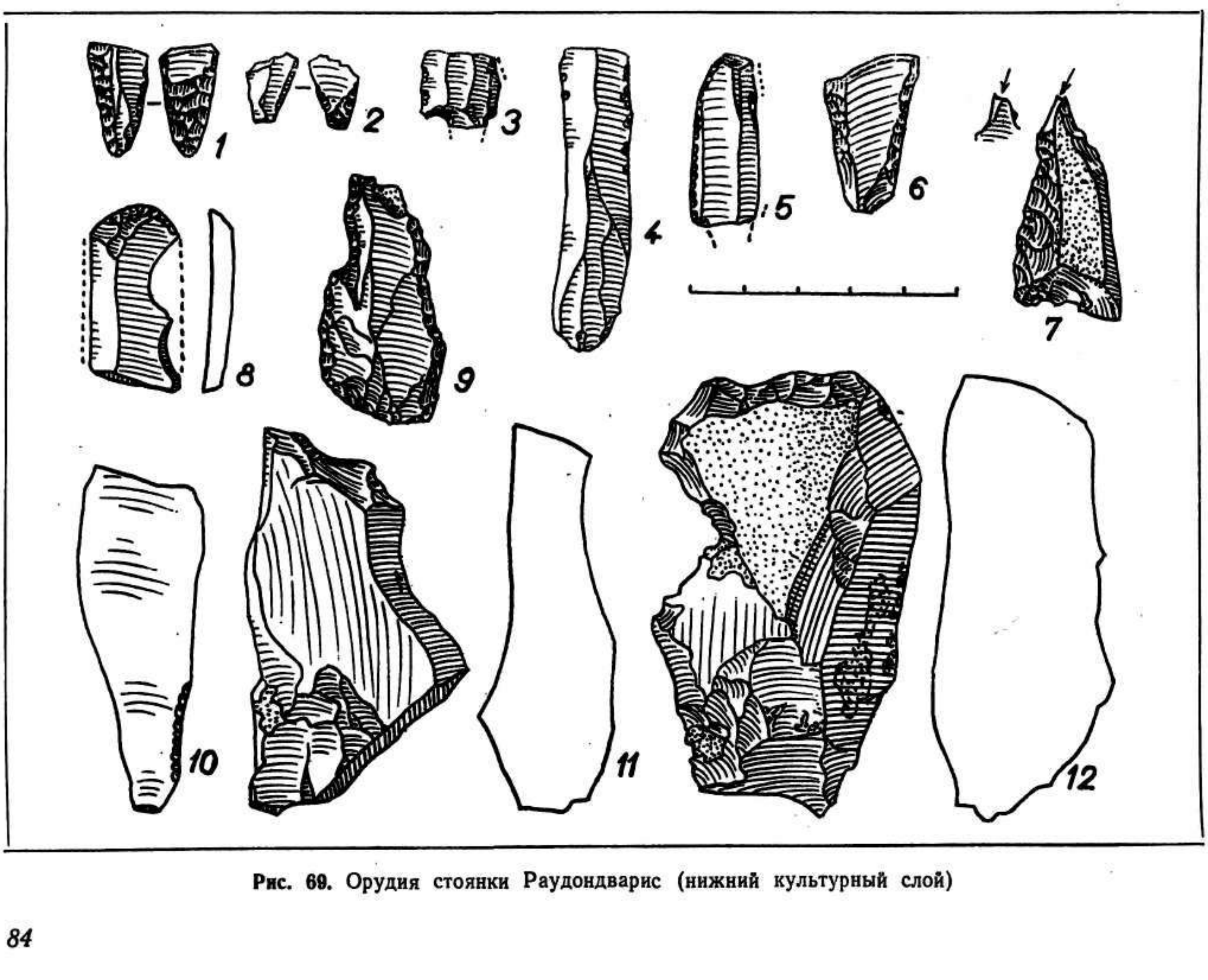


Рис. 69. Орудия стоянки Раудондварис (нижний культурный слой)

Рис. 70. Вид стоянки Нятесай 1

ными для свидерских типов являются: узкий и длинный скребок (рис. 68, *8*) и клиновидный резец (рис. 68, *7*); ретушь по краю сближает последний с резцами поздних свидерских стоянок; кроме того, длинные, мало ретушированные пластины (рис. 68, *4, 10*). Появление изделий специального назначения, изготовленных из пластин (рис. 68, *9*), тоже сближает Раудондварис 1 с более поздними вариантами стоянок свидерской культуры. Наконец, эту стоянку связывают со свидерскими (Эйгуляй 1D, Пипляй, Эжяринас 1, 14) крупные скобели (рис. 68, *11, 12*). Нуклеусы не очень правильные, но двухплощадные, призматические.

К тому же времени принадлежит и нижний слой стоянки Нятесай 1 (Варенский р-н). По месту расположения стоянка несколько отличается от других — высотная отметка ее ниже. Однако при этом нельзя не учитывать, что она находится ближе к верховьям Немана, где высота террас вообще значительно ниже. Нятесай 1 находится у места впадения речки Нятеса в Неман на высоком левобережном яру второй надпойменной террасы (рис. 70). Край ее находится на 14 *м* выше современного уровня Немана. В северной части площадки Нятесай 1 к Неману спускается уже третья надпойменная терраса, достигающая 20 *м* над уровнем воды (т. н. гора Виндуге).

На стоянке Нятесай 1 была раскопана площадь в 1315 $м^2$, охватившая основную ее территорию (рис. 71), за исключением части, уничтоженной ранее при постройке зданий. Оказалось, что стоянка заселялась трижды. Ранние — палеолитические — находки концентрировались на небольшом участке в северо-восточной части площади (квадраты VII: 11, 12; VIII: 10, 11, 12; IX: 10, 11, 12; X: 11, 12; XI: 12). Они обнаружены в песке на глубине 60—80 *см* от поверхности. Над песком лежал слой темно-серой ископаемой почвы, окончательно сложившийся в раннем бронзовом веке, но содержавший также и небольшое количество находок времен позднего мезолита (рис. 72). В других квадратах, в особенности юго-западных, палеолитический слой, как таковой, не выделялся, попадались лишь отдельные изделия вместе с мезолитическими, лежавшими в слое ископаемой почвы. Палеолитические очаги выделялись лишь пятнами сажи (рис. 73).

Свидерские наконечники стрел из Нятесай 1 в большистве имеют невыделенные черешки, покрытые с оборотной стороны свидерской ретушью (24 экз.). Несколько (4 шт.) наконечников имеют незначительно выделенные черешки. Судя по наконечникам с невыделенными черешками, у которых сохранились острия, край их вершины обычно бывает немного ретушированным с лицевой стороны. Иногда ретушь идет по всему краю наконечника (рис. 74, *2*) от самого черешка. Только в четырех случаях на верхушке острия с оборотной стороны — следы свидерской ретуши (рис. 74, *1, 3, 8*). Наконечники с незначительно выделенными черешками (рис. 74, *4, 5, 13, 20*), как правило, еще меньше тронуты свидерской ретушью с оборотной стороны.

Следует упомянуть и три толстых черешка сравнительно более крупных наконечников (рис. 74, *14*), лишь слегка ретушированных с брюшка.

Другую группу составляют 14 острий без выделенного черешка (рис. 74, *1—3, 6, 9—11*), изготовленных из довольно широких пластин. Три из них ретушированы свидерской ретушью по верхушке с брюшка, остальные — только по краям со спинки. Семь наконечников имеют широкие черешки, ретушированные только по краям (рис. 74, *16—18*). Они — небольшие, неправильной формы, слегка напоминающие более поздние мадленские (хвалибоговицкие).

Бóльшая часть палеолитических скребков Нятесай 1 (около 30 экз.) — продолговатые (рис. 74, *25—27*). Чаще всего их нельзя причислить к узким: длина примерно в два раза превышает ширину. Изредка скребки имеют ретушь по краям. Приблизительно четвертую часть скребков составляют короткие или приближающиеся к круглым (рис. 76, *28, 29*); они широкие, хорошо обработаны и напоминают скорее мадленские, чем азильские типы.

Около 30 найденных на стоянке резцов (рис. 75, *1—9*) в большинстве довольно узкие и продолговатые, клиновидные — серединные, боковые или изготовленные с помощью скола и ретуши. Некоторые имеют узкую ретушь на

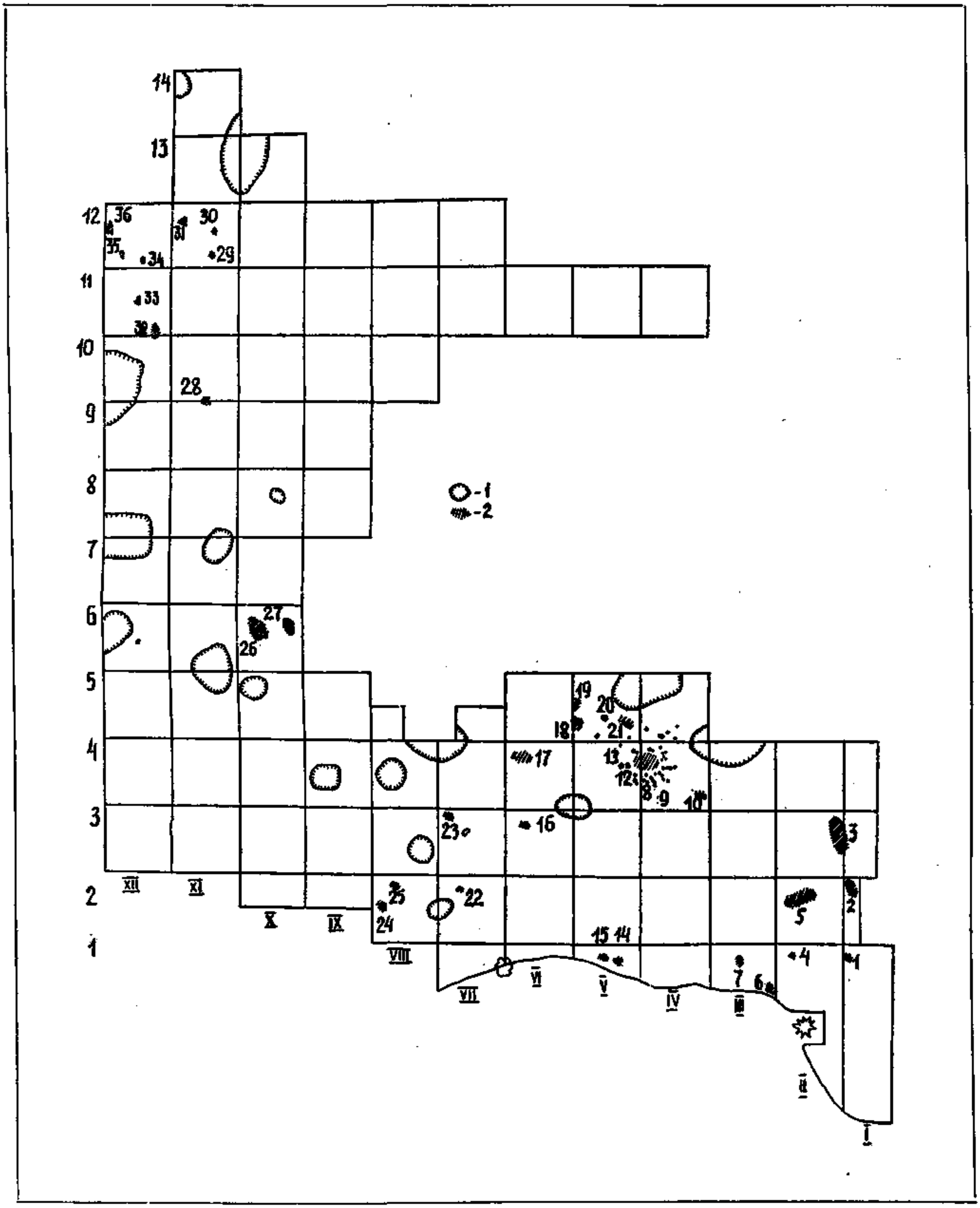


Рис. 71. Нятесай 1. Площадь раскопов 1962 и 1963 годов. Цифрами обозначены очаги и ямы всех культурных слоев:
1 — теперешний раскоп, 2 — очаг или яма палеолита-мезолита

боковых гранях. Только два резца — угловые с ретушью на вершине. Выделяется один не очень длинный, клиновидный — срединный резец со скребком на другом конце.

Нуклеусов на некоторых квадратах довольно много. Они встречены в скоплениях. По-видимому, это места своеобразных мастерских. Здесь, в песке, на глубине 2,5 *м* залегало много кремневых изделий и отщепов, покрытых толстой белой патиной. Среди них выделялось несколько нуклеусов и один маленький наконечник стрелы. Некоторые пластины носили следы ретуши. В нуклеусах отсутствует правильность ранних свидерских форм, однако

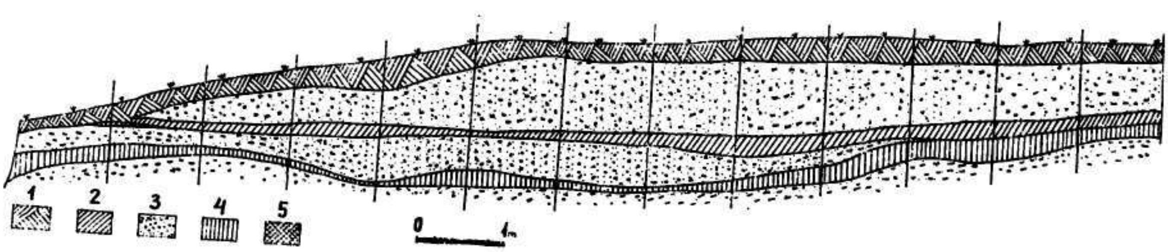


Рис. 72. Нятесай 1. Разрез части раскопа:
1 — дерн, 2 — ископаемая почва, 3 — мелкозернистый песок, 4 — суглинок, 5 — подзол

Все нуклеусы двухплощадные, обычно узкие и продолговатые, сплющенные спереди (рис. 75, *10*). Во многих случаях, на нуклеусах, по бокам, наблюдаются участки с кремневой коркой. Это указывает на то, что они изготовлялись из плоских конкреций кремня, встречающихся в изобилии в отложениях гравия неподалеку от они остаются призматическими, двухплощадочными. Один из нуклеусов довольно плоский, с узкими, скошенными в одну сторону площадками. Второй тоже обит с двух концов, хотя по форме и напоминает пирамидальный. Наконечник стрелы близок к позднемадленскому, изготовлен из короткой пластины с выемкой

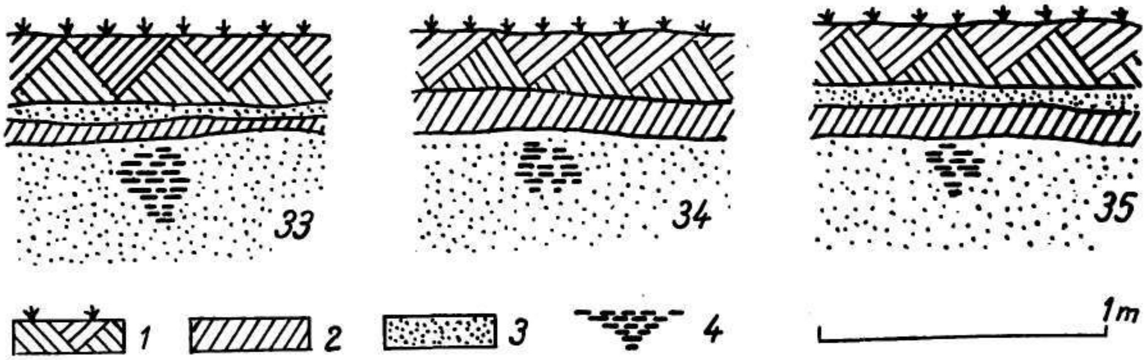


Рис. 73. Нятесай 1. Разрезы палеолитических очагов №№ 33, 34, 35:
1— дерн, 2 — ископаемая почва (мезолитический культурный слой), 3 — песок, 4 — сажа

Нятесай 1. Значительное количество нуклеусов сколоты по спинке поперек. Вероятно, они использовались как орудия труда, близкие к топорикам или мотыгам. На эту мысль наталкивают нуклеусы, у которых концы сколоты наподобие более поздних овальных топориков.

К тому же типу стоянок следует причислить остатки стоянки, обнаруженной в 1925 году в Каунасе, по улице Биржу, на краю третьей террасы р. Нярис.

с одного края, у острия ретуширован по краю с лицевой стороны, у черешка — с оборотной.

Кроме материала стоянок, раскопанных в последнее время, большой интерес представляют старые коллекции. В собрании В. Шукевича из Кашетос имеется немало находок, в которых можно усмотреть отчетливые признаки мадлена. Во многих случаях это объясняется спецификой обстоятельств. В упомянутой местности свидерское население встречалось с

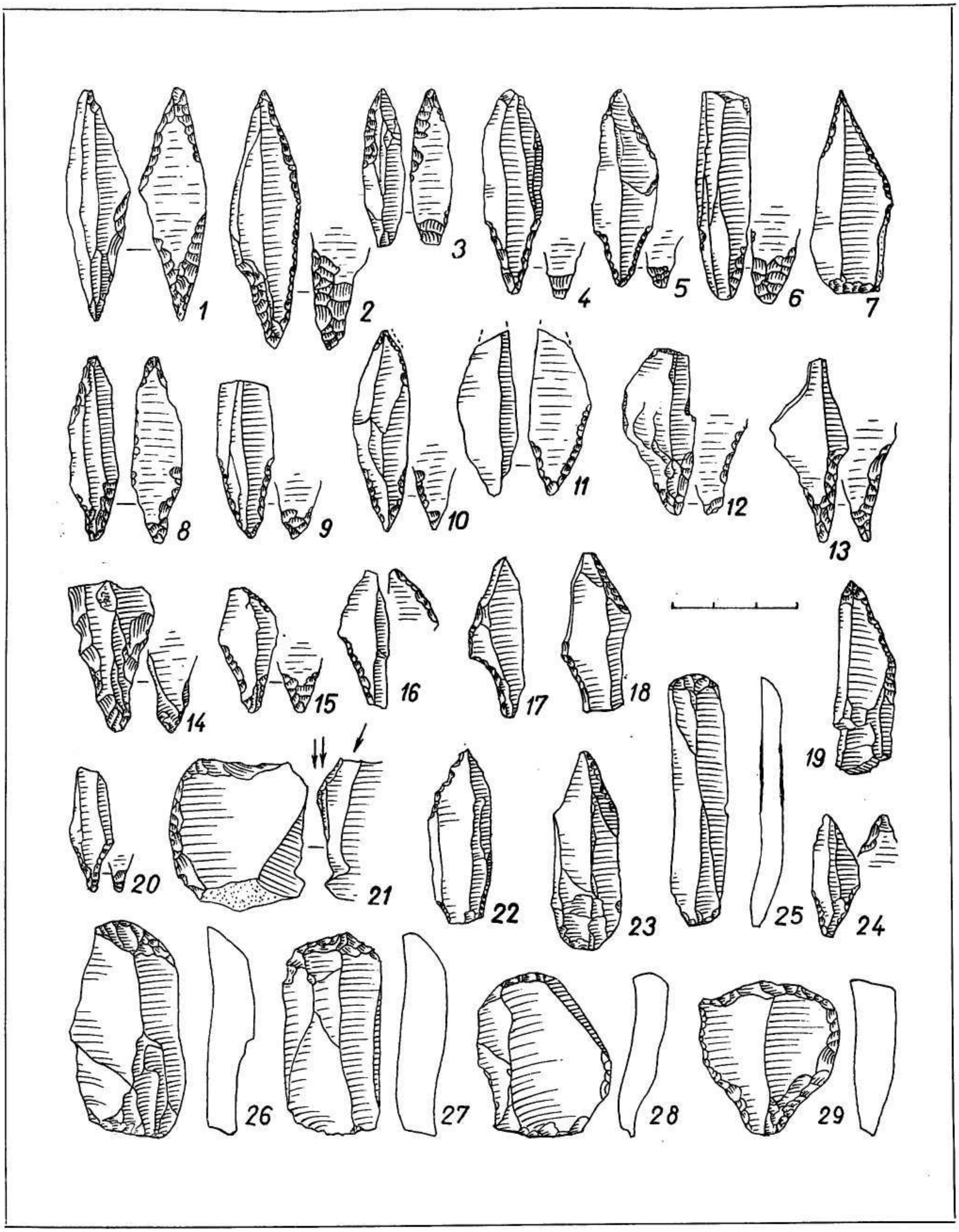


Рис. 74. Орудия стоянки Нятесай 1 (нижний культурный слой)

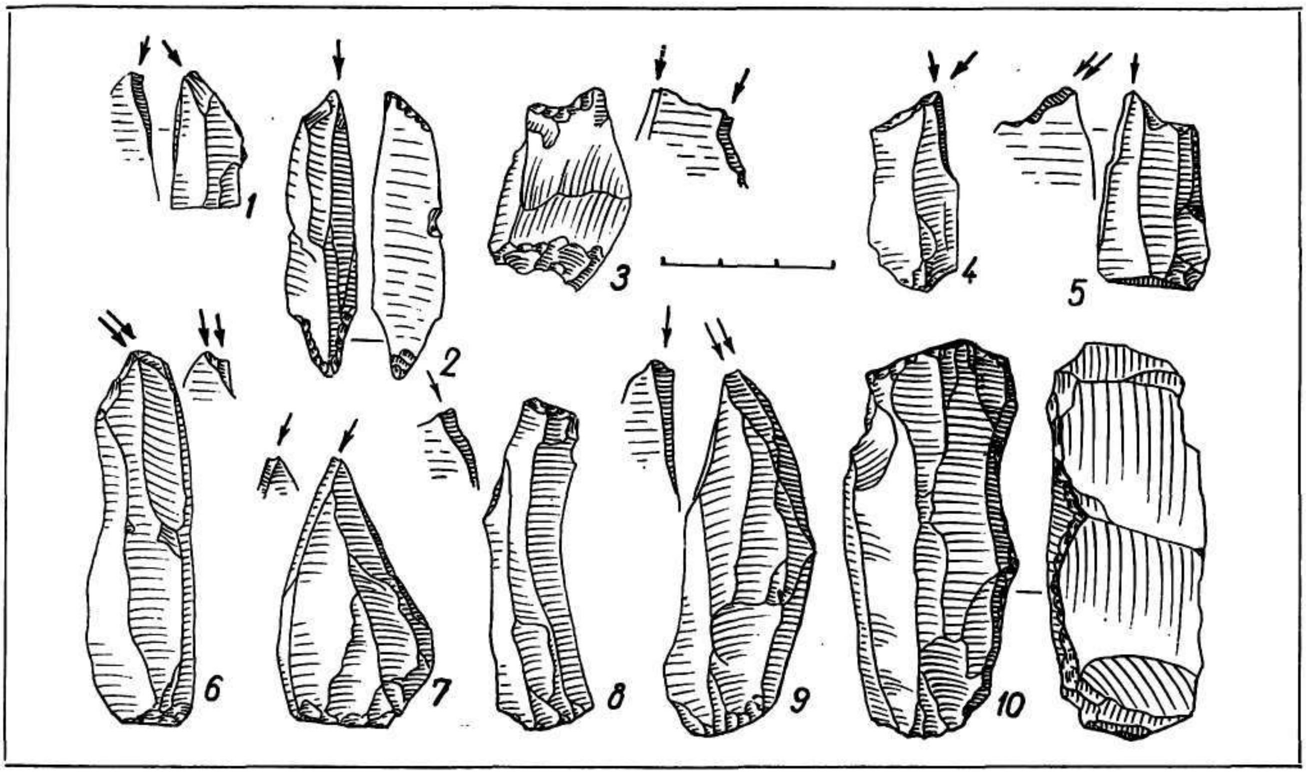


Рис. 75. Орудия стоянки Нятесай 1 (нижний культурный слой)

издавна жившими здесь людьми, для которых была характерна мадленская культура. Поэтому именно здесь и появились разнообразные свидерско-мадленские формы изделий (рис. 76).

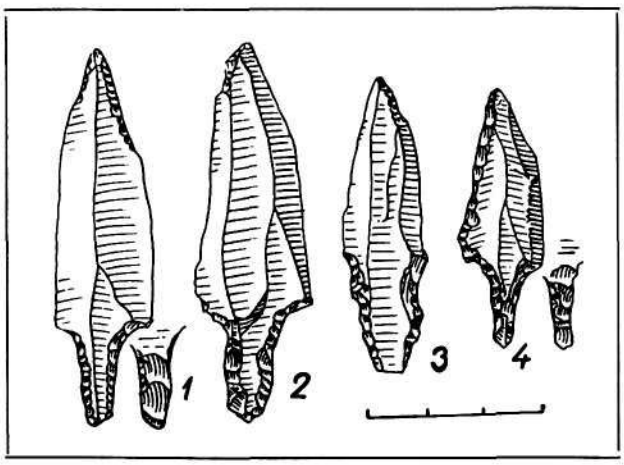


Рис. 76. Наконечники стрел стоянок у пос. Кашетос

Культурный обмен начался довольно рано, пожалуй, в конце аллерёда.

Среди находок Кашетос достойны упоминания сравнительно крупные наконечники, покрытые толстой белой патиной, ретушированные с лицевой стороны крутой, характерной для мадлена ретушью, но сохранившие свидерскую ретушь на оборотной стороне. О связях с мадленом говорят также наконечники с толстым широким черешком.

Из других коллекций Шукевича в данном случае нас интересует стоянка Гирайте (Варенский р-н) (рис. 77), где рядом с чисто свидерскими формами изделий (рис. 77, *1, 2*) встречаются и такие, которые могли появиться лишь под влиянием мадленской культуры (рис. 77, *6, 7*).

Как уже отмечено, влияние мадленской культуры имело несколько иной характер, чем воздействие свидерской. Оно проявлялось прежде всего в форме изделий. Только позже мадленская техника — односторонняя ретушь — начинает применяться при изготовлении свидерских наконечников.

В Литве, насколько позволяют судить современные данные, мадленское влияние проявилось позднее, чем воздействие свидерской культуры на мадленскую. Все стоянки соответствующего типа, обнаруженные к нашим дням, расположены выше стоянок времени аллерёда. Относящиеся к ним находки лежат не в перемешанном с гравием аллювии, а в песке, нанесенном над аллювием водой или ветром. Скорее всего, подобные стоянки относятся к концу позднего дриаса. Об этом говорят и некоторые типы обнаруженных здесь свидерских

изделий. Например, в стоянках, о которых идет речь, свидерские наконечники стрел такие же, как во II группе свидерской культуры Литвы, т. е. мало ретушированные, с коротким черешком.

Надо заметить, что приблизительно в тот же период — поздний дриас — мадленское влияние проявлялось и в основных областях распространения свидерской культуры (там, где

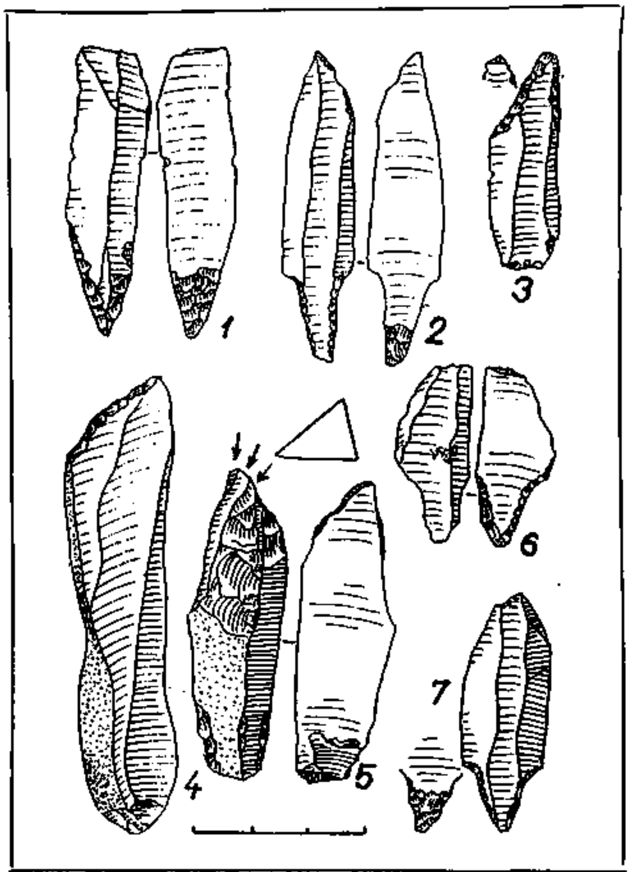


Рис. 77. Орудия стоянки Гирайте

общины со свидерской и аренсбургской культурами рядом не жили), например, в центральной Польше.

В самом конце палеолита или, скорее, уже в начале мезолита, в Польше встречаются свидерские стоянки с ясно выраженными мадленскими (аренсбургскими) типами изделий. Например, стоянки Станковиче I—IV и др., у Буга, в Подлясьи (Szmit, 1929, табл. 29—40), где обнаружены мелкие аренсбургские наконечники, очень близкие к находкам таких литовских стоянок, как Мяргяжярис 3 и др. Скребки — чаще небольшие, почти округлые, зато имеются клиновидные резцы и двухплощадочные нуклеусы, столь характерные для свидерской культуры. З. Шмит отмечает, что если часть находок, обнаруженных в этих стоянках, можно отнести к палеолиту, то форма большинства их свидетельствует о принадлежности к эпипалеолиту (Szmit, 1929, стр. 107).

В конце палеолита влияние аренсбургской культуры доходит до южных польских областей (возвышенности Малой Польши). Здесь в различных стоянках появляются наконечники, напоминающие мадленские, но имеющие иногда свидерскую ретушь (Kozłowski, L., 1924, табл. 28). Много подобных изделий известно по стоянке Хвалибоговицы[1].

Последние исследования польских стоянок показывают, что аренсбургское влияние наблюдается только в тех из них, которые являются более поздними, чем Свидры Вельке или Плуды А (Schild, 1960, стр. 29). Ярким примером этому может служить стоянка Цихмиана I (Chmielewska, 1957[в], стр. 5—12, табл. I—III), в которой аренсбургских форм еще очень немного. Однако известны и стоянки, существовавшие приблизительно в то же время, как, например, Янушково 12, где аренсбургские формы представлены весьма ощутимо. Такие стоянки считаются моложе плудских, потому что некоторые из найденных в них нуклеусов более близки к нуклеусам, предназначенным для микролитов а сами изделия и отщепы значительно мельче, чем плудские.

Из сказанного следует, что взаимодействие упомянутых двух культур на территории Литвы, а также в других окраинных зонах не было тождественным развитию свидерской культуры в Мазовшанской области. На периферии (в северных областях распространения свидерской культуры), где по соседству обитали племена как со свидерской, так и с аренсбургской культурой, это взаимодействие началось раньше, хотя, вероятнее всего, не в период аллерёда. По своему расположению на III надпойменной террасе, характеру залегания пластов и типам изделий соответствующие литовские стоянки следует отнести к позднему дриасу. Но только те стоянки, относящиеся к концу дриаса или даже к пребореалю (и которые мы причисляем к позднемадленским, подвергшимся влиянию свидерской культуры, например, Мяргяжярис 3), представляют параллель таким польским стоянкам, как Станковиче I—IV или Цихмиана I.

---

[1] Обычно такие стоянки относили к плудской группе свидерской культуры (Krukowski, 1938—1945, стр. 86), но в последнее время они уже выделяются в «зону далеких (западных) влияний» (Schild, 1964[а], стр. 377). В свое время подобные стоянки причислялись к той же свидерской культуре. Л. Козловский даже пытался имя Хвалибоговицкой стоянки дать всей свидерской культуре (Kozłowski, L., 1924, стр. 131—133). Позже название «хвалибоговицкая» стало определением комплекса, содержащего аренсбургский компонент в поздней свидерской культуре (Sawicki, 1933, стр. 18—19; Taute, 1868, стр. 181).

По-видимому, в то же время (к концу позднего дриаса) проявилось некоторое влияние аренсбургской культуры и на припятские стоянки, такие, как Ополь или Береза (Исаенко, 1966, стр. 44, илл. 11). Оно заметно и на материалах мезолитического верхнего слоя стоянки Гренск (Будько, 1966, илл. 6), хотя в целом гренский инвентарь очень далек от литовских находок: в нем еще жив старый местный субстрат, которого не знала территория Литвы[1].

3. ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЛИТВЫ

Что касается аллерёда и позднего дриаса, то можно с уверенностью сказать, что разные палеолитические культуры на территории Литвы существовали в то время одновременно. Различия между ними должны быть отнесены к разряду этнокультурных. Подобные различия во время аллерёда наблюдались по всей Северной и Средней Европе. Не говоря уже о двух основных культурах — мадленской и свидерской — существовало много отдельных культурных и этнических ответвлений.

Для аллерёда в целом, принесшего значительное потепление, характерно разнообразие культур. Радиокарбонная датировка позволяет заметить, что в этот период на очень широких пространствах появляются одни и те же культурные группы. Следовательно, родовые общины совершали более значительные передвижения, чем раньше, в бёллинге, или, отметим сразу, позже — в конце позднего дриаса и мезолите. Причиной этому, по-видимому, являлся образ жизни людей — охота за северным оленем, стада которого (и, естественно, охотники) преодолевали за год сотни километров. Второй причиной, которая вызывала передвижение людей на далекие расстояния по малонаселенным просторам приледниковой Европы, были экзогамные отношения. Именно по этим причинам на территории Литвы и Калининградской области одновременно существовали в то время носители различных культур.

Передвижение культурных групп было наиболее интенсивным во второй половине аллерёда. Уже в первой его половине выросли леса. Северный олень, заставлявший первобытных людей, кочевать за собой, перестал быть единственным объектом охоты. И люди прочно заселили южную и восточную Прибалтику.

Во второй половине аллерёда и позднего дриаса наряду с родовыми общинами, которые сохраняли в более или менее чистом виде какую-то определенную культуру, уходящую корнями еще в начало аллерёда, все чаще стали возникать общины с культурами смешанного типа. Скрещение культур характерно для широкого пояса приледниковой Европы и, в известном смысле, может считаться своеобразным хронологическим признаком. Учитывая большую подвижность населения в аллерёде, надо проявлять особую осторожность при попытке свести известные нам стоянки некоторых культурных групп в одну цепь развития последовательного в хронологическом отношении.

Такой же сложной была в период аллерёда и история заселения других приледниковых областей, где рядом жили разные культурные группы. Например, в Западной Европе образовался своеобразный мадлен горной Германии, кресвелиен, шедавиен и др. Несколько вариантов различалось и в плудской культуре: заборетинский, гулинский и др. В зоне Русских равнин также встречаются стоянки, инвентарь и стратиграфия которых показывают, что где-то рядом должны были, по-видимому, существовать общины, употреблявшие иную технику изготовления орудий труда и другие типы изделий.

Группы людей, живших в аллерёде на территории Литвы, еще почти не знали азильских элементов. Последние являются признаком культур позднего дриаса, усвоенных местными культурами по пути расселения людей. Это — довольно определенный хронологический признак, который в свое время в известном смысле нивелировал культурные группы аллерёда[2]. Вторым признаком культур позднего дриаса, пожалуй, будет распространение некоторых одинаковых изделий из кости и рога в различных культурных группах, также оказывающие нивелирующее воздействие[3].

При установлении хронологии литовских стоянок позднего дриаса и тем самым датировки культур исследуемых групп родовых общин первым критерием был геоморфологический. Мы говорили о расположении стоянок на террасах, об их соотношении с современным уровнем воды, учитывали стратиграфические обстоятельства месторасположения. Попытки связать литовские стоянки с точно датирован-

---

[1] Имеется в виду территория в современных границах Литовской ССР.

[2] По наличию азильских (в Польше — тарновских) элементов пытаются датировать некоторые группы мазовшанского цикла (свидерские). Их количество считают хронологическим признаком того или иного периода; высказывается мысль, что они в незначительном количестве появились уже в ранней плудской группе и в большом — в поздней (Schild, 1960, стр. 41—42).

[3] Пока, к сожалению, нельзя этого утверждать категорически, так как ни в Литве, ни в других странах мы не знаем палеолитических свидерских стоянок с изделиями из рога и кости. Однако, судя по общей культурной ситуации, такая возможность допустима (Kozłowski, S. K., 1969*, стр. 120—123) и, несомненно, ее должны будут подтвердить дальнейшие исследования.

ными находками позднего дриаса других стран позволяют заметить, что общие элементы, характерные для широких пространств Европы, проявляются (в различном количестве) также и на территории Литвы. Таким образом, довольно типичной чертой развития культур периода позднего дриаса является отсутствие принципиально новых самобытных культурных групп и в то же время распространение разных культурных элементов среди соседних групп. Эти элементы проникали в Прибалтику иногда из весьма отдаленных областей. В первую очередь, мы имеем в виду распространение азильских элементов. Кроме того, поздний дриас является периодом продвижения к северу макролитических форм орудий.

По своему характеру распространение указанных культурных элементов в позднем дриасе в корне отличается от того, что наблюдалось в аллерёде, когда на новых местах вдруг появлялись дотоле неизвестные культуры (что приводит к предположению, что это было следствием переселения отдельных родовых общин, приносивших с собой собственную, уже сформировавшуюся культуру). В позднем же дриасе (или, во всяком случае, в развитой его фазе) из-за сильного похолодания переселение к северу должно было сократиться. В стоянках этого времени значительно чаще повторяются одинаковые культурные комплексы. Приходится думать, что площадь кочевок тогда сузилась. Сохранялись культурные группы, которые можно называть наследием второй половины аллерёда или начала позднего дриаса. С юга проникали новые элементы культуры, однако без сколько-нибудь значительных перемещений населения. По-видимому, именно с этим и связано появление множества смешанных культур позднего дриаса.

В аллерёде и позднем дриасе в Восточной Прибалтике выделяются по крайней мере семь крупных культурных групп (3 свидерские и 4 прибалтийско-мадленские), которые допустимо синхронизировать с другими культурами приледниковой Европы соответствующего времени.

Согласно исследованиям, проведенным до сих пор, можно предполагать, что представители различных мадленских культур пришли в восточную Прибалтику с запада по южному берегу Балтийского моря[1]. Восточная Прибалтика, включая ныне затопленное южное побережье, принадлежала к основной зоне распространения прибалтийских мадленских культур в аллерёде и позднем дриасе (рис. 57), оказывавших определенное влияние на область свидерской культуры. Это подтверждается хронологией. В области польской свидерской (плудской) культуры влияние северных мадленских культур заметно только в позднем дриасе. Значит, мадленские элементы в польской свидерской культуре (в частности, наконечники широкие, зачастую односторонние, лишенные свидерской ретуши, с явно выделенным черешком) не были унаследованы от старого восточного населения типа Костенок, которое существовало еще до того, как сформировалась сама свидерская культура, а скорее заимствованы от позднего северного или северо-западного мадлена (в первую очередь, культуры Аренсбурга), который появился по соседству только в начале позднего дриаса.

Восточную Прибалтику и южное побережье Балтийского моря объединяют в одну культурную общность также некоторые типы роговых и костяных изделий. Во-первых, это мотыги типа Люнгбю, место появления которых пока не установлено (возможно, что такой центр вообще не существовал); во-вторых, — гарпун. Конечно, гарпун представляет собой широко известное в мадлене изделие, но следует указать, что в Центральной и Восточной Европе западноевропейским гарпунам почти нет аналогий, что, по-видимому, определялось этнографическими особенностями отдельных родовых общин (Замятнин, 1960, стр. 84—86).

Культурные группы, представителями которых были родовые общины, кочевавшие в позднем палеолите по южному побережью Балтийского моря и в Литве, поддерживали между собой некоторые связи и занимали довольно четко очерченную территорию (насколько, разумеется, это возможно, говоря о палеолите).

Возникает вопрос, какой же характер носила территория кочевок, почему общины придерживались ее границ и каковы были отношения между отдельными родовыми общинами?

В свое время в археологической науке было распространено мнение, что единственным критерием для решения вопроса о различии культур палеолита и мезолита могут быть лишь конкретные формы хозяйства носителей той или иной культуры, предопределяющие соответствующие формы изделий данной культуры. Таким образом, например, пытались объяснить разницу между инвентарем сто-

[1] Выше было отмечено, что в конце палеолита в Литве, как и в других периферийных областях прибалтийско-мадленской культуры, встречаются элементы, корни которых следовало бы искать в культурах периода бёллинга (например, наконечники стрел с выемкой). Это обстоятельство послужило обоснованием предположения, выдвигавшегося некоторыми исследователями палеолита, что корни гамбургской, аренсбургской и других культур следует искать на востоке (Rust, 1944; Ekholm, 1925). По нашему же мнению, учитывая, что между Восточной и Западной Европой лежит область распространения свидерской культуры, и сопоставляя культуры периода аллерёда других территорий, место происхождения прибалтийских мадленских культур следует искать западнее от области распространения свидерских, т. е. западнее Одера.

янок Причерноморья и равнины средней России (Ефименко, 1953, стр. 603). Однако выяснилось, что в сущности разницы в хозяйстве не было (Замятнин, 1951, стр. 133) и что различия в отдельных культурных областях приходится объяснять какими-то другими реально существовавшими отношениями между общинами (Формозов, 1959, стр. 65—66).

Родовые общины палеолита, по-видимому, не были объединены в племена. Экзогамные отношения, наподобие тех, какие мы знаем по Австралии, не требуют объединения, и было бы напрасным искать в позднем палеолите такую категорию, как племя.

Итак, мы должны считаться с этническими особенностями самостоятельных родовых общин. Интересные данные дает наблюдение за величиной и характером литовских палеолитических стоянок. Величина стоянки, количество скоплений, а также возвращение на старое место, оставленное родственными общинами, или поиски новых мест — все это зависело не от того, какое животное было основным объектом охоты, не от способа охоты за ним (кстати, носители всех позднепалеолитических культур охотились на одних и тех же животных позднего ледникового периода), а от обычаев отдельных общин.

Однако здесь приходится усматривать и другие конкретные исторические явления. Большие стоянки со множеством отдельных скоплений говорят о том, что люди, останавливавшиеся здесь, не приходили откуда-то издалека, а кочевали поблизости, на ограниченном пространстве, представляя в известном смысле постоянное местное население. Все большие стоянки оставлены носителями свидерской культуры (Эйгуляй 1, Скаруляй, Пувочяй, Глинас 1, Мяркине и др.). Пока что не обнаружено ни одной мадленской стоянки, которая занимала бы значительную площадь и имела бы много скоплений (за исключением стоянок Вильнюс). Как правило, все они маленькие. Правда, встречаются также и небольшие свидерские стоянки II группы, однако их немного. Поэтому кажется, что маленькие мадленские стоянки, имевшие одно скопление, принадлежали небольшим родовым общинам, откочевавшим далеко от основного места своего обитания и не стремившимся вернуться. На таких стоянках культурный слой не сохранялся, но инвентарь оставался чистым, без инородных примесей.

Кочевая жизнь в палеолите не могла носить повсюду одинаковый характер. Обычай жить большими родовыми общинами часто сохранялся в тех культурах, которые развились на почве поздних культур охотников за мамонтами. Такой была свидерская культура, возникшая на основе культуры Новы Млын, которая, в свою очередь, тесно связана с культурами типа Костёнок. Поэтому в Польше, северной Украине и южной Белоруссии свидерские палеолитические стоянки бывали довольно большими. Их жители, передвигаясь, достигали северной границы своего распространения — территории современной Литвы.

На Западе стоянки прибалтийского мадлена тоже не были классически маленькими. Люди жили в громадных шалашах и не раз возвращались на удобные для них места. В отдаленную восточную Прибалтику отсюда, наверно, приходили лишь отдельные семейства — более подвижные, чем родовые общины, состоявшие из многих семей.

Характерную разницу между двумя культурами позднего палеолита, существовавшими на территории Литвы, можно усмотреть даже в мастерских, например, в Эжяринасе. В свидерских мастерских часто обнаруживаются правильные длинные пластины наряду с законченными, но, по-видимому, чем-то не удовлетворявшими мастера наконечниками стрел. Тут же лежат заготовки для скребков, много резцов. Все это может являться доказательством того, что люди здесь жили длительное время и занимались, в частности, изготовлением орудий труда. В мадленских же мастерских чувствуется какая-то торопливость. Ни в одной из них нет правильных пластин-заготовок. Оставлены только ни на что не пригодные отщепы. Очень мало законченных изделий. Создается впечатление, что здесь на месте вообще почти ничего не производилось, и сырье уносилось в виде заготовок — ножевидных пластин.

Может быть, именно потому, что в аллерёде носители свидерской культуры были в восточной Прибалтике, так сказать, местными постоянными жителями (постепенно продвигавшимися на север), жившими большими общинами, они и оказывали столь значительное влияние на маленькие группы носителей мадленских культур, истинных кочевников. И только много времени спустя, в позднем дриасе, носители мадленских культур стали оказывать какое-то ощутимое влияние на своих соседей, так как уже более или менее здесь обжились.

На взаимообщение родовых общин влияли известным образом и природные условия. Наибольшую неоднородность инвентаря мы наблюдаем в стоянках аллерёда — начала позднего дриаса. Следует думать, что в сравнительно теплое время отдельные родовые общины приходили сюда издалека и надолго не задерживались. Это характерно в аллерёде для культур приледниковой Европы, заселенной охотниками на северного оленя, общины которых еще не имели своих определенных охотничьих

угодий. Климат позднего дриаса ограничил дальние походы, невольно заставив людей больше общаться с соседями. Однако этнокультурная область, которую с несколькими вариантами можно проследить уже в аллерёде, позже не только не изменилась, но стала еще более компактной, хотя многие отдельные культурные группы еще сохранялись. Все более четко вырисовывается определенная территория, на которой шло общение между представителями прибалтийского мадлена и свидерской культуры. На севере эта территория занимала всю южную часть Литвы и современную Калининградскую область. Западнее Одера свидерские элементы менее ощутимы (причем они появились там, без сомнения, вне прямых контактов). На юге свидерская культура достигла Карпат. На востоке она кончается в западном Полесьи и западной Белоруссии. Носители свидерской культуры, ушедшие в палеолите дальше к востоку, встретились с местным населением, имевшим иное этническое происхождение, и на этой основе образовался особый этнокультурный вариант — Свидеро-Гренская культура.

Первое этнокультурное объединение, хотя и не очерченное еще с достаточной точностью географически, заложило основу для будущего формирования культурно-этнических групп.

IV. МЕЗОЛИТ

1. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА

Верхней хронологической границей палеолита в Средней и Северной Европе большинство археологов считают рубеж между поздним дриасом и пребореалем. Значительные климатические и геоморфологические изменения существенно повлияли на образ жизни первобытных людей и создали условия для новых культурных движений, положив начало эпохе мезолита (Clarc, 1964, стр. 72; Schwabedissen, 1964, стр. 384—385).

В палеоклиматическом отношении мезолит можно разделить на три периода: пребореальный, бореальный и атлантический.

В пребореальном периоде в котловине Балтийского моря произошли большие изменения. Когда ледник отступил из средней Швеции, через образовавшуюся протоку Балтийское приледниковое озеро соединилось с океаном, превратившись в соленое Иольдиевое море (рис. 78).

Уровень Иольдиевого моря был на несколько десятков метров ниже современного, а береговая линия его находилась значительно западнее теперешней. Об этом свидетельствуют находки субаквальных отложений Иольдиевого моря в 30-метровых скважинах на Куршской косе.

По геоморфологическим и радиоуглеродным данным, Иольдиевое море существовало приблизительно в промежутке между 8000 г. и 7500—7000 гг. до н. э.[1]

В пребореальном периоде в бассейне Немана произошло третье значительное углубление русла. Наиболее ясно оно выражено только

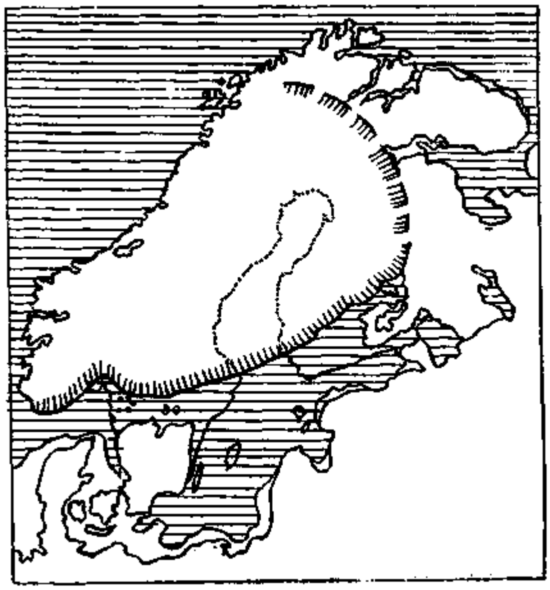


Рис. 78. Иольдиевое море (по *М. Саурамо*)

в низовьях. Выше по течению можно обнаружить лишь боковые перемещения русла. Считается, что к тому времени уже был приподнят базис эрозии, достигший наивысшего уровня в субатлантическом периоде (Басаликас, 1961, стр. 224).

Спад уровня Балтийского моря и углубление низовий Немана определили дальнейшее формирование речных террас. Именно в тот период сформировалась первая надпойменная терраса Немана (Басаликас, 1955, стр. 47; Basalykas, 1955). Перемещения русла, как и сы-

---

[1] П. М. Долуханов, суммируя данные Нильсона, Хиюмы, Саурамо, датирует период Иольдиевого моря между 8000 и 7500 гг. до н. э. (Долуханов, 1963, стр. 63). По радиоуглеродным измерениям, проведенным в Скандинавии, Э. Фром датирует вторжение соленой океанской воды в пресное Балтийское озеро 8350 г. до н. э. (Fromm, 1963, стр. 49—50, табл. I). М. Саурамо (Sauramo, 1955, стр. 9) и Г. Гросс (Gross, 1958, стр. 85) относят период Иольдиевого моря к 7900—7200 гг. до н. э.

рой холодный климат, делали новые берега рек далеко не всегда удобными для заселения.

Иное положение было на берегах озер. Потепление климата (по сравнению с поздним дриасом) привело к окончательному исчезновению погребенных глыб мертвого льда. В пребореальном периоде отмечаются резкие изменения уровня некоторых озер[1].

Климат постепенно становился все теплее. Ледники быстро таяли, отступая каждый год на несколько сот метров (Шварцбах, 1955,

Рис. 79. Анциловое озеро (по М. Саурамо)

стр. 200). В диаграммах анализа пыльцы литовских торфяников значительно возрастает доля деревьев, в особенности березы. В конце пребореального периода увеличивается роль сосны, а также орешника и других широколиственных деревьев (Gudelis, 1958, стр. 87; Гуделис, 1961, стр. 479; Kabailienė, 1959, стр. 480—481).

К концу существования Иольдиевого моря в восточной Прибалтике исчез северный олень, но фауна пополнилась представителями лесной зоны. Иольдиевый период развития Балтийского моря заканчивается отступлением ледников из средней Швеции и поднятием среднешведского порога, отгородившего от океана пресноводное Анциловое озеро. Льды сохранились только на северной окраине Швеции (рис. 79).

Геоморфологические и климатические факторы действовали так, что стоянки времени Иольдиевого моря мы находим расположенными сравнительно низко по отношению к современному уровню вод. Между топографией стоянок позднего дриаса и иольдиевого периода существует большое различие. Однако выше мы упоминали, что общие условия еще далеко не всегда были благоприятными для заселения берегов рек. Правда, стоянки времен Иольдиевого моря обычно встречаются на первой террасе, но в значительном отдалении от берега реки, у подножья второй террасы. Такая ситуация характерна для всех эпипалеолитических стоянок, о которых пойдет речь ниже (рис. 80). К речному берегу первой надпойменной террасы стоянки приблизились только во время Анцилового озера. Месторасположение стоянок на границе первой и второй террас является одним из основных признаков при проведении грани между стоянками позднего дриаса и пребореаля.

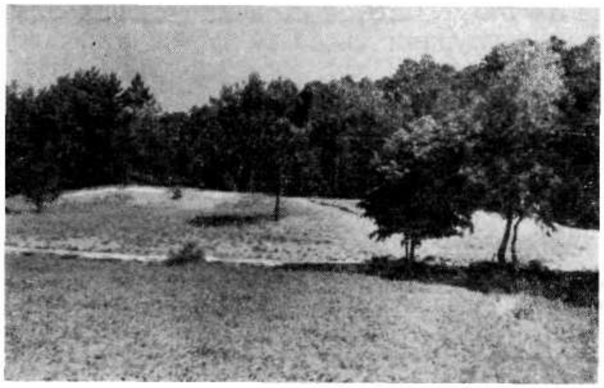


Рис. 80. Вид раннемезолитической стоянки Бруже

Береговые границы Анцилового озера по всей Прибалтике значительно отличались от прежних очертаний. На севере наблюдалось заметное изостатическое поднятие земли, в результате чего берега Анцилового озера оказались на 200 *м* выше современного уровня моря, а в Эстонии и на Готланде — на 45 *м* (Серебряный, 1961, стр. 188). В южной Прибалтике берега Анцилового озера, наоборот, не сохранились, потому что оказались примерно на 3 *м* ниже современного уровня моря (Gudelis, 1955; Гуделис, 1957, стр. 168; 1961, стр. 482). На месте нынешнего Куршского залива в то время еще была суша. Глубоко в море вдавался южный и юго-западный берега Балтики со всеми островами Датского архипелага (Gudelis, 1958, илл. 29 : 11; Серебряный, 1961, илл. 2). Как уже упоминалось, на берегах рек Неман,

[1] Например, на территории теперешней Калининградской области, в озерах Астравишки и Опшруты, в то время сильно упала вода, образовались острова, поросшие затем ивой и обжитые, на что указывают очаги, относящиеся к иольдиевому периоду (Gross, 1937[a], стр. 154; 1958, стр. 153).

Рис. 81. Вид раннемезолитической стоянки Паштува

Нярис и др. во время Анцилового озера уже существовала первая надпойменная терраса (Basalykas, 1955) и формировалась пойма.

В соответствующих пыльцевых диаграммах отложений бореального возраста кривая сосны достигает своей вершины, резко поднимается кривая орешника, быстро достигающая своей наивысшей точки (до 92% и выше), больше становится пыльцы широколиственных — липы и вяза. Однако растительный покров в целом был еще относительно слаб, процессы денудации и эрозии шли с большой интенсивностью (Гуделис, 1961, стр. 482—483). Все это показывает, что климат во время Анцилового озера был бореальным; это ранний период потепления (Шварцбах, 1955, стр. 202).

Во время Анцилового озера первая надпойменная терраса заселялась уже повсеместно. Так как человек стремился расположиться поближе к воде, то стоянки этого времени мы находим на самом речном берегу (рис. 81). В конце периода в пресноводное Анциловое озеро вновь врываются соленые воды океана. Поэтому некоторые геологи наряду с Анциловым озером выделяют также Мастоглоевое море; однако оно не оставило какого-либо четко определенного наследства и его трудно датировать в хронологическом отношении (Fromm, 1963, стр. 50).

В начальной стадии Литоринового моря уровень воды оставался невысоким (рис. 82). Даже во время I литориновой трансгрессии он был на несколько метров ниже современного, и это не могло не отразиться на положении стоянок. Во время V пыльцевой зоны, то есть приблизительно в середине V тысячелетия до н. э. (между 6350±240 и 6750±140 лет назад, по К. Шулия, 1967, стр. 232), на побережье Литвы имела место вторая максимальная литориновая трансгрессия. Уровень моря был на несколько метров выше современного и под водой оказалась часть теперешней прибрежной территории.

Климат стал атлантическим — морским: лето — теплым и сырым, зима — мягкой. Начало атлантического периода выделяется довольно отчетливо. Этот период, охватывающий промежуток между 6000 и 3000—2000 гг. до н. э. (Шварцбах, 1955, стр. 202; Долуханов, 1963, стр. 68; Шулия и др., 1967, стр. 232), — наивысшее потепление послеледникового климата, когда средняя годовая температура превышала современную на 2—3°, а вегетативный период растений был на 3—4 недели дольше нынешнего. В Литве в то время широко распространились широколиственные леса (Gudelis, 1957; Kabailienė, 1959, стр. 481).

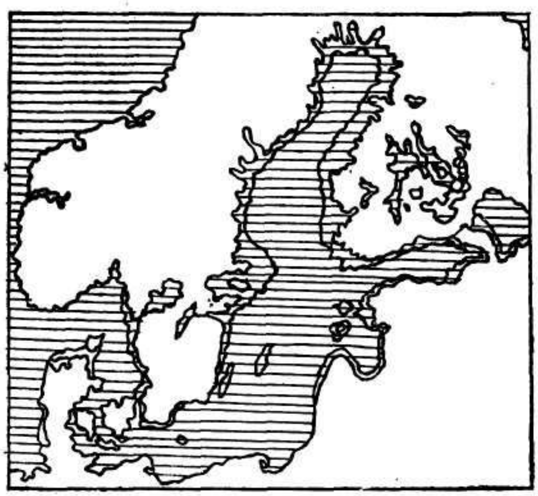


Рис. 82. Литориновое море

В атлантическом периоде окончательно сформировались поймы рек Неман и Нярис (Гуделис, 1961, стр. 485). На их создание оказали влияние значительный спад уровня моря и сдвиги земной коры. Во второй половине периода уровень воды установился близким к современному, земная кора стала подниматься, море отступило.

В это время начала формироваться Куршская коса, которую покрыли параболические дюны, поросшие затем широколиственным лесом (Gudelis, 1953; Гуделис, 1961, стр. 483).

Суммируя данные о геоморфологических и климатических сдвигах, можно теоретически определить периоды, к которым относятся стоянки, расположенные на той или иной высоте по отношению к современному уровню воды. Целый ряд соответствующих исходных точек позволяет свести топографию стоянок в хронологическую систему.

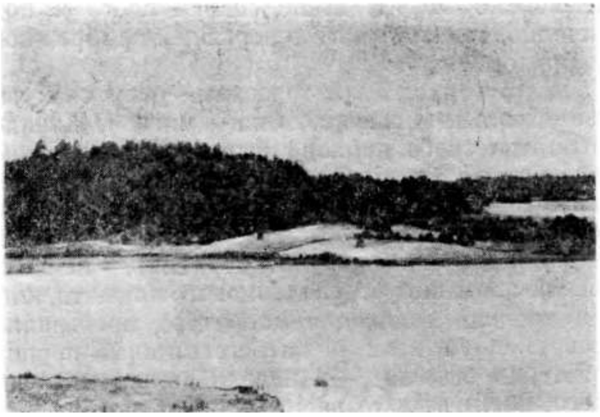


Рис. 83. Вид позднемезолитической стоянки у р. Зансе I

Первый промежуток — от конца позднего дриаса до того времени, когда сформировалась пойма. Он охватывает время Иольдиевого моря и Анцилового озера (в климатическом отношении — пребореаль и бореаль). Стоянки располагались на первой надпойменной террасе рек и озер.

В свою очередь, первый промежуток можно разделить на две части: вначале (время Иольдиевого моря) стоянки находились далеко от современного речного берега, а в конце (время Анцилового озера) — на самом краю первой надпойменной террасы. При переходе от анцилового к литориновому периоду стали заселяться и возвышения самой поймы.

Второй промежуток — короткий, но в развитии топографии стоянок очень яркий. Это время максимальной литориновой трансгрессии (середина V тысячелетия до н. э.), когда берега рек и озер оказались под водой, став непригодными для заселения, и жители отступили на более высокие террасы (II и III надпойменные) (рис. 83).

Третий промежуток — это период после трансгрессии, когда стоянки вновь спустились вниз, на пойму, но уже не приближались к самому берегу, как это бывало в начале атлантического периода (рис. 84).

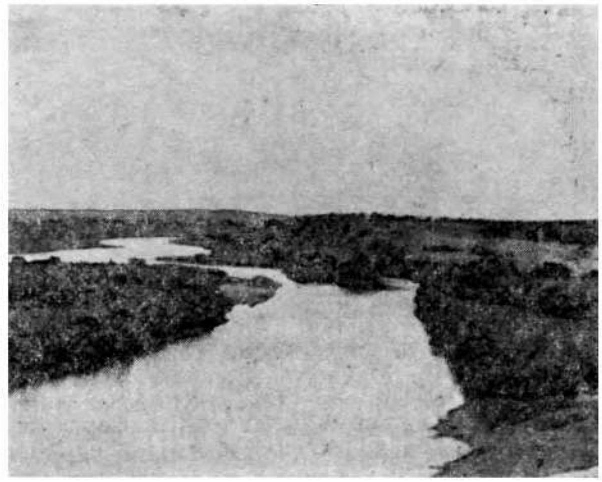


Рис. 84. Вид палеолитических и мезолитических стоянок у пос. Мяркине. На первом плане — стоянка Мяркине 1, слева за р. Неман — Йонёнис, гора на заднем плане — Максимонис 1.

Из сказанного следует вывод, что в силу действия геоморфологических и климатических изменений мы не можем надеяться обнаружить на территории современной Литвы в одном стратиграфическом разрезе культурные слои всех периодов мезолита. Во всех исследованных стоянках культурный слой мезолита (20—50 *см*) представляет собой довольно сильно ортштейнированный песок, лежащий на белом песке и покрытый слоем ископаемой почвы. Это ясно видно в стоянках, расположенных на первой террасе и на пойме (рис. 111), а также в тех, которые во время максимальной литориновой трансгрессии возникли на второй и третьей террасах (рис. 118).

2. СУДЬБЫ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В ПОСЛЕЛЕДНИКОВОМ ПЕРИОДЕ

а) Эпипалеолитические стоянки в Литве

В течение длинного периода, охватывающего поздний дриас и пребореаль, развитие культуры каменного века в восточной Прибалтике шло без существенных внешних влияний. В пребореале, однако, наблюдалось некоторое своеобразие, заставляющее выделить отдельную культурно-хронологическую группу — эпипалеолитическую, — связанную своими корнями с местным палеолитом (несколько позже в изучаемую территорию вольются новые — мезолитические группы).

Началом эпипалеолита мы считаем переходное время от позднего дриаса к пребореалю, когда стоянки стали возникать уже не на третьей или второй террасах крупных рек или озер, а на первой. Установить резкую границу конца эпипалеолита невозможно. При потеплении климата в бореале охотники вновь стали кочевать на больших пространствах, усилились перемещения населения, и опять, как в аллерёде, по соседству стали жить носители разных культур.

Таким образом, в настоящем разделе речь пойдет о тех стоянках, которые в культурном отношении являются прямым продолжением палеолитических. В них пока еще не видно новых — мезолитических черт, хотя возможно, что по времени они могли существовать параллельно с некоторыми мезолитическими стоянками.

Топография эпипалеолитических стоянок одинакова. Равнозначны они и по основным типам изделий, сохраняя, однако, специфические местные особенности. Иногда эти стоянки отличаются от палеолитических только тем, что располагаются на первой надпойменной

кай. К северу от деревни Вечюнай, между Неманом и впадающим в него ручьем, на правом их берегу находится поле площадью 200×100 *м*. Здесь видны перемешанные слои первой надпойменной террасы: коричневатый песок и ископаемая почва. Вся площадь приподнята на 8 *м* над современным уровнем воды. В стоянке механически перемешаны находки раннего мезолита (эпипалеолита) и позднего неолита. Посередине выделялось небольшое скопление ранней стоянки, в котором обнаружены основные эпипалеолитические находки. Кроме того, имеются единичные разбросанные изделия.

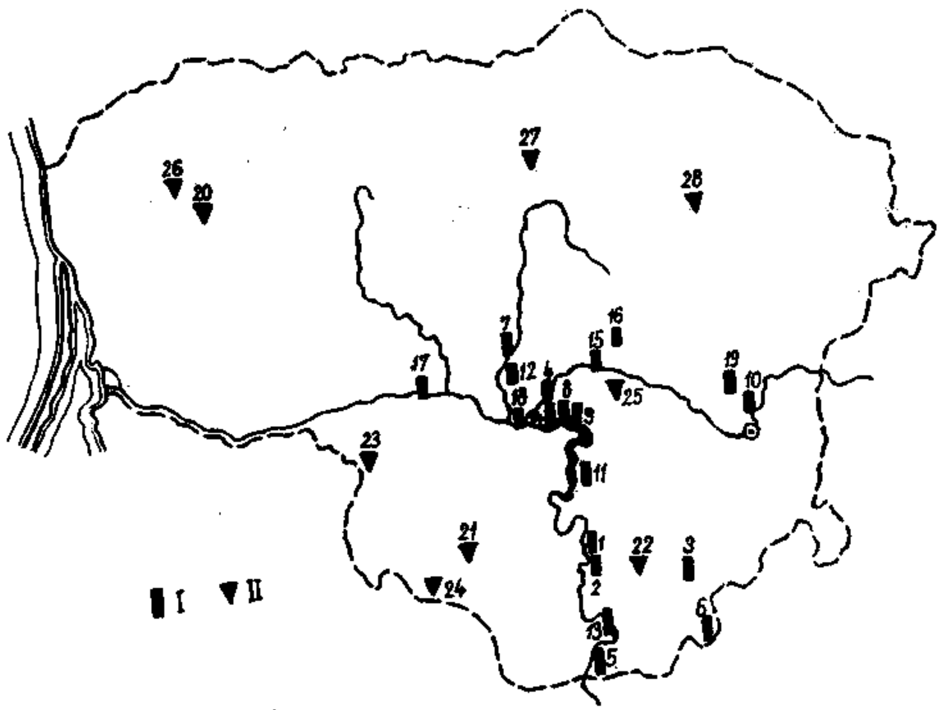


Рис. 85. Распространение эпипалеолитических стоянок в Литве.

I — стоянки с кремневыми орудиями: *1.* Алитус, *2.* Балкасодис, *3.* р. Бяржупис, *4.* Драсейкяй, *5.* Друскининкай, *6.* Дубичяй, *7.* Граужяй, *8.* Якштонис, *9.* Капитонишкес, *10.* Крижёкай, *11.* Лапайня, *12.* Пакапяй, *13.* Памяркние, *14.* Радикяй, *15.* Салянинкай, *16.* Самантонис, *17.* Велюона, *18.* Вяршвай, *19.* Жалёйи. II — костяные-роговые орудия эпипалеолитического типа, упомянутые в тексте: *20.* Альседжяй, *21.* Балсупяй, *22.* Вукаучишкес, *23.* Юнишкяй, 24. Камшай (р. Кирсна), 25. Паломяне, 26. Платяляй, 27. Пумпенай (р. Истра), *28.* Сведасай (р. Яра)

террасе в отдалении от современного берега. Зачастую они размыты или подверглись сильному выветриванию; культурный слой сохранился в редких случаях.

Распространены стоянки очень широко. Значительное число их обнаружено на юго-востоке Литвы, они встречаются и в средней части территории республики, почти до самых северных ее границ (рис. 85).

На юге Литвы хорошим примером эпипалеолита может служить стоянка В е ч ю н а й 2 (Варенский р-н), неподалеку от г. Друскининкай.

Основными эпипалеолитическими типами изделий стоянки Вечюнай 2 являются свидерские наконечники стрел. Все они широкие и довольно короткие, с явно выделенным узким черешком, слабо ретушированным с брюшка. Кроме того, обнаружено одно шило со свидерской ретушью, короткие широкие и почти округлые скребки, угловые резцы, много широких ножевидных пластин.

В окрестностях Друскининкай достойно упоминания несколько отдельных стоянок-скоплений у озера М я л ь н и ч е л е (Варенский р-н).

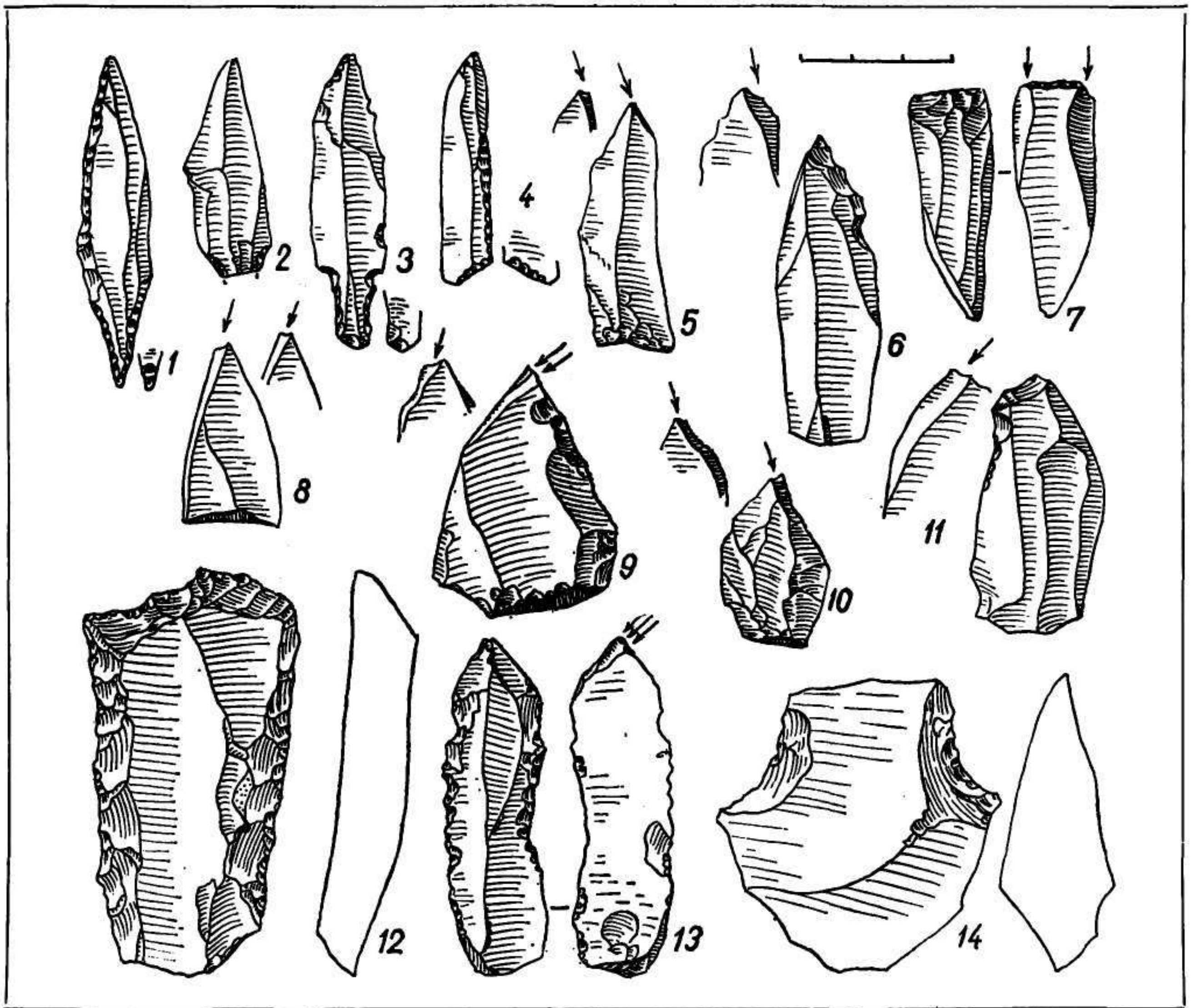


Рис. 86. Орудия стоянки Памяркине

В небольшом скоплении «а», обнаруженном на лугу у ручья, найдено два массивных острия, шесть разных (длинных и коротких) резцов и 9 довольно крупных и коротких скребков. Комплекс дополняется широкими пластинами с косо ретушированными концами, а также другими ретушированными пластинами и отщепами.

Стоянка Мяльничеле «с» находилась на берегу озера. Среди находок ярко выступает наследие палеолита, однако появляются уже и некоторые мезолитические черты, чему свидетелем, в частности, один маленький овальный топорик. Прочие находки — это части трех свидерских наконечников, два мадленских наконечника, одно острие, 7 резцов, 5 маленьких скребков и одно двойное изделие — резец-скребок. Кроме того, найдено 5 скоблей, 8 двухплощадочных плоских нуклеусов, ретушированные пластины и отщепы.

Исходя из того, что скребки относительно мелкие и вместе с ними найден овальный топорик — изделие мезолитического типа, а стоянка находится довольно низко на берегу озера, можно думать, что эпипалеолитические стоянки подобного рода могли существовать тогда, когда по соседству уже жили носители микролито-макролитической культуры, оказывавшие некоторое влияние на более древнее население.

Значительное количество эпипалеолитических стоянок обнаружено севернее, в окрестностях Варены и Мяркине. Напротив поселка Мяркине, на первой левобережной террасе Немана, находилась стоянка Памяркине (Варенский р-н). Она занимала значительную

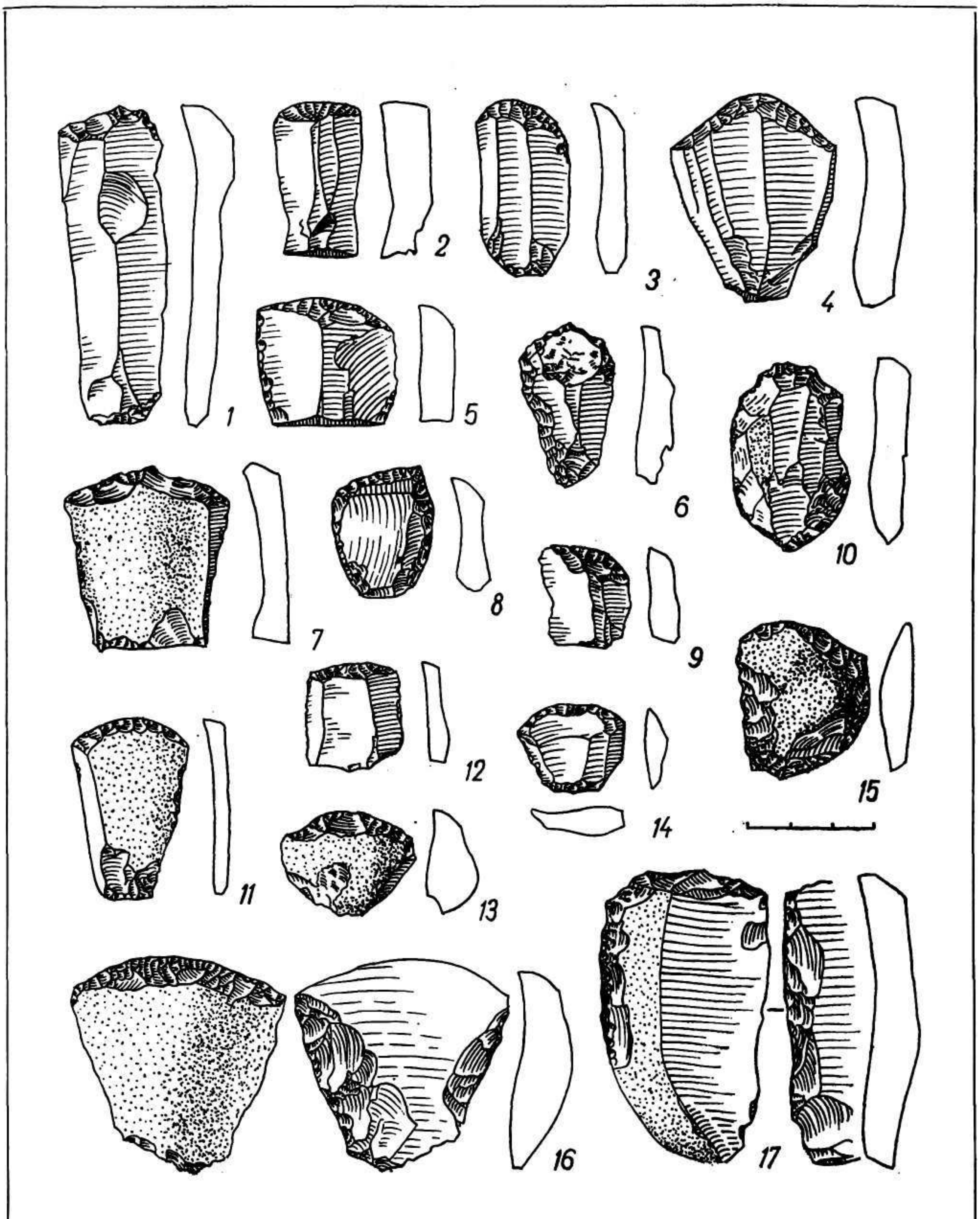


Рис. 87. Скребки стоянки Памяркине

площадь, но была сильно разрушена и слои механически смешаны.

Эпипалеолитические изделия Памяркине отличаются очень тщательной обработкой и крупными размерами (рис. 86, 90). Наконечники стрел соответствуют свидерскому типу, однако почти лишены плоской ретуши со стороны спинки (рис. 86, *1—3*). Они прямые, довольно широкие, с невыделенными, но острыми черешками или с выделенными широкими.

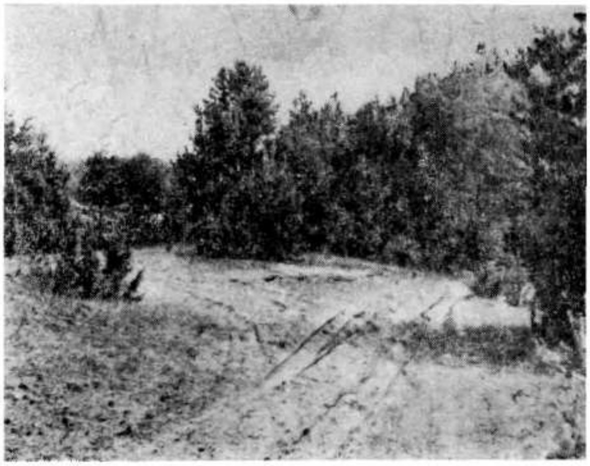


Рис. 88. Вид межозерной стоянки у оз. Глинас

Найдены здесь также ланцетовидные наконечники (рис. 86, *4*). Резцы (рис. 86, *5—11, 13*) крупные, отчетливые, в большинстве клинообразные, но имеются и изготовленные при помощи ретуши и скалывания. Скребки очень крупные и широкие (рис. 87, *1—17*). Среди них имеются и удлиненные, но в большинстве скребки короткие и широкие. Наряду с этим следует отметить, что все нуклеусы, обнаруженные здесь, короткие, в большей части одноплощадные. Надо сказать и о том, что в Памяркине позже располагалась стоянка ранней группы микролито-макролитической культуры.

Недалеко от Мяркине обнаружена междуозерная стоянка Глинас (рис. 88), возникшая на узком перешейке между современным озером и заросшим озерком-торфяником, на небольшой возвышенности первой надпойменной террасы озера. Культурный слой разрушен. Типы изделий очень характерны для эпипалеолита. Среди них — несколько свидерских наконечников и их частей (рис. 89, *1—5); некоторые с невыделенными черешками и, с первого взгляда, очень напоминают палеолитические (рис. 89, *2*). Типичным для эпипалеолита является наконечник с выделенным, острым и почти округлым черешком (рис. 89, *1*) и длинной ретушью по краю острия. Некоторые мелкие наконечники (рис. 89, *5*) сочетают в себе черты свидерских и мадленских типов. Эпипалеолитические скребки здесь довольно крупные (рис. 89, *8—11*), короткие и широкие или продолговатые. Узкая ретушь и форма лезвий говорят за то, что эти скребки уже нельзя причислить к палеолиту. Резцы (рис. 89, *6, 7, 12*) же имеют еще

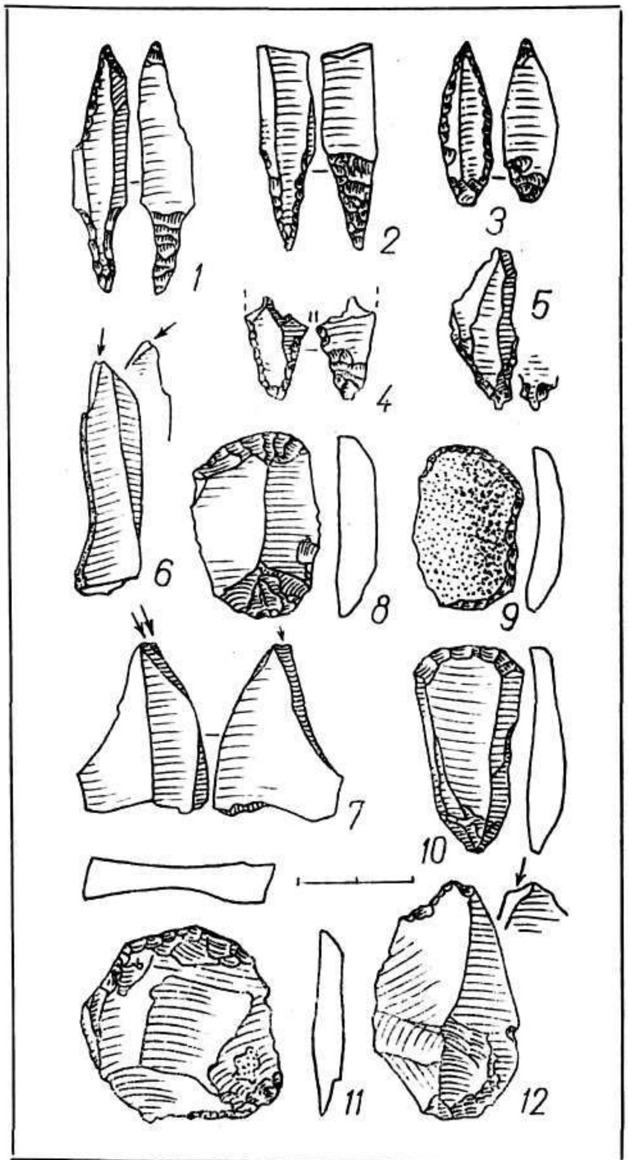


Рис. 89. Орудия межозерной стоянки у оз. Глинас

явно палеолитические формы. Все они — более или менее ясно выражены, клинообразные с ретушью у вершины. Двухплощадочный нуклеус очень близок к палеолитическим. Клинообразное же изделие явно заимствовано из микролито-макролитической культуры.

Эпипалеолитические черты ярко проступают в стоянке Зервинос 3в (Варенский р-н),

расположенной на береговом склоне речки Повильнис, впадающей в р. Ула. Это отдельное скопление, в котором, кроме пластин и отщепов, покрытых патиной, обнаружены три свидерских наконечника: один с острым черешком и длинной ретушью по краю жала, второй — грубой работы, чуть ретушированный с лицевой стороны; от третьего остался

Рис. 90. Вид стоянки Дубичяй 2

только черешок, ретушированный с лицевой стороны (Rimantienė, 1964, илл. I, *5, 6*). Эту группу дополняет боковой резец. Есть основание полагать, что эпипалеолитические изделия, собранные В. Шукевичем (там же, илл. I, *1—4, 7—10*), происходят либо из Зервинос 3в, либо из стоянки той же группы.

У реки Ула (Пелеса) находилась и эпипалеолитическая стоянка Дубичяй 2 (Варенский р-н), расположенная на первой надпойменной террасе бывшего озера. Стоянка сильно разрушена (рис. 90), но здесь все же удалось установить следы культурных слоев. Нижний слой состоял из ортштейнированного песка мощностью 20—30 *см*. Мезолитический инвентарь здесь сохранился без каких-либо примесей. Однако часть его попала в слой ископаемой почвы толщиной в 10—30 *см*, образовавшийся уже в период культуры шнуровой керамики. На небольшом участке между этими двумя слоями существовал, по-видимому, ныне совершенно разрушенный слой с ранней неолитической керамикой. Все это было покрыто слоем распаханной почвы, в котором подняты отдельные находки каменного и железного веков (рис. 91).

Комплекс находок нижнего слоя Дубичяй 2 близок к Максимонису 4 (стр. 118), если не считать различий в наконечниках. И там и здесь большинство составляют ланцетовидные (рис. 92, *4—6*) с асимметрично скошенным острием. Иногда наконечники бывают косо ретушированными у оснований, напоминая так называемые кривые наконечники (рис. 92, *4*). Наряду с такими изделиями встречаются и свидероидные (рис. 92, *1—3*).

В кремневом инвентаре еще почти нет признаков микролитизации. Пластины широкие, сильно ретушированные по краям (рис. 92, *8—16*). Узкие пластины (рис. 92, *7*) встречаются очень редко. Они скалывались, по-видимому, случайно, так как соответствующих нуклеусов здесь нет. Все нуклеусы продолговатые, одноплощадочные, с негативами широких пластин (рис. 93, *6, 8, 9*). Большинство скребков — крупные и широкие (рис. 92, *17—21, 27*), некоторые почти круглые. Резцы крупные, в большинстве угловые (рис. 92, *22—26, 28—31*), изредка попадаются срединные клиновидные. Характерную для этой стоянки часть инвентаря составляют изделия, похожие на скребки (рис. 92, *11, 12, 15*), с широко ретушированными краями, а иногда — с острым углом на вершине. Такой же ретушью обработаны широкие пластины и отщепы, использовавшиеся, надо полагать, в качестве ножей.

Среди более крупных изделий здесь встречаются продолговатые ретушеры, представляющие в поперечном сечении трапецию (рис. 93, *3, 4*), а также овальные топорики (рис. 93, *1, 2, 5, 10*), в большинстве случаев неправильных форм, ретушированные только по бокам и реже — по лезвию.

Судя по расположению находок (рис. 85), таких стоянок в Варенском районе должно было быть довольно много. К сожалению, их топография оказалась неблагоприятной, и это привело к разрушению большинства стоянок.

В юго-западной Литве эпипалеолит представлен несколькими торфяниковыми, сильно разрушенными стоянками. Одна из них, по-видимому, находилась в Балсупяй (Капсукский р-н). В 1903 г. на северной окраине торфяника Галубаляй под двухметровым слоем торфа были обнаружены костяные и каменные изделия, человеческие останки и кости животных; все это было передано музеям[1]. В числе находок были часть гарпуна эпипалеолитического типа с двумя редкими зубцами (рис. 100, *2*) и часть гарпуна с семью маленькими загнутыми зубчиками. Вместе с ними найдено долото, изготовленное из рога

[1] Судьба находок сложилась крайне неудачно. Часть их, в том числе один гарпун, крестьянин И. Матулявичюс в 1905—1910 гг. передал В. Петарису и Литовскому обществу наук в Вильнюсе. Большинство находок, и среди них костяной кинжал со следами орнамента, не сохранились. Остались только небольшое долото, хранящееся в Историко-этнографическом музее Литовской ССР, и гарпун с мелкими зубчиками — ныне в фондах Каунасского исторического музея (сведения из дневника бывшего Каунасского городского музея, стр. 123).

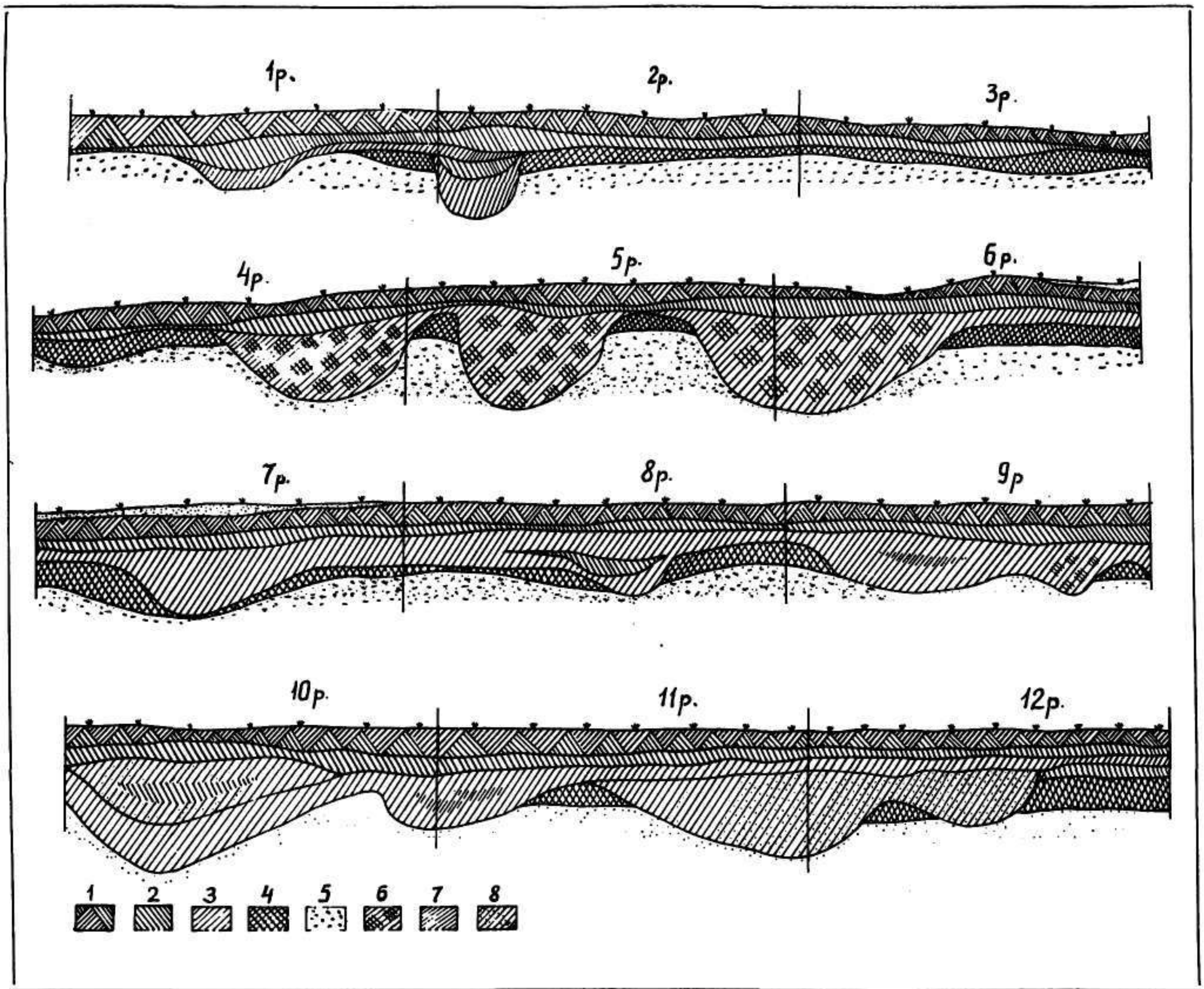


Рис. 91. Разрез и стратиграфия стоянки Дубичяй 2:
1 — дерн и перемешанный верхний культурный слой, 2 — мелкозернистый светло-серый песок, 3 — ископаемая почва (средний культурный слой), 4 — железистый песок (нижний культурный слой), 5 — светлый песок, 6 — перемешанный песок — современные ямы, 7 — темный перемешанный песок, 8 — серый песок с органическими остатками

(рис. 101, *1*). Записан рассказ местного крестьянина, согласно которому около 1900 г. в торфянике Галубаляй были в одном и том же месте обнаружены останки человека и какого-то животного, а между ними — орнаментированный кинжал длиной около полуметра (Puzinas, 1935[a], стр. 285).

Вторая аналогичная стоянка должна была находиться у р. Кирсна, неподалеку от К а м ш а й (Капсукский р-н). При проведении мелиоративных работ в торфянике, расположенном рядом с речкой (у хутора Якимавичюса), на глубине 1,6 *м* был найден гарпун (рис. 100, *3*) с 8 зубцами, изготовленный из рога, и топорик с пробитым отверстием, тоже из рога. Кроме того, в торфе оказалось много костей и рогов разных животных, часть из которых носят следы надрезов; среди костей — череп щуки. Люди, обнаружившие все это, рассказывали, что там же, в торфянике, находились и кремневые изделия, но ни одно из них в музеи не попало. Очень важной находкой здесь была часть черепа человека европеоидного типа (Žilinskas, 1931).

Большинство находок было обнаружено в углублении, вымощенном камнями, недалеко от ключа. Среди них были кости и рога оленя и лося, рога зубра, нижняя челюсть и клык кабана.

Эпипалеолитические стоянки с кремневыми или костяными находками были обнаружены и в центральной Литве. Стоянка Я к ш т о н и с А (Каунасский р-н), ныне затопленная водохранилищем Каунасской ГЭС, находилась на скло-

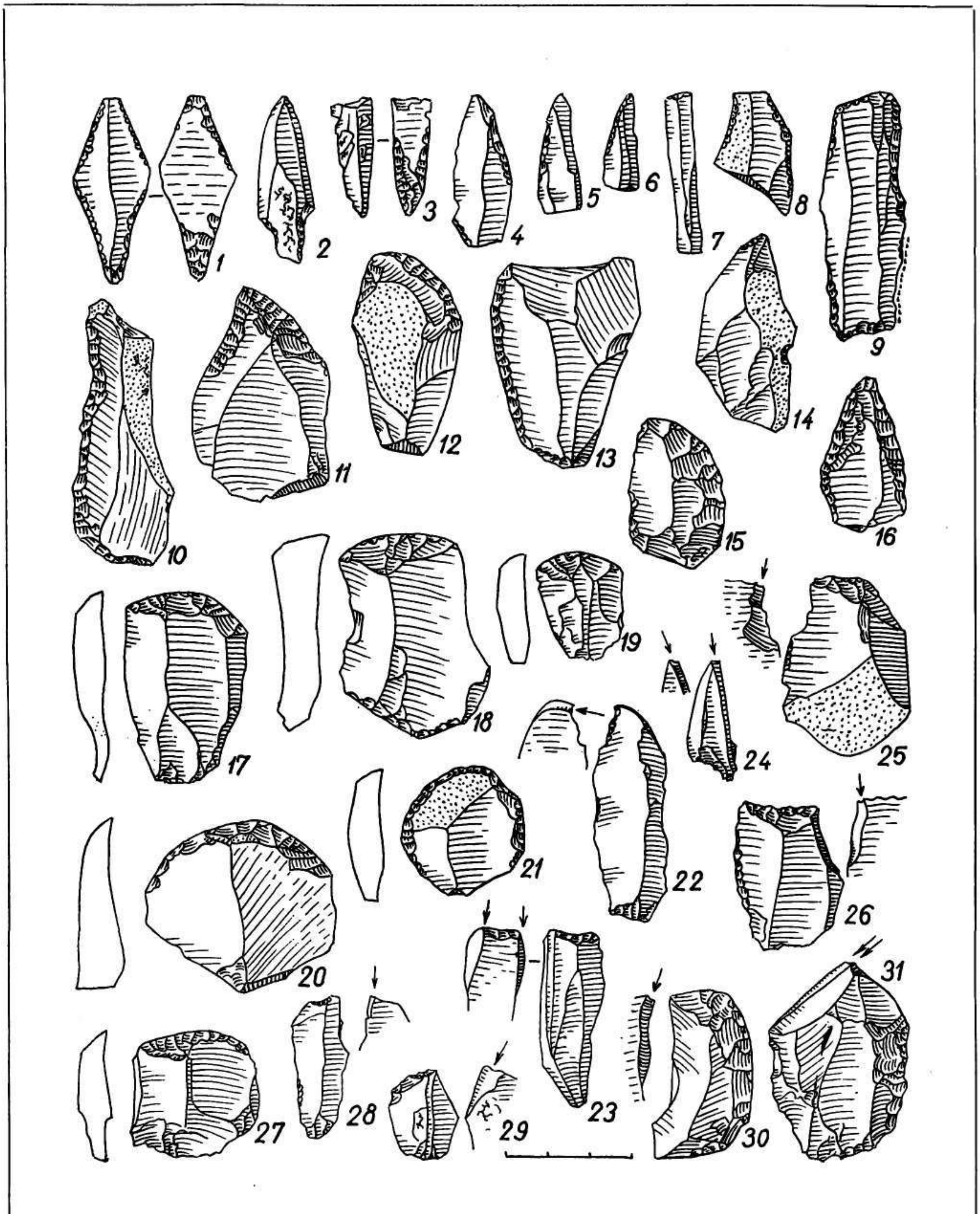


Рис. 92. Наконечники, скребки, резцы и пластинки стоянки Дубичяй 2 (нижний культурный слой)

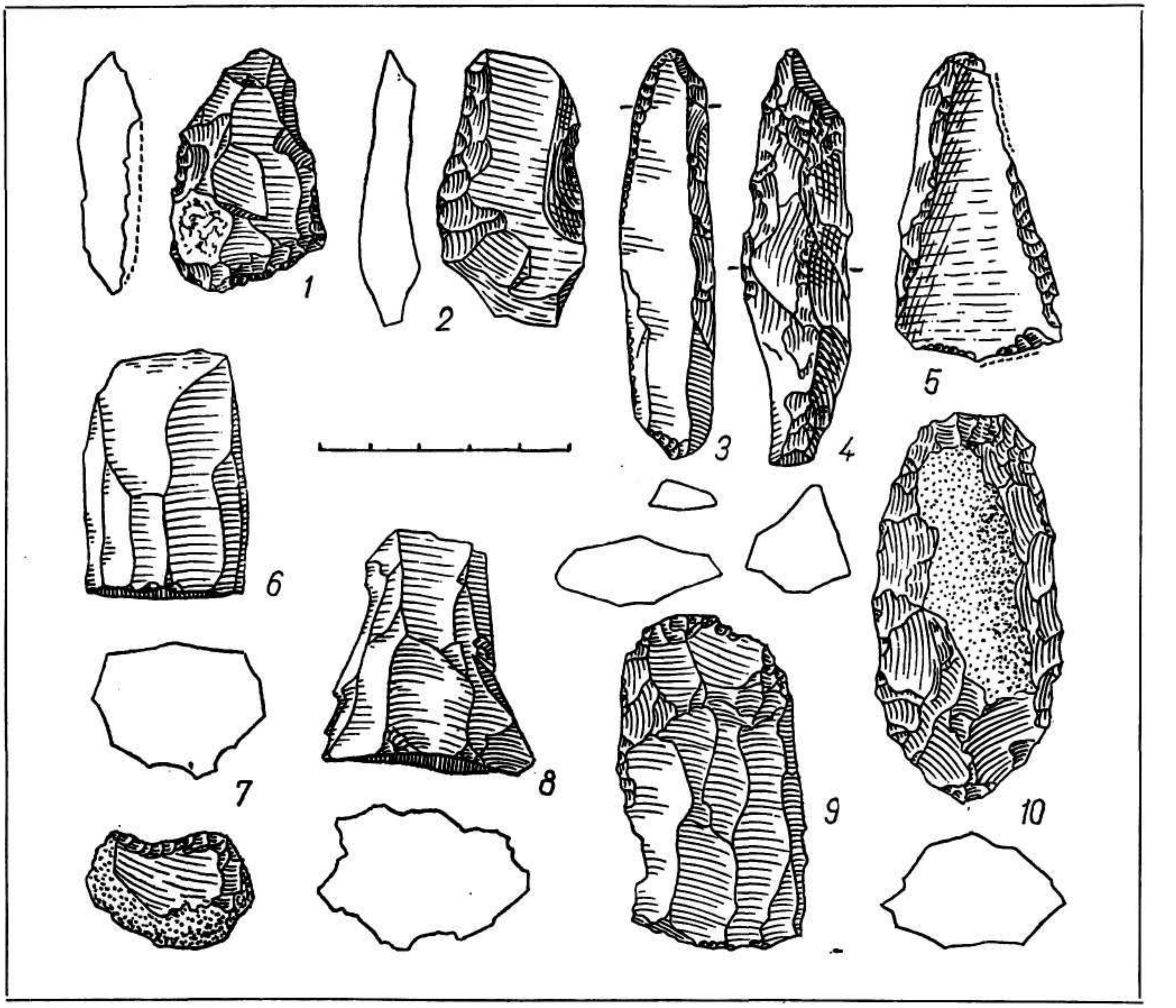


Рис. 93. Крупные орудия и нуклеусы стоянки Дубичяй 2 (нижний культурный слой)

не холма, спускавшемся к первой надпойменной террасе Немана, что указывает на ее раннеэпипалеолитический характер. По типам изделий она напоминает междуозерную стоянку Глинас.

Стоянка находилась на мысу между Неманом и речкой Рудмяна. Культурный слой не сохранился. В восточной части, расположенной несколько выше, найдены кремни, лежащие на глубине 1 *м* от поверхности земли. Почти все изделия (рис. 94) покрыты толстой голубой или белой патиной. Бо́льшая часть изделий изготовлена из неровных широких пластин. Найден лишь один узкий, толстый, острый черешок наконечника (рис. 94, *1*). Скребки — довольно крупные, с округлым лезвием (рис. 94, *3—7*). Однако резцы имеют еще явно палеолитические формы (рис. 94, *8—11*). Обнаружены также двухплощадочные нуклеусы, но большинство их — неправильные, близкие к конусообразным. Среди находок значительное количество отщепов и пластин со слабыми следами ретуши (рис. 94, *2, 12*).

Более поздняя, чем Якштонис, стоянка Драсейкяй (Каунасский р-н) расположена на правом берегу р. Нярис, почти напротив с. Турженай, на первой надпойменной террасе, там, где она расширяется до 2 *км*. Стоянка отстоит на 650 *м* от современного берега и занимает пески площадью 50×70 *м*. Культурный слой не сохранился. Ранние находки в некоторых местах перемешаны с изделиями позднего неолита или начала бронзового века. Ранние изделия явно выделяются не только типо-

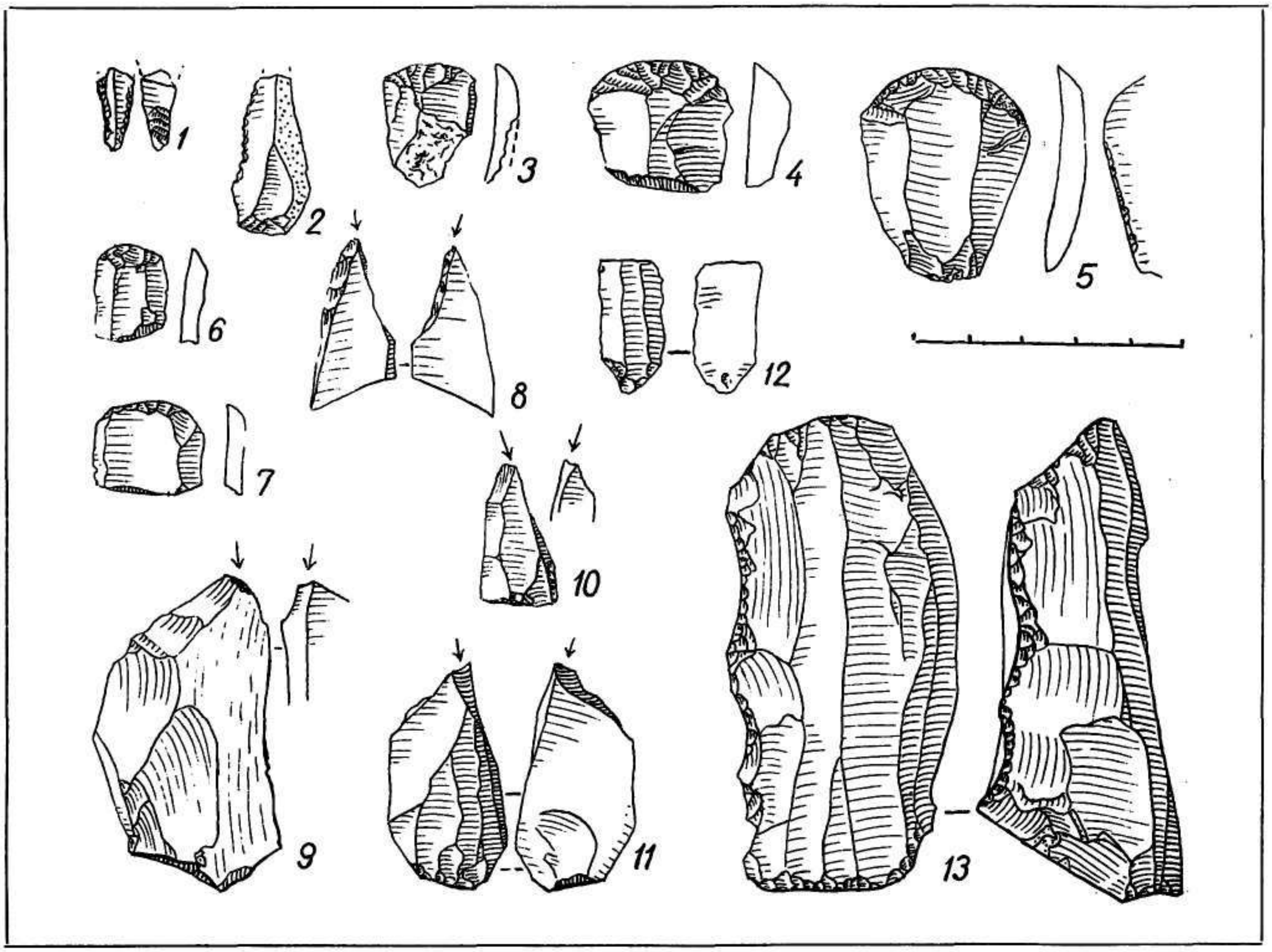


Рис. 94. Орудия стоянки Якштонис

логически, но и по наличию толстой синевато-белой патины, которой более поздние изделия лишены.

Наконечники стрел раннего комплекса стоянки Драсейкяй очень разнообразны: встречаются прибалтийско-мадленские (рис. 95, *1*), затем с сочетанием свидерских и мадленских черт (рис. 95, *2—7*) и, наконец, свидерские наконечники тщательной работы (рис. 95, *8, 9, 14*). К данному комплексу относится также, судя по способу изготовления и патине, единственная известная в Литве трапеция этого типа (рис. 95, *13*). Очевидно, что наконечники заменялись пластинами с заостренными ретушированными остриями (рис. 95, *10, 11, 15, 18, 19*).

Среди мезолитических ретушированных изделий (учитывая и ретушированные кусочки кремня неопределенных форм и такие же отщепы) скребки составляют более трети. Удлиненных среди них немного (рис. 96, *1—6*). Большинство — довольно крупные, сделанные из толстых отщепов или частей пластин, короткие, широкие, даже округлые (рис. 96, *8—19*). Лезвия у всех правильно выгнутые. Обнаружено также одно комбинированное орудие (скребок-проколка) (рис. 96, *7*). Значительную часть инвентаря составляют резцы. Среди них больше всего боковых и угловых (рис. 95, *16, 17, 20—25*), многие представляют собой тип скобля-резца (рис. 95, *17, 25*).

Крупных изделий здесь немного. Среди них наиболее интересным представляется изделие из крупного куска, отбитого от нуклеуса, с ретушью по краям. Большинство нуклеусов — неправильной формы (рис. 95, *24*).

Очень сходная с Драсейкяй стоянка — С а л я н и н к а й 2 (Ионавский р-н) обнаружена несколько северо-восточнее, тоже на правом берегу р. Нярис, у деревни Салянинкай, между I и II надпойменными террасами. Здесь обнаружен наконечник, близкий к мадленским (рис. 97, *1*), и несколько ретушированная заостренная пластинка, видимо, выполнявшая роль наконечника (рис. 97, *2*). Почти все скребки — короткие или округлые (рис. 97, *6—12*),

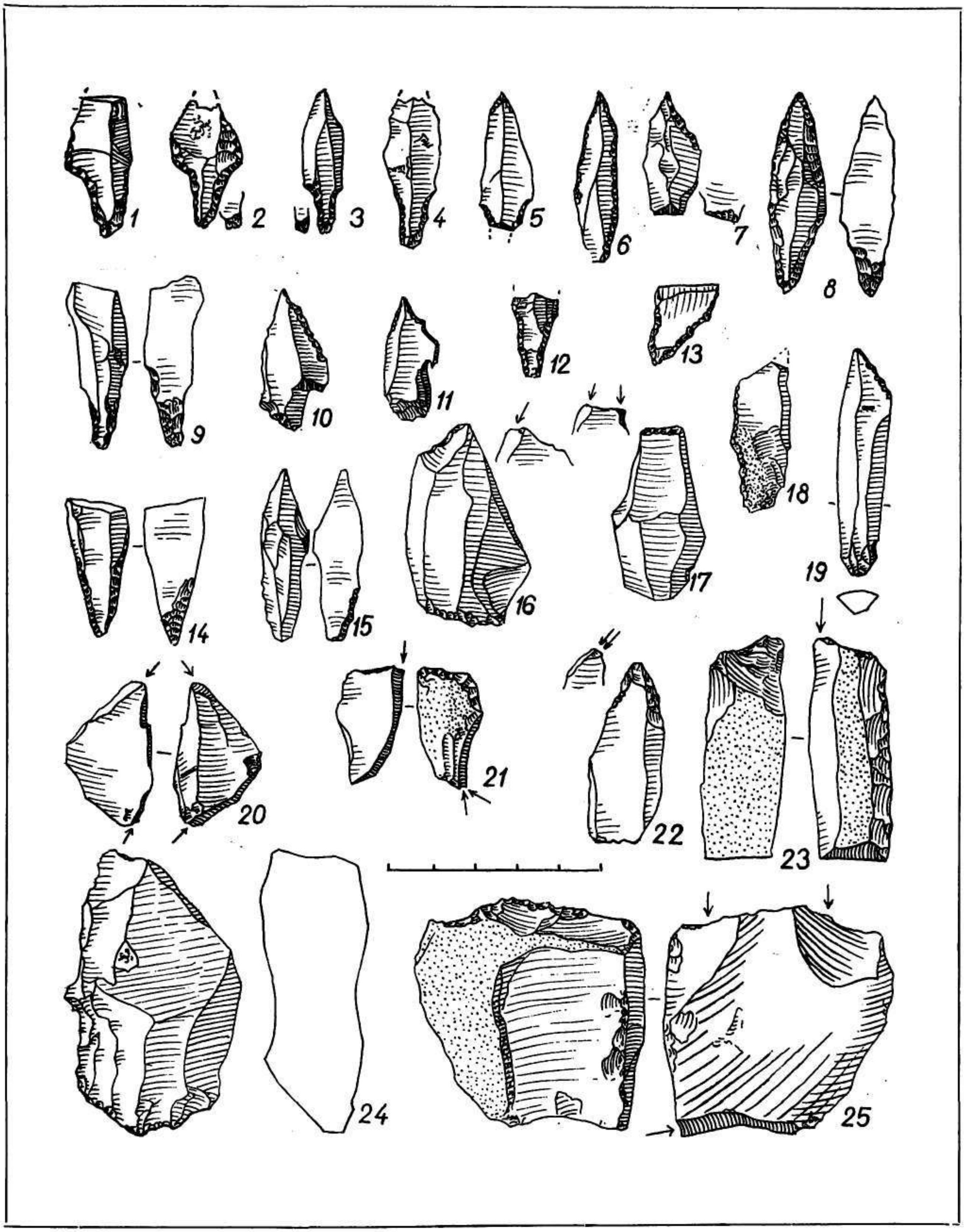


Рис. 95. Наконечники, резцы и нуклеусы стоянки Драсейкяй

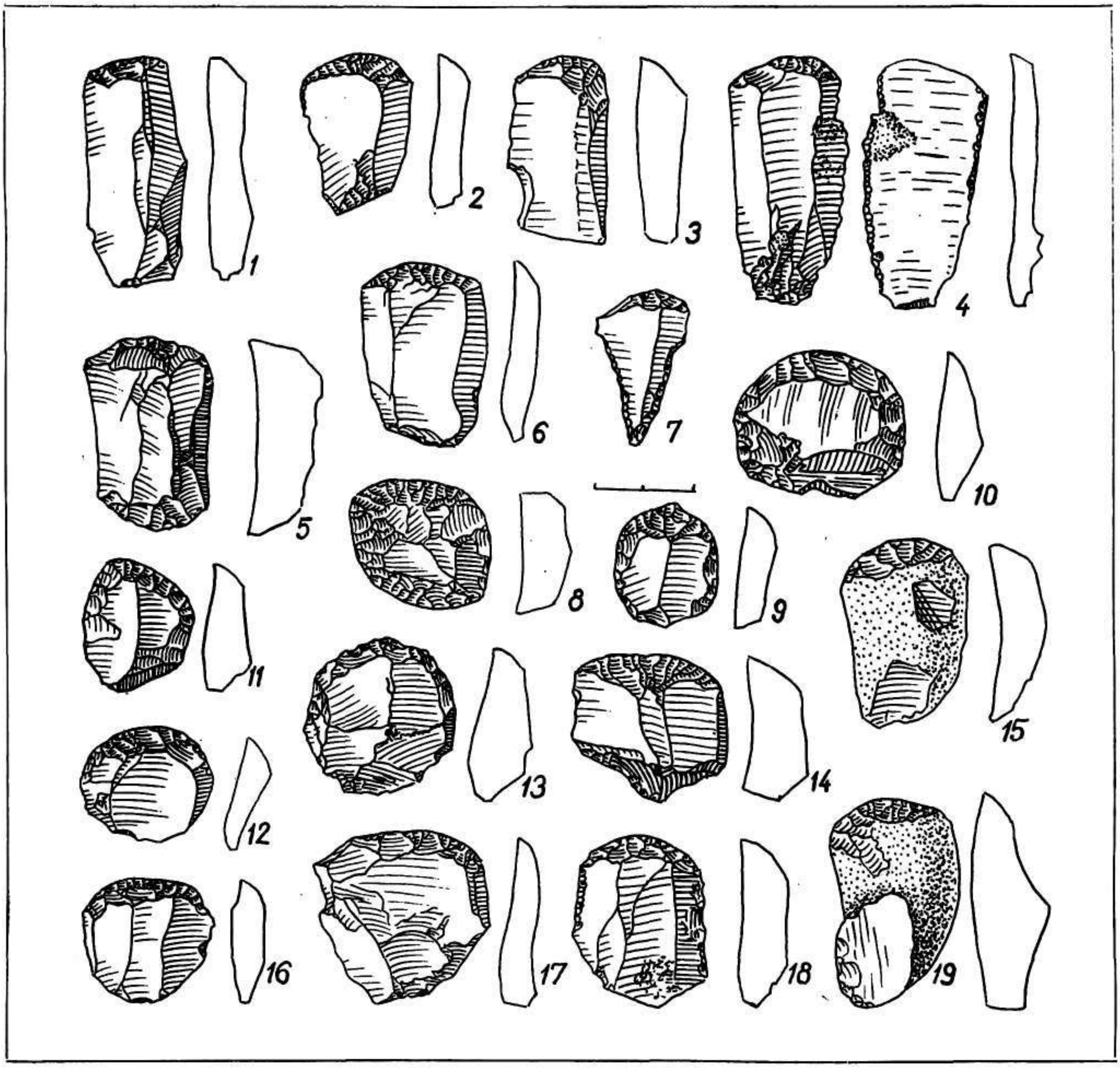


Рис. 96. Скребки стоянки Драсейкяй

продолговатый — редкость (рис. 97, *13*). Резцы короткие, в большинстве серединные (рис. 97, *3—5*).

В стоянке Салянинкай 3 отдельные скопления не выделяются, однако встречаются изделия, общий облик которых явно эпипалеолитический. Из инвентаря следует упомянуть три наконечника стрел (рис. 98). Первый — с толстой белой патиной, широкий, с черешком, слегка ретушированным с оборотной стороны, близкий к мадленским типам. Второй сходен с первым, но изготовлен из случайной узкой пластинки. Третий — позднесвидерского типа.

Эпипалеолитические стоянки обнаружены и дальше к северу, по р. Швянтойи (восточной)[1]. Одна из них — Самантонис (Укмергский р-н), на левобережной первой надпойменной террасе при впадении в Швянтойи речки Акуня (Римантене, 1960). Стоянка занимала площадку величиной около 600 *м* в длину и 200—300 *м* в ширину. Пески отдалены на 100 *м* от реки, на севере переходят в болотистый луг, а на востоке — в залежи камней. Эпипалеолитические находки (рис. 99), выде-

[1] Правый приток реки Нярис; устье — в нескольких километрах от города Ионава.

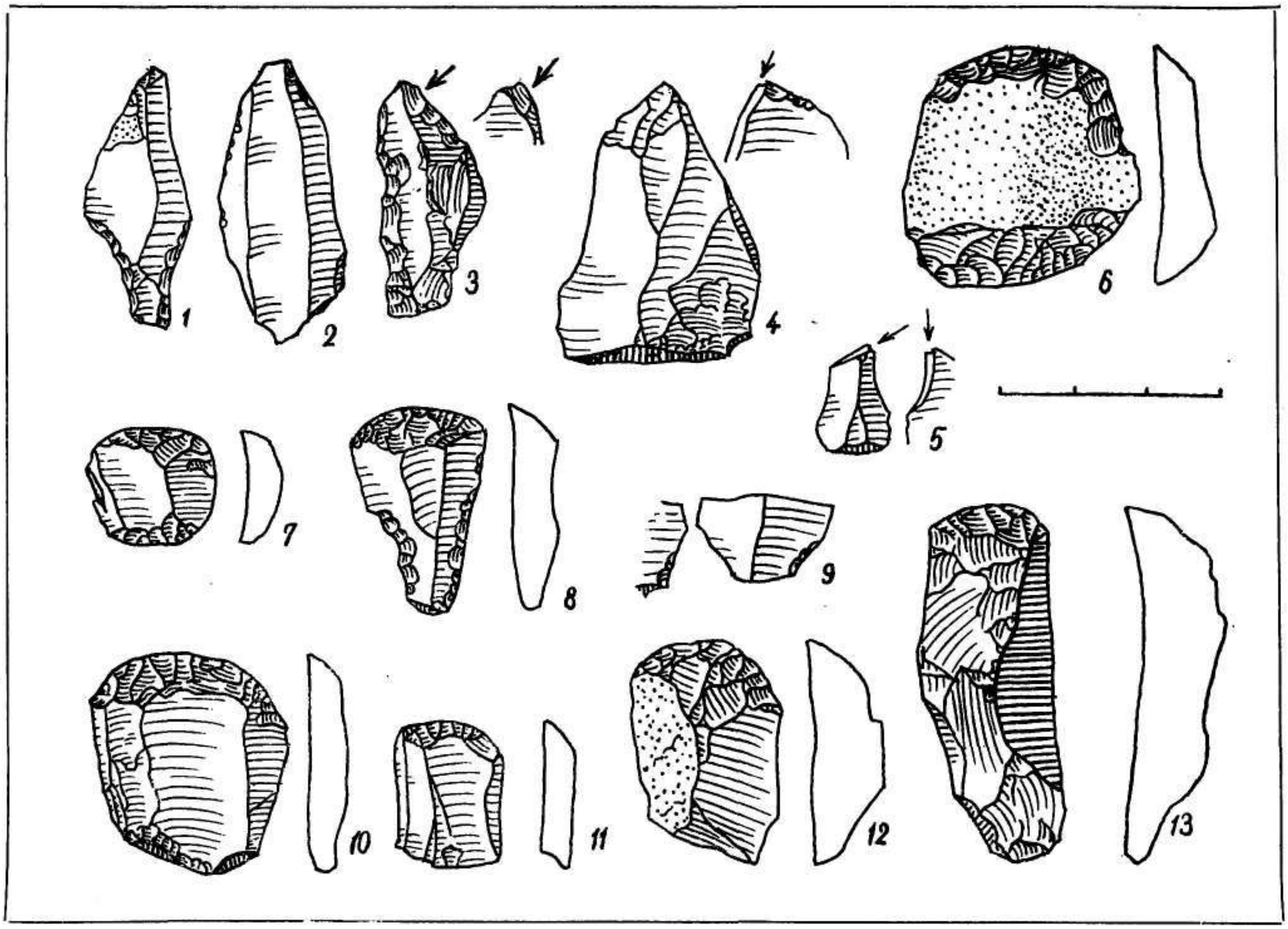


Рис. 97. Орудия стоянки Салянинкай 2

ляющиеся среди изделий неолита толстой белой патиной, концентрировались в южном конце стоянки, у речки Акуня, составляя, по существу, отдельное скопление. Их немного, но они довольно выразительны. Четыре наконечника стрел напоминают и свидерские, и мад-

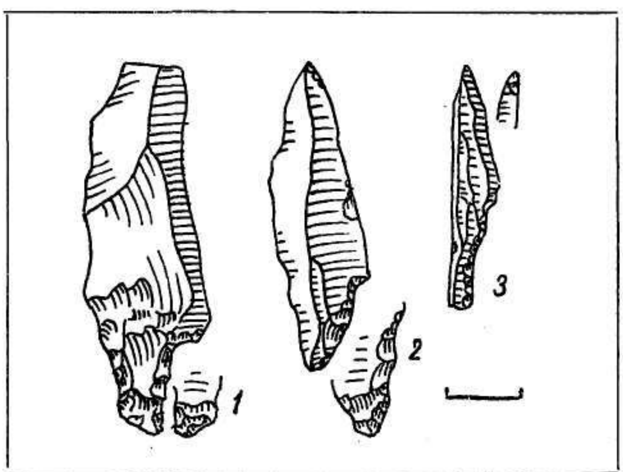


Рис. 98. Наконечники стоянки Салянинкай 3

ленские типы. Большую часть инвентаря составляют скребки. Среди них только один длинный. Остальные — короткие, сделанные из широких пластин, напоминающих отщепы. Имеются и двойные экземпляры. Очень много резцов. Два из них — характерного клиновидного типа, серединные. Остальные — боковые и угловые. Имеются двойные резцы — двухконцевые или комбинированные резцы-скребки. Из других эпипалеолитических находок представляют интерес отщепы с твердой ретушью по краям и небольшие изделия с ретушированными остриями. Нуклеусы маленькие, неправильные, напоминающие пирамиду.

Еще севернее — стоянка на торфянике у реки Яра, близ места впадения ее в оз. Яра, неподелеку от с. Сведасай (Аникшчяйский р-н). В 1934 г., после того как воды озера были спущены, при прокладке мелиоративной канавы, под толстым слоем ила, в голубоватом песке были найдены изделия из рога и кости. Не останавливаясь на поздних находках (позднего неолита и даже бронзового века), мы отметим лишь эпипалеолитические типы (рис. 100,

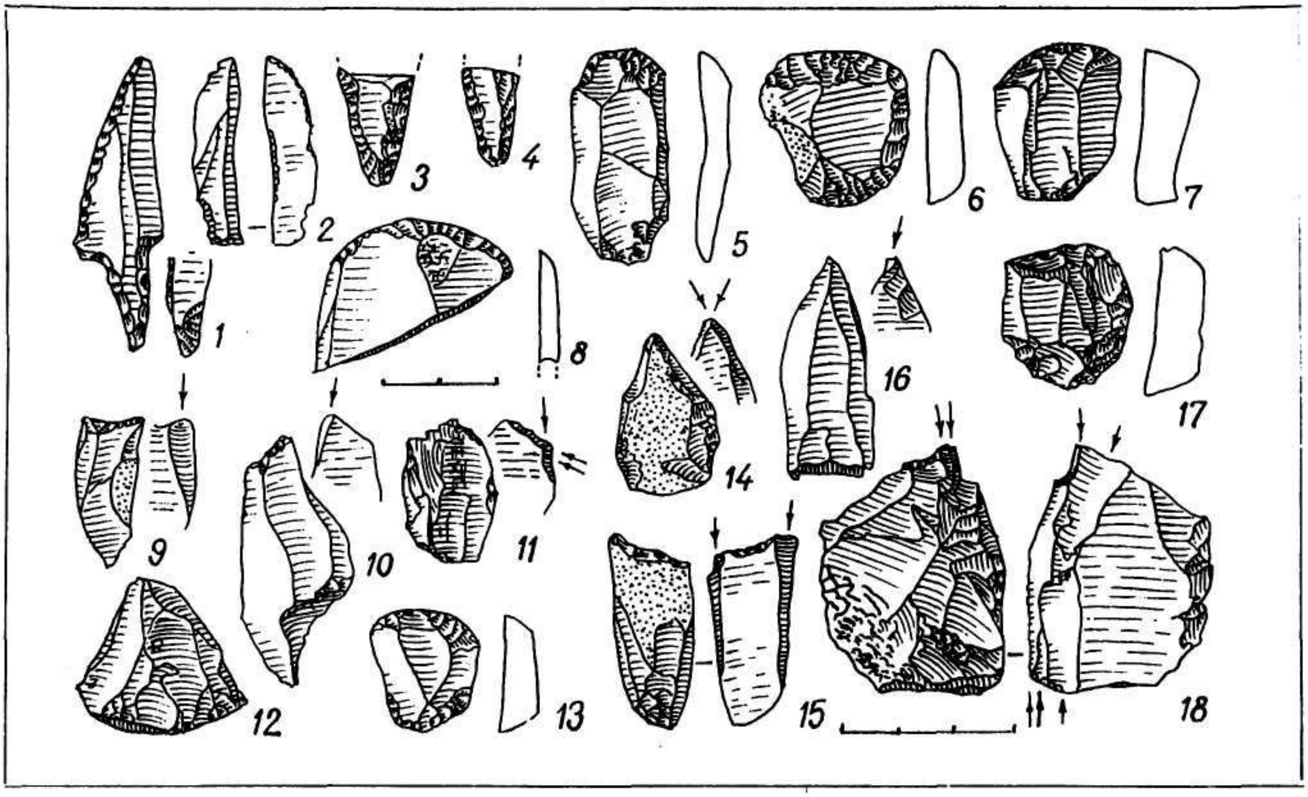


Рис. 99. Самантонис. Орудия эпипалеолитической стоянки

4; 102, *2*): односторонний гарпун с крупными зубцами и кинжал (или пешню) из расколотой кости. Оба орудия очень близки к палеолитическим.

Еще меньше мы знаем об эпипалеолитической стоянке, которая, по-видимому, находилась в окрестностях с. Пумпенай (Пасвальский р-н), у речки Истра. В 1936 г. там во время мелиоративных работ, в иле, на глубине 1—1,5 *м* были обнаружены два веретенообразных наконечника (рис. 101, *3*).

б) Общие черты эпипалеолитических стоянок Литвы со стоянками соседних территорий

Основные типы изделий эпипалеолит унаследовал от палеолита. Эпипалеолитические наконечники стрел очень разнообразны и связаны с известными в восточной Прибалтике свидерскими и мадленскими типами. Однако, среди них уже не встречаются самые ранние свидерские типы с неретушированными остриями, какие мы видели в стоянках Эйгуляй. В эпипалеолите острия наконечников обычно ретушируются по краям. Такая ретушь встречается уже в стоянках периода дриаса. Например, наконечник из стоянки Глинас 1 (рис. 51, *1*) позднего дриаса и эпипалеолитический наконечник из Памяркине (рис. 86, *1*) почти одинаковы. Большинство эпипалеолитических наконечников имеют невыделенный черешок и покрыты плоской широкой ретушью. Такую форму (только размер меньше) наконечники сохраняют в течение всего мезолита. Иногда они приобретают почти ромбическую форму. Встречаются также наконечники, очень похожие на свидерские, но обработанные узкой ретушью по краям с лицевой стороны.

Наиболее характерная эпипалеолитическая форма свидерского наконечника — с тонким острым черешком наподобие шила. Такой черешок встречается тоже вплоть до конца мезолита (только наконечники становятся меньше по размеру). Характерны также плоские широкие черешки.

Наконечники мадленского типа бывают листовидные и с выемкой. Обычно они мельче палеолитических, но главная разница заключается даже не в этом, а в ретуши. В палеолите мадленские наконечники очень часто ретушировались крутой вертикальной встречной ретушью, и только в самых поздних стоянках она становится более наклонной. Эпипалеолитические наконечники обычно ретушировались по краям более наклонной, плоской ретушью. Увеличивается количество разных

нетипичных случайных форм наконечников — пластин с заостренными концами.

Следует остановиться еще на одной находке, не имеющей аналогий в других литовских стоянках — трапеции из стоянки Драсейкяй (рис. 95, *13*). Она покрыта патиной, довольно толстая, круто ретушированная. Это — единственный экземпляр, если не считать маленького,

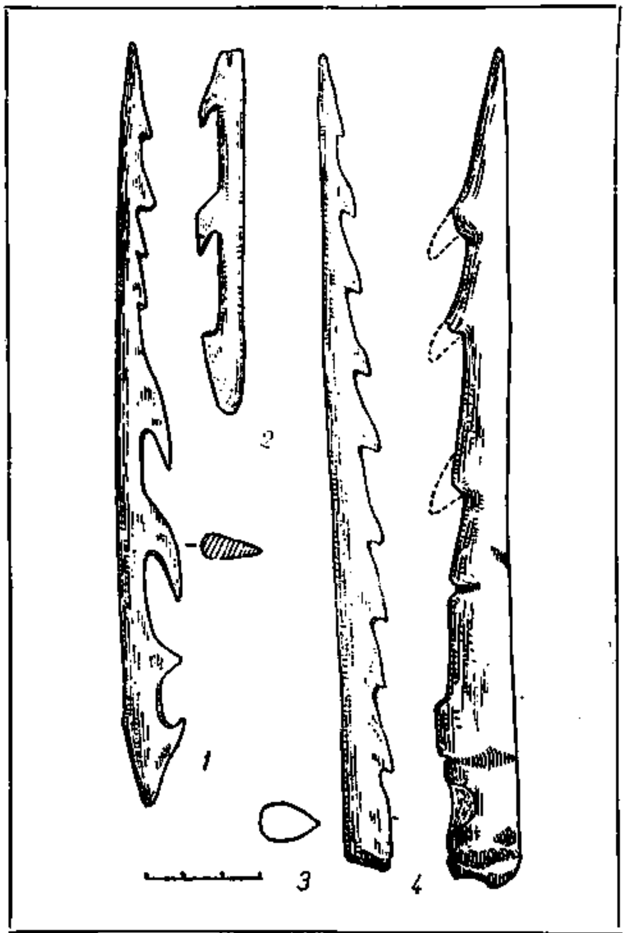


Рис. 100. Гарпуны:
1. Рудинкай, *2.* Балсупяй, *3.* Камшай (р. Кирсна), *4.* Сведасай (оз. Яра)

похожего на трапецию изделия из микролито-макролитической стоянки Паштува (Каунасский р-н) (рис. 112, *27*). По форме трапеция из Драсейкяй напоминает трапеции из стоянок типа Песочный Ров, у р. Десна (Воеводский — Формозов, 1950, стр. 42—54). Однако, это вероятнее всего, чисто случайное сходство, поскольку остальной инвентарь стоянки Драсейкяй не содержит никаких указаний на связь с группой типа Песочный Ров. Такого рода трапеции вряд ли можно считать наконечниками стрел; они слишком толсты.

Основным скребком эпипалеолита является достаточно крупный, часто даже очень крупный, короткий и широкий тип. Его лезвие довольно крутое, тщательно отретушированное. Несколько реже встречаются удлиненные скребки. Характерно, что скребки в эпипалеолитических стоянках составляли бо́льшую часть инвентаря. Все они намного ближе к мадлену, чем к свидерской культуре. То же, кстати, относится и к резцам.

В большинстве резцы — короткие, широкие, принадлежащие к типу угловых или боковых. Рабочий угол их чаще всего оформлен при помощи скола и ретуши. В эпипалеолите большое распространение имели скобли-резцы, а также такие резцы, у которых рабочий угол оформлен коротеньким сколом. К этому периоду увеличилось также число разнообразных ретушированных отщепов и пластин, использовавшихся, по-видимому, для специальных работ.

Нуклеусы эпипалеолита отличаются от палеолитических, становясь одноплощадочными и неправильных очертаний.

Топорики для этого периода не характерны.

Несколько подробнее придется остановиться на изделиях из кости и рога. В Литве они представлены в основном случайными находками. Те из них, которые относятся к эпипалеолиту, были, как и кремневые изделия, продуктом дальнейшего развития палеолитической индустрии. Причем нет основания утверждать, что время их изготовления ограничивается ранним мезолитом-пребореалем; часть их могла сохраниться значительно дольше. Однако по своему типу эти находки должны называться именно эпипалеолитическими, поскольку изготовлены они из рога и костей лося, а не северного оленя.

Основным эпипалеолитическим типом, унаследованным от палеолита, является гарпун с редкими, несколько выгнутыми зубцами, похожий на аренсбургский. К этому типу, по-видимому, относятся и остатки гарпуна (рис. 100, *2*) из Балсупяй (Antoniewicz, Wł, 1928, стр. 308, илл. IV : 4) — нижняя часть орудия с двумя выгнутыми, несколько напоминающими ромб зубцами и нижним зубцом, направленным в противоположную сторону. Фрагмент второго гарпуна из Балсупяй имеет несколько иной вид. В типологическом отношении он должен занимать место где-то между только что рассмотренными гарпунами и мелкозубыми мезолитическими (см. рис. 109). Ввиду того, что остатки второго гарпуна обнаружены в том же торфянике, что и первого, условно мы относим их к одной и той же стоянке — Балсупяй (Puzinas, 1935[a], стр. 285, илл. 2; 1938[a], илл. 2 : 3) (рис. 109, *3*).

Вторая находка в Балсупяй — это гарпун с маленькими зубцами, целых из которых только три. Вершина и конец черешка обло-

Табл. V

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Вечюнай	+	+			+			+	+	+			
Мяльничеле a			+		+	+	+	+	+	+			
Мяльничеле c	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Памяркине	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+
Глинас межозерная	+	+			+	+	+		+	+	+	+	
Зервинос 3b	+				+				+	+			
Дудичяй 2	+	+		+	+		+	+	+	+	+		+
Саленинкай 2			+	+	+	+	+	+	+	+			
Саленинкай 3	+	+	+						+	+			
Якштонис	+				+		+	+	+	+		+	
Самантонис	+	+	+		+	+	+	+	+	+			+
Драсейкяй	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Наличие основных типов изделий некоторых эпипалеолитических стоянок Литвы. Наконечники стрел: свидерские (1), свидро-мадленские (2), мадленские (3), острия и ланцеты (4). Скребки: короткие (5), продолговатые (6). Резцы: серединные (7), боковые-угловые (8). Ретушированные пластинки (9) и отщепы (10). Овальные топорики и клинья (11). Нуклеусы: двухплощадочные (12), одноплощадочные (13)

маны. Сохранившаяся часть имеет 12,3 *см* в длину. Между зубцами видны явные следы сверления и надрезывания. Поперечное сечение гарпуна почти трехугольное.

На первый гарпун из Балсупяй походит и гарпун с оз. Яра (рис. 100,*4*)[1] — односторонний, как и все найденные в Литве гарпуны. Длина его 22 *см*. Все зубцы обломаны, однако по оставшимся основаниям видно, что они были крупными, выгнутыми, расположенными довольно редко. В нижнем конце имеется часть обломленного зубца, направленного в противоположную сторону.

Своеобразным является гарпун из Руднинкай (Эйшишкский р-н), найденный в болоте Нопайтис (Шакос 1) (рис. 100, *1*) на глубине 2,5 *м* в слое сапропеля. От других он отличается тем, что его зубцы были разными — у вершины два небольших, ниже — два еще меньше, а внизу — два длинных, выгнутых. Это тоже пребореальная форма, что подтверждается и пыльцевым анализом, проведенным в болоте Нопайтис. Слой, где найден гарпун, залегал непосредственно над слоем дриасовой глины и относился к послеледниковой фазе березы-сосны — IV зоне по Х. Гроссу (Gudelis, Kabailienė, 1958, стр. 108—111).

В типологическом отношении несколько более поздним следует считать роговой гарпун из р. Кирсна (известный в литературе также как гарпун из дер. Камшай или из хутора Якимавичюса) (Žilinskas, 1931, илл. 5; Puzinas, 1935[a], илл. 1) длиной 21,5 *см*, темно-коричневого цвета. Поперечное сечение его овальное (рис. 100, *3*). В одной стороне имеется 9 доволь-

[1] Хранился в музее пос. Дусетос (Зарасайский р-н); во время второй мировой войны утерян. Сохранился только рисунок.

но редких и несколько выгнутых зубцов, между которыми явно заметны следы надрезов. Вершина гарпуна острая и короткая, черешок обломан (1, 2 *см* в ширину и 0,8 *см* в толщину), однако видны три надреза, служивших для крепления.

Гарпуны с зубцом, повернутым в противоположную сторону (а позже — с сердцевидным утолщением или расширением и, наконец, с надрезами), характерные для палеолита, были широко распространены и в мезолите. Они известны на Датских островах (Brønsted, 1938, илл. 16, 17; Mathiassen, 1941, илл. I), по всей северной Германии (Stimming, 1917), в Польше (Kostrzewski, 1955, илл. 28; Kozłowski, S. K., 1969в, стр. 141) и Латвии (Лозе, 1966, стр. 110, илл. 2 : 5, 6).

Поскольку один из гарпунов, найденных в Латвии, имеет на стороне, противоположной зубцам, канавку, в которую вставлялись вкладыши, что характерно для прибалтийской микролито-макролитической культуры, следует думать, что подобная форма гарпунов долго сохранялась и в анциловом периоде.

В Прибалтике чаще всего встречаются гарпуны с одним рядом зубцов. В Литве все они однорядные. В Латвии известны только два двухрядных гарпуна (Лозе, 1966, илл. 2 : 1, 2). В мезолитических стоянках Эстонии гарпуны тоже однорядные; как и литовские, они часто имеют один зубец, направленный в противоположную сторону, или хотя бы канавку, служившую для крепления (Indreko, 1948, стр. 221—223, илл. 63 : 1, 64 : 1, 2).

Гарпуны с редкими крупными зубцами существовали длительное время. На востоке, например, в Оленеостровском могильнике, они встречаются в раннем неолите (Гурина, 1956, стр. 66—68), в Веретье (Фосс, 1941, стр. 21—70, илл. XVI : 10, 30) и Горбуновском торфянике (Эдинг, 1940, стр. 56) — в неолите.

Вторым эпипалеолитическим типом костяных и роговых изделий является роговое долото. В Литве оно представлено только одним отчетливо выраженным орудием. Найденное в упомянутом уже нами комплексе Балсупяй, оно может быть с уверенностью отнесено к эпипалеолиту. Долото сделано из рога (Antoniewicz, Wł., 1928, стр. 308, илл. IV: 5; 1935, стр. 43, илл. X : 3), оба конца его заострены (рис. 101, *1*), окрашено в умеренно коричневый цвет, как и прочие находки из торфяника Балсупяй.

В Паломяне (Кайшядорский р-н), на берегу р. Ломяна, найдено изделие, похожее на долото. Оно узкое (1,5 *см* в ширину, 0,9 *см* в толщину и 16 *см* в длину); по многим признакам близко к веретенообразным наконечникам, однако тупые концы изделия заставляют отнести его все-таки к долотам (рис. 101, *2*). Цвет находки — темно-коричневый.

Как мы видим, обе находки — из Балсупяй и Паломяне — отличаются друг от друга. И это неудивительно. Поскольку долота обычно изготовлялись из малообработанной кости или рога, то их форма зачастую зависела от случайных обстоятельств и потому была весьма разнообразной.

В культуре Кунда долота чаще всего изготовлялись из расколотой кости или рога

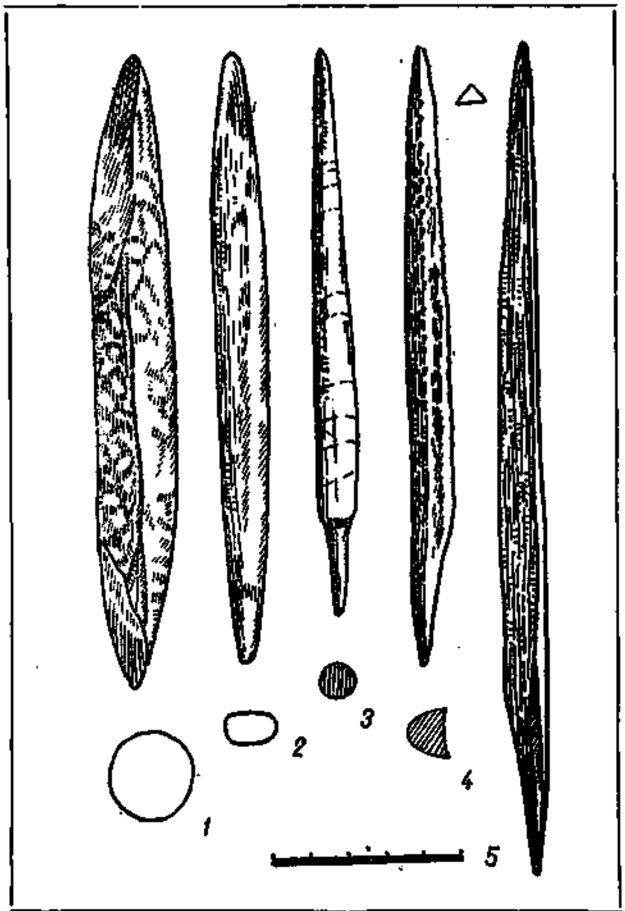


Рис. 101. Роговые долота и наконечники копий:
1. Балсупяй, *2.* Паломяне, *3.* Пумпенай (р. Истра), *4.* Платяляй, *5.* Юнишкяй

(Янитс, 1966, стр. 118), концы некоторых из них в большей или меньшей степени сплющены; изделия часто орнаментированы. Предполагают, что употребляли их при выделке мехов (Indreko, 1948, стр. 333—338).

Для изготовления долот в культуре Маглемозе (Brønsted, 1938, илл. 24с) также использовали часть рога, не подвергавшуюся полировке. Вершины заострялись и уплощались. Такие изделия широко известны в анциловом периоде, и только в неолите на их место пришли долота других форм.

Из палеолита унаследована и веретенообразная форма наконечника дротиков. В Литве ее можно проследить, начиная с палеолитических находок Кальнишкяй (см. рис. 20, *1*). В эпипалеолите пока известны два наконечника этого типа, оба из окрестностей Пумпенай (Пасвальский р-н), найденные в р. Истра (рис. 101, *3*).

Один наконечник беловатого цвета, 14,9 *см* в длину и 1 *см* в толщину (Puzinas, 1938[a], илл. 5:7), утолщенный книзу. Заканчивается он коротким, острым черешком длиной в 2,7 *см*. Наконечник почти округлый, имеет надрез в виде тонкой спирали. Найден в иле на глубине 1,5 *м*, что напоминает обстоятельства, при которых обнаружены многие другие ранние мезолитические находки.

Второй наконечник (Puzinas, 1938[a], илл. 5:3) отличается от первого формой и пропорциями. Он короче — 12,3 *см*, имеет в ширину 1,2 *см*, в толщину — 0,8 *см*. Один конец более округлый и острый, второй — плоский. Учитывая форму и темную окраску (по словам лица, поднявшего его, он был обнаружен на глубине 1 *м*) наконечника, приходится предполагать, что относился он, вероятно, к более позднему периоду, возможно, даже к концу мезолита.

Для палеолита был характерен клинообразный черешок, а для мезолита — округлые наконечники копий с острым черешком. В поперечном сечении они иногда бывают ребристыми. Много таких наконечников происходят из бассейна р. Хавель (Stimming, 1917, илл. 95—6, 98—107, 109—116). Немало их и в Калининградской области (Engel, 1935, илл. 16Bf; Gross, 1939[a], стр. 66; La Baume, 1942, стр. 19, илл. 2). Часть из них при помощи пыльцевого анализа датируется концом мезолита (Gross, 1941, стр. 34—36, илл. 26). Встречаются наконечники и в мезолитических стоянках Эстонии (Indreko, 1948, стр. 275—279). В Литве они, вероятнее всего, тоже сохранялись в течение всего мезолита, поскольку известны из неолитических памятников.

Еще более яркой эпипалеолитической формой является трехгранный наконечник, обнаруженный в Литве в двух экземплярах. Один из них (Puzinas, 1938[a], илл. 5:6; LAB, 1961, стр. 47, илл. 21:6) найден в Юнишкяй (Шакяйский р-н) (рис. 101, *5*), в торфянике на глубине около 1,8 *м* (вместе с четырьмя другими, не сохранившимися). Он имел 21,5 *см* в длину. Черешок острый — 4,8 *см*. Грани украшены группами поперечных надрезов. Цвет — темно-коричневый.

Второй наконечник, обнаруженный в торфянике Платяляй (Плунгеский р-н), несколько короче: 18,5 *см* в длину; цвет тот же — темно-коричневый. Верхняя грань наконечника — округлая, а боковые — острые, сплошь украшенные неглубокими насечками.

Подобная форма наконечника копья характерна для восточной Прибалтики. В Дании, например, известен только обломок одного такого изделия (Indreko, 1948, стр. 249). Наибольшее число трехгранных эпипалеолитических наконечников известно по Калининградской области и северной Польше (Gaerte, 1927[a], илл. 206). Одни из них имеют ровные острые грани, другие — насечки на ребрах (наподобие упомянутых литовских). В Латвии найдено несколько наконечников с группами насечек на месте пересечения граней (Лозе, 1966, стр. 108—109). Имеются наконечники со сплошными насечками по краям и совершенно ровными острыми ребрами. Точно датировать их пока затруднительно. Некоторые наконечники из Латвии и Эстонии имеют паз для закрепления вкладышей или острую грань, имитирующую вкладыши (Лозе, 1966, стр. 110; Indreko, 1948, илл. 72:2). Большое количество таких наконечников найдено в стоянках Кунда и Пярну. В Кунде они довольно длинные и, несомненно, относятся к раннему мезолиту; в Пярну — короче и грубее, по-видимому, более поздние, возможно, литоринового периода (Indreko, 1948, стр. 246—249).

Наиболее многочисленную группу изделий составляют костяные кинжалы (пешни?), грубо обработанные орудия довольно случайных форм. В типологическом отношении их датировка представляется затруднительной. Изделие это, унаследованное от палеолита, сохраняется в мезолите и неолите. Можно наметить некоторое типологическое развитие его, однако для хронологии оно мало что значит. Характерной чертой палеолитических кинжалов (пешень?) является (см. стр. 36) выравнивание эпифиза, тогда как в неолите обычно обходились без этого. Следовательно, имеется некоторое основание считать более ранними те кинжалы, у которых эпифиз удален. Это в известной мере подтверждается обстоятельствами, при которых эти орудия найдены.

К раннему мезолиту должен относиться кинжал, обнаруженный у озера Яра, там же, где и упомянутый нами эпипалеолитический гарпун[1]. Кинжал сделан (рис. 102, *2*) из расколотой кости. Суставная головка срезана и выровнена дугообразно, совсем как у палеолитических кинжалов из Калининградской области. Длина орудия — 16 *см*, ширина — 2,8 *см*. Острие обломано, края во многих местах повреждены.

В остальных экземплярах найденных в Литве кинжалов мы уже не видим столь тщатель-

---

[1] Кинжал хранился в музее пос. Дусетос. Утерян во время второй мировой войны. Сохранился рисунок.

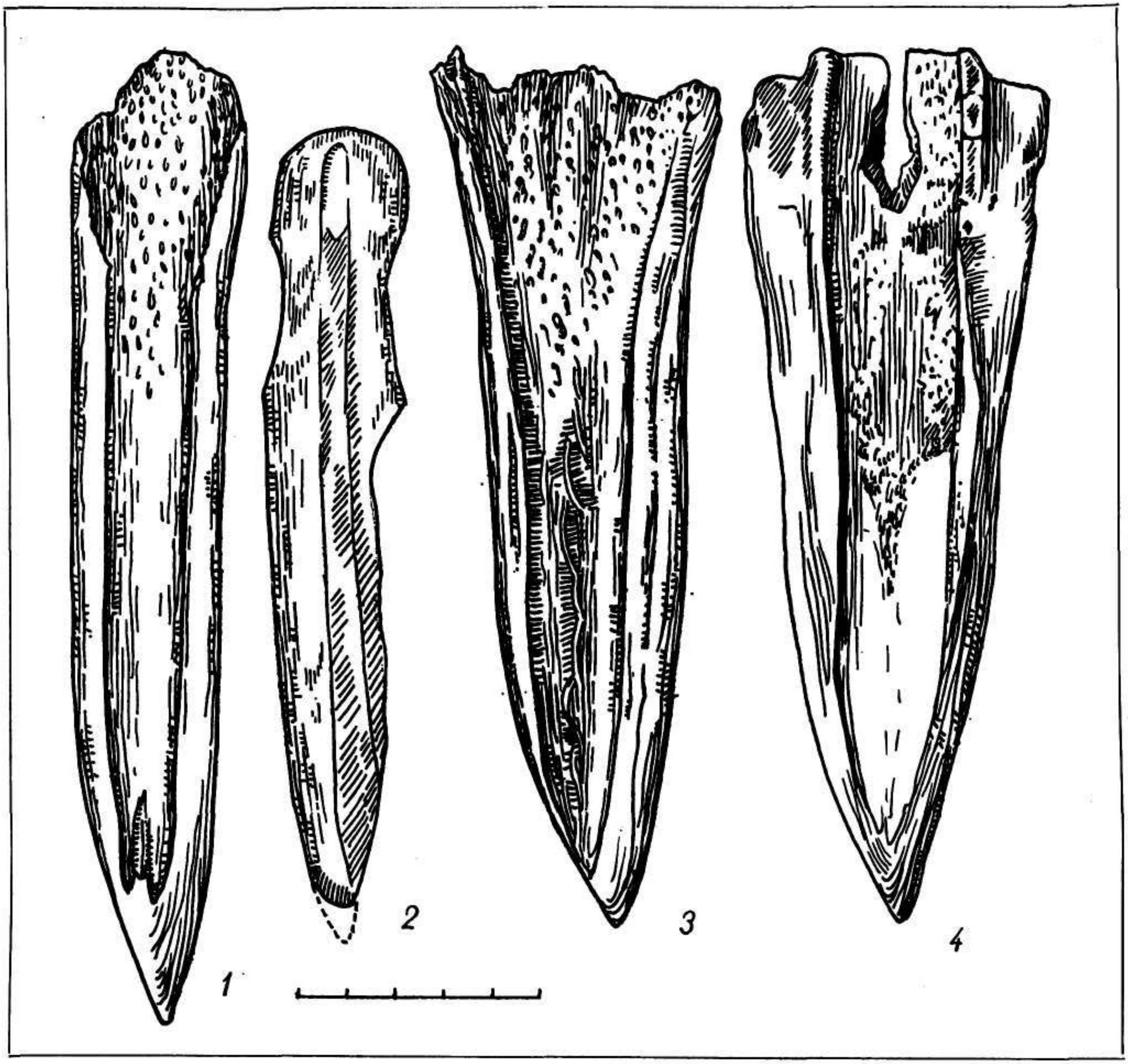


Рис. 102. Костяные пешни (?):
1. Альседжяй, *2.* Сведасай (оз. Яра), *3.* Букаучишкес, *4.* Утяляй

но обработанного эпифиза, хотя он и срезан, как, например, у кинжала из Альседжяй (Плунгеский р-н) (рис. 102, *1*) (Puzinas, 1935[а], стр. 285, илл. 15; 1938[а], илл. 3 : 1). Обстоятельства обнаружения этого орудия неизвестны, только светло-коричневый цвет его говорит о том, что оно лежало, скорее всего, ниже слоя торфа. Кинжал изготовлен из расколотой пополам кости, вершина косо заострена и тщательно зашлифована. Длина его — 20,2 *см*, наибольшая ширина — 3,9 *см*. На широком конце видны остатки эпифиза, отрубленного и не подвергавшегося выравниванию.

С кинжалом из Альседжяй сходно орудие, найденное в Букаучишкес II (Алитусский р-н) (рис. 102, *3*). Вершина его заострена, а головка обрублена (Puzinas, 1935[а], стр. 285, илл. 14; 1938[а], илл. 3 : 2).

Тот факт, что кинжалы с обрубленными эпифизами изготовлялись до конца мезолита, подтверждает и комплекс находок в Шарняле (Плунгеский р-н) (см. стр. 167), среди которых есть два кинжала (рис. 146, *3, 4*), один длиной в 19,2 *см*, другой — в 18,5 *см*. Аналогичная находка в Янаполе (Тельшяйский р-н)

также, несомненно, относится к концу мезолита. Наряду с этим встречаются кинжалы с сохраненным эпифизом, например, найденный в Утяляй (Расейнский р-н) (рис. 102, *4*) (Puzinas, 1938[a], илл. 3:3). Он светлого цвета, залегал под слоем торфа на глубине 3 *м* (судя по словам человека, его обнаружившего).

Рассматриваемые орудия были довольно широко распространены только в северных областях — в южной и восточной Прибалтике и лесной полосе СССР (Indreko, 1948, илл. 85, 86). Наиболее ранние из них известны из области, занятой аренсбургской культурой — бассейна р. Хавель, где их обычно изготовляли из рога. Костяные кинжалы с нетронутыми эпифизами известны в культуре Маглемозе, в древнейшей культуре датского побережья и стоянках культуры Эртебёлле (Mathiassen, 1948, стр. 38). Кинжалы (пешни?) из расколотой кости, зачастую с нетронутым суставом, известны и по мезолитическим стоянкам типа Кунды (Indreko, 1948, стр. 297—314). К востоку от Прибалтики изделия подобного типа встречаются обычно уже в неолите.

Не имея под рукой сопровождающего инвентаря, группировать эти изделия в хронологическом или культурно-типологическом отношении невозможно. Приведенные выше замечания по поводу техники обработки эпифизов нельзя принимать за хронологический признак, поскольку орудия с нетронутыми обработкой эпифизами встречаются и в очень древних палеолитических культурах (Пшедмосте или Пекарне — в Моравии).

в) Характерные особенности эпипалеолита Литвы

Наиболее характерной чертой эпипалеолита служит исчезновение различий между отдельными культурными группами. В некотором отношении эта черта стала просматриваться уже в позднем дриасе, когда образовалась группа восточно-прибалтийского мадлена, отмеченного свидерскими влияниями, а также группа свидерских культур со следами воздействия мадлена. В палеолите эти группы существовали по соседству, но отдельно. В эпипалеолите же происходило их слияние.

Эпипалеолит, как мы уже отметили, рассматривая типы изделий, является не только суммой поздних культурных групп, но и носителем элементов из древнейших культур, существовавших на данной территории в конце аллерёда. Есть основания полагать, что в эпипалеолите мадленская культура в восточной Прибалтике окончательно слилась со свидерской и растворилась в ней. Такое формирование местных культур характерно и для эпипалеолита других стран.

Эпипалеолит мы должны понимать не только как термин, означающий определенный промежуток времени, но и как своеобразную культурную группу. Это подтверждается тем, что мезолитические культуры (маглемозе, микролито-макролитическая) не являются прямым продолжением эпипалеолитической. Надо полагать, что в мезолите в культурную жизнь на территории Литвы влилась новая волна населения, ассимилировавшего часть аборигенов. Кроме того, здесь некоторое время должны были существовать по соседству как эпипалеолитические, так и мезолитические культуры[1]. Это заставляет думать, что культурная группа, сформировавшаяся в палеолите, была в известном смысле и группой этнической.

Сравнив карты европейского палеолита и эпипалеолита, мы находим, что для палеолита были характерны различия между отдельными, существовавшими рядом стоянками, а в эпипалеолите различия проявляются уже между большими группами стоянок, занимавших значительные территории. Так как подобное явление наблюдается в широком масштабе, есть основание предполагать, что на грани палеолита — эпипалеолита в истории человечества происходили крупные этнические перемены.

Существование эпипалеолитической культуры характерно и для других областей бывшей приледниковой Европы. В западной Прибалтике мадленские группы тоже пережили переходный период от палеолита к мезолиту. С помощью радиоуглеродного и других методов многие стоянки там были датированы пребореалем, но основные черты их культур оставались в этот период палеолитическими, т. е. наблюдается тот же характерный признак эпипалеолита, что и в Литве.

Западно-прибалтийский эпипалеолит формировался на основе разнообразных мадленских культур. Иногда даже в самых поздних стоянках встречаются признаки очень раннего мадлена, например, в таких стоянках, как Калленгард (Andree, 1932) или Борнек (Rust, 1958), которые по фауне относятся к пребореалю.

---

[1] Относительную хронологию эпипалеолитической и мезолитической культур иногда удается определить и с помощью стратиграфии. В этом смысле очень важны исследования, проведенные на юге Польши, в местностях Корин и Витув. В Витуве были обнаружены два слоя с находками свидерской культуры, из которых более поздний стратиграфически идентичен тарденуазскому слою. В других местностях Польши свидерские находки обнаружены под слоями, содержащими геометрические микролиты. Это явное свидетельство одновременного существования в Польше двух отличных друг от друга культурных групп (Chmielewska, Chmielewski, 1961, стр. 187).

Как уже упоминалось, в Польше в эпипалеолите свидерская культура существовала до тех пор, пока рядом не сложилась микролитическая. К востоку от основной свидерской области, у рек Сожь и Горынь, в начале мезолита образовался своеобразный центр эпипалеолитической культуры, в котором наблюдается местное развитие наряду с сильным влиянием юга (Будько, 1966).

Литва и часть Западной Белоруссии составили в эпипалеолите единую контактную зону, которая на юге, у Припяти, соприкасалась с областью южных культур, а на востоке заканчивалась где-то около современной центральной Белоруссии; у Днепра и Сожи размещалась уже другая культурная группа.

Какова же была дальнейшая судьба эпипалеолитической культуры в Литве? Носители этой культуры частью остались на месте и со временем слились с носителями новой мезолитической культуры (маглемозе), а частью ушли к северо-востоку. Главной причиной, вызвавшей эти передвижения, было дальнейшее потепление климата. Отступающий к северу олень увлекал за собой охотников, сохранивших прежние привычки, обычаи и весь старый образ жизни. Кроме того, можно предполагать воздействие и некоторых факторов этнического порядка. В эпипалеолите культура, отмеченная свидерскими элементами, распространилась очень широко. Переносилась она переселявшимися все дальше на восток людьми. Только этим можно объяснить появление столь отдаленных от основного центра эпипалеолитических свидерских очагов, какими являются стоянки междуречья Волги — Оки (Воеводский, 1941, стр. 142—148; 1950, стр. 96—119; Кольцов, 1965, 1966), Скаун в Румынии (Nikolaescu — Plopşor, 1961, стр. 614) или Сюрень II в Крыму (Векилова, 1961), между которыми лежат огромные пространства, лишенные следов свидерской культуры.

Отсюда можно заключить, что и в хронологическом и в культурном отношении ранние свидерские стоянки на вновь заселяемых территориях являются релятивно одновременными со стоянками основной эпипалеолитической области распространения свидерской культуры.

3. ПАМЯТНИКИ МАГЛЕМОЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАННЕМ МЕЗОЛИТЕ ЛИТВЫ

В то время как климат послеледникового периода становился суше, и потомки аборигенов стали обосновываться все ближе к берегу первой надпойменной террасы, в Прибалтике появились представители новой культурной группы, кремневый инвентарь которой в корне отличался от инвентаря старых местных культур. Эта новая группа по всем элементам совпадает с ранними стоянками типа маглемозе, какими мы знаем их по Ютландии.

В Северной Европе культура маглемозе появилась уже в пребореале и распространилась в бореале. Характернейшими находками, составляющими ранний комплекс маглемозской культуры, являются — при отсутствии микролитов — геометрические ланцетовидные наконечники, овальные топорики, крупные скребки и резцы. Вторая характерная группа находок — это изделия из рога и кости, которые кое-где, в особенности на Датских островах, преобладают над каменными. Следует, однако, отметить, что известно немало и таких маглемозских стоянок, в частности, ранних, где костяных и роговых изделий нет вообще (или они просто не сохранились)[1].

[1] Маглемозская культура не везде одинакова. Различия наблюдаются даже на отдельных островах. И сейчас в Дании различают по крайней мере две основных группы — Гюдено (Gudenaa) в Ютландии (Mathiassen, 1937, стр. 15; Brønsted, 1938, стр. 77—83) и Маглемозе на островах (Brønsted, 1938, стр. 48—52). В настоящей книге термин «Маглемозе» употребляется применительно ко всей данной мезолитической группе южной Прибалтики.

Наиболее ярким примером ранней маглемозской культуры в Литве является стоянка Максимонис 4 (Варенский р-н), расположенная к западу от пос. Мяркине, на западном конце дер. Максимонис (Jablonskytė-Rimantienė, 1966[в], стр. 43—54), в 15 *м* от воды, на краю первой надпойменной террасы (рис. 103), достигающей здесь 6 *м* высоты. Стоянка разрушена Неманом, однако достаточно явный культурный слой частью сохранился. По располо-

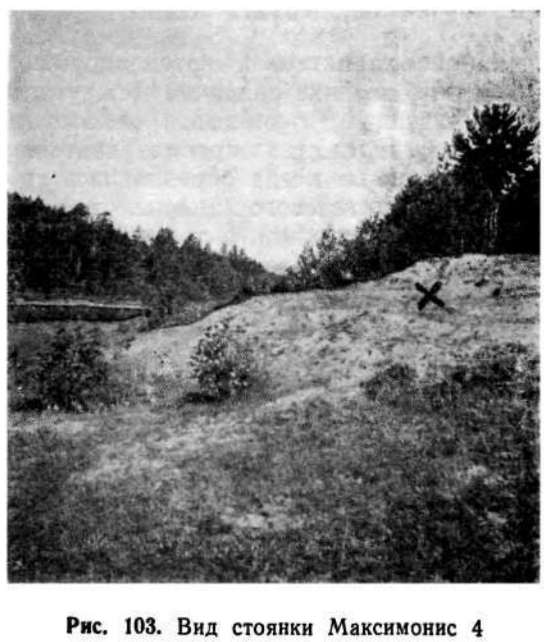


Рис. 103. Вид стоянки Максимонис 4

жению находок (рис. 104) можно судить, что стоянка была небольшой и кратковременной.

Культурный слой каменного века (рис. 105) — незначительно ортштейнированный песок толщиной до 15 *см* лежал на слое темно-красного железистого песка мощностью в 1 *м*. Над ортштейнированным песком залегал культурный слой, относящийся к началу нашей эры, толщиной в 30 *см*, почти черного цвета. Его, в свою очередь, покрывали прослойки песка, лишенные каких-либо находок. Сверху лежал темно-серый культурный слой с гончарной керамикой.

В культурном слое каменного века найдены следы небольшого очага (рис. 106) около 25 *см* в диаметре и 12 *см* глубиной. Рядом с ним располагались обгоревшие кремни. Все найденные здесь наконечники принадлежат к ланцетовидным (рис. 107, *1—15*), хотя по форме и несколько различаются между собой. Изделия невелики по размеру (3—5,5 *см*), но микролитами не являются. Обнаружено значительное число довольно широких ретушированных пластин (рис. 107, *18—26*). Вкладышами для гарпунов или наконечников они по своим размерам служить не могли. Скребки (рис. 107, *31—34*; 108, *6, 7, 10—12*) чаще всего сделаны из довольно крупных, неправильных, случайных отщепов, реже — из пластин. Один из них имеет незаконченную ретушь на лезвии. Встречаются крупные скребки (рис. 108, *8, 11*). Резцы (рис. 108, *1—5*) большей частью изготовлены из крупных пластин или их частей. Они — боковые, изготовлены при помощи скалывания и ретуши; есть один скобель-резец (рис. 108, *5*). Небольшую группу составляют маленькие изделия специального назначения, почти кругом ретушированные (рис. 107, *37, 38*).

Несмотря на то, что изделия сравнительно крупные, для стоянки характерен способ разделения пластин, аналогичный скалыванию резца. В этом случае остаются отщепы, называемые по традиции «микрорезцами» (рис. 107, *16, 17, 29, 30, 35, 36*), хотя в данной стоянке они довольно велики.

Характерную часть инвентаря составляют обитые, почти овальной формы топорики, чуть ретушированные по краям (рис. 108, *9, 13, 14*). Все нуклеусы одноплощадные, обычно неправильные, конусовидные или лодкообразные.

Стоянок типа Максимонис 4 в Литве, как и по всему западному побережью Балтийского моря, известно немного. Можно упомянуть лишь стоянку Гиряжярис 3 (Варенский р-н), инвентарь которой похож на описанный выше, а топографическое положение на первой надпойменной террасе полностью соответствует положению стоянки Максимонис 4.

Стоянка находилась на вершине склона I надпойменной террасы восточного берега оз. Гиряжярис, ныне почти целиком заросшего, на высоте 7 *м* от уровня воды. Культурный слой не сохранился. Находки относятся к стоянке, заселенной только однажды. Инвентарь составляют ланцетовидные наконечники стрел (однако имеются и крупные острия), скребки — короткие, один — продолговатый, изготовленный из случайного бокового отщепа. Рабочий угол резцов сделан при помощи скалывания и ретуши. Обнаружены «микрорезец» и неправильное изделие типа топорика. Геометрические микролиты отсутствуют.

В чистом виде подобные стоянки существовали весьма непродолжительное время. Инвентарь их, как видно, не является результатом развития одной из известных нам палеолитических культур (свидерской или мадленской) и не представляет связывающего звена между палеолитом и комплексами микролито-макролитической культуры, позднее распространившейся на территории Литвы. Последнее обстоятельство указывает на то, что рассматриваемая культура сформировалась вне Литвы и попала сюда уже в готовом виде.

В целом культура, о которой идет речь, тождественна культуре маглемозе, стоянки которой в самом начале мезолита существовали на западном и южном побережьи Балтийского моря. Среди них следует назвать стоянки пребореального периода Стар Карр в Британии (Clarc, 1954) и Клостерлунд в северной Ютландии (Mathiassen, 1937, стр. 132; Bronsted, 1938, стр. 41—43, илл. 12—15; Petersen, 1966, стр. 78—185). Типы изделий, найденных там, почти совпадают с находками Максимонис 4. Наконечники стрел ланцетовидного типа, вытянутые в форме треугольника, с прямой (или выгнутой) спинкой и вместе с ними — ланцетовидный наконечник со слегка суженным черешком. Микролиты не встречаются.

Правда, наконечники со скошенной спинкой, близкие к ланцетовидным, встречались в Литве еще в мадленских стоянках, однако там они имели случайную форму и служили лишь дополнением к остальному инвентарю.

Как уже отмечалось, в конце палеолита и в эпипалеолите скребки и резцы в Литве становятся короче и меньше по размеру. В литовских стоянках типа маглемозе скребки обычно довольно крупные, удлиненные, широкие. Наряду с ними встречаются крупные скребки, сделанные из толстых отщепов или даже нуклеусов, каких не было в эпипалеолитических стоянках. Резцы — большей частью боковые, изготовленные из крупных широких пластин, — тоже не имеют связи с находками эпипалеолита. Характерно, что овальные топорики встречаются во всех таких стоянках, а не только

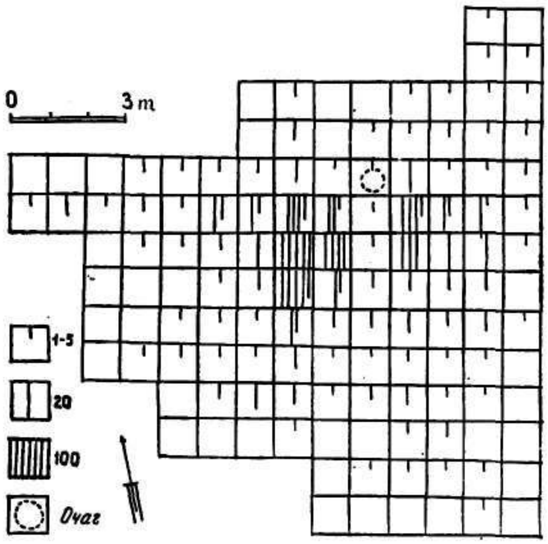


Рис. 104. Расположение находок в раскопе стоянки Максимонис 4

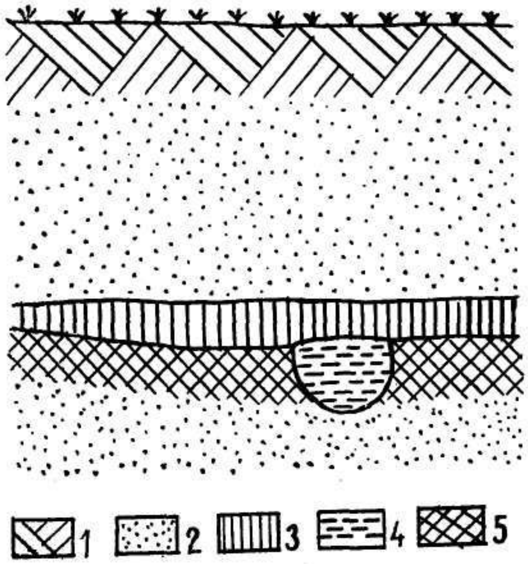


Рис. 106. Очаг стоянки Максимонис 4

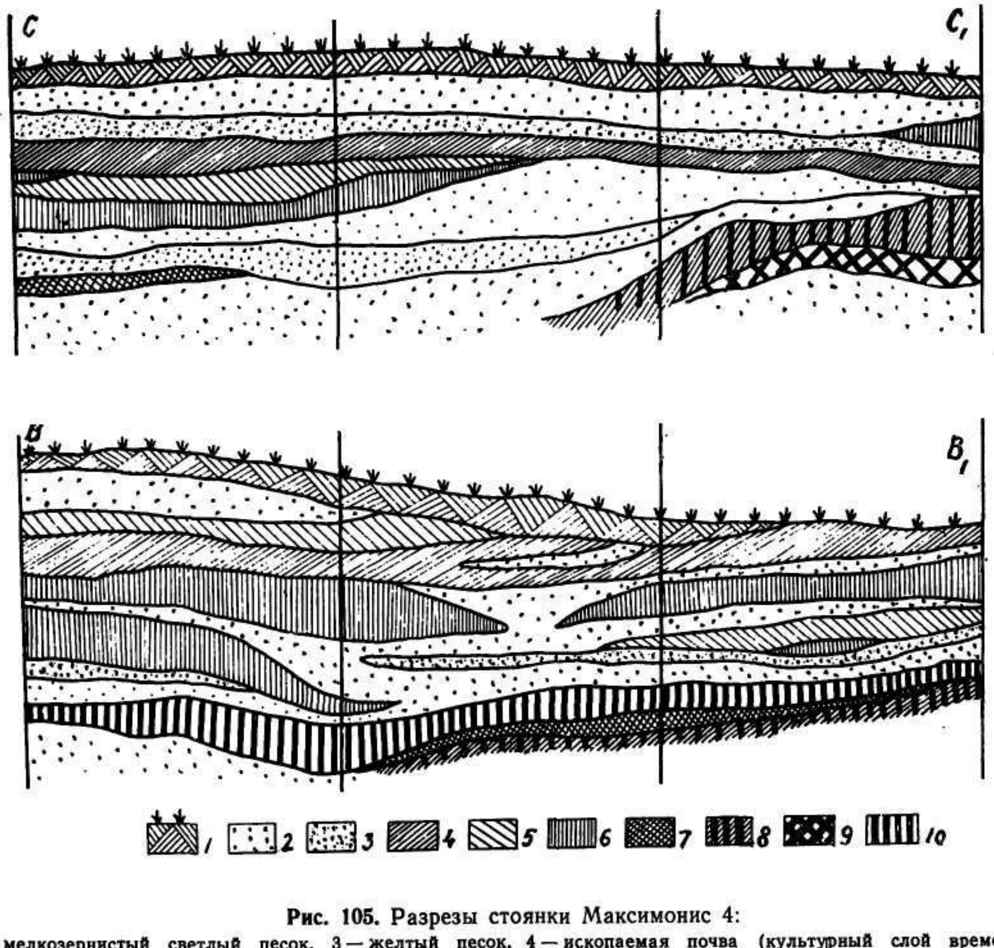


Рис. 105. Разрезы стоянки Максимонис 4:

1 — дерн, 2 — мелкозернистый светлый песок, 3 — желтый песок, 4 — ископаемая почва (культурный слой времен раннего феодализма), 5 — светло-серый песок, 6 — белый песок, 7 — подзол — слабожелезистый песок (культурный слой каменного века), 8 — песок с железистыми прослойками, 9 — железистый слой, 10 — черный песок (культурный слой начала н. э.)

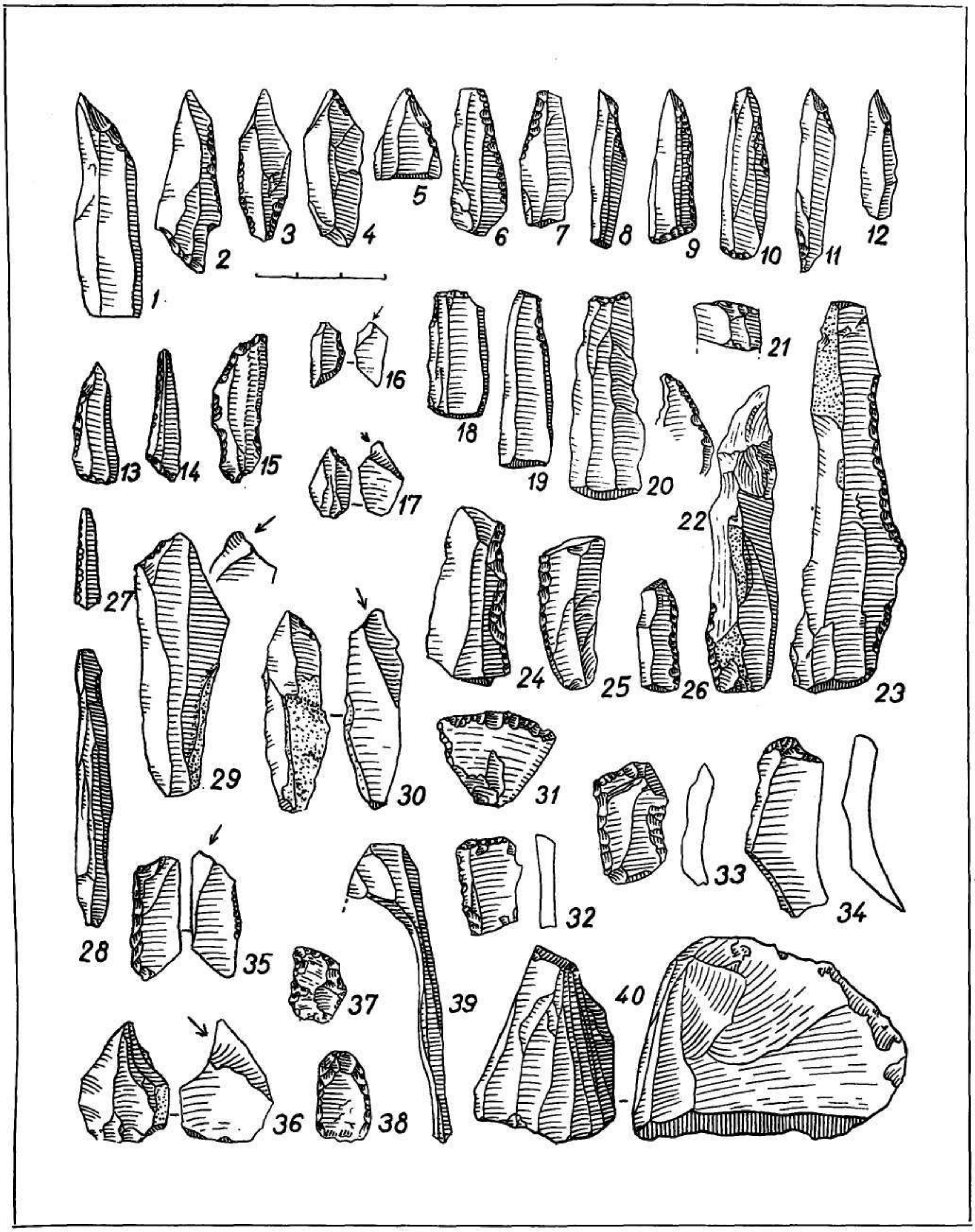


Рис. 107. Наконечники, пластинки, «микрорезцы» и нуклеусы стоянки Максимонис 4

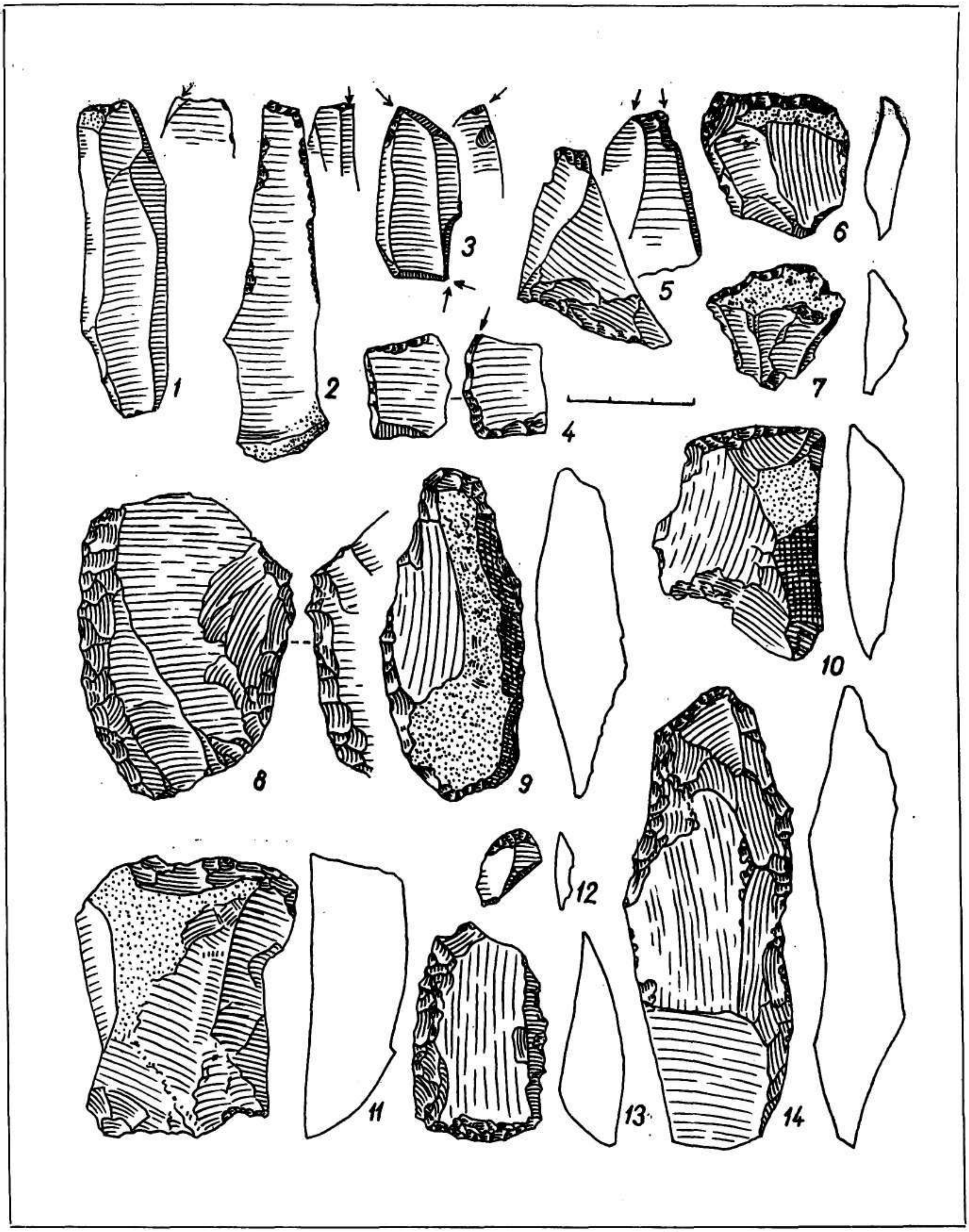


Рис. 108. Резцы, скребки и крупные орудия стоянки Максимонис 4

в мастерских, как это было в литовском палеолите.

И все-таки в инвентаре стоянок типа Максимонис 4 можно усмотреть связь с прибалтийским мадленом, однако лишь с более ранней его фазой — палеолитической. Эта общность создавалась, как мы уже говорили, не здесь, не в восточной Прибалтике.

Но и в Ютландии эта культура тоже не была местной. Та, которую мы знаем по стоянке Клостерлунд, вероятно, отделилась от мадлена в то время, когда в нем еще не было элементов микролитизации, отчетливо проявляющихся в Средней Европе с конца аллерёда, и в особенности в позднем дриасе. Где именно происходило это отделение, сказать трудно, но ясно, что это могло случиться в западной области ее распространения (так как волна микролитизации на Востоке проявилась раньше). Продвинувшись на север, эта часть мадленской культуры и послужила основой для культуры маглемозе, какую мы знаем в Литве по стоянке Максимонис 4 и др. или Клостерлунд в Ютландии[1]. Эта культура, по-видимому, принадлежала некой кочующей этнической группе. Распространялась она скорее всего только по побережью, потому что пространства, лежащие южнее, занимали группы, имевшие инвентарь с более выраженными микролитическими формами. Потому, например, считается, что микролитическая культура маглемозе пришла на Датские острова с юга, а не из Ютландии (Bronsted, 1938, стр. 85—87).

Культура без микролитов существовала непродолжительное время. Уже в бореальном периоде ее захлестнула волна микролитизации (хотя и не везде). Группа, избегнувшая микролитизации, так называемая культура побережья Ютландии (Jørgensen, 1961, стр. 440—447), была вытеснена сюда из глубины страны; большинство ее стоянок затопило Литориновое море. Остались ли в Литве представители этой ранней группы наряду с другими, которые уже знали микролитические изделия? Думается, что да.

Одним из характерных признаков культуры маглемозе обычно считают изделия из рога и кости. К сожалению, в Литве пока не удалось найти маглемозских стоянок, где бы наряду с кремневыми были обнаружены и костяные-роговые орудия[2]. Зато известно значительное количество отдельных изделий из рога и кости, обнаруженных в торфяниках, которые типологически соответствуют маглемозской культуре.

Найденные в Литве изделия из рога и кости не могут быть целиком отнесены к раннему мезолиту, но типы их, несомненно, были занесены сюда пришельцами — носителями культуры маглемозе — и приняты затем племенами микролито-макролитической культуры. Возможно, что некоторые из них (в особенности в атлантическом периоде) попали в Литву и не с основной культурной волной, но опять-таки из той же области маглемозской культуры.

Костяные и роговые находки важны и в другом отношении. Если мы, опираясь на кремневый инвентарь, пока не можем проследить явной связи между западной и восточной Прибалтикой, то костяные находки помогают обнаружить эту связь. Зона их распространения отчетливой лентой опоясывает западную, южную и значительную часть восточной Прибалтики.

Характерным изделием маглемозской культуры является однорядный гарпун с множеством мелких зубцов. В Литве известны два таких гарпуна. Один, с 29 зубцами, обнаружен в Янаполе (Тельшяйский р-н) (рис. 109, *1*), в торфянике, слева от дороги Янаполе-Павандяне (примерно 2 *км* от Янаполе). Длина его 28 *см*, ширина — 1,7 *см*. Это случайная находка, потому трудно с уверенностью сказать, связана она с мезолитической стоянкой Янаполе или не связана.

Второй экземпляр найден неподалеку от комплекса стоянок каменного века Маргяй (Варенский р-н), в местности «Сала» у зарастающего озера Дуба (Szukiewicz, 1907, стр. 29, илл. XIII : 30; Kozłowski, L., 1924, илл. I : 6; Antoniewicz, Wl., 1935, стр. 43, илл. X : 4). Гарпун этот (рис. 109, *2*) темно-коричневого цвета; в сохранившейся части видны 9 коротких зубцов. «Сала» была неоднократно и подолгу обжита людьми каменного века. Позже ее распахивали, и культурные слои перемешались. Можно предполагать, что гарпун относится к местной мезолитической стоянке.

Незначительное число таких же не поддающихся точной датировке гарпунов было обнаружено в Калининградской области (Gaerte, 1927, илл. 106), немало — в Латвии, у озера Лубана (Sturms, 1939, стр. 31—44; Лозе, 1966, стр. 110), и особенно много в Эстонии (Indreko, 1948, стр. 244). Там, в Эстонии, они относятся к анциловому периоду. В Западной Европе в неолите гарпуны такого рода уже исчезли; на востоке же (например, в Шигирском торфянике) еще сохранялись.

Хорошо датированные гарпуны этого типа происходят из Ютландии и ее островов. Они относятся там к маглемозским стоянкам (Brøn-

[1] Стоянку Клостерлунд одни считают праобразом культуры Маглемозе (Mathiassen), другие — типичной представительницей культуры Гюдено (Brønsted).

[2] Кстати, в Ютландии (ни в Клостерлунде, ни в других стоянках типа Гюдено) так и не удалось обнаружить кремневых и костяных—роговых изделий вместе. Известный нам комплекс кремневых орудий лишь дополняется отдельными находками в торфяниках. Связать их в одно целое помогают маглемозские стоянки Датских островов.

sted, 1938, стр. 68—69). Этот тип гарпуна был характерен для позднего бореаля и существовал в первой половине атлантического периода (Toepfer, 1958, стр. 167, илл. 12), т. е. в течение всего мезолита, а в Восточной Европе и в неолите (Левенок, 1962, стр. 79).

К более позднему типу относятся гарпуны с редкими вытянутыми зарубками. Таких ору-

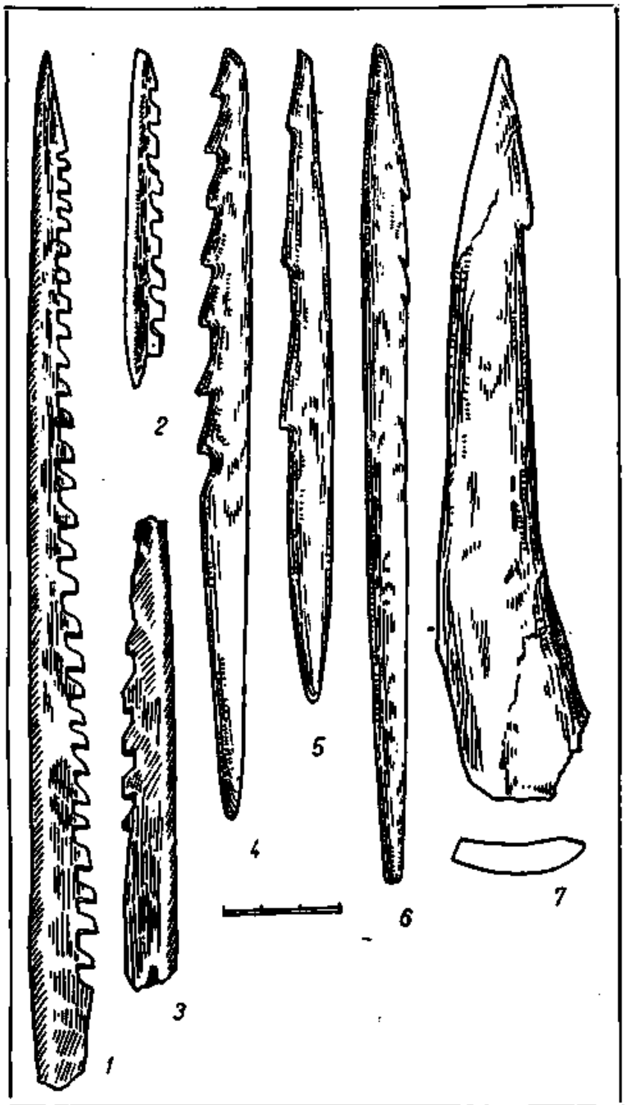


Рис. 109. Мелкозубые гарпуны:
1. Янаполе, *2.* Маргяй, *3.* Балсупяй, *4.* Ужнямуне, *5.* Бябрининкай, *6.* Каравишкес, *7.* Вилкавишкис

дий найдено в Литве 2 экземпляра. Зарубки идут не по всей длине гарпуна, а сконцентрированы у острия. Нижняя часть несколько утолщена. Один гарпун происходит из Ужнямуне (Занеманья) (рис. 109, *4*), точное место его обнаружения неизвестно. У него 7 острых, чуть загнутых зарубок. Верхушка обломана. Поперечное сечение — острый овал. Длина — 20,5 *см*, из которых на долю черешка, лишенного зарубок, приходится 8,7 *см*. Цвет гарпуна коричневый.

Такой же гарпун был обнаружен в Бябрининкай, вымытый рекой Шяшупе (Вилкавишкский р-н) (рис. 109, *5*). Длина его — 17,2 *см*, из которых 5,2 *см* падает на долю черешка. На вершине имеется три редких зарубки.

О том, что указанный тип гарпуна является более поздним, свидетельствует тот факт, что в стоянке Кунда он уже не встречается. Параллели гарпуну из Бябрининкай имеются лишь в Пярну (Indreko, 1926, илл. II:13). Значит, его следует относить уже к литориновому периоду.

Темный цвет гарпунов указывает на то, что они лежали в торфе.

Своеобразный тип представляет гарпун из Каравишкес (Варенский р-н) (рис. 109, *6*). Эта находка тоже случайная. Гарпун обнаружен на глубине 3 *м*, в 600 *м* от русла р. Ула. Изготовлен из рога желтоватого цвета. Длина — 22 *см*, ширина 0,7 *см*, толщина — 1,1 *см*. Поперечное сечение — плоский овал. Поверхность тщательно отшлифована. У вершины три неглубокие зарубки. К какому периоду относится этот гарпун, сказать трудно. Озера в этой местности стали заростать довольно поздно, так что светлый цвет гарпуна еще ни о чем не говорит. Известно, что похожие гарпуны с 1—3 зазубринами встречаются в стоянках типа Кунды и Маглемозе вместе с мелкозубчатыми гарпунами. По некоторым признакам, гарпун из Каравишкес можно сравнивать с однозубыми эстонскими гарпунами Кунды, Сийвертси, Тырвала и др., имеющими длинную вершину и датированными радиоуглеродным методом VII—V тысячелетиями до н. э. (Янитс, 1966, стр. 118 и 123). Гарпуны этого типа в большом количестве встречаются в Дании, где датируются бореальным периодом, как и находки из Хоен Фихельн (Schuld, 1961).

Кроме перечисленных, есть еще однозубый гарпун, уже давно известный в литературе (Antoniewicz, Wl., 1928, стр. 308, илл. IV:3; 1935, стр. 43, илл. X:I). Это — плоское широкое орудие, изготовленное из расколотой полой кости, с вырезанной у вершины небольшой зазубриной. Длина гарпуна — 19,4 *см*, ширина — 3,4 *см* (рис. 109, *7*).

В мезолите однозубые гарпуны известны в Ютландии (Mathiasen, 1948, стр. 35) и других странах, однако это в основном случайная форма, встречающаяся в инвентаре маглемозской культуры. Крупные экземпляры таких гарпунов очень похожи на те, которые встречаются у нас в ранних городищах.

Кроме того, для маглемозской культуры характерны различные роговые топорики, часто с отверстием для вставки более прочных

лезвий (см. рис. 145), но они очень трудно поддаются датировке, так же как пешни, проколки и др.

Эпипалеолитические изделия из кости сохранялись в течение всего мезолита. То же самое можно сказать и о маглемозе. Но прямо отождествлять с маглемозской культурой мы можем лишь те типы изделий, которые попали в Литву в раннем мезолите с основной маглемозской волной. К межкультурным элементам, попавшим сюда позже, часто относятся южные типы изделий.

Важным хронологическим признаком маглемозских стоянок в Литве является их расположение на первой надпойменной террасе, чаще всего на ее крае. Но такое положение стоянки занимали недолго. Как только сформировались и стали суше поймы, люди продвинулись ближе к воде. В основном заселение края первой надпойменной террасы может быть связано только с анциловым периодом, т. е. VII тысячелетием до н. э. и, возможно, концом VIII тысячелетия. Геоморфологические данные литовских стоянок подтверждаются результатами радиоуглеродных исследований и пыльцевого анализа ранних стоянок маглемозе. Например, стоянку Клостерлунд пыльцевой анализ относит к пребореалю (Iversen, 1937, стр. 184). Такие же данные получены по стоянке Стар Карр, которая, кроме того, радиоуглеродным методом датирована 10167±560 гг. от нашего времени (Gross, 1958, стр. 92).

Что касается характера распространения культуры маглемозе в восточной Прибалтике, то о нем до сих пор судили только по случайным находкам костяных и роговых изделий (см. следующий раздел). Однако отдельные находки, естественно, не могли ответить на вопрос: является ли распространение маглемозе только результатом культурного влияния или же обусловлено приходом нового населения? Решить эту проблему позволяют маглемозские стоянки, о которых мы говорили выше. Они свидетельствуют в пользу версии о распространении особой этнической группы по всей южной и восточной Прибалтике.

4. МИКРОЛИТО-МАКРОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЛИТВЕ

В конце бореаля и в начале атлантического периода в Литве формируется местная мезолитическая культура. У нее три основных черты, каждая из которых характерна для определенных областей Европы. Первыми двумя чертами являются изделия микролитической и макролитической техники. (Поэтому стоянки данного типа, существовавшие в Литве и на соседних территориях, мы будем называть микролито-макролитическими.) Третьей чертой служат сохранившиеся элементы свидерской культуры.

Надо отметить, что все мезолитические стоянки, известные в Литве, предоставляются более или менее однотипными по характеру и укладываются в единую цепь развития. С наступлением бореаля исчезает разнообразие культурных групп. Правда, остаются некоторые различия, объяснимые не только разновременностью стоянок. Территориальные различия выражались в том, что в большей или меньшей степени чувствовалось влияние тех или иных соседних мезолитических культур. А северная Литва, вероятно, уже входит в ареал распространения кундской культуры. В отдельных стоянках на одной территории можно наблюдать преобладание элементов, унаследованных от предшествовавших культур. К примеру, в одних стоянках юго-восточной Литвы более сильны элементы свидерского происхождения, а в других — мадленского.

Расположение микролито-макролитических стоянок по отношению к современному уровню воды значительно отличается от местонахождения более ранних. В это время впервые осваиваются поймы крупных рек. Стоянки, расположенные на пойме, составляют I группу, входящую в круг изучаемой нами культуры. Существовала эта группа около 2000 лет, вплоть до второй литориновой трансгрессии. Вторую группу представляют стоянки, расположенные на лежащих выше террасах и относящиеся ко времени максимальной (II) трансгрессии. В хронологическом отношении вторая группа занимает сравнительно короткий промежуток времени. Третью группу составляют стоянки, возникшие снова на пойме, но уже после II литориновой трангрессии. Не говоря уже о морфологическом различии в инвентаре, топография стоянок III группы отличается от стоянок I группы тем, что они расположены в некотором отдалении от современного берега. По-видимому, самый берег в то время или оставался залитым водой или был заболочен, что препятствовало его заселению.

а) I этап (стоянки бореального — начала атлантического периода)

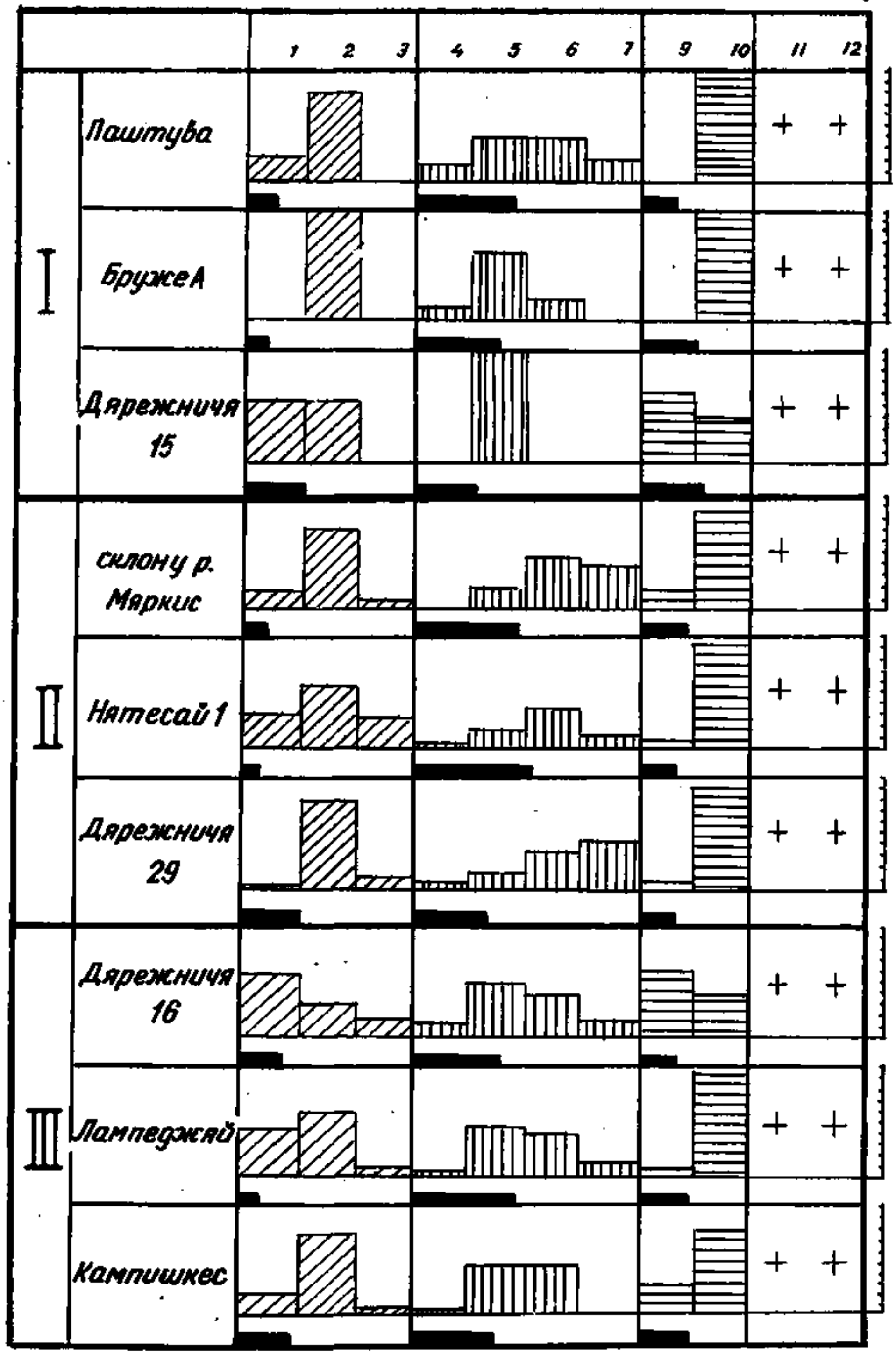
Поскольку уровень воды в конце бореального и в начале атлантического периодов почти не изменялся, для всех стоянок I группы характерно одинаковое месторасположение — на пойме.

Основные отличия их кремневого инвентаря заключаются в появлении и распространении микролитов геометрических форм. Наряду

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Паштува	2	8		5	13	13	5	3		11	68	72	17	10	+	+
Бруже		2		1	6	2		8		6	19	22	9		+	+
Дярежнича 15	2	2			4				3	2	6	10	2	1		+
склон у р. Мяркис	4	21	2		26	61	49		9	41	227	236	5	30	+	+
Нятесай 1	17	33	14	28	132	292	90	55	14	147	+	+	25	60	+	+
Канюкай 1	7	3			6	4	7	2	1	5	+	+	6	3	+	+
Дярежнича 29	1	33	4	5	9	17	21	25	1	25	123	70	17	13	+	+
Дярежнича 27	1	3	1			13	3			3	16	10		1		
Кайдучяй 1	3	10	1		2	2	1	3	1	1	11	7	1	1		
Друскининкай 8	2	2				6			2	4	11	20	1			
Маргяжярис 2	5	1	2		2	2	1	5		5	10	9		3		+
Лампеджяй	7	10	1	1	48	41	13	6	4	50	+	+	30	7	+	+
Кампишкес 1	3	12	1	1	13	13		26	4	21	41	53	8	7	+	+
Саленинкай 1	3	1	2	1	6		2				15	4	6		+	
Саленинкай 2а	5		2		1							1				
Дярежнича 16	4	2	1	2	7	6	2	2	5	3	20	17	3	6		+
Дярежнича 13		9	2		3	8	11			9	13	43		1		
Дярежнича 59		7	1			8		18		2	27	37	4	2	+	
Янаполе					+	+	+				+	+	+		+	

Количество типов изделий некоторых стоянок микролито-макролитической культуры Литвы. Наконечники стрел: эписвидерские (1), ланцеты (2), трапеции (3). Скребки: крупные (4), мелкие короткие (5), мелкие продолговатые (6), атипичные (7). Скобели (8). Резцы: серединные (9), угловые-боковые (10). Ретушированные пластинки (11) и отщепы (12). Вкладыши (13). Овальные топорики и клинья (14). Нуклеусы: карандашевидные (15), одноплощадочные (16)

Табл. VId



Количественное соотношение между основными типами изделий некоторых стоянок микролито-макролитической культуры Литвы внутри каждой группы находок (вертикальная диаграмма) и между отдельными группами находок (горизонтальная диаграмма)

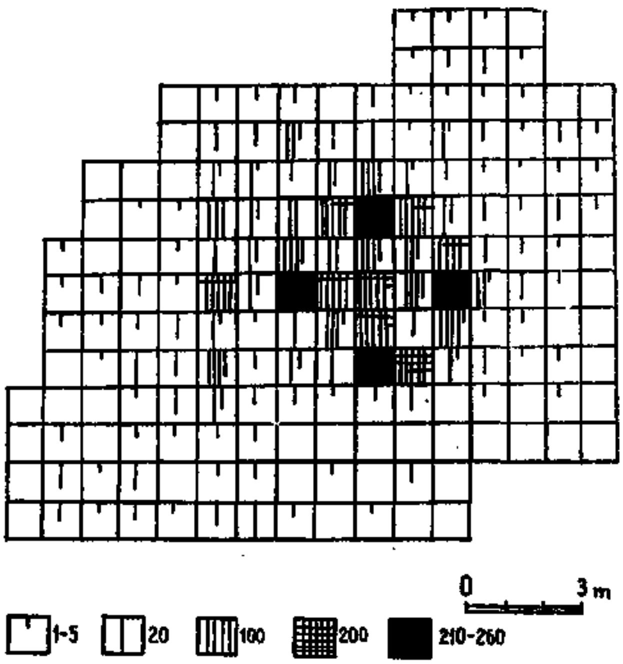


Рис. 110. Расположение мезолитических находок в раскопе стоянки Паштува

с этим более разнообразными и многочисленными становятся и макролитические формы.

Одним из наиболее ярких образцов таких стоянок является П а ш т у в а (Каунасский р-н), на правом берегу поймы Немана (рис. 81), на 4 *м* выше современного уровня воды. Здесь была раскопана площадь в 176 *м*² (рис. 110), примерно равная площади уцелевшего культурного слоя (часть была смыта рекой). Мезолитические находки лежали в ярко-желтом песке толщиной 20—25 *см*. Под ним находился белый песок, а еще ниже — гравий (рис. 111). Очагов или других комплексов в культурном слое не обнаружено. Кое-где замечены лишь расколотые камни. Над мезолитическим слоем залегал тонкий черный слой с остатками стоянки бронзового века, а сверху — чернозем. Между слоями мезолита и бронзового века обнаружен ряд ям, часть которых относилась к бронзовому веку, а часть — к разрушенному и исчезнувшему культурному слою времен неолита.

В мезолитическом слое обнаружено значительное число находок. Среди наконечников — один эписвидерского типа (рис. 112, *1*). К тому же типу следует отнести и острие, обнаруженное в размытой части стоянки (рис. 112, *2*). Остальные наконечники — чаще всего не совсем правильные, маленькие пластинки с чуть ретушированными остриями (рис. 112, *3—9*). Обнаружены вкладыши тщательной работы (рис. 112, *10—17*). Среди них — сечения пластин с ретушированными концами и вкладыши, ретушированные по краям. Иногда ретушь бывает крутой, двухсторонней. Встречаются вкладыши с заостренными и ретушированными вершинами, вставлявшиеся в острие гарпуна. Большинство обнаруженных неретушированных пластин очень узки. Предназначались они для изготовления вкладышей. Кроме того, встречаются широкие длинные пластины, ретушированные по краям (рис. 112, *18, 19, 20, 26, 29*).

Значительное число скребков (рис. 113, *1—8, 9, 10, 13, 14, 20*) изготовлено из довольно крупных, толстых и широких пластин и отщепов. Имеется несколько маленьких скребков с довольно плоскими округлыми лезвиями, однако есть и совсем короткие, почти круглые. Следует упомянуть длинные пластины с концами, иногда ретушированными то очень

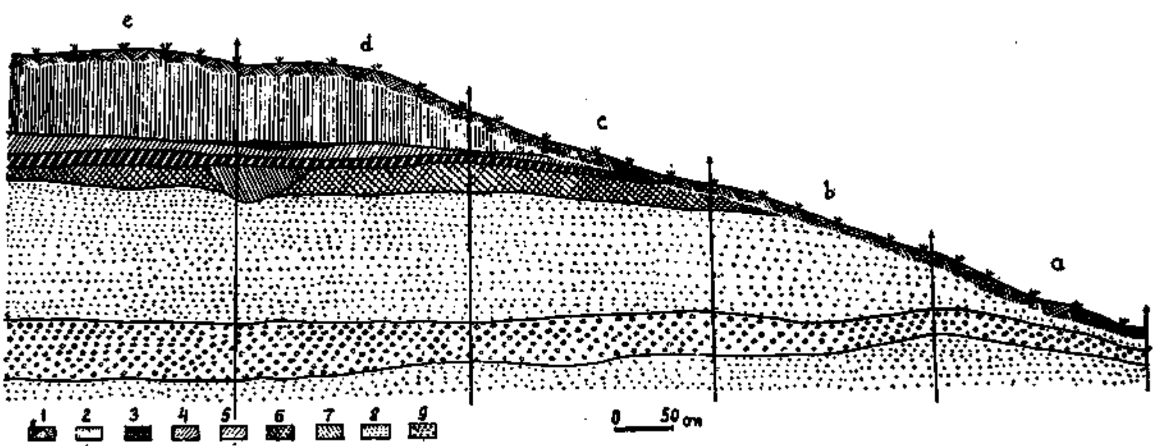


Рис. 111. Разрез и стратиграфия стоянки Паштува:
1 — дерн, 2 — песок, 3 — суглинок, 4 — черноватый культурный слой бронзового века, 5 — серый культурный слой времен раннего феодализма, 6 — железистый культурный слой мезолита, 7 — крупнозернистый гравий, 8 — серые ямы неолита

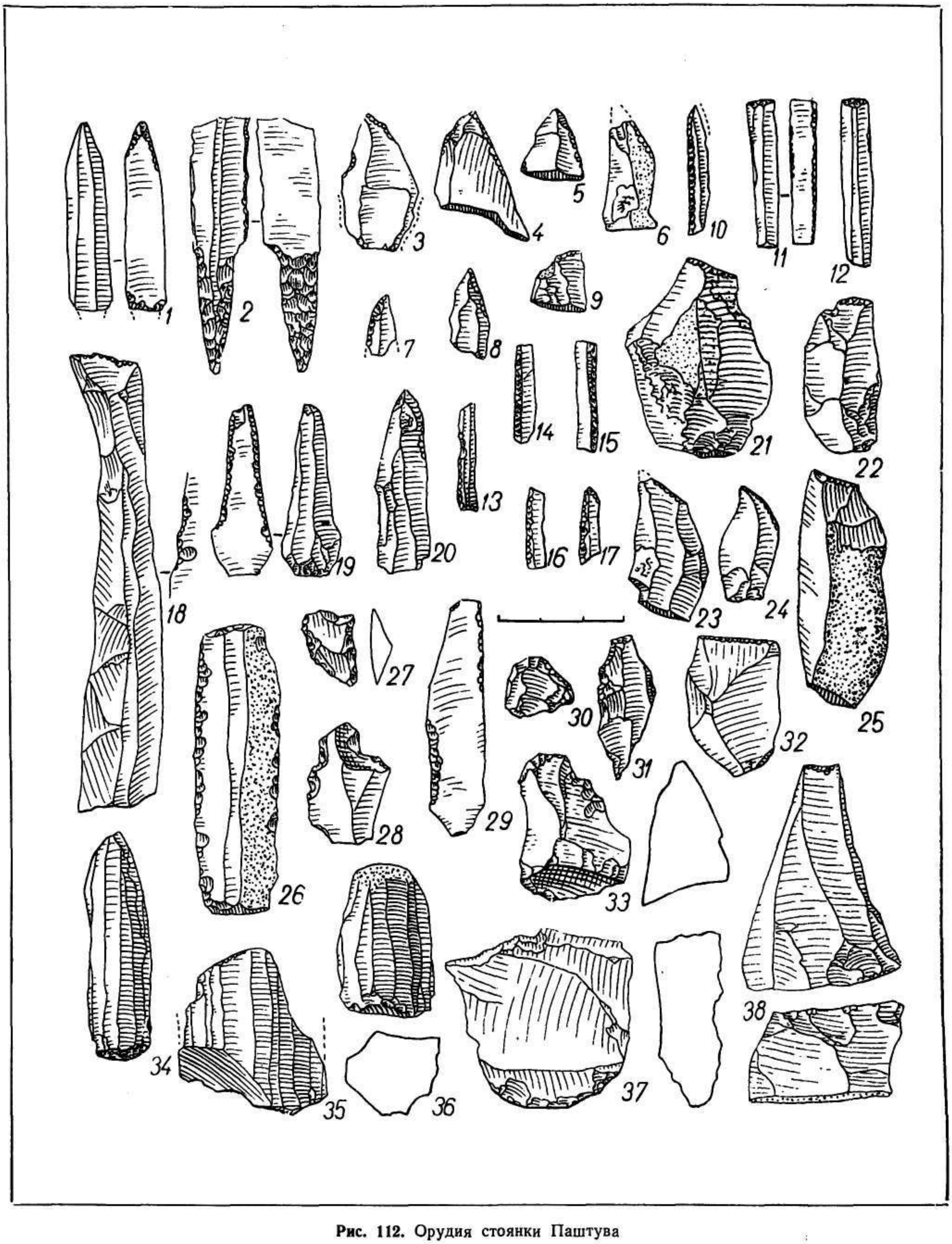


Рис. 112. Орудия стоянки Паштува

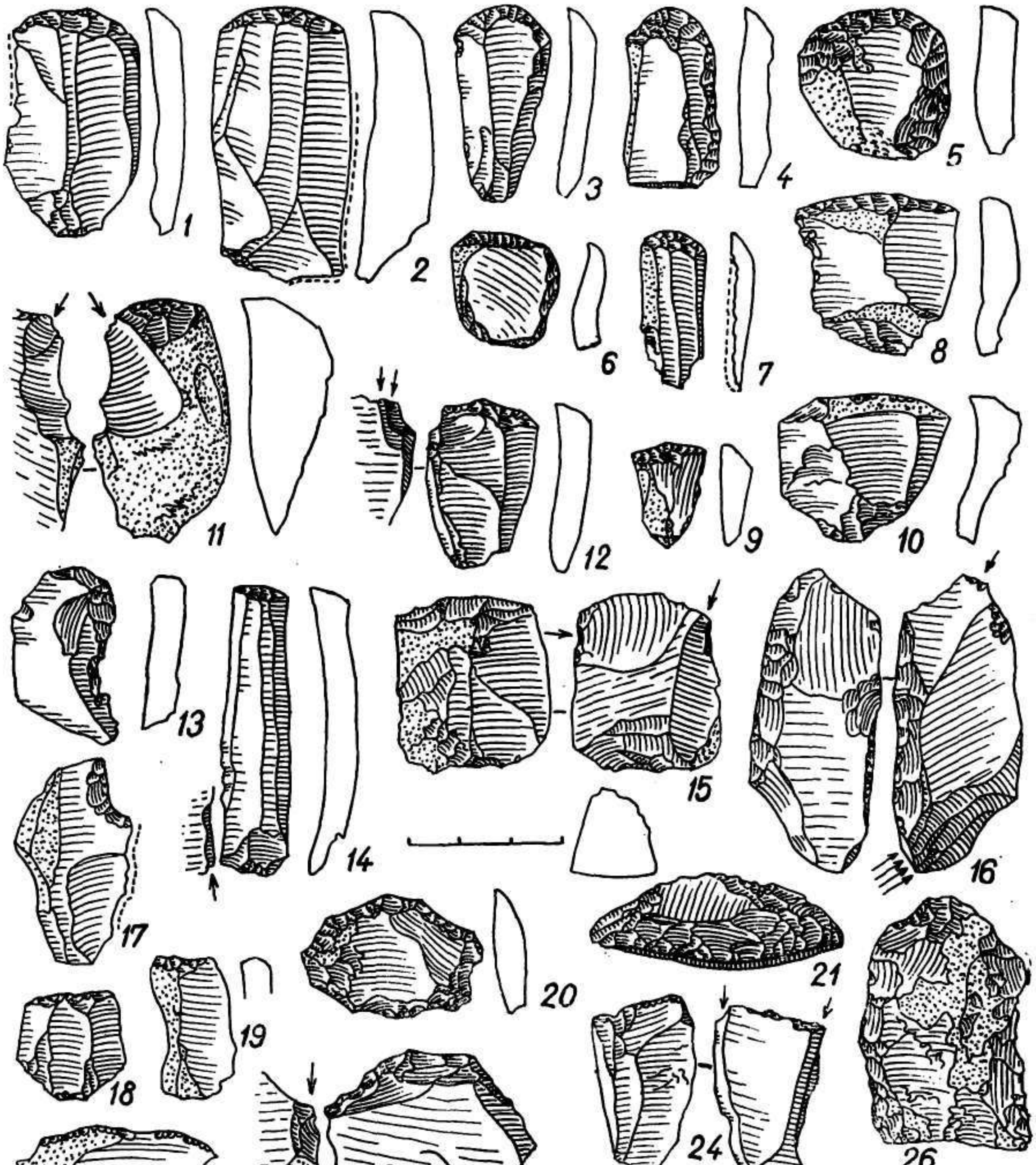


Рис. 113. Скребки, резцы и топорик стоянки Паштува

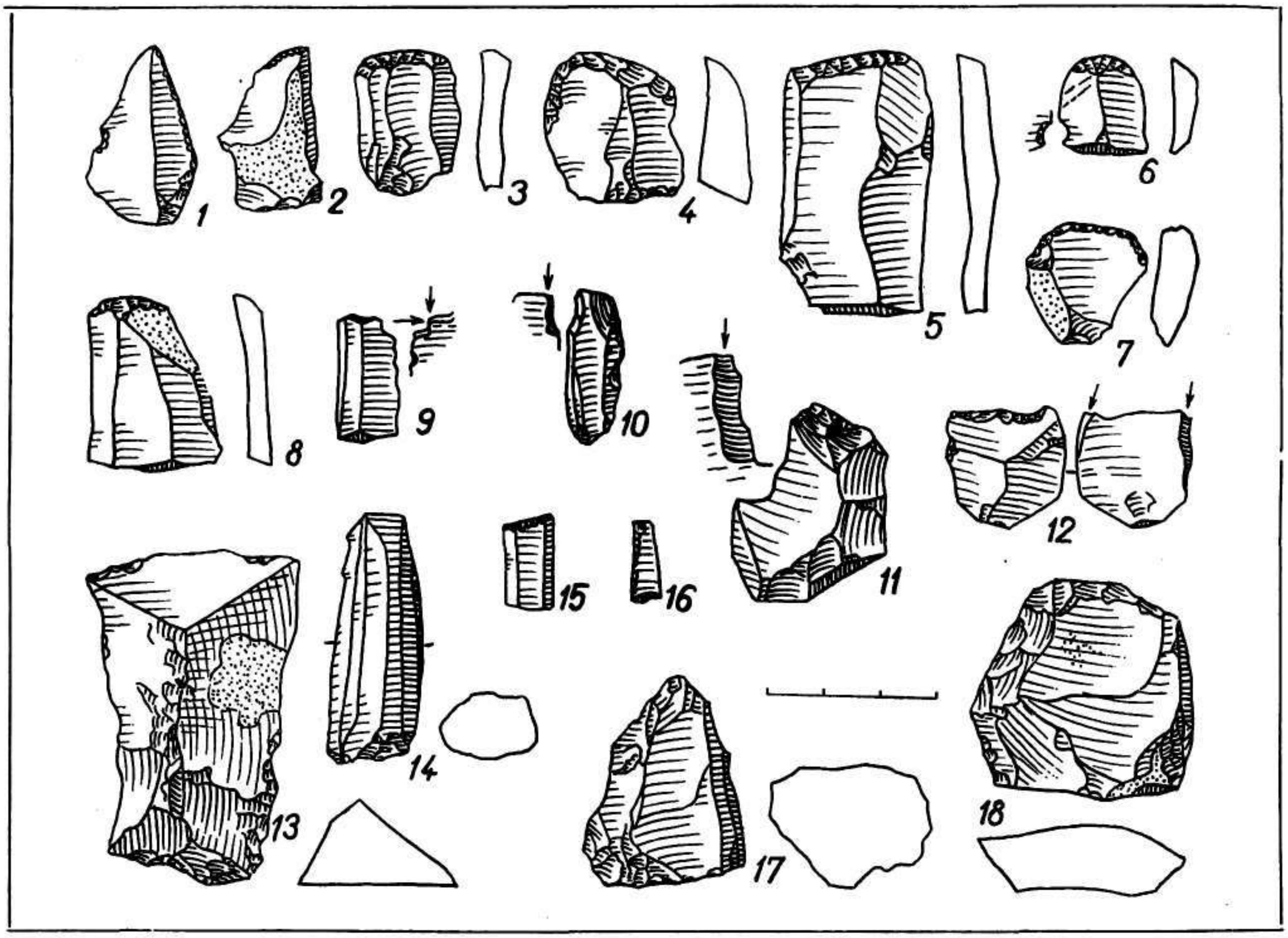


Рис. 114. Орудия стоянок Бруже

круто, то плоско. Встречаются комбинированные изделия: скребки и резцы (рис. 113, *11, 12*). Резцов вообще немного, и они неопределенной формы (рис. 113, *15, 16, 23, 24*). Также почти нет более или менее ясно выраженных скобелей-резцов. Мало изделий специального назначения (рис. 112, *27, 28, 30—32*). Больше всего найдено разных пластин, чуть тронутых ретушью. Тип, характерный именно для этой стоянки,— широкая пластина с вершиной, вертикально или несколько наискось сколотой и ретушированной мелкой узкой ретушью (рис. 112, *21—25*).

Характерными для стоянок данного типа являются и овальные топорики (рис. 113, *25, 26*), обитые по обеим сторонам. Обычно они изготовлялись из плоских толстых отщепов, поэтому вторая их сторона иногда так и оставалась без дальнейшей обработки. В Паштуве найдены преимущественно обломки и осколки лезвий топориков. Обнаружены также кусочки кремня, не имеющие определенной формы, но обработанные как топорики.

Нуклеусов обнаружено очень много: правильных карандашевидных (рис. 112, *34—36*), приспособленных для изготовления вкладышей, и неправильных пирамидальных (рис. 112, *38*). Использованных конусов сравнительно немного.

На берегах литовских рек подобных стоянок немало, однако почти все они страдали от паводков, а поэтому полный комплекс находок обнаружить в них удается редко. Отличить эти стоянки от более поздних (III группы) можно и по отдаленности от современного берега, и по форме изделий — в ранних стоянках встречаются крупные, хотя и узкие, отщепы и длинные прямые пластинки; в поздних стоянких отщепы почти сплошь мелкие.

Судя по расположению стоянок, II литориновая трансгрессия возникла отнюдь не внезапно. Пойма стала подтопляться еще в то время, когда на ней располагались стоянки I этапа. Их стали переносить выше, на склон между поймой и I надпойменной террасой, а также на саму террасу.

На левом берегу Немана, чуть выше по течению, чем Паштува, расположилась стоянка Качяргине (Каунасский р-н). Она сильно разрушена. В инвентаре — длинный скребок с очень сработанными лезвиями, разные крупные пластины и отщепы с частой ретушью, топорообразные кусочки кремня, а также неправильный пирамидальный нуклеус, на нижнем ребре которого видны следы использования (в качестве скребка?).

Подобный комплект обнаружен и на стоянке Бруже (Каунасский р-н). Расположена она тоже на берегу Немана, однако дальше от воды, чем Паштува и Качяргине (рис. 114). Наконечников там нет, если не считать ими пластин со скошенными и очень мелко ретушированными вершинами (рис. 114, *1,2*). Имеются скребки, изготовленные, как и в Паштуве, из крупных широких пластин (рис. 114, *3—5, 8*). Вместе с ними найдены маленькие скребки с тщательной ретушью, сильно отличающиеся от палеолитических (рис. 114, *6, 7*). Среди крупных изделий следует упомянуть топоровидные изделия (рис. 114, *18*) и трапециевидный клин (или заготовка к нему) (рис. 114, *13*). Карандашевидные нуклеусы (рис. 114, *14*) свидетельствуют о том, что вкладыши для гарпунов изготовлялись чаще, чем можно было судить по немногочисленным экземплярам, обнаруженным на стоянке (рис. 114, *15, 16*). Прочие нуклеусы — неправильные конусообразные (рис. 114, *17*).

Неподалеку от Бруже находилась стоянка Вирбалюнай (Каунасский р-н), также сильно разрушенная. Наконечники в ней представлены двумя острыми, чуть ретушированными пластинами. Из крупных орудий есть изделие, похожее на не совсем правильный овальный топорик. Один нуклеус — очень правильный, длинный, карандашевидный, указывающий на изготовление из него вкладышей.

Лучше сохранились соответствующие стоянки в юго-восточной Литве. Стоянка Дярежнича 15 (Варенский р-н) обнаружена в лощине правого берега одноименной речки, к востоку от шоссе между населенными пунктами Варена I и Варена II. Сейчас ее поверхность, выветренная и покрытая мелкими камнями, занимает очень небольшую площадь. Все находки почти лишены патины и довольно крупные. Два наконечника являются заостренными пластинками (рис. 115, *1, 2*). Есть один серединный резец (рис. 115, *11*) с черешком, напоминающим черешок свидерских наконечников. Другие резцы — угловые (рис. 115, *13*). Скребки — удлиненные (рис. 115, *5—8*). Вкладыши гарпунов (рис. 115, *3—4*), клиновидные изделия и одноплощадочные нуклеусы свидетельствуют о микролито-макролитическом характере стоянки. В остальных стоянках этого типа, располагавшихся у побережья р. Дярежнича, комплекс изделий чаще всего не полон.

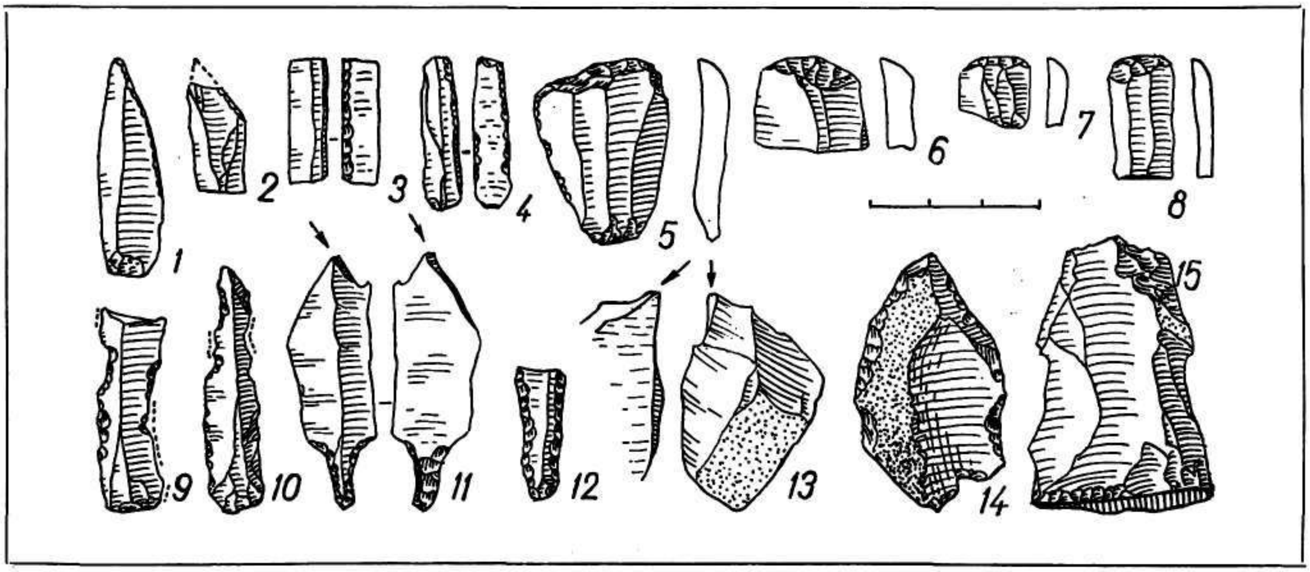


Рис. 115. Орудия стоянки у р. Дярежнича 15

Следует остановиться лишь на стоянке Дярежнича 29, расположенной посередине небольшой лощины на правом берегу речки того же названия, на лугу у высохшего озерка. Поле здесь раньше распахивалось, вследствие чего культурный слой разрушен и перемешан. Многочисленные находки делятся на две группы: микролито-макролитический комплекс, покрытый толстой белой патиной, и лишенные патины изделия позднего неолита, содержащие

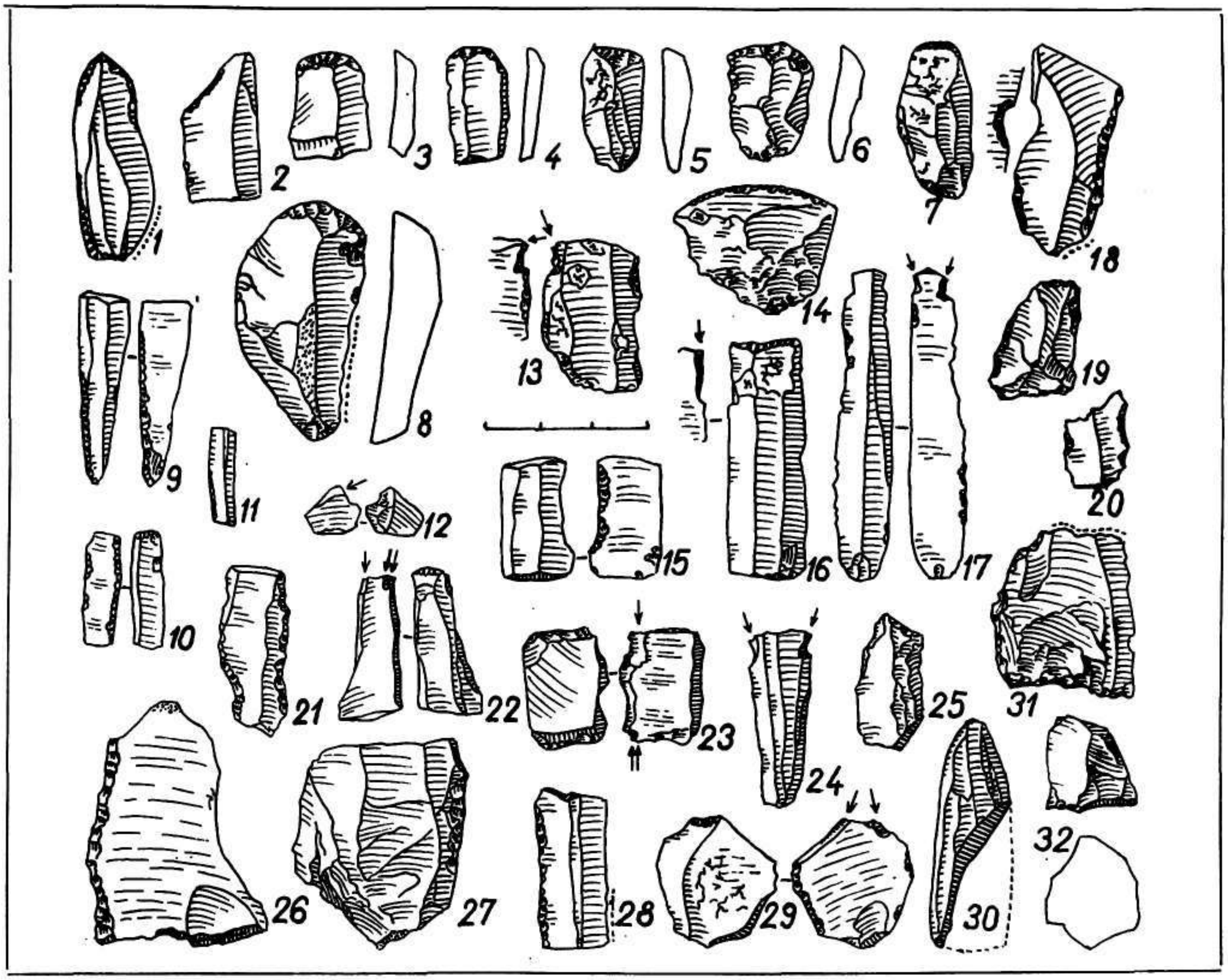


Рис. 116. Орудия стоянки Раудондварис (нижний горизонт верхнего культурного слоя)

небольшое количество керамики. Найдены свидерские и ланцетовидные наконечники, крупные острия, а также скребки, большей частью мелкие. Обнаружено значительное число «микрорезцов», овальных топориков и пирамидальных нуклеусов.

б) II этап (стоянки максимума литориновой трансгрессии)

Медленный переход от бореального к атлантическому периоду долго не оказывал сколько-нибудь заметного воздействия на топографию стоянок. Резкие изменения принесла лишь II литориновая трансгрессия, сопровождавшаяся повышением уровня грунтовых вод. Поймы рек и озер были оставлены людьми. Стоянки времен трансгрессии в этом отношении могут служить как бы маркирующим горизонтом между стоянками, существовавшими до и после нее.

Стоянки II этапа мы находим на второй и третьей надпойменных террасах там, где в крупные реки впадали ручейки; можно предполагать, что именно из них, а не из рек, люди брали питьевую воду. В этом периоде все еще заметны различия между отдельными стоянками, отражающими территориальные и культурные особенности общин.

Одной из наиболее ранних стоянок II этапа является Раудондварис 1 (Каунасский р-н), точнее, нижний горизонт верхнего культурного слоя стоянки — ортштейнированный песок, покрывавший культурный слой позднего дриаса (см. стр. 83, рис. 68). В ее инвентаре (рис. 116) еще очень заметны связи с ранними мезолитическими стоянками типа Паштувы. Здесь есть значительное число довольно крупных изделий и пластин, которые

позже исчезают. Обнаружено 158 ретушированных находок, считая нуклеусы и др. Наконечников стрел нет. К изделиям типа наконечника можно было бы отнести две пластины с ретушированными вершинами (рис. 116, *1, 2*), однако они выгнутые, не плоские. Вкладышей (рис. 116, *10, 11*) (ретушированных и

К тому же типу принадлежат нуклеусы двух видов. Обнаружены также части карандашевидных нуклеусов с негативами узеньких пластинок (рис. 116, *30*). Однако большинство нуклеусов составляют мелкие, неправильные, неретушированные конусы с невыровненными площадками (рис. 116, *32*).

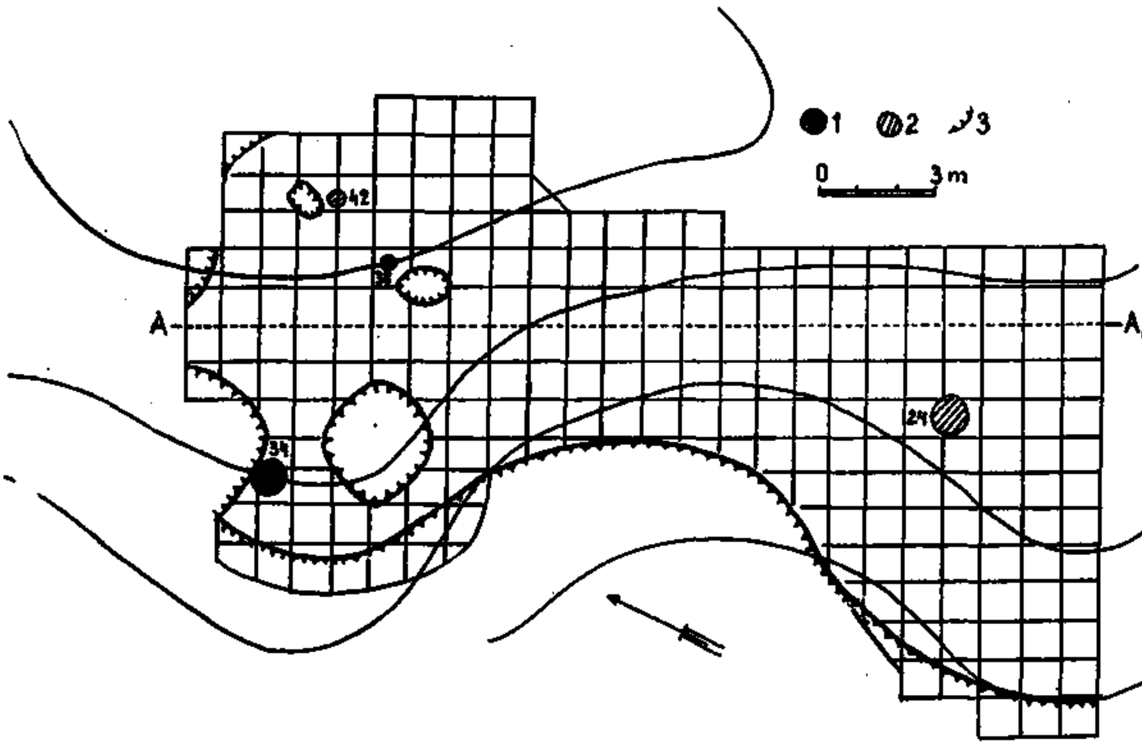


Рис. 117. Площадь раскопок стоянки Канюкай:
1 — мезолитический очаг, 2 — мезолитическая яма, 3 — берег обрыва или современной ямы

неретушированных) обнаружено немного. Достойны упоминания тонкая, тщательно ретушированная проколка (рис. 116, *9*), а также скребок крупного размера (рис. 116, *8*), тщательно обработанный, двойной. Прочие скребки — мелкие, удлиненные, с узкой ретушью по краю, один из них двойной (рис. 116, *3—7*). Скребками в большинстве случаев служили различные отщепы, обработанные тонкой ретушью по краю (рис. 116, *14*). Характерными являются прямые пластины, сильно ретушированные по краю (рис. 116, *15, 21, 26*). Характерными можно считать также мелкие изделия с ретушью, нанесенной в разных местах по краям, и пластины с ретушированными выемками (рис. 116, *18—20*). В инвентаре имеются отщепы и кусочки кремня с вогнутым ретушированным краем (рис. 116, *31*). Резцов сравнительно много; почти все они однотипные, из длинных пластин с маленькими сколами по углам (рис. 116, *13, 16, 17, 22—24*).

С ранним периодом в значительной мере связаны и находки стоянки К а н ю к а й 1 (Каунасский р-н), на III правобережной надпойменной террасе, там, где р. Нявежис впадает в Неман. От Немана стоянку отделяют болотистый луг и старица. К северо-западу от стоянки находятся родник и ручеек. Высота стоянки над современным уровнем воды — 36 *м* (рис. 117). Раскопками здесь вскрыт 241 *м*² (Jablonskytė-Rimantienė, 1963[а], стр. 65—90). Выявлено 3 культурных слоя. Нижний — мезолитический, толщиной в 20—50 *см*, коричневато-желтого цвета, резко отличающийся от материка — светлого песка. Над ним залегал тонкий, слабо выделяющийся слой бронзового века. Выше — слой толщиной в 20—25 *см* с находками раннего железного века. Над всеми слоями — двухметровые наносы дюнного песка и дерн (рис. 118).

Мезолитический культурный слой имел различную толщину, местами выклиниваясь

вовсе, в частности, в южной части раскопа. Принадлежность ям и очагов к тому или иному периоду приходилось устанавливать стратиграфическими методами и по проценту минерализации угля. В углях мезолитического слоя минерализация достигала 15,8—16,3% (в углях периода бронзы — 10,8—11%).

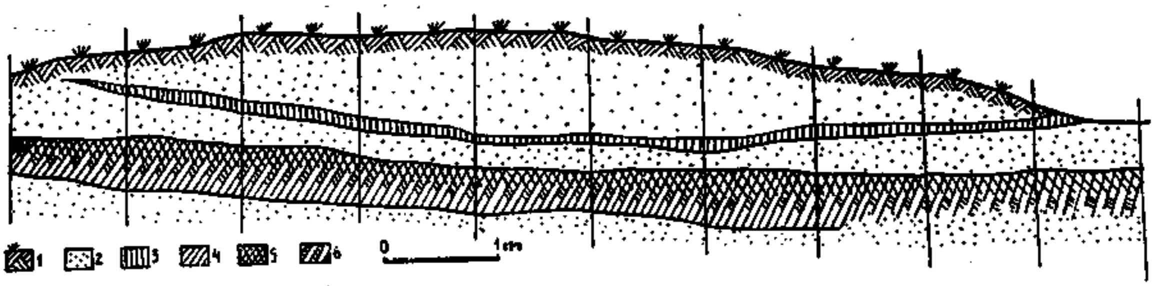


Рис. 118. Разрез и стратиграфия стоянки Канюкай 1:
1 — дерн, 2 — песок, 3 — очаг, 4 — темно-серый и черноватый песок (культурный слой мезолита), 5 — коричневый песок (культурный слой раннего железного века), 6 — перемешанный песок (культурный слой бронзового века)

В мезолитическом слое обнаружены два очага и небольшая яма. Углубление очага № 38 (рис. 119), под нижним культурным слоем, имело диаметр 30 *см* и глубину 20 *см*. Цвет заполнения — темно-серый. Очаг № 34, имеющий в диаметре около 1 *м*, находился на краю культурного слоя и стратиграфически выделялся плохо. По проценту минерализации угля он может быть отнесен к мезолиту. Об этом говорят также маленький нуклеус и отбитое лезвие овального топорика, обнаруженные вместе с кремневыми отщепами. В 120 *см* к северу от очага № 38 находилась небольшая яма № 42, а на юге раскопа — яма № 24, диаметром около 1 *м*, располагавшаяся там, где следы культурного слоя исчезали и мезолитических находок было мало, причем лежали они в песке ниже более поздних слоев, а некоторые даже в среднем слое.

Инвентарь стоянки представляет собой результат развития изделий стоянок I этапа. В типах изделий очевидны изменения: сокращается количество палеолитических черт и увеличивается число неолитических элементов. Так, хотя основной тип наконечников еще и унаследован от свидерской культуры (рис. 120, *1—7*), у них уже нет прежней стройности форм и плоской ретуши со стороны спинки. Эти наконечники уже не отличаются от аналогичных изделий раннего неолита.

Ланцетовидных наконечников, с вершиной, скошенной в одну сторону и ретушированной (рис. 120, *8, 9*), в стоянке сравнительно немного; трапециевидных наконечников не найдено вовсе. Пока трудно сказать, случайность это (в микролито-макролитических стоянках трапециевидных наконечников вообще мало — по 1—2 шт.) или специфическая этнокультурная черта. Более вероятным кажется второе предположение, поскольку наконечников, унаследованных от свидерской культуры, в Канюкай 1 имеется больше, чем в других стоянках. На существование свидерских традиций указывает и небольшое число вкладышей для гарпунов (рис. 120, *10—15*), длинных и тонких, с чуть ретушированными краями, иногда с заостренной вершиной или вертикально обрубленным и ретушированным кончиком. Почти все они обнаружены рядом с очагом № 38 и принадлежали, несомненно, одному гарпуну.

Обнаруженные в стоянке скребки очень сходны между собой. По своим маленьким размерам они ближе стоят к неолитическому инвентарю, чем к раннему мезолитическому. Чаще всего это изделия, изготовленные из нижней части пластин, со слегка выгнутыми и ретушированными лезвиями (рис. 120, *23—25, 28*); только один скребок был широким и коротким (рис. 120, *26*). Характерной чертой поздних стоянок является и то, что скребки часто заменяются неправильными кусочками кремня, зачастую с коркой на поверхности и сильной ретушью по краю (рис. 120, *17, 18*). Однако специализированных изделий, характерных для неолита, еще очень немного. Среди них несколько экземпляров с выделенным клювиком (рис. 120, *16, 20*) и ретушированными выемками (рис. 120, *19*). Кстати, эти формы были известны издавна.

Все обнаруженные резцы — угловые, изготовленные из пластин или отщепов при помощи скалывания. Рабочий угол образован коротким сколом (рис. 120, *32—35*), что часто наблюдается и в неолите. Крупные изделия имеют более определенные формы и лучше обработаны, чем аналогичные находки бореального времени. Это — овальные топорики (рис. 120, *31, 36, 37*), часто имеющие отбитое лезвие и пло-

ско ретушированную поверхность. Характерным является и узкий ретушер.

Нуклеусы обнаружены 3 видов. Древнейший из них — скошенный по обоим концам, имеет в поперечном сечении трапецию (рис. 120, *38*), однако он плоский и больше походит на упомянутый выше овальный топорик, чем на двухплощадочный палеолитический нуклеус. Несомненно, что такие топорики изготовлялись из нуклеусов указанной формы. Прочие нуклеусы — плоские, лодкообразные (о них можно судить лишь по сохранившимся частям). Их приходится связывать со стоянками маглемозе, хотя они уже не имеют отчетливой палеолитической черты — применявшегося для работы вертикально сколотого конца. Нуклеусы Канюкай 1 не использовались в работе, что особенно ясно видно на остатках маленьких, до конца использованных нуклеусов (рис. 120, *30*).

Ближе к верховью Немана стоянки этого периода несколько ближе к современному урезу воды, так как повышение уровня грунтовых вод здесь было менее ощутимым. По инвентарю они не отличаются от упомянутых стоянок центральной Литвы. Правда, в некоторых из них обнаруживается больше элементов предшествующих культур.

В 1962—1963 гг. была исследована большая стоянка Н я т е с а й 1 (Варенский р-н). Раскопано 1315 $м^2$; остальная часть ранее была разрушена постройками. Как говорилось выше (см. стр. 85—89), мезолитическая стоянка располагалась над остатками стоянки времен позднего дриаса, залегавшими глубже и дальше от берега. Ближе к берегу были разбросаны лишь отдельные палеолитические находки.

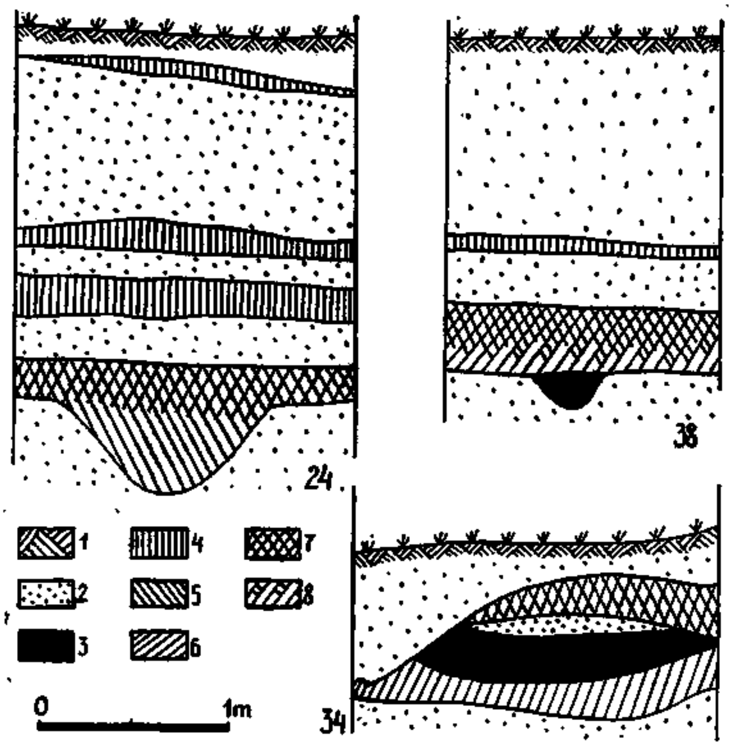


Рис. 119. Канюкай 1. Мезолитические очаги и яма:
1 — дерн, 2 — песок, 3 — очаг, 4 — темно-серый и черноватый песок, 5 — светло-серый песок, 6 — железистый песок (культурный слой мезолита), 7 — коричневый песок (культурный слой раннего железного века), 8 — перемешанный песок (культурный слой бронзового века)

Мезолитический культурный слой (рис. 72) наблюдался по всей раскопанной площади, имел светло-серый цвет, толщину в 7—20 *см* и в верхней части был слегка разрушен: в восточном краю раскопок, в верхней части слоя, встречено незначительное число кремневых изделий и керамики конца неолита. К мезолиту относилось несколько плохо сохранившихся очагов и ям (рис. 122). Очаг № 11, выложенный камнями, был сильно разрушен. Напрашивается предположение, что в позднем неолите здесь было возделанное поле (чем, кстати, объясняется и скудость соответствующих находок).

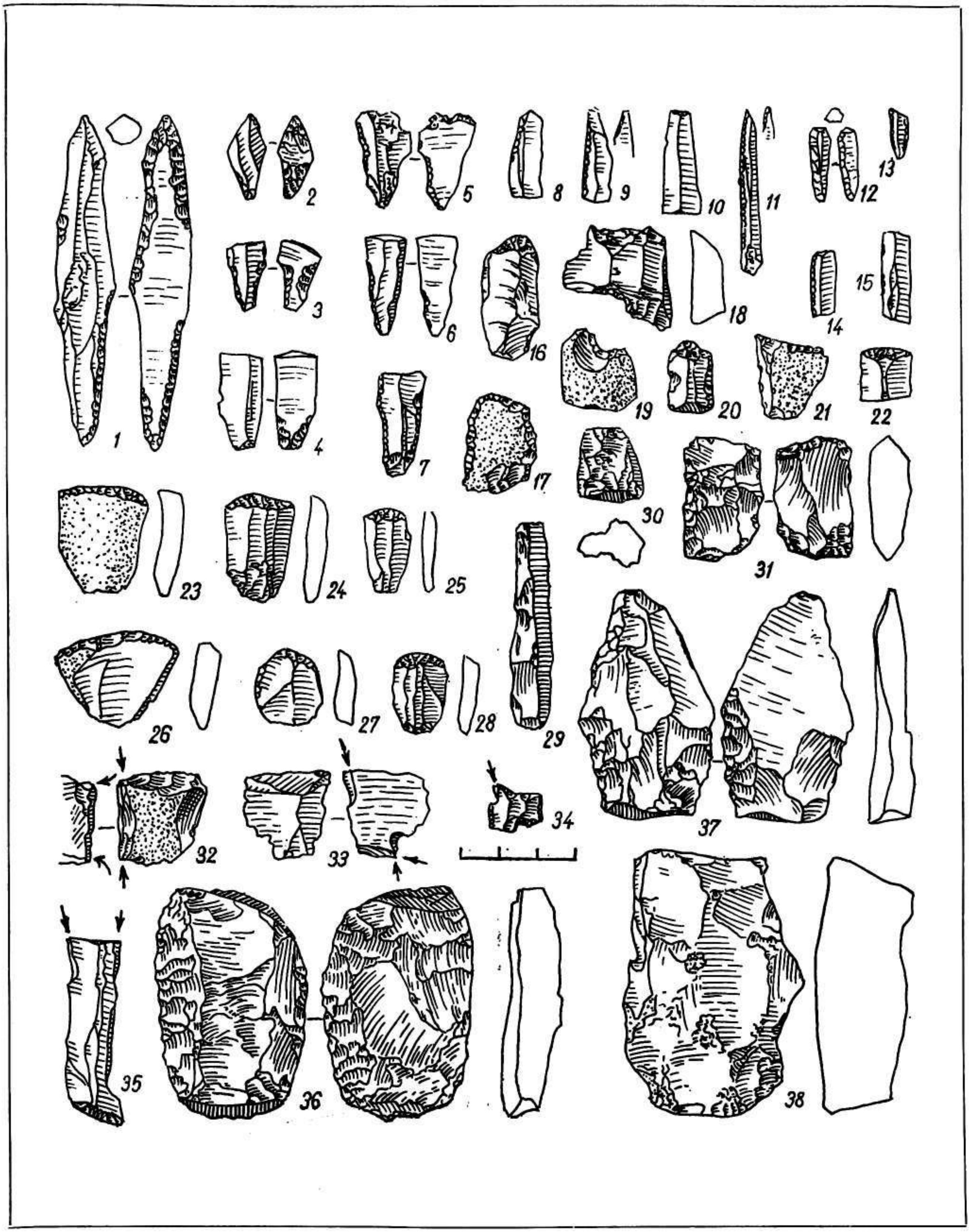


Рис. 120. Орудия стоянки Қанюкай 1 (нижний культурный слой)

Инвентарь Нятесай 1 обширен и содержит всё типы изделий, характерные для мезолита. Наконечники стрел, за исключением трапециевидных, по облику очень близки к находкам нижнего слоя в Канюкай 1. Значительная часть их напоминает эписвидерские типы (рис. 123, *1—6, 7—9*); в большинстве это лишь фрагменты черешков. Как и в Канюкай, здесь было найдено несколько коротких широких наконечников, сохранившихся лучше и имеющих более близкую связь со свидерскими — у многих из них и на спинке нанесена плоская свидерская ретушь. Другую группу наконечников составляют крупные острия (рис. 123, *14, 15*), сходные с острием из Канюкай, но изготовленные обычно из нижней части довольно толстых широких пластин, заостренных узкой ретушью с лицевой стороны.

Большинство наконечников составляют различные ланцетовидные, изготовленные из случайных небольших пластинок (рис. 123, *10, 17—26*). Чаще всего это кое-как обработанная нижняя часть пластины с бугорком и следами скола. Вершина бывает скошена в одну сторону и ретуширована. Только одна пластина была более правильной формы, с косо срезанным ретушированным основанием. Можно отметить еще изделие, напоминающее узкий треугольник — маленькую стрелу, и ряд довольно неправильных сегментов (рис 123, *16*). Случайность форм и небрежная обработка сильно отличает их от тщательно обработанных ланцетовидных и треугольных форм раннего мезолита и напоминает индустрию раннего неолита.

Значительную часть наконечников стрел составляют трапециевидные поперечные наконечники. По форме они довольно однообразны: скорее длинные, чем широкие, но встречаются и очень правильные трапеции (рис. 123, *27—33*).

Вкладышей много, но в целом в инвентаре они составляют небольшую часть. Вкладыши узкие, с ретушированными краями или концом, иногда имеют острые или косые вершины (рис. 123, *34—38*).

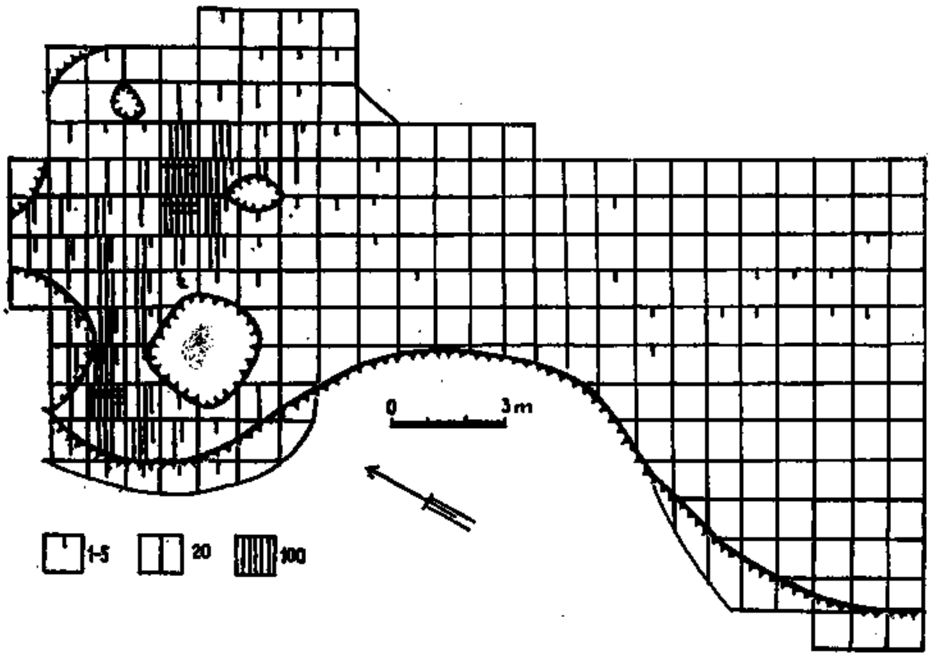


Рис. 121. Канюкай 1. Расположение находок в раскопе мезолитического слоя

В стоянке довольно много разнообразных скребков. Среди них большую группу составляют широкие и относительно крупные. Тем не менее они не достигают размеров больших скребков Памяркине и не имеют правильных форм. Обычно скребки сделаны из случайных и мало для этого пригодных отщепов или частей крупных пластин, напоминают овал с лезвием на узком конце. Все они довольно массивны (рис. 124, *1—7*). Несколько больше обнаружено коротких, маленьких скребков (рис. 124, *8—17*), изготовленных из нижней части неширокой и не толстой пластины. У них обычно ретушировано только лезвие. На втором конце виден бугорок скола и невыровненная оборотная сторона пластины. Некоторые скреб-

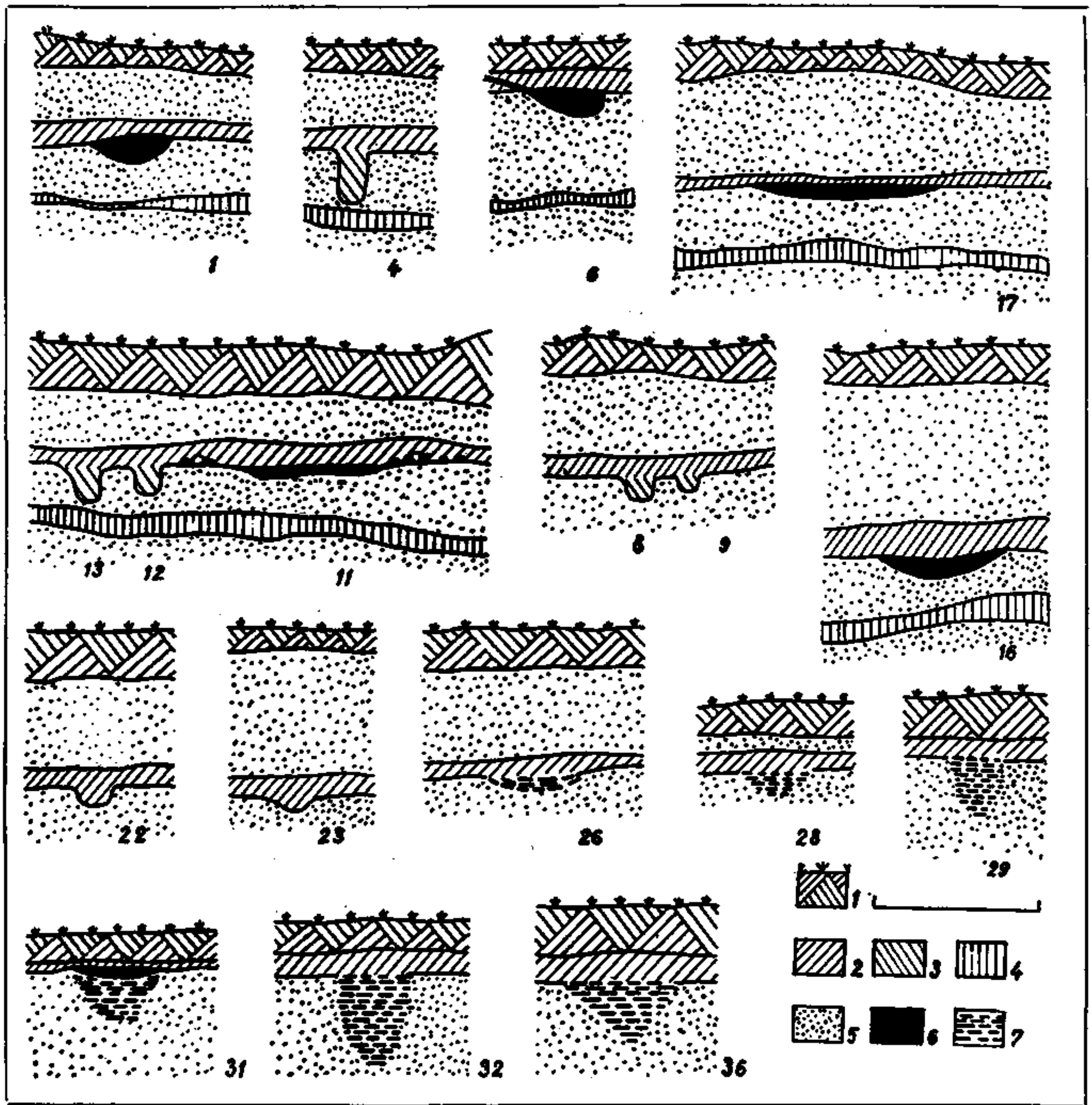


Рис. 122. Нятесай 1. Разрезы некоторых очагов и ям мезолитического культурного слоя:
1 — дерн, 2 — исколаемая почва — мезолитический культурный слой, 3 — серый песок, 4 — суглинок, 5 — светлый песок, 6 — уголь, 7 — песок с сажей

ки довольно мелкие и почти округлые, но ретушь у них обычно имеется только на конце. Третью группу, примерно равную предыдущим по числу, составляют удлиненные скребки (рис. 124, *4*, *6*), изготовленные из пластин чаще всего не очень правильных форм. Бугорок оставлялся не обрубленным и не выровненным. Чаще всего скребки этой группы несут ретушь только у лезвия, но иногда и по краям.

Обнаружено много разнообразных резцов (рис. 124, *18—26*). Значительная часть их изготовлена из пластин, а острие оформлено при помощи скола и ретуши или только скола; на некоторых оставлен бугорок скола. Другие резцы изготовлены из крупных кусков кремня (рис. 124, *20*). Наибольшую группу составляют скребки-резцы, довольно крупные, неправильных форм. Скобелей значительно больше, чем

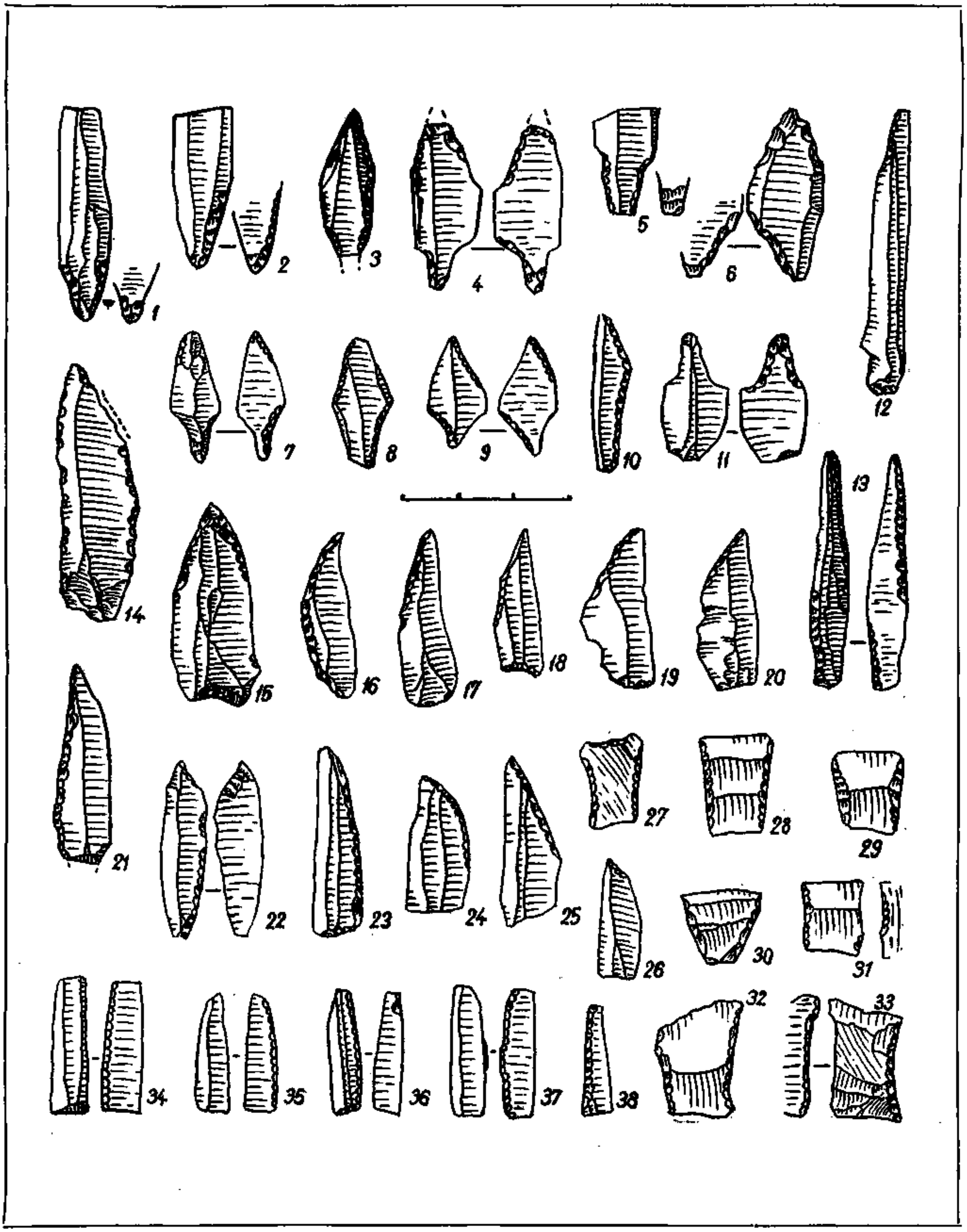


Рис. 123. Наконечники стрел стоянки Нятесай 1 (средний культурный слой)

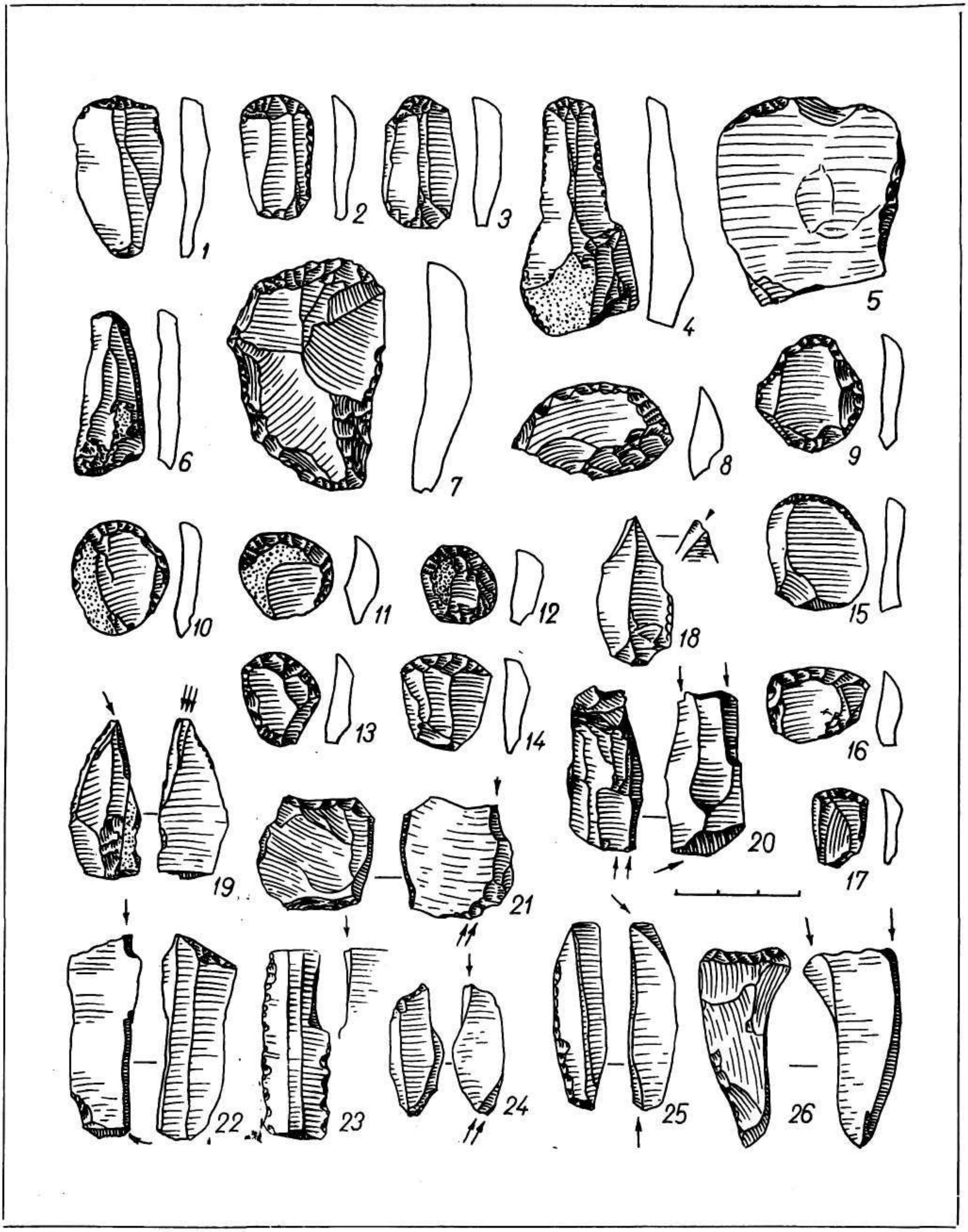


Рис. 124. Скребки и резцы стоянки Нятесай 1 (средний культурный слой)

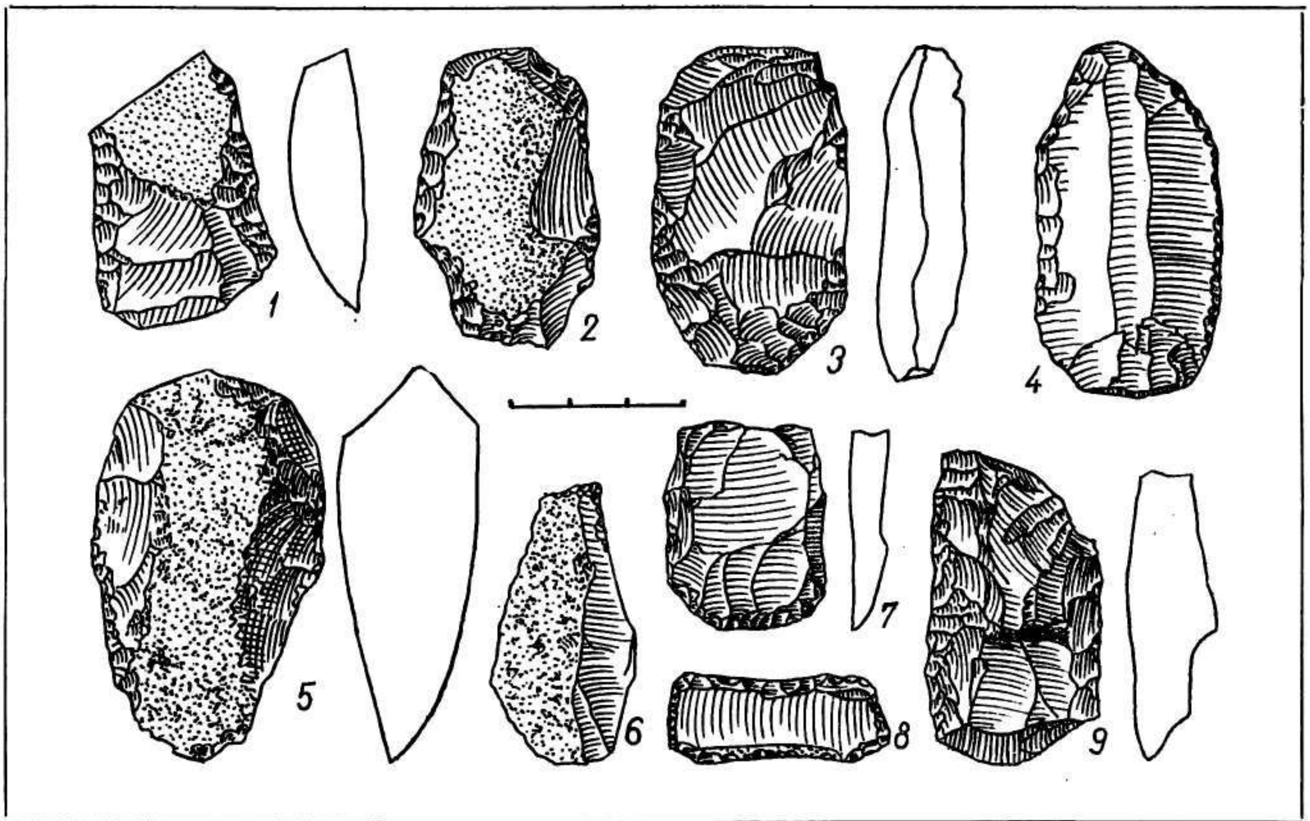


Рис. 125. Орудия стоянки Нятесай 1 (средний культурный слой)

в ранних стоянках. Их формы обычно случайные. Очень много разных маленьких изделий специального назначения (с клювиками, выемками) или просто мелких, кругом ретушированных пластин разных форм. Для ретуширования было использовано множество узких ретушеров разной величины, вершины которых или обломаны, или носят следы сработанности.

Найдено довольно много овальных топориков (рис. 125, *1—3, 7, 9*), в большинстве небольших, тонких, иногда имеющих форму правильного овала. Кроме того, обнаружено немало кремневых отбойников и отжимников разнообразнейших случайных форм.

Нуклеусы в большей части неправильные, но встречаются и двухплощадочные. Иногда они ретушированы по бокам наподобие овальных топориков и, по-видимому, использовались как топорики (или служили заготовками для них).

В стоянке больше всего одноплощадочных и даже очень правильных конусообразных нуклеусов. Встречаются части использованных нуклеусов. Сравнительно мало карандашевидных, предназначенных для изготовления вкладышей к гарпунам. Имеются обыкновенные одноплощадочные нуклеусы с негативами очень узких пластиночек. Пластинки расчленялись микролитической техникой; от них оставались «микрорезцы». Такая техника применялась в стоянке только для деления узких маленьких пластинок, поэтому все обнаруженные «микрорезцы» очень мелки.

Стоянок типа Нятесай достаточно много. Находясь на приподнятых участках, они не размывались, зачастую хорошо сохранились, и поэтому количество изделий в них очень велико.

Укажем, например, на стоянку возле пос. М я р к и н е 3а, инвентарь которой близок к нижнему слою Канюкай и среднему слою Нятесай. Стоянка находилась на крутом склоне высокой террасы р. Мяркис, там, где проходит дорога, на которой и подобрано большинство находок. Вершина склона поросла лесом.

Заложенный здесь раскоп подтвердил, что весь кремневый материал относится к одному периоду, о чем можно судить при сравнении его с инвентарем ранее упомянутых стоянок. Раскоп показал, что под слоем дерна и песка лежит тонкий слой ископаемой почвы, в котором встречено несколько толстых обломков керамики бронзового века с примесью дресвы к глине и чуть штрихованной поверхностью. Ниже лежал, как и в других мезолитических стоянках, слой ярко-желтого песка толщиной

в 15—25 *см* с такими же кремневыми изделиями, как и на склоне. Еще ниже залегал белый песок, лишенный каких-либо находок. Дальнейшим раскопкам мешал разросшийся лес, однако и то, что было обнаружено на поверхности, подтверждает наличие комплекса, характерного для высоко расположенных микролито-макролитических стоянок.

Как и в других стоянках этого типа, у пос. Мяркине 3а обнаружено некоторое количество наконечников стрел эписвидерского типа. Один из них (рис. 125, *1*) по виду даже близок к типам конца палеолита. Наряду с этим имеются мелкие экземпляры с ярко выделенным острым черешком (рис. 126, *5, 6*), а также фрагменты, лишь отдаленно напоминающие свидерские (рис. 126, *2—4, 7, 8*). Трапециевидных наконечников и здесь очень мало: из всех изделий (см. табл. VIа) только 2 (рис. 126, *19, 20*) — один широкий, другой узкий, маленький, продолговатый.

В большинстве случаев наконечники — это заостренные пластины. Некоторые из них довольно близки к ланцетовидным наконечникам раннего маглемозе с ретушированным основанием (рис. 126, *9—11*). Один из найденных наконечников (рис. 126, *21*) близок к большим остриям более древних стоянок. Другой — ланцетовидный, имеет свидерскую ретушь на основании (рис. 126, *12*).

Резцов довольно много (60), однако значительно меньше обнаруженных здесь скребков. Резцы разнообразны по форме, на некоторых из них заметны отголоски палеолита. Из них 41 — боковые и угловые (рис. 127, *1, 2, 5, 6 8, 9*), а 9 — серединные (рис. 126, *27, 32;* 127, *3, 4, 7*). Среди скребков есть экземпляры, сделанные из довольно длинных пластин. Но чаще скребки изготовлялись из основания пластины или отщепа, иногда с коркой; они тщательно ретушированы по бокам и нередко кругом. Немало двойных скребков, среди которых один из красного кремня — массивный, почти круглый, с круговой ретушью (рис. 126, *34—45*). Встречаются и двойные орудия, например, скребок-резец (рис. 126, *32, 33*). Характерное изделие стоянок микролито-макролитической культуры — это ножи с косо ретушированными лезвиями (рис. 127, *13—15*).

Обнаружено небольшое число вкладышей с ретушированными краями и концами (рис. 126, *28—30*). Правильные карандашевидные нуклеусы с негативами узких пластин и лодкообразные нуклеусы (рис. 140, *8*) свидетельствуют о том, что такие вкладыши изготовлялись в значительном количестве. При делении мелких пластин обитатели стоянки пользовались микролитической техникой, оставляя так называемые «микрорезцы» и половинки сломанных пополам ретушированных пластинок (рис. 126, 31). При изготовлении изделий специального назначения многие пластины и отщепы были ретушированы (рис. 126, *22—26*). Как и Нятесай, стоянка у пос. Мяркине 3а содержит сильно сработанные ретушеры (рис. 127, *10, 16*) и много овальных топориков (рис. 127, *11 12*; 138, *2, 4, 5, 7*), значительная часть которых имеет тщательно обитые и ретушированные лезвия. Нуклеусы большей частью пирамидальные, неправильные.

Подробное описание тождественного инвентаря, обнаруженного в других соответствующих стоянках, давать здесь нет смысла. Следует лишь упомянуть отдельное скопление в больших песках А к м у о 1в. Инвентарь его однородный. Это крупные отщепы, вкладыш гарпуна, нож с выгнутой ретушированной спинкой, короткие скребки, скребло, угловой резец, овальный топорик со сколотыми концами, неправильные нуклеусы (некоторые употреблялись как отжимники), ретушированные пластины и отщепы.

На третьей левобережной надпойменной террасе Немана, отрезанной ныне от русла торфяником, располагалась маленькая стоянка А л ь к с н я к е м и с (Пренайский р-н). Микролитические наконечники и крупные ретушированные пластины позволяют отнести ее ко II периоду. На высоком левом берегу Немана, напротив Друскининкай, в местности, называемой «Аверничя», обнаружена стоянка Б а л т а ш и ш к е 1 (Лаздийский р-н). Стоянка основательно разрушена, однако инвентарь ее однороден. Здесь найдены: ланцетовидный наконечник, короткий скребок, вкладыши для гарпуна, ретушированные пластины и отщепы.

Неподалеку от Балташишке 1 имеется ряд аналогичных стоянок, например, Д р у с к и н и н к а й 8 (в 2,5 *км* к юго-западу от одноименного курорта, на правом берегу Немана, на краю самой высокой террасы). Пески здесь сильно выветрены, поросли соснами. Все находки обнаружены на поверхности. Инвентарь единообразен, относится ко II этапу микролито-макролитической культуры. Среди находок — очень правильные, довольно крупные эписвидерские наконечники (рис 128, *1,2*), различные ланцетовидные мелкие наконечники (рис. 128, *3, 4, 6*), вкладыш гарпуна (рис. 128, *5*), узкие пластинки, по-видимому, служившие тем же целям, а также короткие скребки (рис. 128, *9, 10, 11*), скребла-резцы (рис. 128, *12*) и серединные резцы (рис. 128, *8, 13, 15*).

Такой же чистый, хотя и неполный инвентарь найден в стоянке К а й б у ч я й 1 (Варенский р-н), на левом берегу р. Мяркис напротив дер. Кайбучяй, к северу от устья р. Ула. На крутом склоне и его вершине расположены небольшие пески, протянувшиеся до леса. По месту расположения Кайбучяй 1 во многом

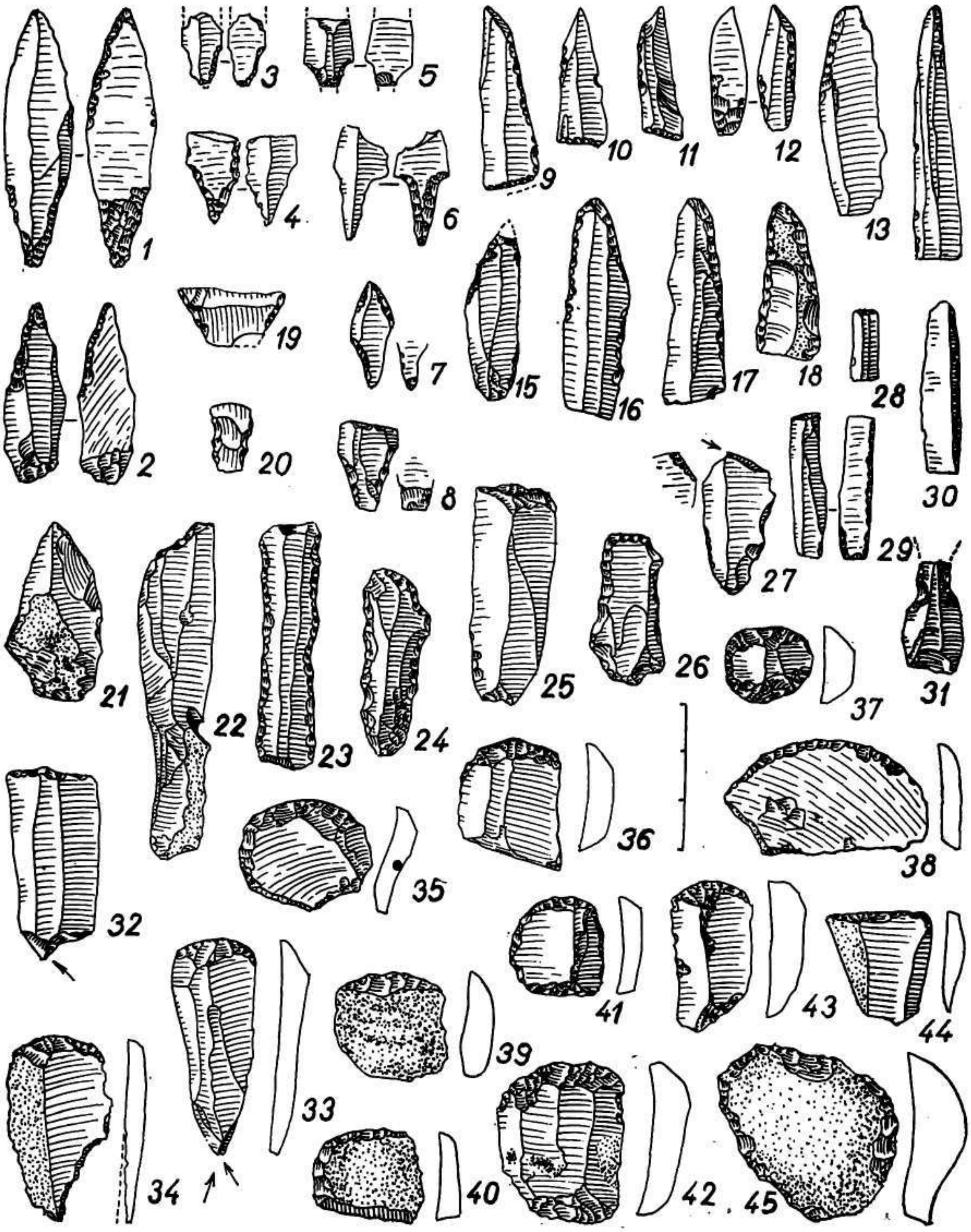


Рис. 126. Орудия стоянки 3а на склоне у пос. Мяркине

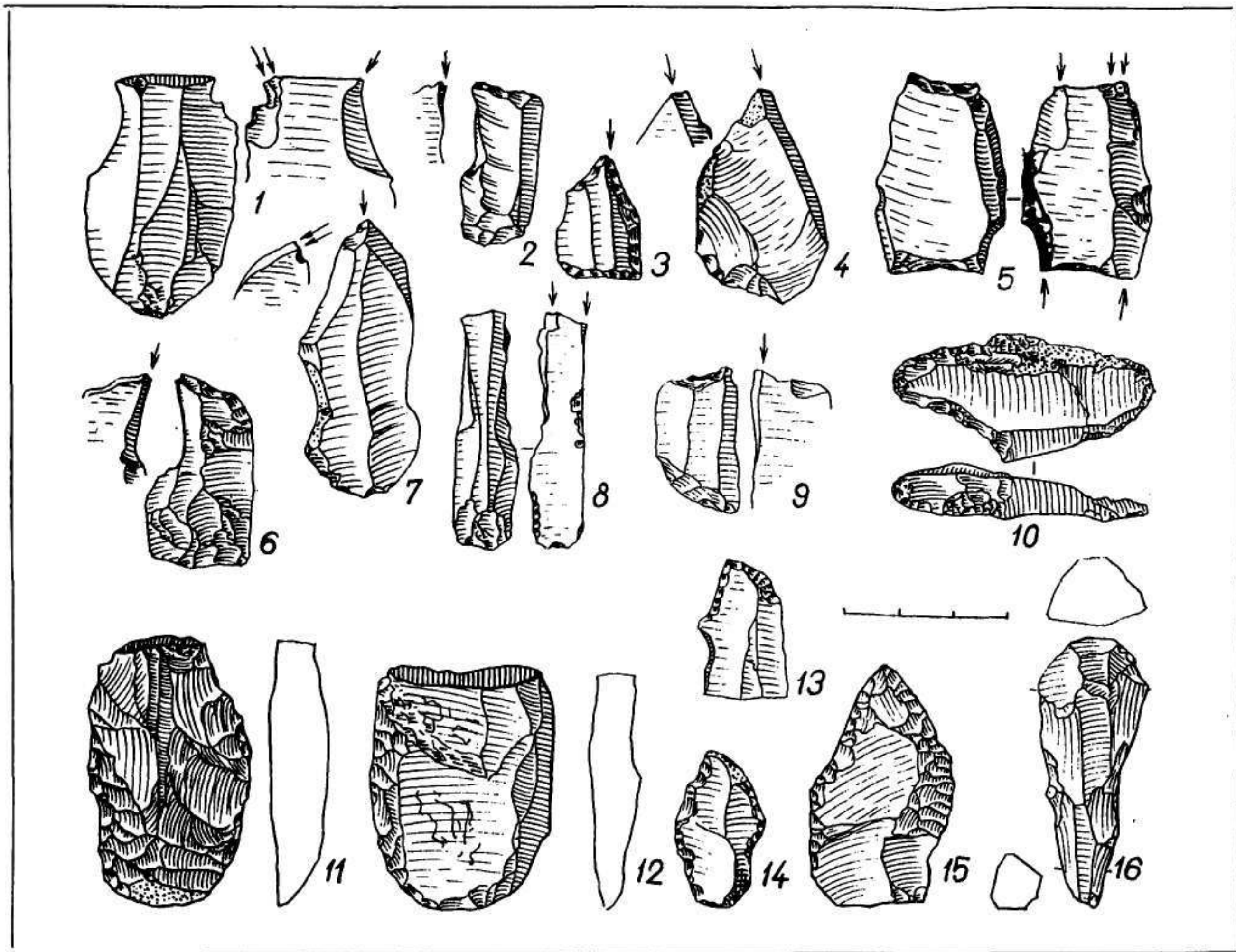


Рис. 127. Орудия стоянки 3а на склоне у пос. Мяркине

похожа на стоянку возле пос. Мяркине. Сходны с мяркинскими и здешние находки, хотя их и сравнительно немного. Это — наконечники эписвидерского типа, трапециевидные, разные ланцетовидные, а также вкладыши для гарпунов, маленькие скребки, ретушированные кругом, мелкие изделия специального назначения и ретушированные пластины.

Значительное количество стоянок того же типа обнаружено у дер. Мяргяжярис, на высоких берегах речки Дярежничя. Здесь встречаются смешанные находки нескольких периодов. Среди прочих выделяется стоянка Мяргяжярис 2, лежащая на второй надпойменной террасе, в широких, сильно выветренных песках, поросших редкими соснами. На поверхности найдено множество необработанных кусочков кремня и камня. Здесь же наконечники стрел эписвидероидного типа и несколько трапециевидных, коротких ланцетовидных наконечников, небольшие короткие или удлиненные скребки, угловые резцы, ретушеры, овальные топорики со сколотыми концами, нуклеусы (обычно одноплощадочные).

Инвентарь всех перечисленных в разделе стоянок в какой-то мере уже приближается к выделенной нами III хронологической группе: орудия здесь мельче по размеру. Наряду с этим во второй группе еще встречаются стоянки, изделия которых по величине настолько близки к стоянкам I хронологической группы, что, не зная топографии стоянок, трудно было бы их классифицировать. Такова, например, стоянка Живульчишке 1 (Алитусский р-н), на правом берегу Немана, на второй надпойменной террасе, в лесу. Это сильно выветренные пески в несколько сот метров длиной и в сто метров шириной, с небольшими дюнами, частью поросшими лесом. В рекогносцировочном раскопе, сделанном в местах, менее подвергшихся выветриванию, выявлены два слоя. Под дерном и лесным песком лежал тонкий слой ископаемой почвы, с которым можно увязать плохо сохранившуюся неолитическую (или даже не-

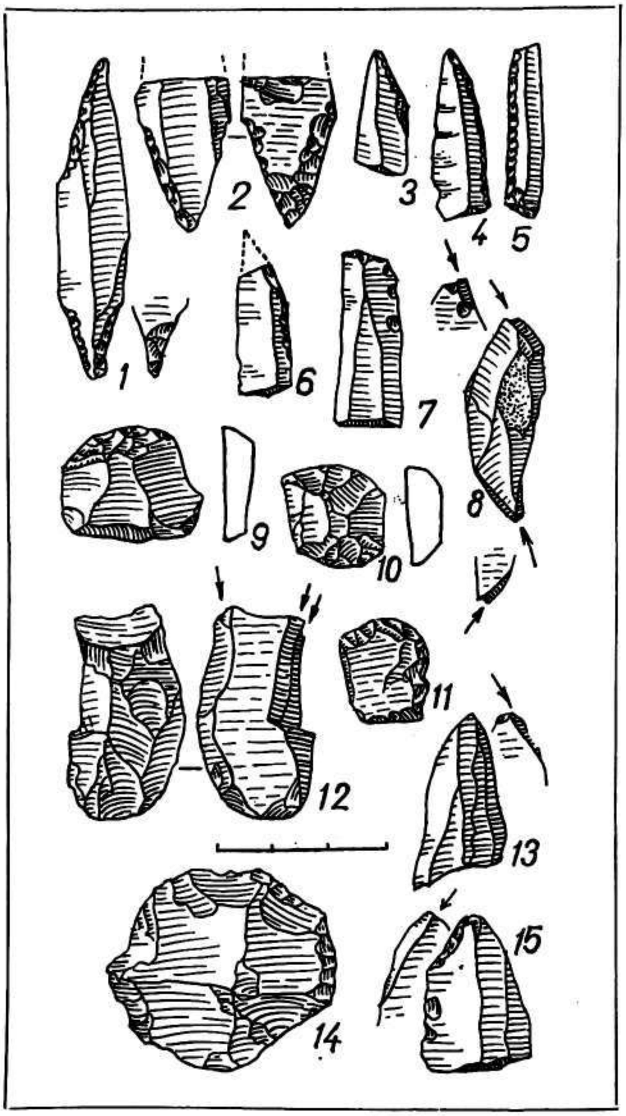


Рис. 128. Орудия стоянки Друскининкай 8

сколько более позднюю) керамику и обломок шлифованного кремневого топорика. Ниже залегал коричневый дюнный песок, в котором и находился весь многочисленный инвентарь мезолита. Большинство находок слабо патинизированы. Для инвентаря характерны многочисленные крупные пластины. Среди кремневых изделий — черешок наконечника, похожий на сверло, два острия — наконечники копий, вкладыши для гарпунов, «микрорезец», скребки, мелкие изделия специального назначения, овальный топорик с острым обухом и правильный конусообразный нуклеус.

Стоянкой, относящейся к раннему периоду трансгрессии, является и Швяндубре 1 (Варенский р-н), расположенная к югу от Друскининкай, на западной окраине одноименного поселка, на склоне, спускающемся к Нямуникштису — старице Немана. В пробном раскопе на высоте 10 *м* над урезом воды был выявлен коричневатый культурный слой. В нем найдены: пластины, такие же крупные, как и в Живульчишке, наконечник, массивные скребки, изделия типа топориков, неправильные конусообразные нуклеусы, ретушированные пластины и отщепы.

в) III, конечный, этап мезолита

Третью хронологическую группу в цепи развития местной культуры составляют стоянки, существовавшие после II литориновой трансгрессии. Этот период хорошо различается как в топографическом, так и в культурном отношении. Конец трансгрессии означал понижение уровня грунтовых вод, что создавало условия для расположения стоянок снова на более низких террасах — ближе к современным берегам рек. Правда, для освоения прибрежной зоны потребовалось какое-то время, и поэтому стоянки того периода мы находим при довольно различных обстоятельствах. Они,

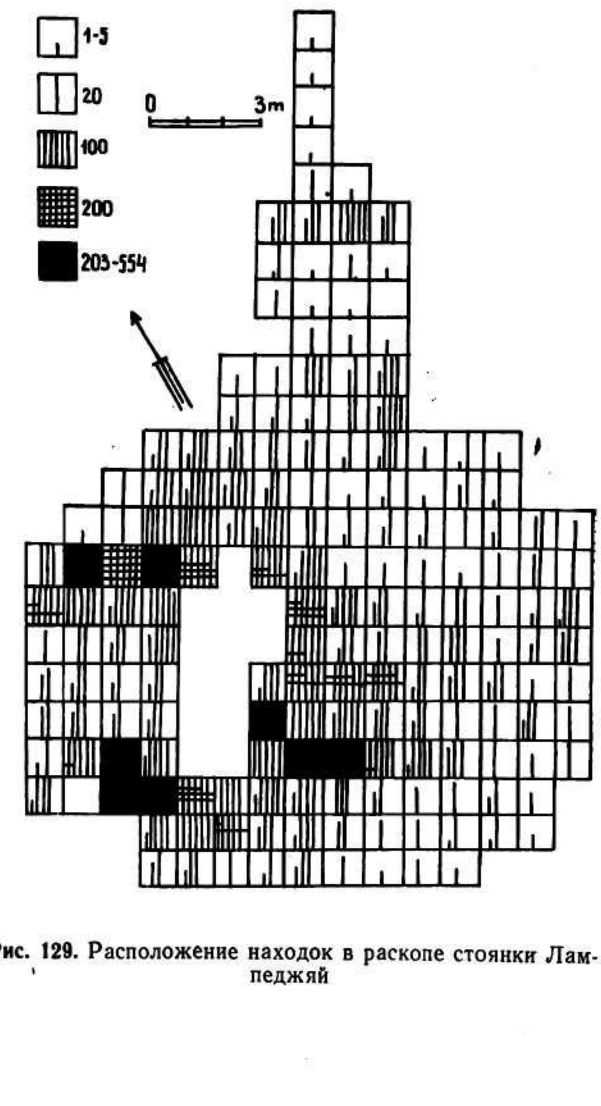


Рис. 129. Расположение находок в раскопе стоянки Лампеджяй

хотя и находятся на уровне поймы, однако расположены на некотором отдалении от современного берега, по-видимому, там, где тогда были ручьи или небольшие озера, сформированные трансгрессией.

В коричневатом слое находилось десять очагов (рис. 130), заполненных серым песком с золой. Угли очень плохо сохранились, пострадав от влаги, по-видимому, во время разливов Немана. Большинство очагов округлые,

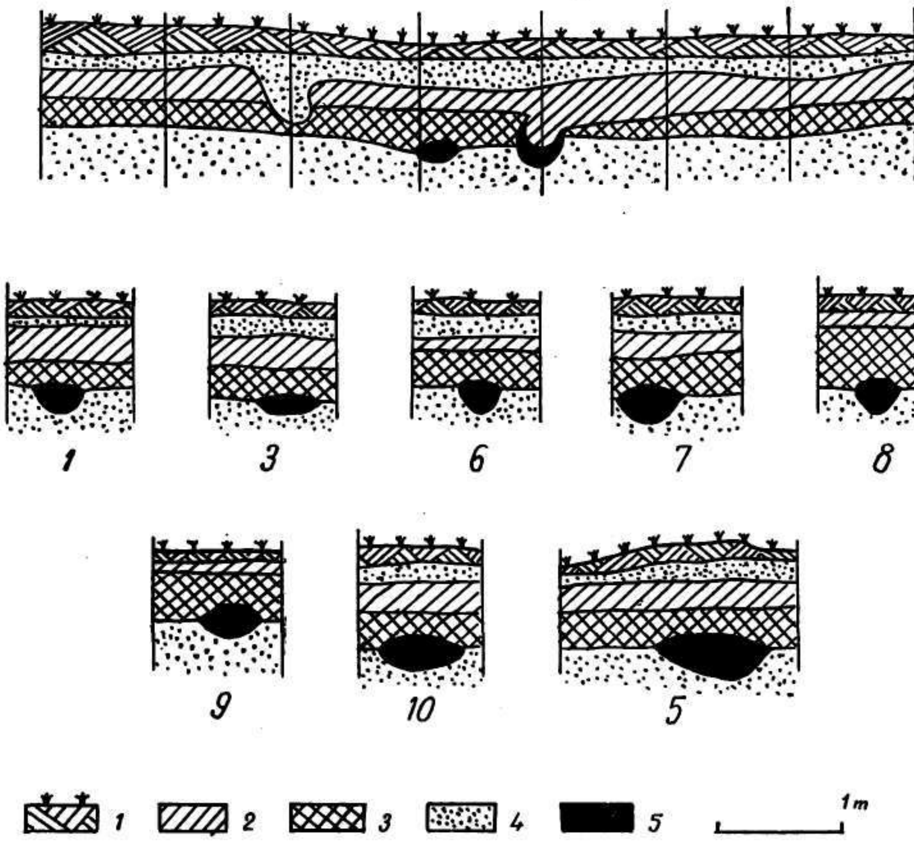


Рис. 130. Часть разреза с очагом № 2 и другие очаги стоянки Лампеджяй:
1 — дерн, 2 — ископаемая почва, 3 — подзол — светло-коричневый слой (культурный слой мезолита), 4 — светлый мелкозернистый песок, 5 — очаги

глубиной 20—35 *см*. Самый большой имел глубину 32 *см* и диаметр — 75 *см*. В том же слое обнаружено семь небольших ям, заполненных коричневатым песком. Какой-либо системы в расположении очагов и ям установить не удалось (рис. 131).

Одним из наиболее характерных примеров III периода мезолита является стоянка Л а м п е д ж я й (предместье гор. Каунаса) (Jablonskytė-Rimantienė, 1963, стр. 39—53), находящаяся в 140 *м* от Немана и в 4 *м* выше его уровня. Стоянка расположена у подножья гряды дюн на небольшом возвышении. За дюнами к северу тянутся болотистые луга и следы старицы Немана. Здесь исследована площадка в 177 *м*², что, судя по расположению находок (рис. 129), соответствует площади стоянки. Почти повсюду был заметен мезолитический культурный слой — коричневатый песок толщиной в 10—35 *см,* лежавший на белом материковом песке. Над культурным слоем лежал слой древней темно-серой почвы, в который попало некоторое количество сильно разбитого кремня; выше — светло-серый песок и дерн.

Изделия изготовлены из местного серого кремня с побережья Немана. Наконечники стрел разнообразны. Два из них принадлежат к позднему эписвидерскому типу с выделенными черешками (рис. 132, *1, 2*). Шесть черешков наконечников (или сверл) имеют довольно вертикальную ретушь по краям (рис. 132, *10—13*). Обнаружен и трапециевидный наконечник, сделанный из тонкого отщепа (рис. 132, *7*). Остальные наконечники — это пластины, скошенные в одну сторону, с узко ретушированной вершиной (рис. 132, *4—6, 8, 9*). Боль-

шинство из них короткие, ретушь на них мелкая. На стоянке обнаружено много ретушированных пластин, вершины которых иногда заострены; сами пластины довольно длинные, прямые. Характерно, что они имеют плоско

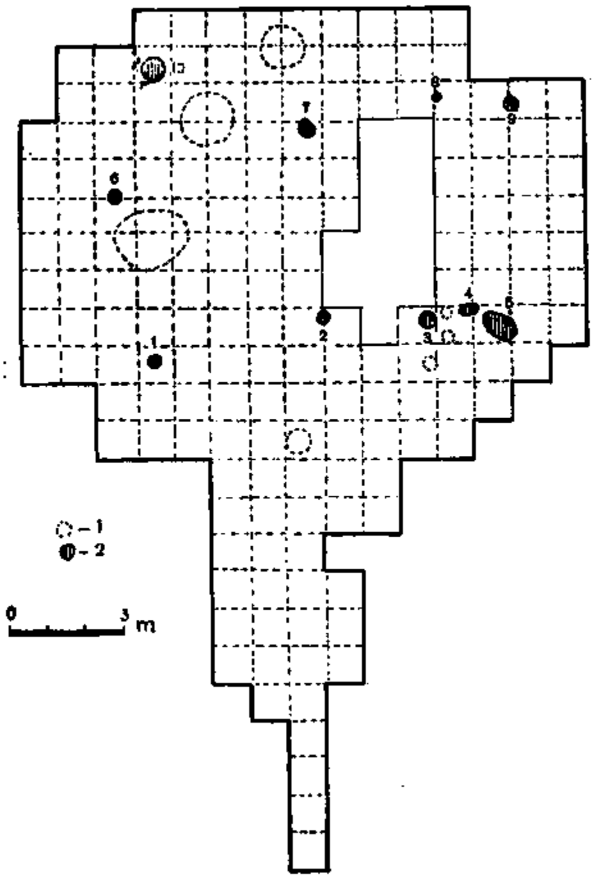


Рис. 131. Расположение ям (1) и очагов (2) в раскопе стоянки Лампеджяй

ретушированный прямой или косой конец (рис. 132, *20, 22*). Другая часть ретушированных пластин — это вкладыши для гарпунов (рис. 132, *14—16*), имеющие мелкую ретушь по краям или косо сколотый и ретушированный конец. Есть в инвентаре и специальные вкладыши для острий гарпунов. Сохранились «микрорезцы» (рис. 132, *27*).

Наибольшую часть изделий стоянки Лампеджяй составляют скребки. Их число в 2 раза превышает количество резцов (см. табл. VIa), не считая неправильных отщепов, на которых ретушь такая же, как и на скребках. Несколько скребков имеет в длину до 4,5 *см*, большинство же — около 2,5 *см* в длину и 2 *см* в ширину. Следовательно, даже удлиненные скребки невелики по размерам (рис. 132, *18, 30—32*). Вторую группу составляют небольшие короткие и широкие скребки (рис. 132, *23, 28*). Почти у всех их на поверхности сохранилась корка.

Среди резцов этой стоянки позднепалеолитические типы уже не встречаются. Местные резцы изготовлялись из узких длинных пластин (рис. 132, *21*); некоторые экземпляры совсем короткие (рис. 132, *21, 37*). Иногда рабочие углы бывают на обоих концах орудия.

Значительна по численности группа скобелей-резцов, характерных для всех микролито-макролитических стоянок (рис. 132, *33, 36*). По форме они довольно однообразны, в большинстве массивные. Скобелей (рис. 132, *29*) обнаружено только четыре.

Большинство нуклеусов — конусовидные, мелкие, величиной в несколько сантиметров (остатки использованных нуклеусов). Другую группу составляют карандашевидные нуклеусы или их части (рис. 132, *38, 39*) с очень правильными негативами от пластин для вкладышей. Можно упомянуть один лодкообразный нуклеус-скобель с ретушью у овальной площадки (рис. 132, *40*).

Достоин упоминания тонкий ретушер со сработанным концом, слегка напоминающий нуклеус (рис. 132, *34*). Найдено также несколько небольших топоровидных или клинообразных орудий. Наиболее приметным является коротенький топорик с овальными ретушированными лезвиями, который, по-видимому, служил рабочей частью какого-то орудия (костяного или рогового) (рис. 132, *42*). Имеются клинообразные изделия, ретушированные только по бокам (рис. 132, *41*). Много кусочков специализированных форм отщепов, коротеньких обломков пластин с наискось сколотой и ретушированной вершиной или с ретушью по бокам (иногда такие изделия имеют толстую заостренную вершину) (рис. 132, *17, 25, 26*).

Три стоянки того же типа обнаружены в Кампишкес (Пренайский р-н), у Немана, напротив устья речки Вяркне, на пойме, полого переходящей в первую террасу (рис. 133). Находки лежали в слое желтого песка, непосредственно под дерном и черноземом. Культурный слой имел около 15 *см* толщины. Инвентарь всех трех стоянок очень сходен. Стоянки, расположенные в аналогичной обстановке, относятся к одному и тому же периоду и типу, поэтому подробнее мы остановимся только на Кампишкес 1.

Ее инвентарь почти в точности повторяет находки Лампеджяй. В Кампишкес также найден фрагмент наконечника стрелы эписвидерского типа (рис. 134, *1*) и маленький поперечный наконечник, сделанный из отщепа (рис. 134, *2*). Большинство наконечников представляют собой пластины со скошенной в одну сторону ретушированной вершиной (рис. 134, *3—5*,

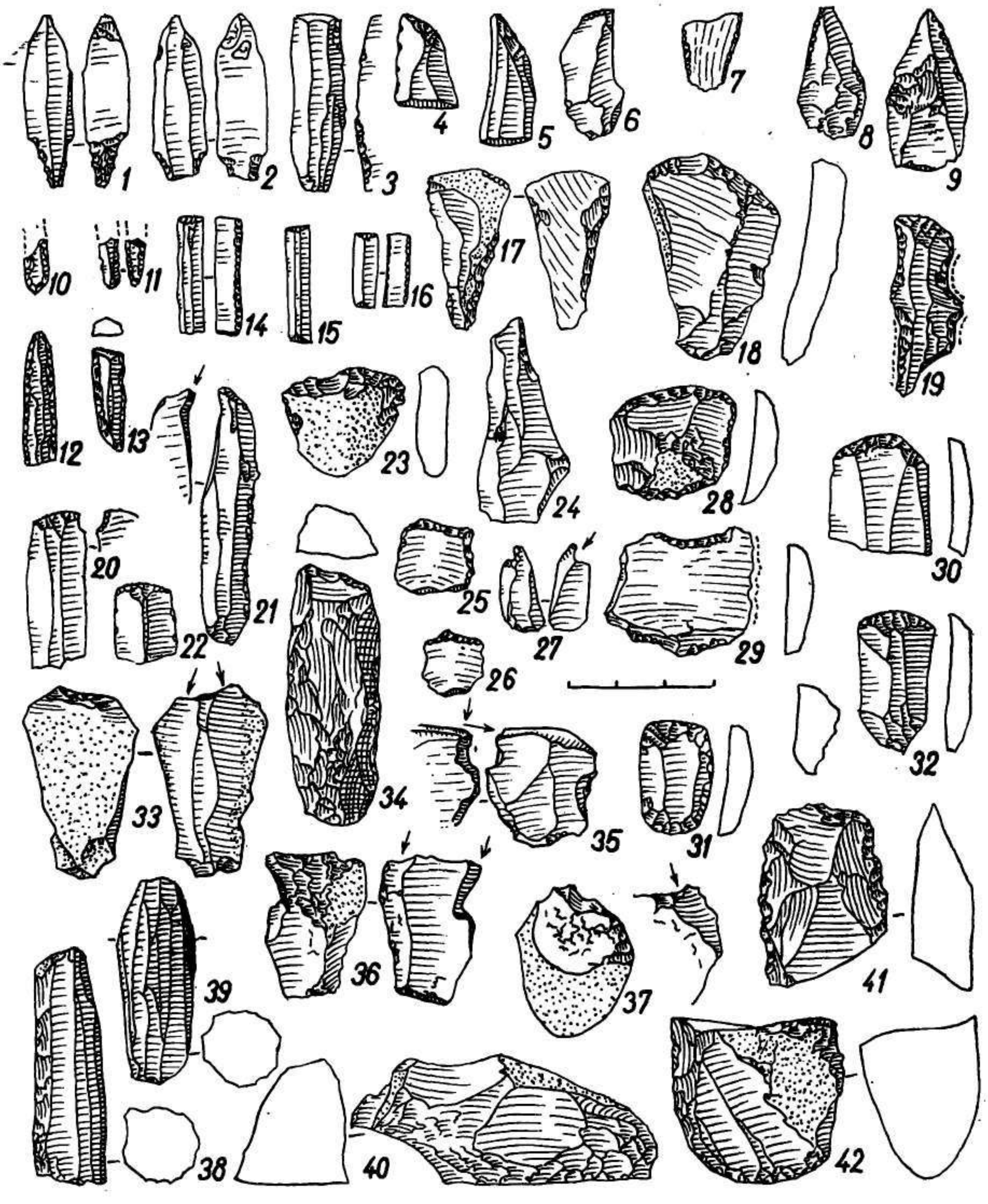


Рис. 132. Орудия стоянки Лампеджяй

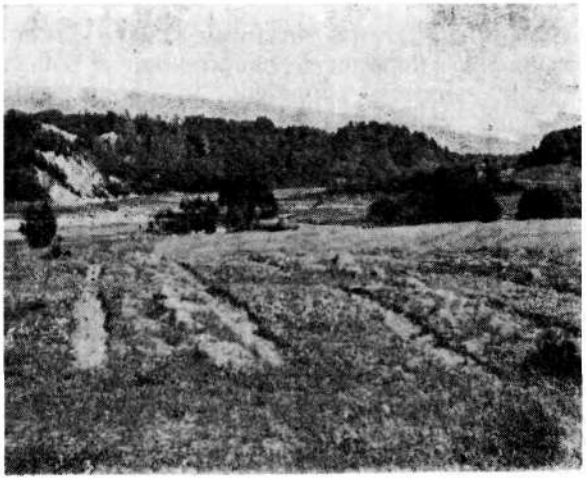


Рис. 133. Вид стоянки Кампишкес

7—9). Пластины зачастую прямые, длинные. Найдено много тщательно ретушированных вкладышей (рис. 134, *6*), карандашевидных нуклеусов (рис. 134, *37*), «микрорезцов» (рис. 134, *34*). Почти все скребки мелкие, хорошо ретушированные, как и в Лампеджяй (рис. 134, *13, 15—19*); только один скребок сравнительно большой (рис. 134, *14*). Резцов очень мало; некоторые образованы посредством скалывания (рис 134, *24*), у большинства же рабочий угол оформлен коротким сколом на вершине пластины (рис 134, *23, 30*). Обнаружено несколько скобелей-резцов. Как и в Лампеджяй, здесь найдено значительное число мелких специализированных изделий, иногда ретушированных кругом (рис. 134, *20, 21, 26, 33*). Из крупных предметов следует отметить ретушер (рис. 134, *35*) и овальные топорики, у которых обработаны бока и лезвия (рис. 134, *38, 39*). Нуклеусы большей частью неправильные, пирамидальные (рис. 134, *36*); встречаются остатки нуклеусов.

Следует упомянуть также размытую стоянку С а л я н и н к а й 1 (Ионавский р-н), расположенную у р. Нярис в выветренных песках с остатками небольших дюн. Инвентарь ее однороден, близок в вышеописанному и лишь дополняет его. Среди находок имеются эписвидерские наконечники (рис. 135, *1, 2, 4, 5*) очень тщательной работы. Широкий трапециевидный наконечник сделан из части пластины (рис. 134, *9*). Значительное количество наконечников составляют короткие, наискось сколотые (рис. 135, *3*), а наряду с ними — различные пластины, заостренные ретушью. Обнаружены ретушированный вкладыш для гарпуна (рис. 135, *6*) и карандашевидный нуклеус с негативами прямых маленьких пластин (рис. 135, *14*). Скребки большей частью мелкие, чуть продолговатые (рис. 135, *10, 12, 13*), очень близкие к комплексу Лампеджяй, как и разные специализированные изделия с довольно плоской ретушью по краям (рис. 135, *7, 8, 11*).

Отдельное скопление С а л я н и н к а й 2а находится на той же высоте, что и Салянинкай 1. Создается впечатление, что все изделия, найденные в скоплении, результат деятельности одного мастера, настолько они похожи друг на друга по типу и технике изготовления (рис. 136). Это — обломки пяти эписвидерских наконечников стрел, две трапеции, удлиненный скребок с плоским лезвием и ретушированный отщеп кремня.

Множество маленьких стоянок данного типа обнаружено на юге Литвы. Среди них Д я р е ж н и ч я 27, расположенная у бывшего озера, где ныне по заболоченному лугу протекает речка. Площадку стоянки когда-то распахивали. Культурный слой ее разрушен, но находки, лежавшие в скоплении, относятся к одному периоду. Это — трапециевидный и ланцетовидный наконечники, небольшие плоские скребки, маленький овальный топорик, пирамидальный и неправильный нуклеусы, ретушированные пластины и отщепы.

Можно упомянуть также стоянку Д я р е ж н и ч я 52, расположенную на левом берегу той же речки, на выветренном конце большого голого холма. Поверхность стоянки покрыта мелким камнем. Находок здесь обнаружено много, и все они относятся к одному периоду.

Высотные отметки стоянки несколько выше тех, которые мы только что рассмотрели. Допустимо предположить, что возраст у нее более ранний. Среди находок — ланцетообразный наконечник, верхушка длинного эписвидерского наконечника с ретушью с брюшка, вкладыш гарпуна, мелкие скребки, резец, узкие ретушеры, сделанные из отщепов, маленькие топорообразные орудия, одноплощадочные нуклеусы, отбойники, ретушированные пластины и отщепы.

Множество аналогичных находок поднято и по берегам р. Ула. К сожалению, в старых коллекциях они перемешаны. Разведки последнего времени позволили выделить здесь ряд небольших стоянок с чистым комплексом, среди которых достойна внимания стоянка в Кашетос «Г а й д ж ю С а л а» — небольшие пески на вершине склона, по краям поросшие деревьями. Расположением стоянка напоминает Дярежничю 52. Находки здесь составляют ланцетовидные наконечники, мелкие удлиненные скребки (иногда вовсе миниатюрные), один угловой резец, а также изделия типа скобелей и топориков. Местные нуклеусы приспособлены к изготовлению вкладышей для гарпунов, но большей частью — короткие и толстые.

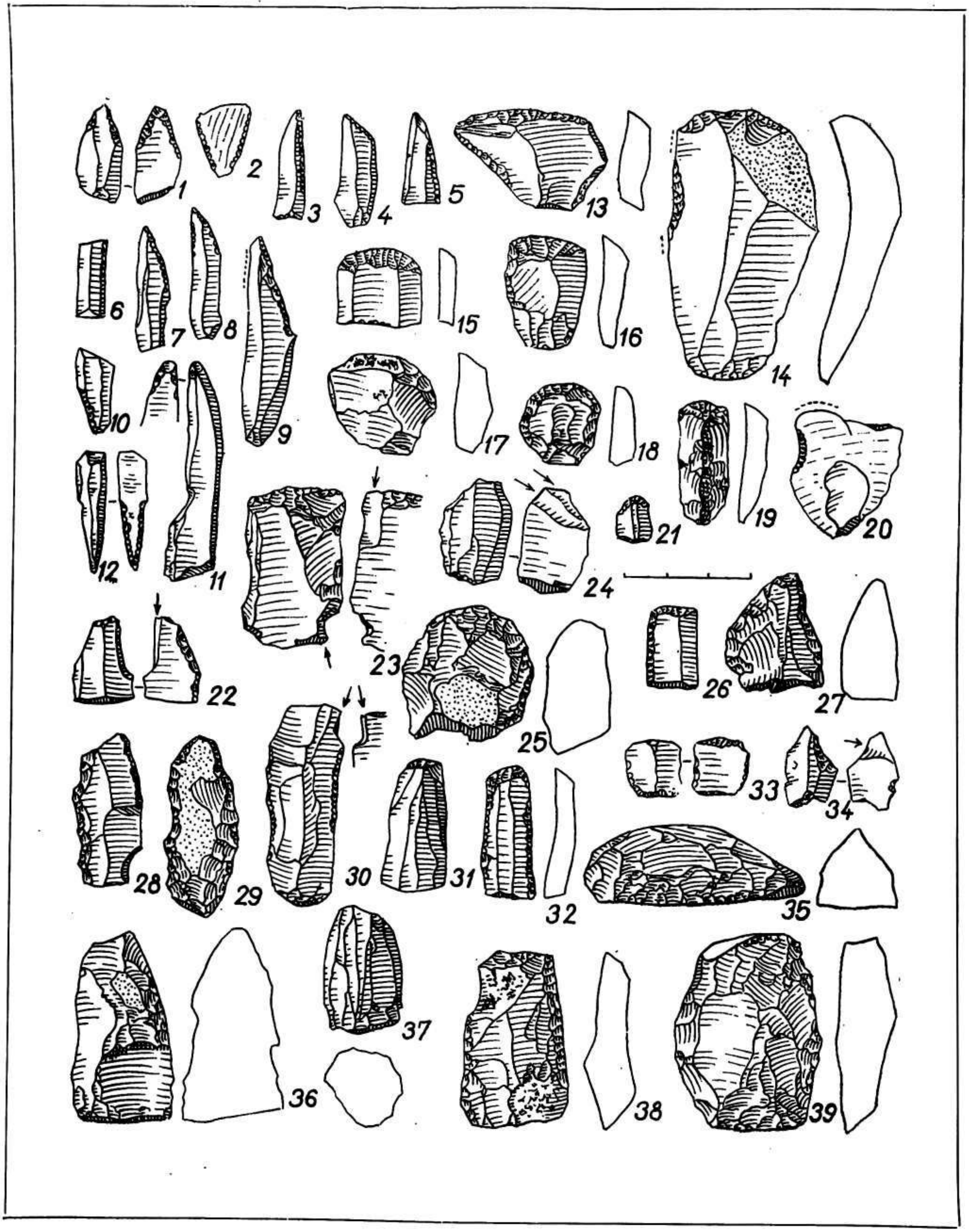


Рис. 134. Орудия стоянки Кампишкес

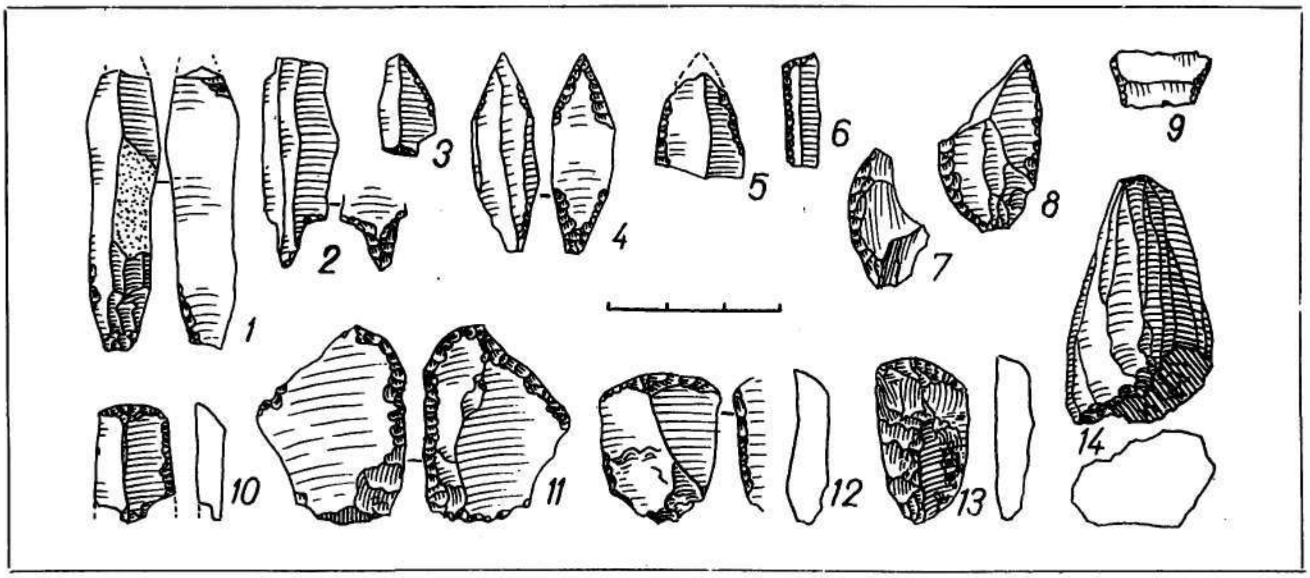


Рис. 135. Орудия стоянки Салянинкай 1

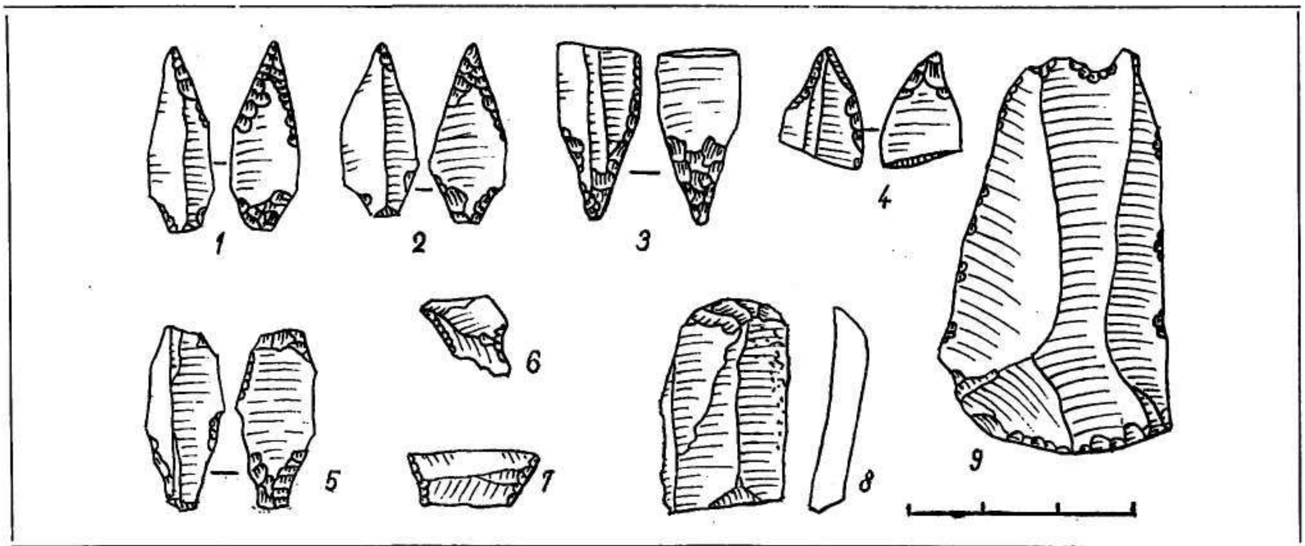


Рис. 136. Орудия скопления Салянинкай 2а

5. ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЗОЛИТА ЛИТВЫ

Изделия микролито-макролитической культуры очень разнообразны и представлены в инвентаре стоянок численно неодинаково. При этом кремневые изделия могут быть датированы довольно точно, исходя из совокупности обстоятельств: месторасположения, типов и т. д. Костяные и роговые находки — случайные и преимущественно могут быть определены лишь по аналогичным предметам, встречающимся в материалах соседних стран.

Кремневые изделия можно объединить в несколько групп, отличающихся по форме.

Так, почти во всех микролито-макролитических стоянках имеются наконечники эписвидерского типа, которые, однако, во многом отличаются от свидерских палеолитических и эпипалеолитических. Важным признаком микролито-макролитической культуры являются наконечники, сделанные из очень прямых пластин с параллельными боковыми гранями; на их поверхности заметны обычно две грани скола, а вершина резко сужена с обеих сторон и часто ретуширована с брюшка или со спинки. В некоторых случаях вершина бывает ретуширована свидерской ретушью только со спинки, а черешок выделен не слишком отчетливо и ре-

тширован со спинки свидерской ретушью по краям. В стоянках первого этапа такие наконечники обычно еще довольно крупные и правильные. Подобные им изделия встречаются и позже, в течение всего мезолита. В стоянках II хронологической группы к ним присоединяется много мелких наконечников, лишь отдаленно напоминающих классические свидерские. В группе стоянок наряду с мелкими правильными, по-свидерски ретушированными наконечниками, появляются изготовленные из пластин, с заостренными концами, у которых обработан узкой ретушью только самый край. Наряду с ними еще встречаются наконечники с ярко выделенным черешком. Они также имеют параллельные боковые грани, симметрично срезанное острие и, как правило, узкий округлый, шилообразный черешок, характерный для эпипалеолитических стоянок. Некоторое число таких наконечников встречается в течение всего мезолита. Кроме того, в стоянках I и II этапа постепенно появляются крупные изделия (наконечники дротиков?), которые еще не имеют строго определенной формы и отличаются друг от друга, но при этом заметно связаны со свидерскими изделиями. Изготовлены они из крупных длинных пластин. В стоянках I этапа некоторые изделия имеют свидерскую ретушь, а также появляются крупные острия, ретушированные только по краям. Кстати, обломки крупных острий мы находим и в стоянках эпипалеолита; они сохраняются при появлении микролитов, но для позднейших мезолитических стоянок, кажется, уже перестают быть характерными. Наиболее ярким образцом такого острия может служить экземпляр из нижнего культурного слоя стоянки Канюкай 1 (рис. 119, *1*).

В течение мезолита форма эписвидерского наконечника мало изменилась; он стал лишь меньше по размеру, а обработка его упростилась. Твердо укоренившись в быту мезолитического наследия на территории Литвы, она стала признаком, отличающим эту область от соседних западных и юго-западных культур. Исследования памятников мезолита в основной области распространения свидерской культуры — Польше — показали, что конец палеолита (или, по крайней мере, конец иольдиевого периода) здесь совпадает с полным исчезновением свидерского наследия[1]. В самых ранних польских микролитических стоянках коморницкой группы были обнаружены только так называемые «листьевидные» наконечники, и то лишь в Малой Польше. На самом же деле, это просто толстые ланцетообразные наконечники с черешками, по-свидерски ретушированными с оборотной стороны (Kozłowski, S. K., 1965, стр. 40). На этом основании строится предположение, что в мезолите носители свидерской культуры ушли из своей основной первоначальной области, где жили в эпоху палеолита. На окраинах, куда входила и современная территория Литвы, свидерская культура сохранилась дольше, образовав здесь своеобразную эпипалеолитическую группу. Однако, если взять культуру как комплекс, то, вероятно, в анциловом периоде свидерская культура, как таковая, ушла и с окраин. Разница по сравнению с Польшей заключается в том, что на территории Литвы осталась некоторая часть носителей свидерской культуры, которые и внесли свой вклад в формирование местной мезолитической культуры. Таким образом здесь сохранились не только некоторые технические навыки, как это наблюдается в южной Польше, но и отдельные эписвидерские типы изделий.

Кроме наконечников, других свидерских элементов в микролито-макролитической культуре почти нет, за исключением разве некоторых типов резцов (например, срединных-клинообразных), которые, хотя и изредка, появляются в мезолитических стоянках. Некоторые затруднения представляет определение характера скребков, но ранней микролито-макролитической культуре чужды те азильские формы скребков, которые в свое время восприняла поздняя свидерская культура. В литовских мезолитических стоянках мы не находим и таких элементов свидерской культуры, как мелкие сверла, топорики с перехватом, нуклеусы. Для свидерской культуры, как известно, характерны двухплощадочные, призматические нуклеусы, замененные позже конусообразными, пирамидальными, лодкообразными. Кроме того, появился дотоле неизвестный карандашевидный нуклеус. Интересно, что те формы изделий микролито-макролитической культуры, которые имеют связь с палеолитом, близки к прибалтийскому мадлену, однако в мезолите среди них почти нет наконечников, напоминающих мадленские формы. Наконечники, похожие на свидерские, наряду с микролитическими и макролитическими изделиями сохраняются также к востоку и юго-востоку от Литвы (Левенок, 1966, илл. 2 : 1—8; 4 : 1—9; Телегин, 1966, илл. 1 : 24—28, 57—60; Кольцов, 1966, илл. 2 : 2—3).

Микролитические типы изделий представлены, в основном, тремя группами: ланцетами, вкладышами и трапециями.

Ланцеты — это ножевидные пластинки с ретушированным с одного края острием, а иног-

---

[1] Сейчас уже не говорят о «свидерско-тарденуазской культуре», как это было еще тридцать-сорок лет назад (Zotz, 1931), поскольку более поздние исследования показали, что термин этот возник необоснованно, только в результате механического смешения в один комплекс инвентаря разных культурных слоев (Schild, Więckowska, 1961).

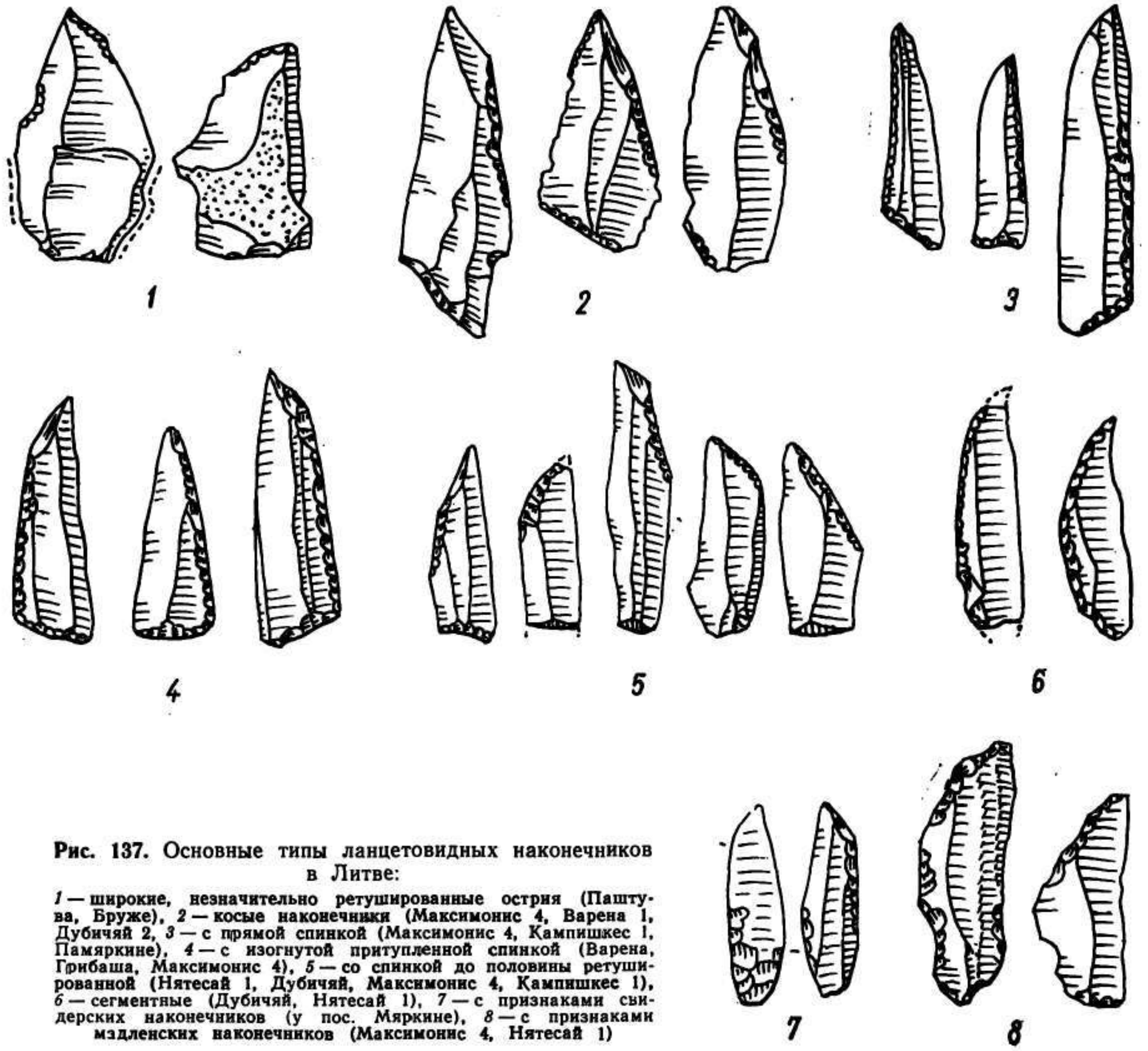


Рис. 137. Основные типы ланцетовидных наконечников в Литве:

1 — широкие, незначительно ретушированные острия (Паштува, Бруже), *2* — косые наконечники (Максимонис 4, Варена 1, Дубичяй 2, *3* — с прямой спинкой (Максимонис 4, Кампишкес 1, Памяркине), *4* — с изогнутой притупленной спинкой (Варена, Грибаша, Максимонис 4), *5* — со спинкой до половины ретушированной (Нятесай 1, Дубичяй, Максимонис 4, Кампишкес 1), *6* — сегментные (Дубичяй, Нятесай 1), *7* — с признаками свидерских наконечников (у пос. Мяркине), *8* — с признаками мадленских наконечников (Максимонис 4, Нятесай 1)

да и основанием. Они могли употребляться как наконечники стрел, а может быть, и как вкладыши (хотя точного доказательства этому нет, но реконструкции подобного рода часто появляются в литературе). Близки к ним обыкновенные ножевидные пластинки с ретушированным острием (рис. 137, *1*), обычно встречающиеся как в стоянках I этапа (Паштува, Бруже), так и в стоянках II этапа (изредка), однако на III этапе это уже большая редкость. Данный тип (если это вообще можно считать типом) может быть связан с прибалтийско-мадленскими палеолитическими остриями без геометрических очертаний. Геометрические типы изделий — это уже признак мезолита. Промежуточную между этими двумя типами группу, — ясно выраженную, хотя и малочисленную, — составляют косые наконечники (рис. 137, *2*). Характерно, что часто они имеют сравнительно большие размеры.

Косые наконечники свойственны тоже ранним стоянкам (Максимонис 4, Дубичяй 2, Варена 1), хотя в Литве и нет для них прототипов. Ближайшие параллели подобным наконечникам имеются в аренсбургских стоянках западной Прибалтики (Schwantes, 1934, рис. 73, *74*). В мезолите косые наконечники часто встречаются в стоянках Ютландии. Некоторые более примитивные их формы встречаются также в культуре Гюдено. В Омосе и в древнейшей культуре прибрежных зон Ютландии эта форма встречается в разных видах. Она известна также в северной Германии, Бельгии, Франции (Mathiassen, 1948, стр. 27), близкие экземпляры находят в Швеции (Niklasson, 1934; рис. 58). Восточной Европе эта форма не свойст-

венна. Ее не знают даже в мезолитических стоянках Польши. Таким образом, следует предполагать, что в Литве эта форма ланцетовидных наконечников появилась вместе с основной волной маглемозской культуры.

Вторую группу ланцетов составляют наконечники с прямой спинкой (рис. 137, *3*). Их основание обычно ретушируется. Форма таким образом приближается к треугольнику, лишь острое лезвие несколько выгнуто. Это редкая форма наконечников, но бытует она в стоянках всех трех этапов.

Наконечники с прямой спинкой известны в стоянках западной Прибалтики, но встречаются, повторяем, редко (Mathiassen, 1948, стр. 26). Близкие к ним наконечники (вкладыши?) находят в Польше — в Яниславицкой культуре (Kozłowski, S. K., 1969, рис. I, A_1, C_1), но там они в большинстве имеют основание случайной формы (тип Ставинога).

Третий тип ланцетов — это треугольники с изогнутой, притупленной спинкой (рис. 137, *4*), составляющие главный тип ланцетов в стоянках мезолита Литвы. Встречается он, начиная от раннего мезолита и до позднего неолита. Характерной чертой этого наконечника служит то, что верхушка его не ретушируется до конца, а отбивается длинным сколом. Между множеством наконечников данного типа треугольники с ретушью на основании встречаются редко. Основание ретушируется, составляя прямой или тупой угол. Наконечники с ретушью на основе встречаются и в самых ранних мезолитических стоянках и в неолите, а наконечники с тупым углом у основания лишь в древних комплексах.

Эта форма ланцетов свойственна Северной Европе и неизвестна Южной; например, в причерноморских стоянках таких наконечников нет (Формозов, 1959, стр. 79). В западной Прибалтике, так как и в Литве, они встречаются от раннего мезолита и до поздней Эртебёлле (Mathiassen, 1948, стр. 26, рис. 82—85). В мезолите Польши они известны как яниславицкие треугольники (Kozłowski, S. K., 1969, рис. 1, Tx, стр. 76).

Близкими к описанной группе являются наконечники, в которых спинка ретушируется лишь отчасти (рис. 137, *5*). Эта форма встречается в Литве в стоянках всех периодов. Она известна в западной Прибалтике, в Польше и на Украине (Телегин, 1966, рис. 1, *51—56*).

К группе ланцетов в Литве следует причислить и редко встречающиеся сегменты. Часто они изготовляются из отщепов и выглядят скорее как случайные формы, чем типичные (рис. 137, *6*). Сегменты известны в Литве лишь в стоянках позднего мезолита, начиная с максимума литориновой трансгрессии (в пос. Мяркине и в Нятесай). В западной Прибалтике сегменты тоже редкость, но там они появляются уже с начала мезолита (Mathiassen, 1948, стр. 26). Много сегментов в причерноморских стоянках. Малочисленность литовских находок этого типа и случайный характер их форм не позволяют пока делать какие-либо выводы насчет их происхождения.

Редко встречаются и такие ланцеты, в форме которых видны некоторые черты, унаследованные от палеолита. Речь идет о наконечниках со следами свидерской ретуши на брюшке (рис. 137, *7*). Это местная форма ланцетов, встречающаяся даже в стоянках максимума литориновой трансгрессии (у пос. Мяркине и в Нятесай). Близки к наследию мадленских наконечников и ланцеты с суженным черешком. Но происхождение их следует искать за пределами Литвы. Например, ланцет, близкий наконечнику из стоянки Максимонис 4, найден в Клостерлунде (Brønsted, 1938, рис. 15).

Типичными для этой культурной группы являются вкладыши — небольшие разнообразные изделия из ножевидных пластин. Вкладыши для гарпунов не были известны в Литве ни в палеолите, ни в эпипалеолите. В микролито-макролитической культуре они встречаются на протяжении всего периода и переходят затем, несколько измененные, в неолит. Это—прямые узкие пластиночки. Нет смысла разбивать их по типам, так как они повторяются всюду в течение всего мезолита. Ширина их всего несколько миллиметров. Ретушированы они вдоль одного конца, который вставлялся в вырезанные пазы роговых наконечников (гарпунов?) и укреплялся при помощи смолы.

Вкладыши встречаются двух видов. Те из них, которые предназначались для боков гарпуна, имеют вертикально обломанные и тщательно отретушированные концы. Другие, предназначавшиеся для жала, заострены. Вкладышей среди находок сравнительно немного, так как они терялись вместе с гарпуном во время ловли рыбы (охоты?). В стоянках вкладыши обнаруживаются небольшими кучками, по-видимому, на тех местах, где лежали гарпуны. Такие скопления вкладышей найдены, например, в стоянках Паштува и Канюкай.

Наряду с узкими вкладышами надо отметить широкие пластины, ретушированные по краям, а иногда и по вертикально обломанному концу. Возможно, они вставлялись в роговое или деревянное орудие (в качестве наконечника или ножа?). Крупные пластины характерны только для ранних стоянок микролито-макролитической культуры (Паштува, Вирбалюнай, Бруже). Значительно меньше их в стоянках II периода и очень мало в позднейших.

Вкладышевая техника — это мезолитический прием изготовления орудий труда, рас-

пространенный в то время по всей Европе и во всех культурных группах.

В Юго-Восточной Европе вкладышевая техника известна уже со времен позднего палеолита, но всеобщее признание она получила только в мезолите. В Средней Европе эта техника была известна в конце палеолита в культурной группе «федермессер» (Taute, 1963, карта 2). В юго-западной Прибалтике, в таких стоянках раннего мезолита, как Клостерлунд, вкладышей для гарпунов еще не было. Они не встречаются и в ранней фазе маглемозе Датских островов, хотя на более позднем этапе ее развития, а также в культуре Гюдено их количество сильно возрастает (Brønsted, 1938, стр. 82; Mathiassen, 1948, стр. 16, 26). В Литве наблюдается аналогичное явление. В ранних маглемозских стоянках нет ни вкладышей для гарпунов, ни карандашевидных нуклеусов, служивших для изготовления вкладышей. Они как-то сразу в значительном количестве появляются только в микролито-макролитической культуре.

В южной части территории Советского Союза вкладыши встречаются в течение всего мезолита на Украине (Телегин, 1966, стр. 99—107, рис. 1—4, 16) и в Волго-Окском междуречьи (Кольцов, 1966).

Хотя единая вкладышевая техника была широко распространена и в Восточной, и в Западной Европе, сама форма вкладышей неодинакова. В Западной Европе они обычно более широкие и, если ретушированы, то лишь на концах. В Волго-Окском междуречьи вкладыши часто имеют ретушь и на концах, и на спинке. Такие же изделия встречаются и к югу от Литвы, откуда, по всей вероятности, они и были заимствованы общинами, населявшими Литву, поскольку в Польше таких изделий нет.

Одним из главных типов мезолитических изделий является трапеция. По всему западному, южному и восточному побережью Балтики она появляется не в самом начале мезолита, а лишь с определенного времени. В наиболее ранних микролито-макролитических стоянках Литвы — Паштуве, Бруже, Вирбалюнай — трапеций нет. Правда, в Паштуве было найдено изделие, похожее (несомненно, случайно) на трапецию (рис. 112, *27*), но довольно толстое, с тупой поперечной гранью, отчасти близкое трапеции из стоянки Драсейкяй (рис. 95, *13*). Единичные трапеции встречаются в некоторых стоянках, трудно поддающихся датировке. Однако крупные размеры изделий, немногочисленность микролитов и месторасположение стоянок на пойме или прибрежном крае I надпойменной террасы вынуждает относить их скорее к стоянкам типа Паштува, чем к группе Лампеджяй, т. е. к периоду, предшествовавшему атлантической трансгрессии.

В стоянках периода трансгрессии трапеции, как уже говорилось, встречаются тоже довольно редко. В Раудондварисе и Канюкай 1 их не оказалось вообще (может быть, случайно?). На стоянке 3а у пос. Мяркине среди множества изделий обнаружены два маленьких поперечных наконечника: один широкий, другой продолговатый и узкий.

Поперечный трапециевидный наконечник был широко распространен в Европе. В Крыму трапеция появляется в первой половине мезолита (Воеводский, 1950, стр. 110—118; Формозов, 1954, стр. 39—42; 1959, стр. 71), на Украине — в позднем мезолите (Телегин, 1966). Во французском и бельгийском тарденуазе трапеция встречается на второй фазе этой культуры, когда начинают исчезать ланцетовидные наконечники. На территории современной Польши поперечные наконечники датируются путем сравнивания со стоянками Северной Европы; их относят к атлантическому периоду (Kozłowski, S. K., 1965, стр. 35—38; 1969, стр. 445—447). Трапециевидный наконечник неизвестен в культуре маглемозе Датских островов; в ранних стоянках Клостерлунда или Стар Карр[1] их нет. Появляются они здесь только в стоянках атлантического периода (Mathiassen, 1948, стр. 27—28).

Итак, на южном и западном побережье Балтийского моря трапециевидный наконечник появляется постепенно. Отсюда можно заключить, что микролиты не были принесены в Восточную Прибалтику в результате проникновения сюда какой-то определенной культуры в определенное время. Они распространялись здесь медленно, как общеевропейская форма кремневых изделий, как своеобразная мода времени, притом — в несколько приемов. В конце мезолита на юго-западном побережье Балтийского моря трапеция уже приобрела узкую, высокую форму (до Литвы она не дошла). Наиболее близкие параллели трапециям, обнаруженным в Литве, имеются в Польше. Таким образом, происхождение трапеции в Литве можно отнести к влияниям Юга или Юго-Запада.

Прежде чем перейти к третьей основной части микролито-макролитической культуры — макролитам, следовало бы несколько остановиться на общераспространенных типах — скребке и резце.

Скребки составляют значительную часть инвентаря микролито-макролитической культу-

[1] В литературе часто упоминается обнаружение древнейших трапеций в стоянке Свердборг, относящейся к раннему бореалю (Brønsted, 1938, стр. 52—56). Но это не трапеции, а лишь продолговатые вкладыши с ретушированными концами, напоминающие трапеции. К группе поперечных наконечников они не принадлежат, а потому и не имеют хронологического значения.

ры. В стоянках I группы преобладают скребки крупные, широкие, удлиненные или короткие. Размеры их являются одним из характернейших критериев при распределении микролито-макролитических стоянок по хронологическим группам. В стоянках II этапа крупных скребков уже почти нет. В Раудондварисе, например, их найдено всего два экземпляра (один удлиненный, другой короткий). В Нятесай — несколько штук. В Канюкай и у пос. Мяркине 3а преобладают мелкие скребки, иногда узкие и удлиненные, а порой и почти округлые. Характерна их форма: слабо выгнутое лезвие и несколько суженное основание; сделаны скребки из нижней части пластины.

В стоянках III этапа крупные скребки почти исчезают. Встречаются лишь единичные крупные экземпляры, как, например, в Кампишкес, но всю массу скребков составляют мелкие изделия, правильные, обычно изготовленные из оснований пластинок. В известных случаях скребки заменяются орудиями специального назначения. В ранних стоянках это простые отщепы, частично обработанные ретушью, характерной для лезвия скребков.

Очень редко скребки приобретают более или менее правильную форму. В большом числе такие изделия имеются в стоянках II этапа. Здесь иногда они бывают ретушированными вокруг, с выступами или выемками; подобные формы сохраняются долго.

Если скребки являются общераспространенными во всех культурах, то так называемые изделия специального назначения (или атипичные скребки) появляются в более ограниченном ареале. Они не свойственны Западной Европе, встречаются больше на востоке, начиная с Польши.

То же самое относится и к основным типам резцов. Они характерны для микролито-макролитической культуры и встречаются большей частью в Восточной Европе.

Для микролито-макролитической культуры характерны два типа резцов: угловой и резец-скобель. Появившись в самом начале существования этой культуры, они существуют в течение всего мезолита, переходя в неолит. Прочие формы резцов встречаются лишь случайно.

В разных стоянках резцы изготовлялись из крупных толстых отщепов с помощью скалывания одного угла. Верхняя грань иногда ретушировалась и резец использовался как скребло. Резцы второго типа изготовлялись путем сколов обоих противоположных углов и ретуширования середины, в результате чего рождалось подобие скребла с вогнутым лезвием. В стоянках II этапа такие орудия стали изготовляться из пластин. Здесь же существовали угловые резцы или резцы-скребла, сделанные из пластин или отщепов.

Устойчивым компонентом микролито-макролитической культуры являются крупные кремневые изделия. В первую очередь это овальные топорики, встречающиеся на всех этапах существования данной культуры, и часто в большом количестве. В неолите их заменяют шлифованные топоры.

Овальные топорики имели разнообразные формы. Отчасти это объясняется тем, что во время употребления лезвие быстро теряло остроту и его заново заостряли. Часть топориков имела лезвие на узком конце (как и более поздние шлифованные топорики). Топорики заострялись путем поперечного скалывания толстой пластинки. Встречаются также овальные топорики с обоими сколотыми концами.

Овальные топорики сохраняли указанные черты в течение всего мезолита. Часть из них происходит от уплощенного нуклеуса. Подобных топориков переходного типа еще очень много в эпипалеолитической стоянке Памяркине. От передней части этих топориков сколоты продольные пластины, с боков — короткие отщепы. Кроме того, бока ретушированы; на конце — суженные (рис. 138, *7*). С оборотной стороны обычно скалывались отщепы. Вертикальный конец одного топорика покрыт коркой, с бокового края — ретушью. Возможно, это незаконченное изделие, а может быть, для работы использовались лишь боковые края. У одних топориков оба конца сколоты, как у нуклеусов, у других — один. Из 15 топориков, найденных в Памяркине, лишь один имеет округлое ретушированное лезвие.

Больше всего овальных топориков, и притом самых правильных, обнаружено в стоянках II этапа, находящихся на высоких речных террасах, например, у поселка Мяркине 3а. Одни из найденных там топориков трудно отличить от нуклеуса, другие имеют законченные формы. В этой же стоянке имеются топорики, у которых ясно видны обе боковые плоскости уплощенного нуклеуса (рис. 138, *5*). Интересным переходным типом можно считать экземпляр, у которого одна сторона тщательно покрыта плоской ретушью, а на спинке видны две косые площадки нуклеусов. Этот экземпляр интересен и тем, что узкий конец его покрыт коркой.

Найденные у Мяркине 3а топорики достигают 7, 6 *см* в длину и 4,5 *см* в ширину, однако имеются и более мелкие, форма которых далеко не совершенна. Многие из топориков обработаны с лицевой стороны при помощи скалывания продольных пластин. Здесь же обнаружены изделия с ретушированными концами (рис. 127, *12*). Конец одного топорика, а также узкая полоска, идущая по всей его спинке,

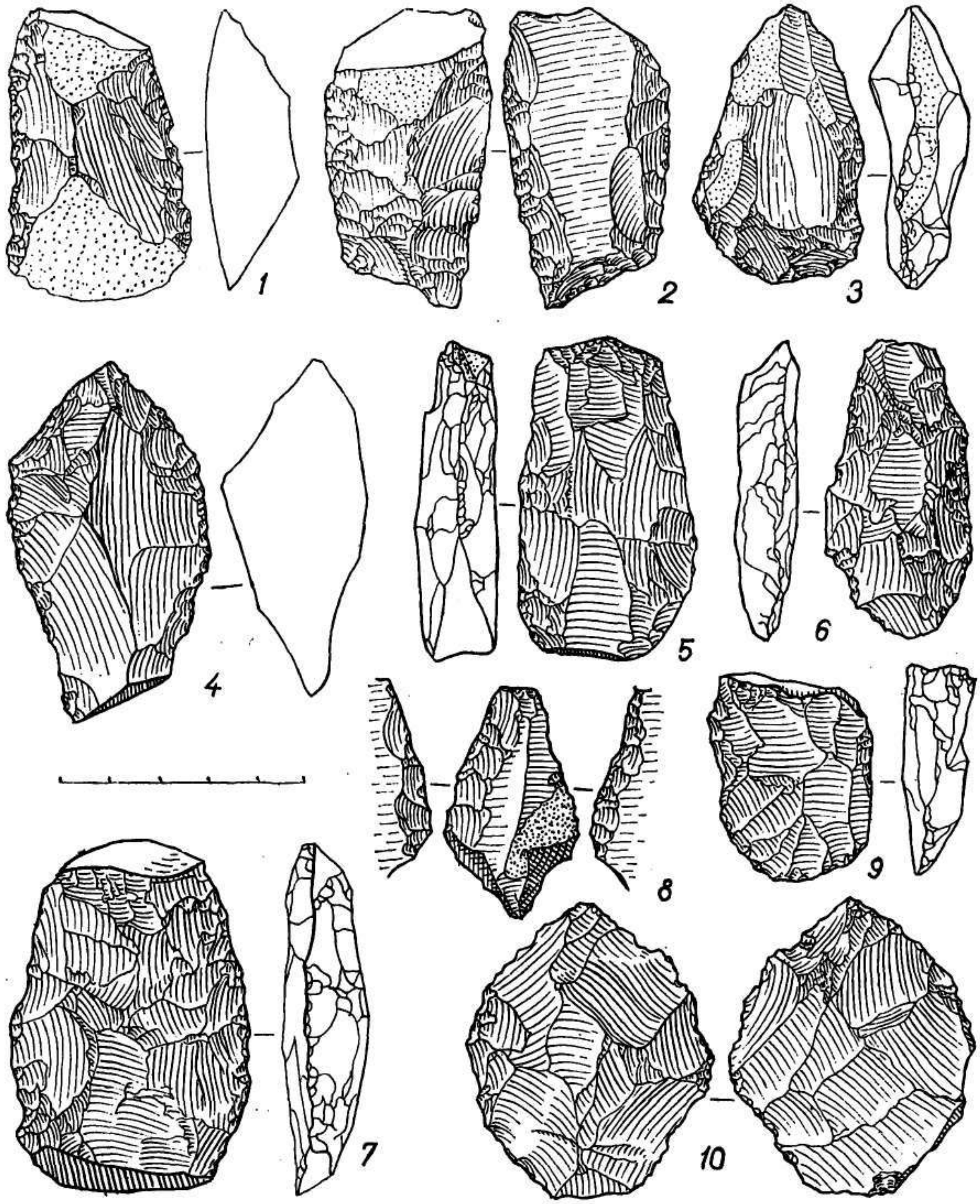


Рис. 138. Овальные топорики и клинья:

1 — межозерная стоянка у оз. Глинас; *3, 8, 10* — **Максимонис** 1; *2, 4, 5, 7* — у пос. Мяркине 3а; *6* — Йонёнис, *9* — Памяркине

покрыты коркой (рис. 127, *11*). Оборотная сторона обработана плоскими сколами. У второго топорика оба конца ретушированы, а на его узком конце видны явные признаки употребления. Несколько таких же овальных топориков обнаружено в стоянке Канюкай (рис. 120, *36, 37*); все они — с отрубленными концами.

Очень много различных топориков, относящихся к мезолитическому комплексу, найдено в стоянке Максимонис 1. Большинство их со сколотыми концами. Многие близки к нуклеусам. Один напоминает нуклеус из стоянки Глинас — с явными негативами пластин на поверхности,— с других сколоты отщепы. У одних топориков концы обрублены вертикально, у других — косо. Обнаружены также топорики с ретушированными лезвиями (рис. 138, *3*), плоской формы (рис. 138, *10*), обработанные при помощи скалывания довольно глубоких отщепов. Один конец топорика заострен; возможно, что процесс его изготовления не был завершен. Топорики, имеющие ретушированные концы, напоминают древние палеолитические — на округлом лезвии видна ретушь и следы работы. У одного короткого изделия (рис. 138, *9*), сделанного из беловатого кремня, четко видны лезвия. Один конец изделия круто сколот и слегка ретуширован; боковые края почти лишены ретуши, лезвие округлое. Серия аналогичных топориков находилась в среднем слое стоянки Нятесай 1 (рис. 125) и в других стоянках II этапа.

Указанная форма топориков сохранилась и в стоянках III этапа, только здесь они приобрели несколько меньшие размеры. Встречаются топорики, обрубленные с обоих концов, как в Кампишкес (рис. 134, *39*), или с коротким, округло ретушированным лезвием, как в Лампеджяй (рис. 132, *42*). Эту группу дополняет серия топориков Йонёниса (Варенский р-н), где они составляют значительно меньший процент изделий, чем это было в стоянках II этапа. Многие топорики продолжают оставаться похожими на нуклеусы; боковые края их ретушированы, концы обрублены; встречаются изделия и с округлым лезвием. Один экземпляр (рис. 138, *6*) сколот со всех сторон, но ретуширован частично только с краев.

Особенно тщательно обработанный овальный топорик (рис. 139) найден в стоянке Книзлаукис (Укмяргский р-н), на острове р. Швянтойи. В Историко-этнографическом музее Литовской ССР хранятся топорики из старых собраний В. Шукевича, долгое время считавшиеся образцами «кампинийской» культуры, якобы существовавшей в Литве. Говоря о них, обычно упоминают 4 стоянки или, вернее, группу стоянок — Кашетос, Рудня, Грибаша и Маргяй (Antoniewicz, Wl., 1935, стр. 44—45). Фактически же топорики Шукевича относятся ко всем трем хронологическим группам микролито-макролитических стоянок. Это топорики со сколотыми и ретушированными, иногда с несколько суженными округлыми лезвиями. Очень похожие экземпляры имеются и в раннем неолите — с частичной пришлифовкой лезвия. В позднем неолите встречаются подобные заготовки для топориков, еще не отшлифованные, с угловатыми лезвиями.

Вторым типом крупных мезолитических орудий в Литве являлся клин. От овальных топориков он отличается тем, что изготовлялся не из нуклеусов или нуклеусовидных кусков кремня, а из кремневых пластин. Поэтому, в отличие от топориков, их оборотная сторона обычно бывает не обтесана, а сколота одним ударом. В то же время со спинки образуется крышеобразный бугорок, который обтесывается и ретушируется. Нередко на лицевой стороне оставлялась узкая полоса кремневой корки. Изделия подобного типа встречались уже в некоторых эпипалеолитических стоянках, а затем в стоянках конца палеолита, таких, как, например, Эжяринас или Глинас (рис. 138, *1*), где был обнаружен клин, ретушированный по бокам только с лицевой стороны и с треугольниками кремневой корки на концах. В продольном и поперечном сечении клин представляет треугольник. Похожий клин был найден и в Бруже — стоянке первой микролито-макролитической группы (рис. 114, *13*). В отличие от предыдущего он не имеет на поверхности корки. В Памяркине найдены такие клинья, у которых один конец напоминает нуклеус, а второй сколот одним ударом; остался лишь кусок с коркой. В стоянке Памяркине найдены также клинья с ретушированной оборотной стороной. Лишь один из них имел сплошь обтесанную оборотную сторону; большинство же составляли такие, у которых одно ребро ретушировано сверху, другое — снизу. Эти изделия часто бывают похожи на треугольник. В стоянках второй группы их мало. В Нятесай 1 обнаружен клин, очень напоминающий находку из межозерной стоянки Глинас; оборотная сторона его чуть-чуть выровнена; на противоположной имеется полоса корки; бока в обеих сторонах косо сколоты и ретушированы.

Мало клинообразных изделий и в стоянке у пос. Мяркине 3а. Их боковые грани тоже круто ретушированы, а концы уплощены. Однако некоторые из изделий близки к овальным топорикам. Одна из находок (рис. 138, *2*) сверху обработана как клин, оборотная ее сторона плоско ретуширована, узкий конец скошен и ретуширован. Там же найден и второй клин, но не такой правильной формы.

К мезолитическому комплексу следует отнести серию аналогичных клиньев из стоянки

Максимонис 1. Среди них — экземпляр с плоской коркой на спинке. У некоторых проступают признаки нуклеусов. Большинство клиньев из Максимонис 1 принадлежит к ранним типам, хотя встречаются экземпляры и с выровненной оборотной стороной.

В стоянках третьего этапа клинья в большинстве не имеют четкого характера и приближаются к топорикам. В небольших стоянках их мало. Наиболее крупная серия была обнаружена на стоянке Ионёнис, в том числе два узких продолговатых клина, плоские с брюшка. К концу они уплощены, а в поперечном сечении представляют треугольник. Имеются экземпляры, обитые только с лицевой стороны, а также обработанные с обеих сторон. Одна из находок похожа на широкую трапецию.

В целом зона распространения мезолитических топориков и клиньев совпадает с зоной находок культуры маглемозе. Начиная от Британии, через Ютландию с ее островами, северную Германию с Шлезвиг-Гольштейном и Мекленбургом топорики идут дальше к востоку — в Саксонию, Силезию, остров Рюген, Померанию. Известны они и в Калининградской области, но вот в центральной Польше их нет (Kozłowski, S. K., 1967, стр. 22). Еще дальше, к востоку от Литвы, мезолитические овальные топорики встречаются только в Западной Белоруссии и в Припятской низменности. К югу от упомянутых областей вместе с микролитами их не находят, за исключением некоторых Донецких стоянок (Телегин, 1959, стр. 160—162, рис. 1), где их, вероятно, следовало бы связать с некоторыми пережитками влияний из области распространения свидерской культуры. В Донецких стоянках они встречаются вместе с эписвидерскими наконечниками стрел, а форма их близка к свидерским топорикам с перехватом. Видимо, южные области получили свою микролитическую культуру не с запада, а с территорий, лежащих еще дальше к югу.

Микролито-макролитическая культура характерна, как таковая, только для южной Прибалтики. Овальные топорики и другие макролиты, которых в свое время пытались причислить к мнимой «кампинийской» культуре, оказались неолитическими (Гурина, 1962, стр. 24—28).

В Литве овальные топорики появляются в самом начале мезолита. Разумеется, этим мы еще не отвечаем на вопрсcы: откуда овальный топорик появился в таких эпипалеолитических стоянках, как Дубичяй 2 или Памяркине; являются ли эти стоянки более ранними или более поздними, чем Максимонис 4; чем объяснить появление топорика — влиянием маглемозской культуры или наследием позднего палеолита (из таких комплексов как Эжяринас)? Пока что эти вопросы остаются открытыми, поскольку и в западной Прибалтике овальный топорик не является изобретением маглемозской культуры.

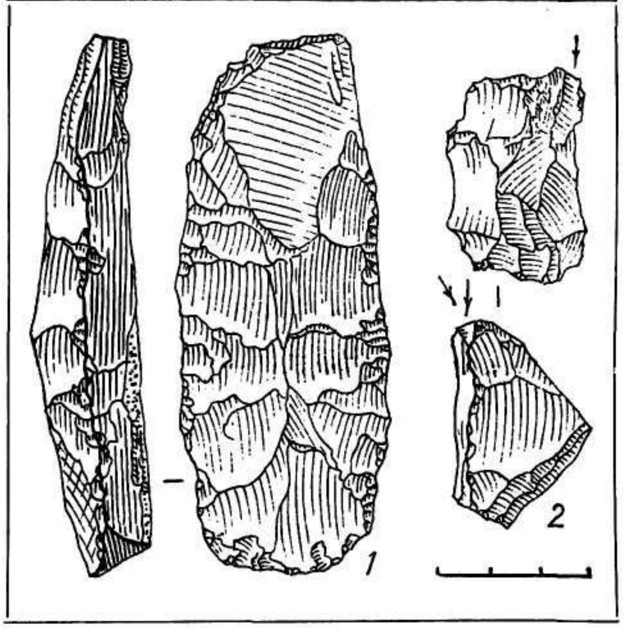


Рис. 139. Орудия стоянки Книзлаукис

Топоры были найдены уже в раннемезолитической стоянке Пиннберг, которую следовало бы отнести к прибалтийскому мадлену (группа Бромме-Люнгбю). Поэтому в типологическом отношении топоры считаются как бы границей между палеолитом (в аренсбургских стоянках их еще нет) и мезолитом (Schwabedissen, 1951, стр. 161—164). Наиболее ранний топор, известный в Дании, идентичен тем, которые мы находим в литовских маглемозских стоянках. Он чаще всего имеет обрубленное лезвие и в поперечном сечении представляет неправильную линзу, прямоугольник или ромб. В юго-западной части Балтийского побережья такие топорики встречаются во всех культурных группах, но в особенности в более древних (Маглемозе, Гюдено, Эртебёлле). Только на последних стоянках культуры Эртебёлле лезвия этих топориков начинают ретушировать. В позднейших стадиях неолита там, как и в Литве, они встречаются только изредка, и то видоизмененные (Mathiassen, 1948, стр. 22—25).

В области распространения свидерской культуры топорики известны с палеолита, причем в двух формах — овальные и с перехватом. Топорики с перехватом в Литве исчезают еще в палеолите. Но уцелел ли овальный топорик в эпипалеолитической культуре, пока мы не можем ответить. Как уже отмечалось, в Польше мезолитических овальных топориков почти нет, но с палеолитом там исчезают и свидерские наконечники, а в Литве они сохраняются.

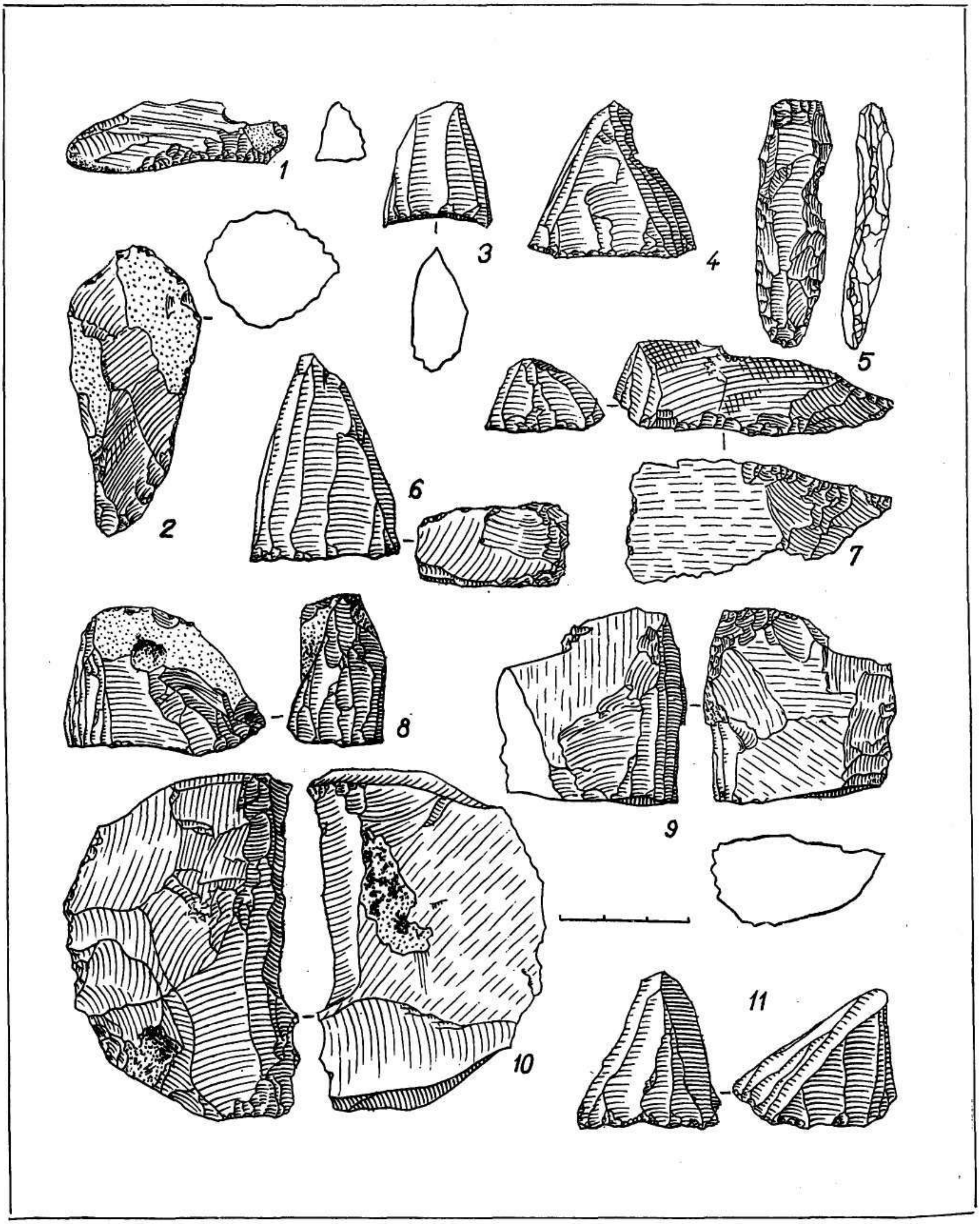


Рис. 140. Ретушеры и нуклеусы:
1, 4, 11 — Йонёнис; *2, 3, 6, 7, 9, 10* — Максимонис 1; *5* — Поцюнай; *8* — у пос. Мяркине 3а

Таким образом, теоретически мог уцелеть в Литве и свидерский топорик. Не исключая возможности, что некоторые топорики могли быть унаследованы от палеолита через эпипалеолитическую культуру, тем не менее большинство их, пожалуй, следует связывать с маглемозской культурой, так как распространены они в узкой приморской полосе и на островах, т. е. по пути движения маглемозской культуры.

Среди других изделий этой группы для микролито-макролитической культуры очень характерен тонкий ретушер (рис. 140, *1*) — продолговатый, в сечении в виде высокого треугольника, с плоским основанием и ретушью по бокам; конец его обычно округлый и сильно сношенный. Такой ретушер появляется только в стоянках микролито-макролитической культуры, сохраняется на всем ее протяжении и в большом количестве встречается затем в раннем неолите. Для I группы стоянок характерны тонкие ретушеры из Паштувы. В разрезе они тоже имеют вид высокого треугольника; концы сработаны. Довольно широкий ретушер, обнаруженный в Няманюнай (Пренайский р-н), от работы сильно сношен со всех сторон.

Количество ретушеров (так же, как и других крупных изделий) сильно увеличивается в стоянках II этапа. Такие ретушеры обнаружены, в частности, в стоянке у пос. Мяркине 3а. Основание у них чаще всего бывает плоско сколотым, иногда ретушированным. Выделяются по своей форме изделия, изготовленные из толстого отщепа, довольно широкого, суженного только у острия. По общему виду они напоминают наконечник (рис. 127, *10*), но конец мнимого черешка довольно толст, ретуширован и изношен. Некоторые из ретушеров, по-видимому, сделаны из карандашевидных нуклеусов (по всей длине идут негативы от снятых пластин).

Ретушеры данного типа обнаружены и в мезолитическом комплексе стоянки Максимонис I. Чаще всего их основание плоское, однако встречаются ретушеры и ромбовидного сечения. У некоторых один бок бывает ретуширован, а второй явно указывает на то, что ретушер сделан из нуклеуса. Встречаются изделия плоской формы (рис. 140, *5*). Следует упомянуть еще несколько орудий труда, близких к ретушерам, хотя они и редко встречаются в мезолитических стоянках. Это изделия, суженные только у вершины и довольно толстые на противоположном конце, напоминающие орудия типа «пик». К подобным изделиям относится экземпляр, найденный на стоянке Поцюнай (рис. 140, *2*); на нем во многих местах остались следы от нажимов.

К тонким ретушерам и лодкообразным нуклеусам очень близки своеобразные и редкие орудия треугольной формы, представляющие и в разрезе тоже треугольник (рис. 140, *7*). Три таких орудия обнаружены в стоянке Максимонис 1, что является свидетельством принадлежности их ко второму этапу микролито-макролитической культуры. Изделия имеют вид составленных из четырех треугольников. Их основание бывает несколько выровненным. Два подобных изделия известны еще в Пямяркине. Одно правильное, довольно высокое, с несколько выгнутой передней частью; на спинке имеется немного корки. Второе изделие короче и не такой правильной формы.

Далее следует остановиться на нуклеусах, хотя они и не относятся к изделиям. Нуклеусы располагают характерной формой и зачастую хорошо определяют принадлежность стоянки к той или другой культуре.

Двухплощадочные нуклеусы не характерны для микролито-макролитической культуры. Иногда они (плоские) использовались только в качестве заготовок для овальных топориков, что отчетливо видно в стоянке Канюкай I (рис. 120, *38*). Микролито-макролитической культуре свойственны конусообразные и пирамидальные нуклеусы различных форм. Начиная со стоянок I этапа встречаются нуклеусы, использовавшиеся для изготовления широких пластин и узких вкладышей для гарпунов.

Длинные широкие пластины скалывались с высоких, длинных, одноплощадочных, конусообразных нуклеусов. Такие нуклеусы встречаются в стоянках всех трех групп. Часть подобного нуклеуса найдена в Паштуве (рис. 112, *35*), часть — в Максимонисе (рис. 141, *1*). Пластины, сколотые с них, очень прямые, площадка нуклеуса — овальная, горизонтальная, выровненная путем скалывания. Аналогичный нуклеус обнаружен в Зависишке (Зарасайский р-н) (рис. 141, *2*). В длину он имеет 15 *см*, негативы его пластин прямые, ровные, и только одна пластина сбоку имела выщербину, образовавшую значительную выемку. Площадка, как и у нуклеуса из Максимонис I, чисто выровнена путем скалывания, а края сильно отжаты (быть может, нуклеус позже употреблялся как отбойник). В свое время этот нуклеус попал в недостаточно точно паспортизированные коллекции Музея древностей, и поэтому мы точно не знаем, какому именно комплексу он принадлежит. Судя по ширине и крупным размерам пластин, можно предполагать, что музейный нуклеус был поднят в одной из стоянок первого этапа (Tyszkiewicz, 1850, илл. IV : 5).

Примеры нуклеусов, найденных в стоянках III этапа, можно найти в инвентаре Йонёнис. Они несколько напоминают пирамидальные нуклеусы, только значительно длиннее их. Площадки выровнены путем скалывания довольно плоских отщепов, но сами нуклеусы не очень

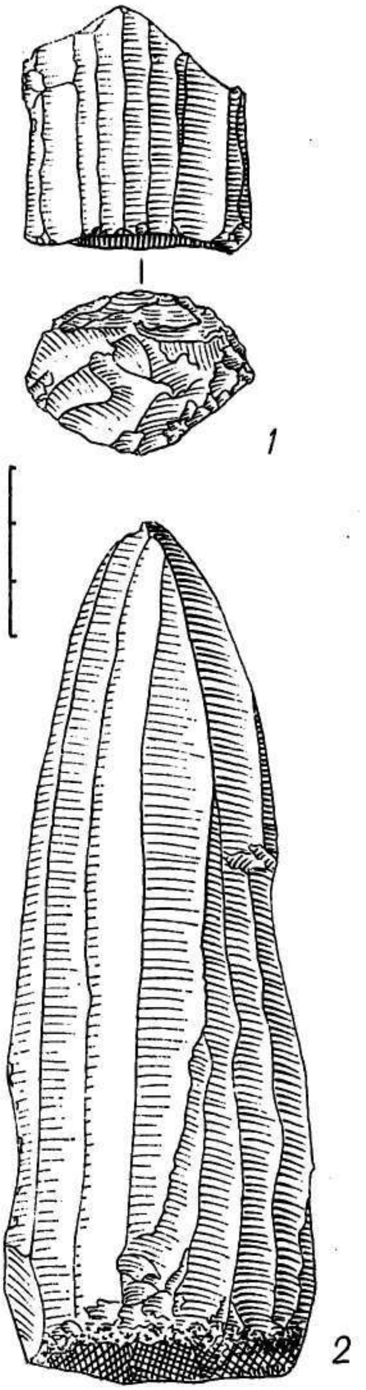


Рис. 141. Крупные нуклеусы стоянок Максимонис 1 (1) и Зависишке (2)

правильные, а пластины, сколотые с них, не совсем прямые.

На протяжении всей микролито-макролитической культуры встречаются очень красивые карандашевидные нуклеусы, с которых скалывали вкладыши для гарпунов. Во всех стоянках они тождественны и уже поэтому могут служить одним из характерных признаков данной культуры. При изготовлении вкладышей для гарпунов использовались также лодкообразные нуклеусы, которые позже, судя по оставленным на краях следам работы, служили высокими скребками. Площадки их овальные; узкие прямые пластиночки скалывались только с узкого конца. Наибольшее количество таких нуклеусов обнаружено в стоянках II этапа, таких, как у пос. Мяркине 3а (рис. 140, *8*), Максимонис 1 (рис. 140, *9*), Памяркине, Йонёнис.

Для того, чтобы получить короткие, широкие пластины, обитатели стоянок пользовались пирамидальными нуклеусами с более или менее правильной четырехугольной площадкой. Самые совершенные экземпляры таких нуклеусов мы находим в стоянках II хронологической группы, например, в Максимонис 1 (рис. 140, *6*). Очень характерные экземпляры имеются и в стоянках III этапа, например, в Йонёнис (рис. 140, *4, 11*).

Роговые и костяные мезолитические изделия, найденные в Литве (рис. 142), пока не поддаются распределению по выделенным нами трем хронологическим этапам микролито-макролитической культуры. Только в очень редких случаях можно проследить некоторую их связь с кремневыми изделиями, которые датируются лучше. В частности, одним из изделий, уверенно отнесенных (по кремневым деталям) к микролито-макролитической культуре, является гарпун со вставленными по бокам вкладышами. Вкладыши ретушированы по краям или по вертикально обрубленным концам. На вершине использован заостренный вкладыш. В Литве пока что известно 7 экземпляров таких гарпунов: три с вкладышами с обеих сторон и четыре — с одной.

Двухрядный гарпун был найден в Будвечяй[1] (Капсукский р-н) (Grewingk, 1865, стр. 55; 1882, стр. 42—3, табл. III : 33; Puzinas, 1935[a], стр. 285, илл. 5; Antoniewicz, Wł., 1935, стр. 43, табл. X : 5), в торфянике на глубине около 1,5 *м*, под торфом, на мелком песке. Вершина его (рис. 142, *5*) тонкая, острая, черешок — толще и более тупой; одна сторона гарпуна плоская, другая — выгнутая. Пазы, служившие для укрепления пластинок, имеют ширину и глубину около 2 *мм*, пластинки — 6 *мм* в ширину

[1] В старой литературе эта находка часто имеет неверный паспорт — «Potwjece» к югу от Мариямполе (ныне г. Капсукас). Вероятно, именно этот гарпун упоминает также Л. Козловский (Kozłowski, L., 1924, табл. 1 : 10 a, b, c), указывая местом его обнаружения окрестности г. Вилкавишкиса. Предположение Козловского повторяет А. Спицын (Спицын, 1925, стр. 115). З. Глогер пишет о месте обнаружения гарпуна: «над Неманем» (Gloger, 1903, стр. 36). В настоящее время гарпун хранится в Краковском музее.

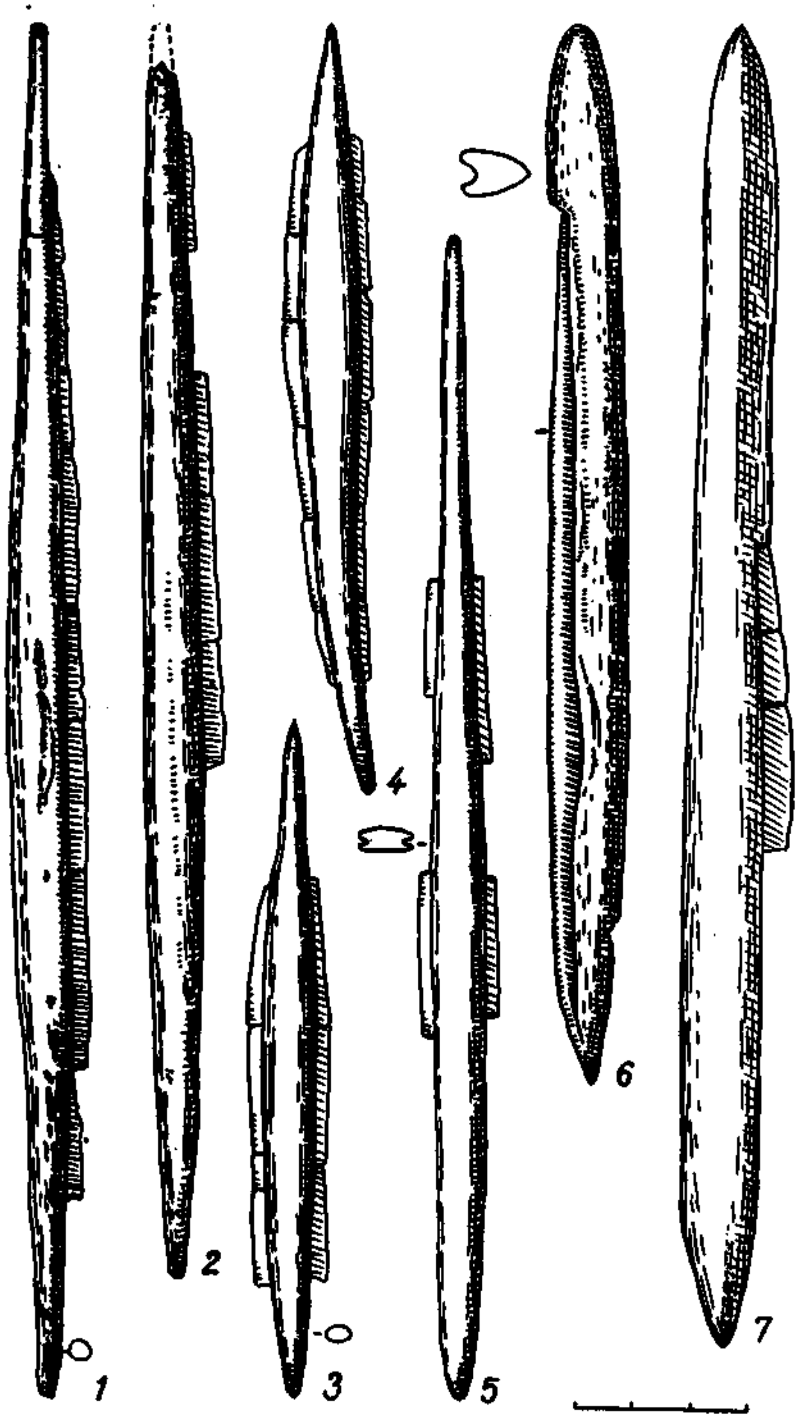


Рис. 142. Роговые наконечники с вкладышами:
1 — Вайкантонис, *2* — Оншрутай, *3* — Жюряй-Гудяляй, *4* — Гульбинишкяй, *5* — Будвечяй, *6* — Иляй, *7* — Эжярелис

и 20—40 *мм* в длину. Длина самого гарпуна — 20,9 *см*, ширина — 0,9 *см*, толщина — 0,6 *см*.

Второй двухрядный литовский гарпун тоже знаком нам только по архивным материалам и литературе[1] (рис. 142, *4*). Он обнаружен в Гульбинишкяй (Капсукский р-н) в торфянике. Гарпун чуть выгнут. Один конец его толще, другой очень тонкий. По обеим сторонам гарпуна вставлены пластинки.

Третий двухрядный гарпун в свое время был найден в торфянике в соседнем с Капсукским Вилкавишкском р-не, в местности Жюряй-Гудяляй. Он, по-видимому, лежал в слое торфа, так как приобрел темную окраску. Оба конца гарпуна острые, поперечный разрез — плоский овал. Гарпун отличается весьма небольшой величиной — 11,9 *см* в длину; ширина вместе с вкладышами — 1,9 *см* (рис. 142, *3*). Вкладыши тщательно отретушированы и аналогичны тем, которые встречаются в микролито-макролитических стоянках.

Остальные четыре известных в Литве гарпуна имеют вкладыши с одной стороны. Два из них — длинные и очень сходные между собой. Хорошо сохранился гарпун из Опшрутай (Вилкавишкский р-н) (рис. 142, *2*)[2], найденный в торфянике Элксне под нижним слоем торфа на глубине около 2,5 *м*. Острие его обломано. Остаток имеет 21,4 *см* в длину; сечение — овальное поперечное, наибольшая ширина посередине — 1,5 *см*, толщина — 0,7 *см*. Цвет желтоватый. По краю остались 4 вкладыша (Puzinas, 1935[а], стр. 285, илл. 6; 1938, илл. 2 : 7; Antoniewicz, Wł., 1935, табл. X : 6). Второй, очень близкий предыдущему, гарпун обнаружен в Вайкантонис (Алитусский р-н) (рис. 141, *1*) в илистой земле на глубине около 0,5 *м*. Нашли его во время работ по выпрямлению русла речки Варене. Он имел 24,5 *см* в длину, 1,8 *см* в ширину и 0,6 *см* в толщину. Пластинки сохранились все, за исключением самой верхней. Светло-коричневый цвет указывает на то, что он, как и гарпун из Опшрутай, попал в ил еще до образования торфяника.

Несколько иными представляются два гарпуна, имеющие длинные острые роговые вершины. Вкладыши у них лишь в нижней части. Один из этих гарпунов найден в Иляй (Плунгеский р-н) (рис. 142, *6*), на пне в торфянике, на глубине 2 *м*. Вершина его широкая и плоская. Ниже ее располагается паз для вкладышей, которые не сохранились (второй конец гарпуна и поверхность местами обструганы лицом, обнаружившим это орудие). Сохранившаяся часть гарпуна имеет в длину 18,7 *см*; цвет его — темно-коричневый (Puzinas, 1935[а], стр. 285, илл. 7; 1938[а], илл. 2 : 5).

Такой же гарпун был обнаружен в Эжярелисе (Каунасский р-н) (рис. 142, *7*), в торфянике, на глубине около 4 *м*. Светлый цвет гарпуна указывает на то, что он лежал под слоем торфа. Вершина в разрезе имеет форму ромба и длину 9,2 *см*. Ниже на одной стороне прорезан паз, в котором сохранились две кремневые пластины. Книзу гарпун несколько расширяется, а самый конец его заострен. Длина орудия — 23,2 *см*.

Все гарпуны, которые мы назвали, являются, повторяем, случайными находками, и поэтому увязать их с какими-то определенными стоянками нельзя. В музеи они попали «чистыми», хорошо отмытыми, что исключило возможность проведения пыльцевого анализа. Только по косвенным данным можно судить, что они попали на дно озер и рек еще до того, как начался процесс формирования торфяников или в ходе этого процесса. Судя по вкладышам, найденным в стоянках, можно полагать, что гарпуны, о которых идет речь, типичны для микролито-макролитической культуры. Начиная с наиболее ранних стоянок, таких, как Паштува, вплоть до позднейших — Лампеджяй, Кампишкес, — вкладыши для гарпунов повсюду одинаковы.

Аналогичные гарпуны, найденные на территории Калининградской области и датированные путем пыльцевого анализа, позволяют отнести соответствующие литовские находки частью к анциловому периоду (Gross, 1937[а], стр. 147; 1938[а], стр. 88—91, илл. 3), а некоторые — к раннему литориновому (Gross, 1941, стр. 34—36). В Ютландии подобные гарпуны путем пыльцевого анализа были датированы анциловым периодом, но употреблялись они там еще долго после конца бореального (Brøndsted, 1938, стр. 68, 69, илл. 41c).

К северу от Литвы — в Латвии и Эстонии — тоже были найдены мезолитические гарпуны. Как и в Литве, в самых ранних стоянках там их нет. В Кунде, например, найдено всего несколько обломков гарпунов, а вот в Пярну этих орудий уже довольно много (Indreko, 1948, стр. 271—3, илл. 71 : 2—4). В Латвии гарпуны в большинстве однорядные, с вкладышами-пластинками, ретушированными таким же способом, как и в Литве (Лозе, 1966, стр. 108,

[1] Гарпун хранился в Мариямпольском музее, но был утерян. Данные о нем публиковались в литовской официозной газете «Летувос айдас», № 492, 29.X.1938 г.

[2] По недоразумению этот гарпун иногда значится в археологической литературе как «гарпун из Кирсны» (хутор Якимавичюса). Говорится даже о двух гарпунах: из Опшрутай и из Кирсны. На деле же в Кирсне никогда никакого гарпуна со вставными лезвиями не находили. Неточность возникла из-за того, что, публикуя материал о черепе мезолитического человека, обнаруженном в Кирсне, д-р Жилинскас на одной и той же иллюстрации, вместе с черепом, поместил рисунок гарпуна, найденного в Опшрутай. Точного паспорта его автор не указал, лишь мимоходом упомянув в тексте, что в окрестностях Кирсны, мол, находят, кроме костей человека, и мезолитические орудия труда (Žilinskas, 1931, стр. 12, илл. 9).

илл. 2:4, 13). Дальше к востоку гарпуны, изготовленные с помощью той же техники, встречаются и в неолите (Брюсов, 1952, стр. 149). Наконечники гарпунов из стоянок Иляй и Эжярелис можно отнести, вероятнее всего, к поздним типам развития этого орудия, так как их вершины очень близки к плоским наконечникам, образующим в поперечном разрезе острый треугольник. Такие наконечники мы знаем по литовской неолитической стоянке Янаполе (Тельшяйский р-н) (Puzinas, 1938[a], илл. III:8) или эстонской стоянке Пярну (Indreko, 1926, стр. 287, илл. I:27). В Финляндии и Скандинавии наконечники такой формы в большинстве уже относятся к неолитическим, изготовленным из кости или камня (Indreko, 1948, стр. 254—8).

Гарпуны с вкладышами являются очень распространенной мезолитической формой изделий. Они встречаются и в Западной и в Восточной Европе в азильских культурах (Бибиков, 1949, стр. 16—19). В Дании они распространены мало, встречаясь лишь на Седанских островах и на Борнхольме (Brønsted, 1938, стр. 68—9, рис. 41[c]). Причем западные гарпуны во многом отличаются от литовских. Нет сомнения, что гарпун с вкладышами не мог попасть в Литву с основной волной маглемозской культуры. Вероятно, идея изготовления этих орудий проникла в Литву с юга, а форма родилась на месте.

Без сомнения, дальше бытуют и те типы гарпунов, которые можно связать с ранней волной маглемозской культуры (мелкозубый гарпун с длинными вытянутыми зубьями), тем более, что, по находкам других стран Прибалтики, они более характерны для второй половины мезолита.

В литориновом периоде добавляются еще некоторые типы костяных изделий, которые не могли быть принесены основной волной маглемозской культуры, хотя все-таки принадлежат к ассортименту типов упомянутой культуры. К таким типам относится также кинжал с рукояткой (LAB, 1961, илл. 21:10), найденный в Арёгале (Расейнский р-н) в месте впадения речки Таурупис в реку Дубиса (рис. 143). Это довольно ровное и плоское изделие имеет в длину 18 *см* и в ширину — 3 *см;* темно-коричневого цвета, с обломанным острием. Вместе с ним был найден гарпун с 3 зубчиками (утерян нашедшим его лицом). Обнаруженные в Эстонии экземпляры имеют острые вершины и тупые лезвия, такие же, как у кинжала из Арёгалы. Подобные кинжалы были обнаружены в Кунде, Пярну, Тырвала, а в Латвии — у озера Лубана, в местности Цепельниекс. Р. Индреко датирует их первым периодом литорина (Indreko, 1948, стр. 279—282, илл. 75:5).

Редкие изделия, имеющие прямую связь с микролито-макролитической культурой, это роговые рукоятки для овальных топориков. Два известных нам изделия этого рода хранились в старых музейных собраниях. Одно, найденное в Чяпялунай (Варенский р-н) (рис. 144, *1*), имеет 27 *см* длины. Второе, поднятое в Кашетос (рис. 144, *2*), явно неоконченное работой. Такие изделия встречаются в зоне распространения овальных топориков (Schwantes, 1934, рис. 98).

Труднее всего датировать или поместить в рамки какой-либо одной культуры роговые топоры, в особенности если они представляют собой случайные находки. В Литве мы знаем немало топоров с просверленным или пробитым отверстием для черенка; с поверхности они плохо обработаны; сохраняются натуральные особенности куска рога. По форме топоры можно разделить на короткие и длинные. Более ранними следует считать короткие. Существовали они в течение очень длительного периода, на что указывают некоторые находки на Куршской косе (Kulikauskas, 1959[a], стр. 73, 2:3, 4 илл.). Здесь топоры не могли появиться раньше неолита, поскольку только в неолите образовалась сама коса. К мезолиту, пожалуй, относится короткий топорик из Дарсунишкис (Кайшядорский р-н) (Puzinas, 1935[a], стр. 285, илл. 20; 1938, илл. 4:4; LAB, 1961, илл. 22:8), имеющий 10,2 *см* длины, 5,8 *см* ширины и 4,4 *см* толщины. Очень похожий топорик найден в Литве, но, к сожалению, неизвестно, где именно; длина его — 8,1 *см* (Puzinas, 1935[a], стр. 286, илл. 21; 1938[a], илл. 4:5). К мезолиту могут быть отнесены также топор, поднятый около г. Панявежиса (рис. 145, *2*), на берегу р. Нявежис; длина его — 12 *см,* толщина у обуха — 5 *см* (Puzinas, 1935[a], стр. 285, илл. 18; LAB, 1961, стр. 523), и с ним несколько других топоров.

В разных частях Европы топоры появляются в анциловом периоде. В Прибалтике часть их относят к мезолиту, а в Восточной Европе, в частности в области Трипольской культуры,— только к неолиту (Indreko, 1948, стр. 196—198).

В литориновом периоде появляется длинный топор с просверленным или выдолбленным отверстием на месте среза ответвления рога. Это изделие встречается в явно неолитических комплексах, таких, как стоянка Паланга (Kulikauskas, 1959[a], стр. 35, илл. 2). Однако часть их, несомненно, можно относить и к концу мезолита, как, например, топор из Шарняле (рис. 146, *5*), имеющий 26,5 *см* длины. Он несколько выгнут, с выдолбленным на месте разветвления отверстием, с выровненной розеткой. В косо срезанном лезвии выскоблено небольшое углубление для вкладыша, изготовленного из крем-

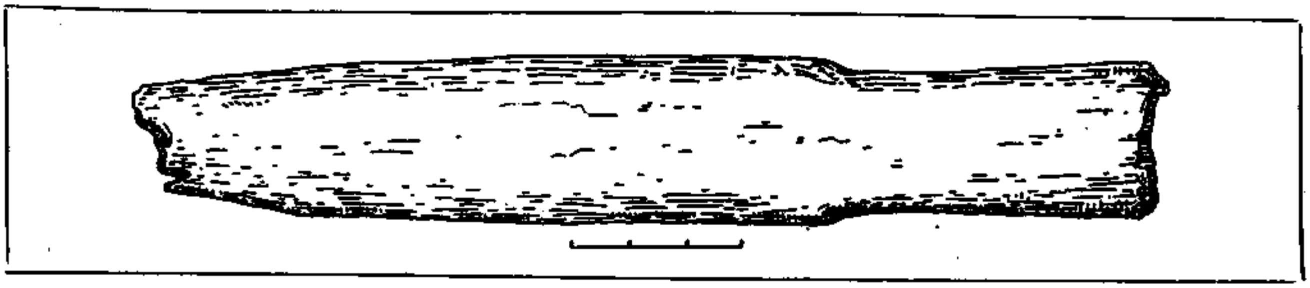


Рис. 143. Кинжал из Арёгалы

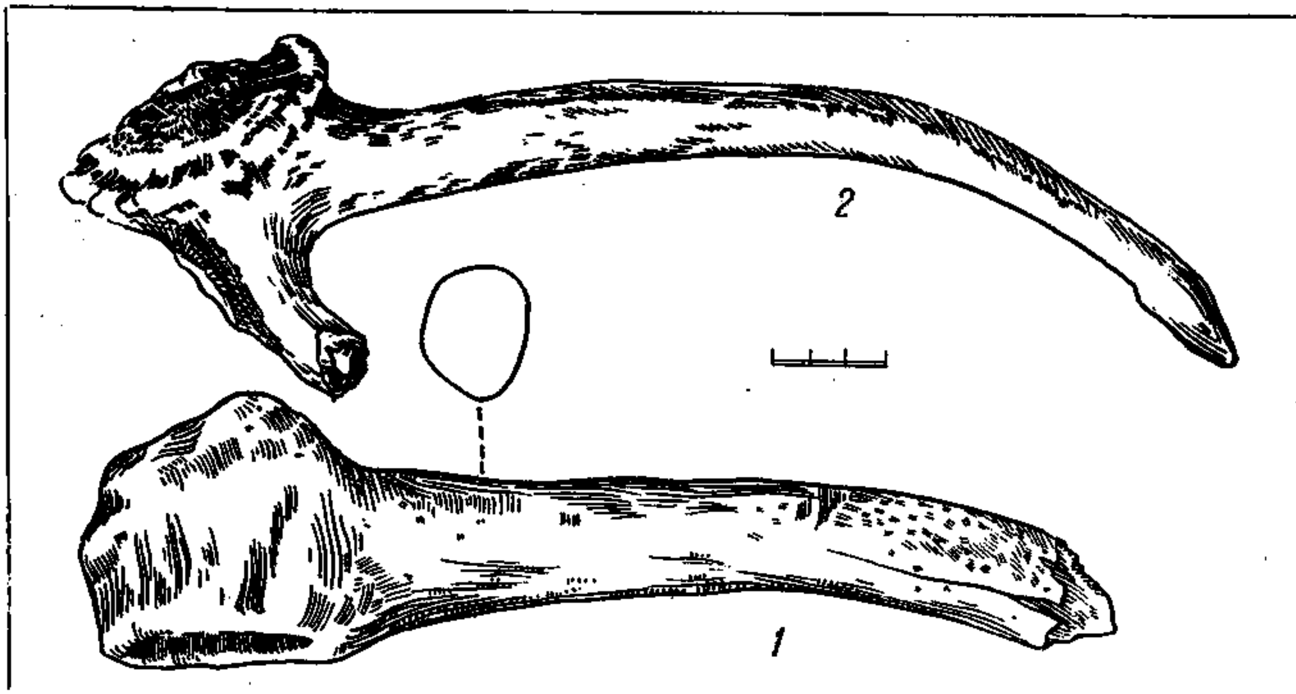


Рис. 144. Рукоятки из рога для овальных топориков:
1 — Чяпялунай, *2* — Кашетос (не окончена)

ня или рога. Очень похожий топор был найден и в Рокай (Ражишкяй) (Каунасский р-н) на размытом правом берегу р. Еся (рис. 145, *3*). Отверстие у него тоже выдолблено — с одной стороны четырехугольное, с другой — овальное. Топор имел светлую окраску. Длина его — 25 *см*, ширина — 4,9 *см* (Puzinas, 1935[a], стр. 286, илл. 23; 1938[a], илл. 416). К сожалению, рядом с данным орудием нет стоянки, по которой можно было бы датировать находку.

Изделие, напоминающее рассмотренные выше длинные топоры, было найдено и в Дубичяй. Оно относится, надо полагать, к концу мезолита. В длину топор имеет 28 *см*, обух шириной 4 *см*. Вершина круто срезана, а лезвие косо расколото. На месте среза ответвления рога выдолблено овальное отверстие для рукояти. Точно датировать изделие невозможно.

К мезолиту могли относиться и некоторые другие, укороченные, топоры, такие, как, например, найденный в Моколай (Капсукский р-н), у реки Шяшупе. Длина его всего 16,2 *см* (Puzinas, 1938[a], илл. 4 : 3). Другой такой топор (длина — 22 *см*) был обнаружен у той же реки в гор. Кудиркос-Науместис (Шакяйский р-н) (LAB, 1961, илл. 22 : 4). Допустимо, что к орудиям этого типа относится и топор, найденный в окрестностях г. Утяна (Tyszkiewicz, 1850, стр. 68—9, илл. II : 1).

Разные топоры, чаще всего с выемкой на конце для лезвия из другого, более прочного материала, встречаются в области культуры маглемозе, начиная с древнейших ее фаз (Mathiassen, 1948, стр. 30—31). Характерно, что

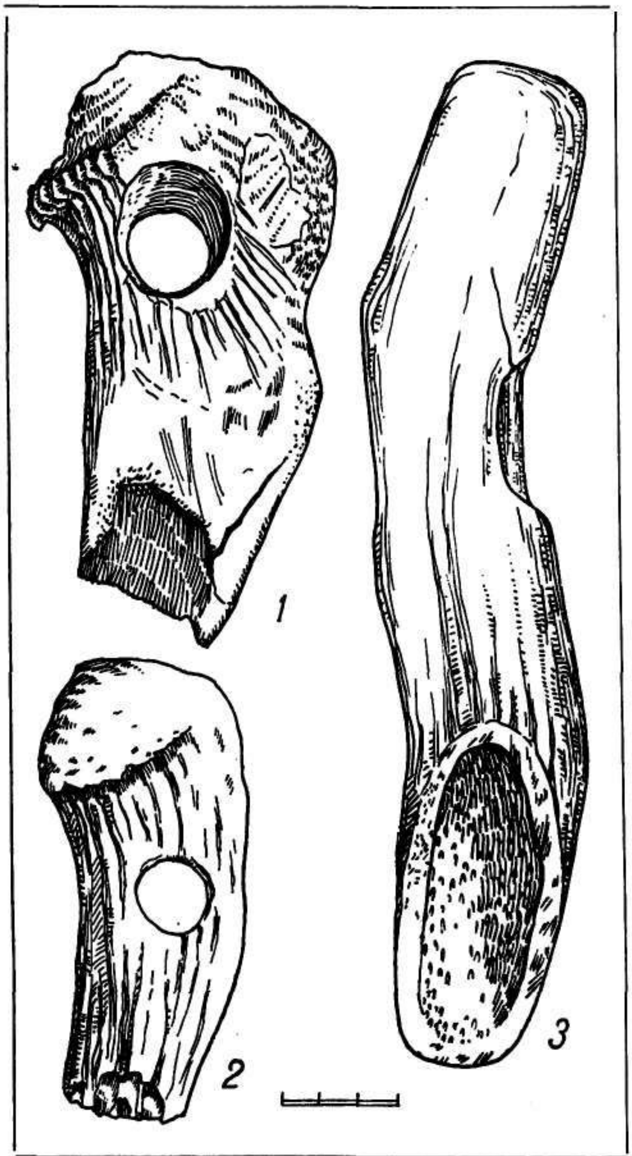


Рис. 145. Роговые топорики:
1 — Камшай (р. Кирсна), *2* — Панявежис, *3* — Рокай (Ражишкяй)

роговые розетки у таких топоров срезаны. В ранних стоянках топоры короткие, и только в атлантическом периоде появляются длинные, с отверстием, просверленным на месте среза ответвления рога (Brønsted, 1938, илл. 71а).

Весьма своеобразны роговые изделия из торфяника Ш а р н я л е. Их, скорее всего, следовало бы причислить к изделиям, которые в археологической литературе принято называть «жезлами». Одна из таких находок (рис. 146, *1*) имеет 22 *см* длины и 2,2 *см* ширины; вершина ее (где должно находиться отверстие) обломана. Осталась лишь нижняя часть, несколько уплощенная и украшенная надрезами. Надрезы не составляют правильного орнамента, хотя и напоминают характерный для мезолита сеткообразный узор. Второй обнаруженный экземпляр (рис. 146, *2*) несколько крупнее: 20,5 *см* в длину и 10,3 *см* в ширину в месте, где расположено отверстие. Низ орудия заострен (Valatka, 1968).

Указанные находки не являются типичными образцами «жезлов», однако надрезы на первой из них как будто подтверждают принадлежность находок к «жезлам» — изделиям, существовавшим, начиная с палеолита и вплоть до раннего неолита. В мезолите этот вид встречается по всей зоне распространения культуры маглемозе (Indreko, 1948, илл. 58). Точнее датировать «жезлы» трудно, однако в восточной Прибалтике они, кажется, присущи позднему мезолиту. В Кунде их нет. Похожая на «жезл» находка, но сильно фрагментированная, лишенная орнамента, была обнаружена в Пярну (Indreko, 1948, стр. 197—209). Подобное изделие известно и в Латвии — найдено в р. Ужава (Вентспилский р-н) (Лозе, 1966, стр. 119). Судя по всему, находки в Шарняле относятся к самому концу мезолита. Такие изделия, по-видимому, существовали и в неолите. К последнему периоду, вероятно, относится и обломок предмета, поднятого в Клайпедском порту (Kulikauskas, 1959[a], илл. 2:1).

Надо отметить, что костяные-роговые орудия, присущие периоду распространения микролито-макролитической культуры, своими корнями в большинстве уходят в маглемозскую. Но те типы, которые распространены в Восточной Европе шире, чем маглемозская культура, не совпадают с упомянутой культурой в хронологическом отношении. Другие изделия, как, например, трехгранные наконечники копий, веретенообразные наконечники, разные топорики, происхождение которых не следует искать в культуре маглемозе, тем не менее принадлежат к ассортименту типов этой культуры. На север от Литвы маглемозская культура образовала отдельную культуру Кунда, в которую, надо думать, будет включена и северная Литва.

В стоянках северной и северо-западной Литвы, как и в стоянках Латвии и Эстонии, трапеций и овальных топориков (рис. 148) нет, редко встречаются ланцетовидные и эписвидерские наконечники стрел.

Таким образом, микролито-макролитическая культура на территории Литвы и Западной Белоруссии образовалась в то время, когда здесь уже чувствовалась своеобразная этнокультурная стабильность. Возможно, что эта стабилизация связана с увлажнением климата в атлантическом периоде, а также с окончательным утверждением таких промыслов, как рыболовство, охота на мелкую дичь и птицу и, видимо, собирание моллюсков.

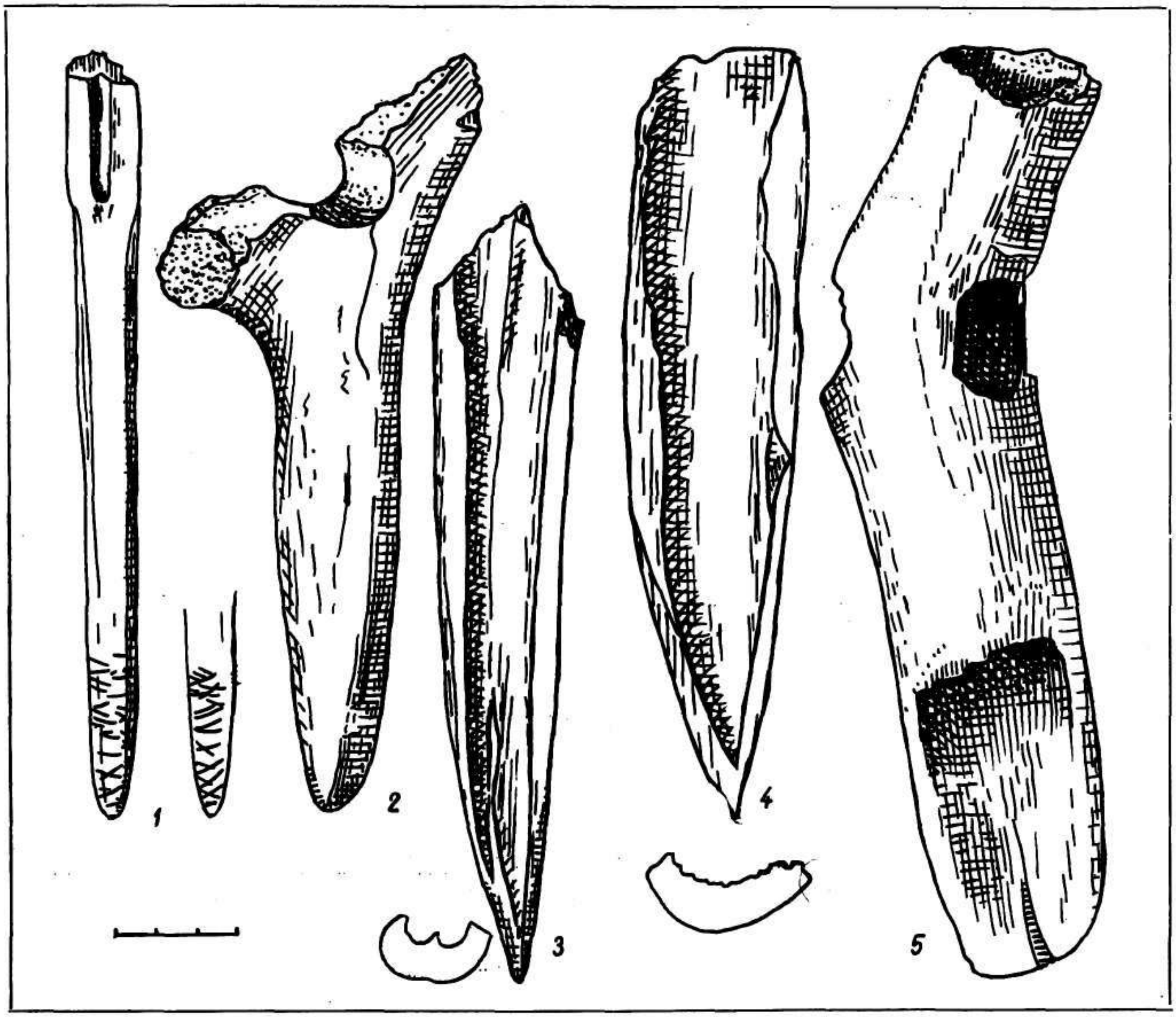


Рис. 146. Роговые и костяные орудия стоянки Шарняле

Данные о форме хозяйства носителей микролито-макролитической культуры в Литве очень скудны. О ней можно судить по орудиям труда и результатам исследования угля очагов, относящихся к разным фазам развития мезолитической культуры.

К раннему мезолиту относятся, в частности, угли очага стоянки Максимонис 4. Очаг существовал длительное время. В нем обнаружены кусочки перегоревших камней с комками пепла: песок стенок очага сплавился с пеплом. Как видно, топливом служил в основном сосновый валежник, сильно изъеденный жуком-короедом. Кроме того, в очаге были обнаружены кусочки корней папоротника и скорлупа водяного ореха. Там же лежали обгоревшие кусочки костей водоплавающей птицы и позвоночника крупной рыбы.

Стоянки времен II литориновой трансгрессии представлены очагами нижнего культурного слоя Канюкай 1. В них тоже обнаружен сосновый уголь. Рядом с трухлявой древесиной валежника видны кусочки твердой древесины, что можно связать с освоением хорошо обработанных кремневых топориков.

Те же находки наблюдаются и в очагах стоянки Нятесай 1. В очаге № 5, например, были найдены разного вида щепки сосны, причем крупных деревьев, а рядом — мелкие обломки сучьев. В том же очаге были остатки источенного короедом сухостоя. Судя по содержимому очага № 6, обитатели стоянки поль-

зовались как легко доступной древесиной, так и твердой, добыча которой требовала хороших орудий. Небольшие сплавившиеся куски сажи и сцементировавшийся пепел указывают на то, что огонь в очагах поддерживался постоянно.

для получения извести, шедшей на выработку шкур, для изготовления краски и т. п. Учитывая, что в очаге обнаружен также сплавившийся песок, второе предположение более вероятно.

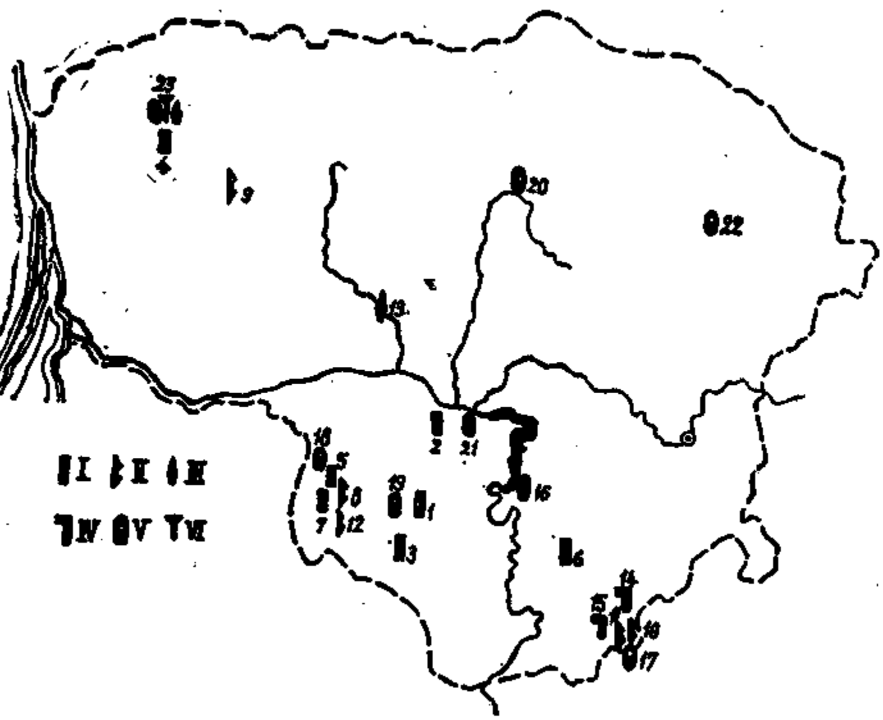


Рис. 147. Распространение мезолитических роговых и костяных изделий, упоминаемых в тексте:
I — гарпуны с вкладышами: *1.* Будвечяй, *2.* Эжяреляс, *3.* Гульбинишкяй, *4.* Иляй, *5.* Опшрутай, *6.* Вайкантонис, *7.* Жюряй-Гудяляй. II — гарпуны с зубчиками: *8.* Бябринишкай, *9.* Янаполе, *10.* Каравишкес, *11.* Маргяй, *12.* Вилкавишкис. III — кинжал: *13.* Арёгала. IV — рукоятки для топориков: *14.* Чярлунай, *15.* Кашетос. V — топорики: *16.* Дарсунишкис, *17.* Дубичяй, *18.* Кудиркос-Науместис, *19.* Моколай, *20.* Панявежис, *21.* Рокай (Ражишкяй), *22.* Утяна. VI — жезлы (?): *23.* Шарняле

В отличие от предыдущих, в очаге № 2 сжигались только шишки, гнилая древесина и мелкие сучья. Либо это был очаг какого-то специального назначения, либо пользовался им очень слабый человек, не способный срубить дерево.

В очагах стоянки Нятесай 1 (кроме очага № 2), помимо угля, содержится костяной детрит, а в очаге № 17 — и кости рыб, птиц, обломки раковины крупного моллюска. В очаге № 6 найдено несколько кусков спаявшейся сажи, отличающейся от древесной; допустимо, что она жирового происхождения. В очагах найдены также некоторые остатки растительной пищи. Например, в очаге № 15 обнаружено семя конского щавеля, кусок какого-то небольшого плода, мелкие остатки плодов кизила или калины.

В одном из очагов найдены остатки сгоревших кораллов. Трудно сказать, попали они в очаг случайно или их сжигали специально

Анализ угля из очага № 6 под микроскопом показал, что здесь сожжено было хорошо обработанное лыко липы. Возможно, что это была тонкая веревка. Без сомнения, рыбаки того времени должны были употреблять сети из лыка, как это установлено по находкам в ранненеолитической стоянке Швянтойи 2.

Шишки, найденные в очагах, были мелкими или средними, т. е. присущими низкорослым деревьям, росшим на болотах. В очаге № 5 найдена кора березы (Betula pubescens Ehrh), тоже растущей на влажной почве. Все это говорит за то, что стоянка была обитаемой во влажный период.

Очаги стоянки Лампеджяй относятся к более позднему периоду мезолита. В них обнаружен только сосновый уголь. Очаги топились сучьями, пнями, сухостоем. Огонь поддерживался длительное время — в очагах обнаружен спекшийся с пеплом песок. Во многих из очагов найдена скорлупа ореха: тонкая, мало

выгнутая, с острыми углами надлома. Видимо, орехи были довольно большими, с тонкой и мягкой скорлупой, близкими к орехам южных стран Европы. Найдены также следы водяного ореха и косточка какого-то сорта дикой сливы. В очагах обнаружены обуглившиеся остатки костей, однако происхождение их установить не удалось.

Литовское население периода микролито-макролитической культуры так же, как и представители культуры маглемозе в других странах (Clarc, 1964, стр. 79—81), отличалось от носителей более ранних культур тем, что лучше было приспособлено к условиям жизни в лесу, к добыче крупного лесного зверя — на западном побережьи в стоянках маглемозе находят кости оленей, лосей, кабанов, туров. Помимо охоты, люди в этот период интенсивно начали заниматься и рыболовством.

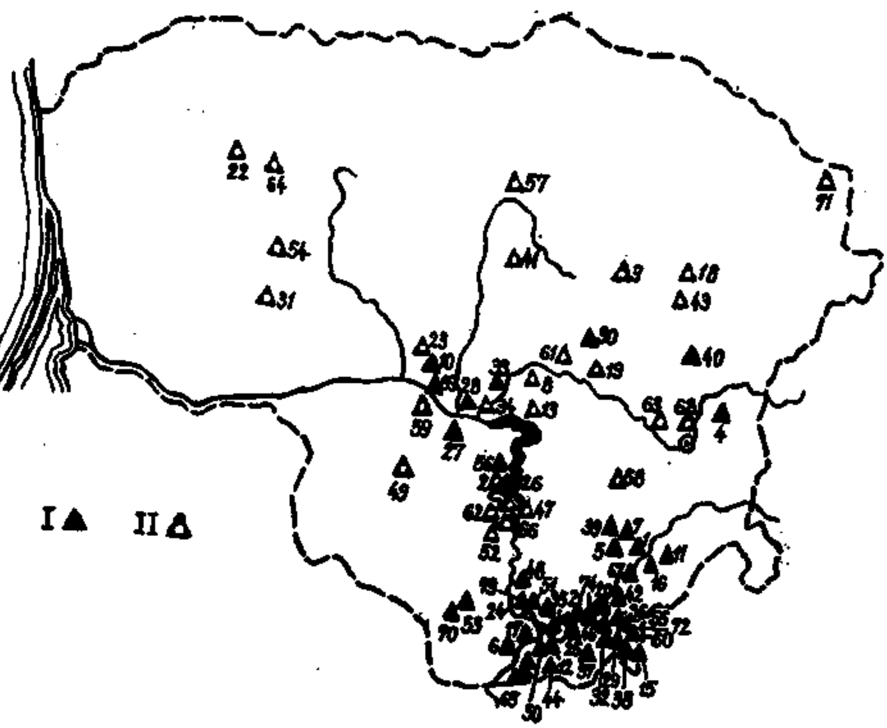


Рис. 148. Распространение мезолитических стоянок в Литве:

1. Акмуо, *2.* Альксникемис, *3.* Аникшчяй, *4.* Антавилис. *5.* Бабряшкес, *6.* Балташишке, *7.* Бартяляй, *8.* Бартоняй, *9.* Бирштонас, *10.* Бруже, *11.* Биржулис, *12.* Чясукай, *13.* Довайнонис, *14.* Друскининкай, *15.* Дубичяй, *16.* р. Дярежнича, *17.* Гайлюнай, *18.* Галяляй, *19.* Гавенонис, *20.* Гиряжярис, *21.* оз. Глинас, *22.* Янаполе, *23.* Ячякяй, *24.* Ионёнис, *25.* Кайбучяй, *26.* Кампишкес, *27.* Качяргине, *28.* Канюкай, *29.* Каштос, *30.* Кинзлаукис, *31.* Купечяй, *32.* оз. Лависас. *33.* Ляпшишкяй, *34.* Лянтайняй, *35.* Максимонис, *36.* Манчягире, *37.* Марцинконис, *38.* Маргяй, *39.* Маскаука, *40.* Матяляй, *41.* Микалишкис, *42.* Митришкес, *43.* Мяльдиняй, *44.* оз Мяльничеле, *45.* Мяргяжярис, *46.* Мяркине, *47.* Няманюнай, *48.* Нямунайтис, *49.* Няндриняй, *50.* Нявавай, *51.* Нятесай, *52.* Норкунай, *53.* Павейсининкай, *54.* Палукнис. *55.* Пауосупе, *56.* Поцюнай, *57.* Прусяляй, *58.* Пурвинай, *59.* Рнеглишкяй, *60.* Рудня, *61.* Саляниникай, *62.* Сипонис, *63.* Шиленай, *64.* Шукишкяй. *65.* Швяндубре, *66.* Ванагай, *67.* Варена, *68.* Вильнюс, *69.* Вирбалюнай. *70.* р. Запсе, *71.* Зависишке, *72.* Зервинос, *73.* Живульчишке, *74.* Жюрай. I — стоянки с овальными топориками, II — стоянки без овальных топориков

Среди находок микролито-макролитической культуры имеется довольно много гарпунов, но датируются они косвенным путем. Также косвенным доказательством рыболовства является и тот факт, что в области распространения культуры маглемозе (охватывавшей и территорию Литвы) уже в мезолите были известны рыболовные сети из лыка, с поплавками из древесной коры и каменными грузилами. Знали здесь и деревянное весло. Одно весло известно даже из пребореаля (стоянка Стар Карр). Наличие весел свидетельствует о существовании лодок. Кстати, очень хорошо выдолбленная лодка из Прессе (Голландия) датирована радиокарбонным методом 6250 г. до н. э. (Clarc, 1964, стр. 80). Остатки мезолитических рыболовных сетей были обнаружены в Финляндии, недалеко от Корпилахти, округ Антреа (Pälsi, 1920; Ailio, 1922; стр. 7—8;

Äyräpää, 1950, стр. 6), и в Эстонии, в местности Сийвертси (Indreko, 1936, илл. 3 : 3; 1948, стр. 325, илл. 79 : 6).

На тот факт, что в атлантический период рыболовство в Литве было распространено широко и достигло значительного совершенства, указывает множество рыболовного снаряжения, раскопанного в последние годы в стоянке Швянтойи (Кретингский р-н),— остатки лодок, весел, разнообразных рыболовных сетей, сплетенных из веревок или свитых из лыка липы. Мастерское изготовление этих находок говорит о том, что мы сталкиваемся здесь с продуктом длительного культурного развития (стоянки в Швянтойи 2 датируются по C^{14} серединой III тысячелетия до н. э.).

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предоставляя читателю обзор литовского палеолита и мезолита, мы ставили целью обнародовать основные материалы последних археологических исследований, свести воедино все имеющиеся по теме данные и, опираясь на них, дать оценку современному состоянию проблемы.

Материал излагался в тесной связи с геоморфологическими и палеоклиматическими явлениями (табл. VII) того времени. Границу литовского палеолита с мезолитом автор проводит между поздним дриасом и пребореалем, т. е. между плейстоценом и голоценом.

Изменения в развитии жизни первобытных охотников невозможно объяснить без должной оценки перехода от ледникового периода к послеледниковому. Перемены в растительном и животном мире приводили к преобразованиям в жизни людей, что отчетливо подтверждают археологические исследования. Вместе с появлением лесов мы наблюдаем распространение новых орудий труда. После исчезновения кочующих стад северного оленя отпала необходимость в дальних переходах и люди стали охотиться на относительно узкой, ограниченной территории. Постепенно кочевой образ жизни сменился определенной привязанностью к привычным, обжитым местам (что отличается, однако, от жизни в неолите, когда человек уже был привязан к конкретному участку земли).

В культурном отношении граница между палеолитом и мезолитом в Литве может показаться довольно расплывчатой. В раннем мезолите здесь еще существовала, как пережиток палеолита, культурная группа, которую мы назвали эпипалеолитической. Более ощутимая граница между палеолитом и мезолитом наблюдается лишь с появлением культуры маглемозе, не совпадающей с началом литовского мезолита. Однако автор придерживается мнения, что столь поздняя датировка может пока зависеть просто от недостатка соответствующих археологических данных, так как в Ютландии и Британии стоянки того же типа известны уже с начала пребореаля. Поэтому при разделении палеолита и мезолита на хронологические группы пришлось в равной мере учитывать два момента: зависимость явлений как от природных, так и от этнокультурных факторов.

Исследователи неолита считают отражением этнических различий стилистические особенности керамики. В позднем палеолите и мезолите таким же признаком могут служить некоторые стилистические особенности кремневых и костяных изделий, хотя, как подчеркнуто нами выше, нельзя все особенности формы объяснять исключительно этническими отличиями их носителей.

Обзор имеющегося в Литве материала по палеолиту и мезолиту должен показать сложные этнокультурные процессы, происходившие здесь до неолита. Поэтому было особенно важным отделить элементы, говорящие о передвижениях этнических групп, от явлений, имеющих характер межкультурных связей и влияний. Таким образом были определены три основных этапа, когда на территорию Литвы вступали новые этнические группы, и два этапа, когда с особой интенсивностью распространялись межкультурные элементы.

Все три этнические волны связаны с потеплением климата. Наименее ясной является первая волна — появление в Литве отдельных небольших групп охотников в период бёллинга. Располагая весьма ограниченными данными, касающимися непосредственно самой Литвы, мы привлекли некоторые материалы по Калининградской области и северной Польше, т. е.

территориям, составлявшим вместе с Литвой одну общую культурную область. Обобщение этих данных позволяет вести речь о первом заселении территории Литвы. Еще не выяснено значение этого расселения и не определено, оставило оно здесь какое-то наследие или не оставило. Некоторые данные, представленные в настоящей работе, свидетельствуют о том, что такое наследие могло сохраниться, если не в самой Литве, то где-то поблизости, и воздействовать оттуда на последующее развитие жизни первобытного человека.

Вторая, более мощная волна пришельцев — представителей различных культур и этнических групп нахлынула в аллерёде, вероятнее всего в его конце. Новые люди в процессе общения между собой образовали в позднем дриасе и пребореале некую общую культурную группу. Можно, хотя еще не вполне строго, определить и приблизительные границы этой общности. На западе, следуя по южному побережью Балтийского моря, она достигает примерно долины Одера, на юге идет по северной окраине Польши, на востоке охватывает западную половину Белоруссии, а на севере не выходит за пределы современной Литвы. Часть предствителей второй волны осталась здесь, а другая, не менее значительная, в начале мезолита ушла к северо-востоку.

Разнообразие культур в конце палеолита и начале мезолита — существование по соседству нескольких фаз культурных групп, которые невозможно вставить в ясные типологически-хронологические рамки, это характерная черта истории обширнейших пространств Европы. Вспомним многослойные стоянки района Костенки-Борщева, в которых так хорошо видно переплетение различных культурных слоев (Рогачев, 1957, стр. 9—134). Существование по соседству различных культур конца палеолита прослеживается в комплексах стоянок Шлезвиг-Гольштейна (Rust, 1958). Аналогичное переплетение культур начала мезолита наблюдается и в Польше (Chmielewska, Chmielewski, 1961).

Третья волна, шедшая с Запада на Восток по южному побережью Балтийского моря, была культурой маглемозе. Слившись с местным населением и постепенно приобретая микролитические элементы, распространившиеся в мезолите по всей Европе, культура маглемозе образовала в Литве местную постоянную этнокультурную группу. Ее границу можно определить уже с достаточной точностью.

Из всего сказанного следует вывод, что местная литовская микролито-макролитическая культура ведет начало от взаимодействия нескольких культур и культурных влияний. Значительную роль в этом процессе сыграла культура маглемозе, но микролито-макролитическую культуру отождествлять с ней мы не можем — слишком много было тогда на территории Литвы других инородных элементов. Литовскую микролито-макролитическую культуру допустимо считать местной потому, что с конца бореаля, через весь атлантический период и до раннего неолита (Jablonskytė-Rimantienė, 1969) прослеживается неразрывное самостоятельное ее развитие, не знающее постороннего этнокультурного влияния (если не считать распространения общеевропейских форм, не меняющих этнической стороны дела). Именно по этому признаку можно очертить ее границы.

Правда, следует заметить, что явлений, выделяющих литовскую микролито-макролитическую область, существовало меньше, нежели черт, сближавших ее с соседними культурными ареалами. Основным отличием местной культуры от западных соседей (культурой Маглемозе, а позже ранней культурой Эртебёлле и других групп позднего мезолита) является существование на территории Литвы в мезолите эписвидерского наконечника. Провести соответствующую четкую границу на карте не легко, потому что число таких памятников на южном побережье Балтийского моря, и в особенности на польском побережье, а также в северо-восточной Германии, весьма ограничено. Калининградская область также дает лишь отдельные немногочисленные находки. Поэтому, без сомнения, известное основание имеет гипотеза, согласно которой мезолитические стоянки типа маглемозе могли быть распространены непосредственно на берегу Анцилового озера, а потом были затоплены разлившимся Литориновым морем. Опорной точкой этой гипотезы является материал острова Рюген. Там найдено, например, много мезолитических овальных топориков, почти неизвестных в Польше (Kozłowski, S. K., 1967, карта) и дальше к востоку, на южном балтийском побережье, а затем опять появившихся в большом количестве в Литве.

Некоторые косвенные данные позволяют делать предположение, что на Балтийском взморье, от Литвы до Вислы, а может быть, и дальше — до Одера[1], в мезолите была распространена та же микролито-макролитическая культура, что и в Литве. За это говорит тот факт, что на вышеуказанной территории в инвентаре неолитических стоянок имеется так же, как и в Литве, немало элементов, унаследованных от микролито-макролитической культуры (Kostrzewski, 1931). Они не могли быть

[1] В свое время к предполагаемому ареалу «свидерско-тарденуазской культуры» относили также Силезию, считавшуюся его западной границей (Rothert, 1936, стр. 23—29).

принесены откуда-то извне, это — местное явление. В позднем неолите в стоянках, расположенных к югу от Литвы, они уже не встречаются. По отдельным находкам Калининградской области можно судить о том, что она тоже входила в территорию распространения микролито-макролитической культуры. На юго-востоке граница микролито-макролитической культуры шла по Припятской низменности, где есть стоянки с соответствующим инвентарем. Наряду с ними здесь обнаружены и стоянки с чисто микролитическим инвентарем, принадлежавшие населению, пришедшему сюда с юга (Кухаренко, 1962, стр. 8; Исаенко, 1966, стр. 27—31).

В свое время Вл. Антоневич (Antoniewicz, Wł., 1935, стр. 41) восточную границу так называемой «тарденуазской» культуры проводил по озерам Свирь и Нарочь. По К. Поликарповичу, она достигала Сожи и верховьев Днепра (Поликарпович, 1934, стр. 84; Polikarpowitsch, 1935, стр. 79). Однако находки, обнаруженные на упомянутой выше территории, в большинстве своем относятся к более позднему времени, чем в Литве. Кроме того, здесь в мезолите соприкасались и смешивались между собой несколько культурных групп (Левенок, 1966). Отсюда можно делать вывод, что область распространения микролито-макролитической культуры охватывала западную часть Белоруссии, а в бассейнах Сожи и Десны проявлялось лишь некоторое влияние этой культуры.

Еще дальше на восток (в междуречьи Волги и Оки), куда, как уже было сказано, ушла через территорию Литвы часть эпипалеолитического населения, в конце мезолита сложился культурный комплекс, похожий на тот, который встречается и в Литве (Кольцов, 1966), однако в этот, по существу эписвидерский, комплекс микролиты пришли с юга.

На севере Литвы границы микролито-макролитической культуры достигают нижнего течения Немана и Нярис. Большая часть северной и особенно северо-западной Литвы в область упомянутой культуры не входит. В инвентаре стоянок, распространенных в Тяльшяйском, Плунгеском, Кяльмеском, Панявежском, Утянском и др. районах северной и северо-западной Литвы значится, что овальных топориков (рис. 148), трапеций и правомерных ланцетов там не обнаружено, хотя обычно встречаются вкладыши, а иногда и эписвидерские наконечники. Вместо формальных скребков в упомянутой области встречаются обычно лишь изделия специального назначения, а вместо наконечников геометрических форм — малообработанные листовидные. На правом берегу нижнего течения Немана можно отметить только три стоянки с овальными топориками — Бруже, Вирбалюнай и Канюкай. Но и они расположены непосредственно на берегу реки. На север от р. Нярис известны лишь две стоянки с овальными топориками — Книзлаукис в Укмяргском районе и Матяляй — в Молетском. Мелкий кремневый инвентарь характерен для более северных территорий Латвии и Эстонии. Это уже область распространения Кундской культуры. Возможно, что распространение случайных костяных находок в северной Литве тоже связано с Кундской культурой.

С Кундской культурой, как это было подчеркнуто при анализе роговых-костяных мезолитических изделий, литовский мезолит был, несомненно, в контакте. Однако в данном случае основным отличительным признаком Кундской культуры является то, что в ней наряду с изделиями, унаследованными от культур Люнгбю и Маглемозе, прослеживается влияние юго-востока. Можно думать, что даже эписвидерские наконечники стрел, встречающиеся в Кунде и сохраняющиеся в стоянках Нарвской культуры (Jaanits, 1965, рис. 6 : 8, 9), пришли в Эстонию не с юга (т. е. через Литву), а с юго-востока, чем и объясняется отсутствие в Эстонии полного комплекса микролито-макролитического инвентаря, характерного для Литвы.

Родство или различие между носителями этих культур не могла бы установить и антропология, так как культура и раса часто не совпадают. Кроме того, в нашем распоряжении имеются лишь незначительные фрагменты антропологического материала. В Литве обнаружен древнейший в восточной Прибалтике человеческий череп. Он поднят у р. Кирсна, в юго-восточной Литве, вместе с эпипалеолитическим роговым гарпуном (см. стр. 113). Череп отличается сильной долихокранностью, значительной массивностью, несколько покатым лбом и ярко выраженными надбровными дугами, однако имеет в то же время узкое и высокое лицо и особенно узкий нос. Нижняя челюсть не сохранилась (Žilinskas, 1931). Согласно этим признакам, череп был отнесен к древне-средиземноморскому типу южного происхождения и приравнен к эпипалеолитическим черепам Волошского могильника (Дебец, 1955, стр. 62—73). Он явно отличается от кроманьонских черепов верхнего палеолита и мезолита Европы. Поэтому антропологи предполагают, что в восточную Прибалтику еще в очень раннем периоде должны были проникнуть какие-то элементы с побережья Средиземного моря (Витов, Марк, Че-

боксаров, 1959, стр. 146)[1], хотя в культуре это не замечается.

Второй череп конца мезолита (или начала неолита), датированный методом анализа пыльцы, происходит из западной Литвы (Кябяляй, Шилутского р-на). К сожалению, от него сохранилась только крышка (Гудялис, Повилонис, 1952). По ней видно, что череп был долихокранный.

Хотя приведенные выше антропологические данные довольно скудны, все же следует отметить, что оба долихокранных черепа были найдены в западной части современной Литвы. Кроме того, имеются данные, что в Литве, в особенности на восточной ее территории, с древнейших времен обитал и другой — коротkоголовый антропологический тип, относящийся к неолиту и более позднему периоду. Однако, как известно, в раннем неолите на территории Литвы мы не знаем следов каких-либо переселений, и на этой основе можем заключить, что присутствие брахикранного типа здесь связано с наследием более раннего, по крайней мере, мезолитического времени. Такой череп был, например, обнаружен в неолитическом захоронении в торфянике Турлоишке (Капсукский р-н)[2].

Все антропологические данные каменного века, которые мы привели, являются очень фрагментарными и случайными, и вряд ли подтверждают, что уже в мезолите в Литве обитали представители различных этнических групп. Имеющийся антропологический материал не дает возможности связать его с определенными палеолитическими или мезолитическими культурными группами. Во всей Северной Европе мы не имеем никаких достоверных находок захоронений позднего палеолита. Только в двух местах (у Пиннберга и Ремушама) обнаружены человеческие останки, но и в этих случаях остается неясным, можно ли их связывать с найденными неподалеку кремневыми находками раннего мезолита (Taute, 1968, стр. 154, 160). Поэтому в настоящее время этнические проблемы приходится решать только на основе археологического материала.

Вторая половина мезолита — это уже время известной стабилизации, период зарождения отдельных относительно замкнутых культурных областей. К таким выводам можно прийти, рассмотрев судьбы мезолитических культур в раннем неолите.

Как уже говорилось, в процессе заселения территории Литвы во время палеолита и мезолита различаются юго-восточная и северо-западная ее области. Эти две области более четко определились в раннем неолите. Надо думать, что границы данных областей можно было бы установить уже в мезолите, если бы мы располагали достаточным для этого материалом. Во всяком случае в обоих областях инвентарь стоянок раннего неолита является несомненным продолжением мезолитических культур.

Кремневый инвентарь юго-восточной Литвы времен раннего неолита содержит наконечники явно свидерского происхождения, как это видно на примерах стоянок Дубичяй 3 (Римантене, 1966, рис. 1), Эжяринас 23 (Jablonskytė-Rimantienė, 1969, рис. 5) и др. Такие наконечники встречаются даже в развитом неолите, когда вместе с орнаментикой раннего типа мы уже находим шнуровые оттиски, как это было, например, в стоянке Дубичяй 1 (Римантене, 1966, рис. 2). Наряду с этим сохраняются и другие формы мезолитических изделий, такие, как трапеции, вкладыши для гарпунов, ланцетовидные наконечники, овальные топорики и т. д.

Границы северо-западной области в мезолите не так ощутимы, но не случаен, по-видимому, факт, что здесь мы не встречаем свидерского наследия, а местные роговые изделия, как и в раннем неолите, более близки к находкам с территории современной Латвии. Наиболее убедительно это прослеживается по раскопкам последних лет (1966—1971 гг.) в Швянтойи (предм. г. Паланги). В северо-западной области наконечники стрел изготовлялись исключительно из кости или даже из дерева. Нет здесь ни овальных топориков, ни трапеций. Характерны мелкие кремневые скребки.

Подобное разделение северо-западной и юго-восточной областей наблюдается затем как в период культуры шнуровой керамики, так и в более поздние времена.

---

[1] Напрасно В. П. Алексеев связывает долихокранный узколицый тип, сохранявшийся в Литве и в более поздние эпохи, с черепами носителей культуры шнуровой керамики (Алексеев, 1969, стр. 106—107). Не подлежит сомнению, что если часть долихокранного населения Литвы и пришла сюда в качестве носителей культуры шнуровой керамики, то здесь они уже нашли людей, живших с давних пор.

[2] В свое время антропологи (Витов, Марк, Чебоксаров, 1959, стр. 213) пытались связывать брахицефальные восточнолитовские черепа, относящиеся к началу нашей эры, с культурой гребенчато-ямочной керамики. Однако на изучаемой нами территории нет никаких археологических данных, которые свидетельствовали бы о наличии здесь существенных примесей этой культуры; во всяком случае, в первой половине неолита. Для литовского брахикранного типа характерно ясно выраженное профилирование лица и носа (Алексеев, 1963, стр. 106).

Табл. VII

До н. э.	Климатические периоды (по Блитт-Сернандеру)	Даты по C^{14} (по К. Шулия и др.)	Споро-пыльцевые зоны и фазы развития растительности (по М. Кабайлене)	Развитие озер и озерных котловин (по А. Гарункштису)	Развитие рек и речных террас (по А. Басаликасу)	Развитие Балтийского моря	Расположение стоянок на террасах	Культуры каменного века Литвы	Археолог. периоды
2000	суббореальный	Vs-8(3450±150) Vs-9(3800±160) Vs-11(4000±170)	III — уменьшение ели	Сильное понижение уровня воды, интенсивное заторфование, уровень воды непостоянный		Литорина		Культура шнуровой керамики	неолит
3000	атлантический		IV — распространение ели и постепенное сокращение широколиственного леса					Верхне-неманск. керамика; Нарвонеманск. керам.; III	
4000		Vs-12,13(5350±180)	V — максимальное распространение широколиственного леса	Повышение уровня воды, разрушение приозерных торфяников, увеличение степени проточности, формируются верхние озерные террасы и террасовые равнины. Прослеживаются два незн. понижения и два повышения уровня воды	затопление поймы	II трансгр.	пойма, далеко от русла; II—III надпойм. терраса	II; микролито-макролитическая; кундская культура	
5000		Vs-14(6350±240) Vs-15(6600±170) Vs-16(6900±190) Vs-17(7750±260) Vs-18(8100±290)	VI — начальное время широколиственного леса					I	
6000	бореальный	Mo-34(8500±300) Mo-203(8580±270) TA-189(8790±90)	VII — распространение орешника и соснового леса	Сильное понижение уровня воды, интенсивное заторфование; в конце периода уровень воды начинает повышаться	Аккумуляция наносов, формирование поймы	Анцилус	пойма; край I надпойм. терр.	маглемозская	мезолит
7000	пребореальный		VIII — максимум соснового леса						
		Mo-204(9860±300)	IX — распространение березового леса	Окончание термокарстовых процессов, разв. гидрографической сети	III врезание рек, формирование I надпойм. террасы	Иольдия	I надпойм. терраса, далеко от русла		
8000	верхний дриас		X — растительность лесотундрового типа	Формируется нижняя терраса	Аккумуляция наносов	Балт. ледников. озеро	край III надпойм. террасы	свидерские к.; мадленские к.	палеолит
9000	аллерёд	Mo-205(11200±340) Vs-19(11300±300) TA-190(11530±110) Vs-20(11800±300)	XI — распространение древовидной березы и редкого соснового леса	II основной этап термокарстовых процессов, формируется сток из большинства озер, понижается уровень воды	II врезание рек; формирование II надпойменной террасы		II надпойм. терраса		
10000	средний дриас								
	бёллинг	Mo-340(12260±160) TA-191(12650±130) Mo-339(12710±315)	XII — растительность тундрового и лесотундрового типа	I этап термокарстовых процессов, формируются верхние террасы, понижается уровень воды	I врезание рек, аккумуляция наносов; формирование III надпойм. террасы				
11000	нижний дриас								

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П.
1969. Происхождение народов Восточной Европы. М.

Басаликас А. Б.
1955. Основные черты строения долины реки Немана. Известия АН СССР, сер. геогр., 3, 45—48.
1961. Некоторые вопросы развития рельефа Литвы в послеледниковое время. Вопросы голоцена, Вильнюс, 211—230.
1965. О приледниковых водоемах южной Прибалтики. Материалы к симпозиуму по истории озер Северо-Запада, Л., 33—43.

Бибиков С. Н.
1949. Производительная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма. Уч. зап. Ленингр. университета, сер. истор. наук, 13, 16—19.

Борисковский П. И.
1953. Палеолит Украины, МИА, 40.

Брюсов А. Я.
1952. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, М.

Будько В. Д.
1966. Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии. У истоков древних культур, МИА, 126, 35—46.

Векилова Е. А.
1961. К вопросу о свидерской культуре в Крыму (стоянка Сюрень II). КСИА, 82, 143—9.

Виноградов А. П., Девирц А. Л., Добкина Э. И., Маркова Н. Г.
1963. Определение абсолютного возраста по C^{14}. Сообщение 4. Геохимия, 9.

Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н.
1959. Этническая антропология восточной Прибалтики. Труды прибалт. эксп. 2, М.

Воеводский М. В.
1941. Стоянка Гремячее. МИА, 2, 1942—8
1950. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, 31, 96—119.

Воеводский М. В., Формозов А. А.
1950. Стоянка Песочный Ров на реке Десне. КСИИМК, 35, 42—54.

Вольтер Е.
1889. Археологические коллекции частных лиц в Северо-западном крае. Виленский вестник. 13 декабря, № 269.

Гуделис В.
1957. Основные черты стратиграфии и палеогеографии голоцена Литвы. Инст. геологии и география АН Лит. ССР, Научные сообщения, 4, 153—174.
1961. Очерки по геологии и палеографии четвертичного периода (антропогена) Литвы. Odbitka z tomu 34 Prac czwartorzęd Europy środkowej i wschodniej. Warszawa, 423—497.

Гуделис В., Повилонис С.
1952. Череп ископаемого человека. Природа, 6, 118.

Гурина Н. Н.
1956. Оленеостровский могильник. МИА, 47.
1960. Новые мезолитические памятники лесной полосы европейской части СССР, СА, № 1, 125—136.
1962. К вопросу о макролитах верхней Волги. ВСИА, 92, 24—28.
1965. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии. Палеолит и мезолит СССР, 5, МИА, 131, 141—203.

Дебец Г. Ф.
1955. Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошского. Советская этнография, 3,62—73.

Долуханов П. М.
1963. Послеледниковая история Балтики. Новые методы в археологии, М.-Л.

Долуханов П. М., Вигдорчик М. Е., Знаменская О. М., Саммет Э. Ю.
1967. Локальные различия в развитии растительности северной Европы в поздне- и послеледниковое время и проблема датировки археологических культур. Baltica, 3, 251—271.

Ефименко П. П.
1938. Первобытное общество, Л.
1953. Первобытное общество, Киев.

Замятнин С. Н.
1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Труды Института этнографии АН СССР, н. с., 26.
1960. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. Труды института этнографии, 54, 80—108.

Исаенко В. Ф.
1966. Мезолит и неолит Припятского Полесья. Древности Белоруссии, 22—53.

Кабайлене М. В.
1965[а]. Некоторые вопросы стратиграфии и палеогеографии голоцена. Стратиграфия четвертичных отложений и палеогеография антро-

погена юго-восточной Литвы. Труды Инст. геологии, **2**, Вильнюс, 302—335.
1965б. Стратиграфия донных отложений озер Литвы. Материалы к симпозиуму по истории озер Северо-Запада. Л., 148—151.
1967. Развитие косы Куршю-нярия и залива Куршю-марес. Вопросы геологии и палеогеографии Четвертичного периода Литвы, **5**, 181—207.

Киркор А.
1858. Перечневый каталог предметов, хранящихся в Виленском музее древностей, Вильно.

Кольцов Л. В.
1965. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. СА, **4**, 17—26.
1966. Новые раскопки стоянки Елин Бор. У истоков древних культур, МИА, **126**, 178—184.

Кудаба Ч. П.
1969. Краевые ледниковые образования Балтийской гряды и диагностика динамики края ледника. Материковое оледенение и ледниковый морфогенез. Вильнюс, 155—216.

Кухаренко Ю. В.
1962. Первобытные памятники Полесья. Археология СССР, Б 1—18, М.

Левенок В. П.
1962. Ранненеолитическая стоянка у с. Долгое на верхнем Дону. КСИА, **92**, 76—82.
1966. Мезолит среднерусского Днепровско-Донецкого междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. У истоков древних культур, МИА, **126**, 88—98.

Лисицина Г. Н.
1959. К вопросу об аллерёде Прибалтики и о возрасте стоянки территория Северо-Запада Европейской части СССР. Ледниковый период на территории Европейской части СССР и Сибири, М.

Лозе И. А.
1964. Мезолитические находки Лубанской низменности. Latvijas PSR Zinātņu Akademijas vēstis, **3(200)**, 7—20.
1966. Некоторые мезолитические находки на территории Латвии. МИА, **126**, 108—113.

Малахов М. В.
1884. Стоянки доисторического человека на берегу Немана. Известия Имп. Русск. Геогр. Общ., **19**.

Покровский Ф. В.
1893. Археологическая карта Виленской губернии. Труды Виленского отделения московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. Вильна.
1895. Археологическая карта Гродненской губернии. Труды IX археологического съезда в Вильне, I, М.
1899. Археологическая карта Ковенской губернии. Труды X археологического съезда, III, М.

Поликарпович К. М.
1934. Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья. Труды II международной конференции АИЧП Европы, V, Л.-М., 75—87.
1957а. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг. Материалы по археологии БССР, Минск, 5—29.
1957б. Стоянки среднего Посожья. Материалы по археологии БССР, Минск, 45—148.

Римантене Р. К.
1960. Стоянка каменного и бронзового века Самантонис. СА, **2**, 115—127.
1962. Периодизация и топография поселений каменного и бронзового веков в Литве. Автореферат канд. диссертации. Вильнюс.
1966. Стоянки раннего неолита в юго-восточной Литве. Древности Белоруссии. Минск, 54—62.
1968. Исследования стоянок каменного века в Литве, проводившиеся в 1948—1967 гг. 20 лет археологическим и этнографическим экспедициям Института истории АН ЛССР. Вильнюс.

Рогачев А. Н.
1957. Многослойные стоянки Костенковского-Борщевского района на Дону. МИА, **59**, 9—134.

Рудинский М. Я.
1928. До питання про культури «мезолитичної» доби на Вкраїні. Антропологія, I, Київ.
1931. Деякі підсумки та ближчі завдання палеоетнологічних вивчень в межах УРСР. Антропологія, **4**.

Сейбутис А.
1970. О чередовании болото- и озерообразовательных процессов в голоцене. История озер СССР. Вильнюс.

Серебряный Л. П.
1961. К палеогеографии голоцена в районе Балтики (в свете данных радиоуглеродного метода). Вопросы голоцена, Вильнюс, 177—199.

Серебряный Л. П., Раукас А. В.
1967. Сопоставление готигляциальных краевых ледниковых образований во впадине Балтийского моря и прилегающих к ней странах. Baltica, **3**. Vilnius, 235—249.

Спицын А. А.
1925. Литовские древности. Tauta ir Žodis, **3**. Kaunas, 112—171.

Телегин Д. Я.
1959. Неолитические памятники среднего течения северного Донца. СА, XXIX—XXX, 159—171.
1966. Мезолит левобережной Украины и его место в сложении Днепровско-Донецкой неолитической культуры. У истоков древних культур, МИА, **126**, 99—107.
1968. Дніпро-Донецька культура, Київ.

Тышкевич Е.
1843. Беглый взгляд на источники местной археологии... Виленский Вестник, **21**.

Формозов А. А.
1954. Периодизация мезолитических стоянок европейской части СССР, СА, **21**, 38—51.
1959. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке, М.

Фосс М. Е.
1941. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье, МИА, **2**, 21?—235.

Черныш А. П.
1959. Поздний палеолит Среднего Поднепровья. Труды комиссии по изучению Четвертичного периода, **15**.

Шварцбах М.
1955. Климаты прошлого, М. [M. Schwarzbach, Das Klima der Vorzeit. Stuttgart, 1950].

Шукевич В. А.
1893. Реферат В. А. Шукевича об археологических местностях в Лидском и Трокском уездах. Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда, Вильна, 96—97.

Шулия К. С.
1969. Датирование по радиоуглероду голоцена Литвы. Автореферат. М.

Шулия К. С., Луянас В. Ю., Кибилда З. А., Банис Ю. Ю., Генутене И. К.
1967. Стратиграфия и хронология озерно-болотных отложений котловины озера Бебрукас. Вопросы геологии и палеогеографии четвертичного периода Литвы, 5, Вильнюс, 231—239.

Эдинг Д. Н.
1940. Новые находки на Горбуновском торфянике, МИА, 1, 41—57.

Яблонските-Римантене Р. К.
1952. Мезолит Литвы, КСИИМК, 42, 40—52.
1959. Стоянка каменного века Эйгуляй. Труды прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, 1, М., 11—31.
1966. Периодизация мезолитических стоянок Литвы. У истоков древних культур, МИА, 126, 75—87.

Янитс Л. Ю.
1966. Новые данные по мезолиту Эстонии. У истоков древних культур, МИА, 126, 114—123.

Ailio, J.
1922. Fragen der russischen Steinzeit. SMYA, 29 : 1, Helsingfors.

Ayräpää, A.
1950. Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. Acta Archaeologica, 21, 1—43.

Andree, J.
1932. Beiträge zur Kenntnis des norddeutschen Paläolithikum und Mesolithikum, Leipzig
1939. Der eiszeitliche Mensch in Deutschland und seine Kulturen, Stuttgart

Antoniewicz, J.
1948. Nasz dotychczasowy stan wiedzy o życiu człowieka paleolitycznego w Prusach, Institut Masurski w Olsztynie, Komunikat działu informacji naukowej, Nr. 1 (19), 1—24.

Antoniewicz, Wl.
1928. Archeologja Polski, Warszawa
1930. Czasy przedhistoryczne i wczesnodziejowe ziemi Wileńskiej. Wilno i ziemia Wileńska, I, Wilno, 103—122
1935. Les plus anciens vestiges de l'homme dans la Pologne du nord-est et en Lithuanie. Transactions of the II international conference... V, L.-M., 29—46

Aspelin, J. R.
1877. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, I, Ages de la pierre et du bronze, Helsinki

Basalykas, Alf.
1955. Geomorfologinė Nemuno upyno slėnių Lietuvos TSR ribose charakteristika. LTSR MA Geologijos ir geografijos inst. Moksliniai pranešimai, Geografija, I, 48—66
1956. Nemuno upės paleodinaminės fazės Alytaus—Kauno atkarpoje ir kai kurie neotektoninio aktyvumo klausimai. LTSR MA Darbai, Ser. B., 4, 55—68.
1956. Lietuvos TSR fizinė geografija, II. Fiziniai geografiniai rajonai, Vilnius

La Baume, W.
1925. Zur Kenntnis der frühesten Besiedelung Norddeutschlands. Elbinger Jahrbuch, 4, 86—99
1942. Knochengeräte der Alt- und Mittelsteinzeit aus dem Kreise Mohrungen Ostpr. Altpreussen, 7; 2

Bernotaitė, A.
1959. Rudnios (Varėnos raj.) akmens amžiaus stovyklos. Iš lietuvių kultūros istorijos, II, Vilnius, 86—102, 346—7
1960. Kašėtų k. (Varėnos raj.) akmens amžiaus stovyklos. LTSR MA Darbai, ser. A, 1(8), 49—73

Breuil, H.
1937. Les subdivisions du paléolithique supérieur et leur signification. Congrès international d'Antropologie et d'Archéologie prehistoriques. Compte rendu de la XIV session, 2e edit, Seine-et-Marne

Breuil H., Lantier, R.
1959. Les hommes de la pierre ancienne (paléolithique et mésolithique), Paris

Brønstedt, J.
1938. Danmarks Oldtid, I, København

Büttner, P.
1940. Der eiszeitliche Wohnplatz am Pennenmoor bei Cuxhaven. Mannus, 32, 448—454.

Chmielewska, M.
1957[a]. Badania stanowiska mezolitycznego w Witowie w pow. Łęczyckim. Sprawozdania Archeologiczne, 3
1957[b]. Stanowisko mezolityczne w Cichmianie w pow. Kolskim. Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzie, Ser. Archeol., 2
1962. A late palaeolithic and mezolithic site at Witów, district Łęczyca. Archeologia Polska, 4, 77—87

Chmielewska, M., Chmielewski, W.
1960. Stratigraphie et chronologie de la dune de Witow, district de Łęczyca. Biuletyn Peryglacjalny, 8, 133—141; 321—326; 449—453
1961. Les rapports entre la civilisation swidérienne et la civilisation tardénoisienne en Pologne. Bericht Hamburg, 187

Clark, J. G. D.
1936. The mezolithic settlement of Northern Europe, Cambridge
1954. Excavations at Star Carr, Cambridge
1964. Frühgeschichte der Menschheit, Stuttgart (World Prehistory — An Outline, London, 1962)

Dowgird, T.
1881—1888. Dziennik badań archeologicznych. Vilniaus V. Kapsuko v. U-to Rankraščių skyrius

Dvareckas V., Basalykas A.
1959. Šventosios slėnio struktūros ir slėninių varvų kilmės klausimu. Geografinis metraštis, 2

Ekholm, G.
1925. Die erste Besiedlung des Ostseegebietes. Wiener Prähistorische Zeitschift, XII
1926. Lygby-Kultur. Ebert, Reallexikon, VII, 324—6

Engel, C.
1935. Vorgeschichte der altpreussischen Stämme, Königsberg

Engel, C., La Baume, W.
1937. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande, Königsberg

Federowski, M.
1912. Zygmunt Gloger, odbitka z „Ziemi", Warszawa

Firbas F.
1961. Antwendbarheit der Pollenanalise. Bericht Hamburg, 280—283

Fromm, E.
1963. Absolute chronology of the late quaternary Baltic. Baltica I, Vilnius, 46—59

Gaerte, W.
1926. Auf den Spuren des ostpreussische Mammut-und Rentierjägers, Mannus, 18, Leipzig, 253—257
1927. Ostpreussen. Ebert, Reallexikon, 9, 246—269
1929. Urgeschichte Ostpreussens, Königsberg
1931. Ein mesolithischer verzierter „Komandostab" aus Ostpreussen. Prussia, 29, Königsberg, 92—97

1933. Die mesolithische Feuersteinindustrie Ostpreussens und ihre Stellung innerhalb Europas, Prussia, 30, 227—240

Garunkštis, A., Stanaitis, A.

1959. Vilkokšnio ežero raida vėlyvajame ledynmetyje ir poledynmečio pradžioje. Moksliniai pranešimai, 9, Vilnius

De Geer, E. H.

1954. Skandinaviens geokronologi. Geologische Forskningar i Stockholm, Förhandlingar, 76 : 2

Gloger, Z.

1873. Osady nad Niemnem i na Podlasiu z czasów użytku krzemienia. Wiadomości Archeologicznie, I, 97, III, 115

1888. Podróż Niemnem. Wisla, 2, 30—84, 248—305

1903. Dolinami rzek, opisy podróży wdłuz Niemna, Wisla, Bugu i Biebrzy, Warszawa

Gramsch, B.

1957. Neufunde von Feuersteigeräten bei Münchehofe, Kr. Strausberg. Ausgrabungen und Funde, 2, 158

Grewingk, C.

1865. Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland und einiger angrenzenden Landstriche. Schriften der Gelehrten estnischen Gesellschaft, 4, Dorpat

1867. Ueber die frühere Existenz des Renntiers in den Ostseeprovinzer und dessen Kenntnis bei den Eingeborenen derselben. Schriften der Gelehrten estnischen Gesellschaft, 6, Dorpat

1871. Zur Kenntnis der in Liv-, Est-, Kurland und einigen Nachbargegenden Aufgefundenen Steinwerkzeuge heidnischer Vorzeit. Verhandlungen der Gelehrten estnischen Gesellschaft, 7, Dorpat

1882. Geologie und Archeologie des Mergellagers von Kunda in Estland, Archiv für Naturkunde Liv-, Est- und Kurlands, ser. I, 9, Dorpat, 1—72

1884. Die Neolithischen Bewohner von Kunda in Estland und deren Hachbarn. Verhandlungen der Gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat, 12, Dorpat

Gross, H.

1937[a]. Auf den Spuren der Steinzeitjäger vor 8000 bis 2000 Jahren in Altpreussen. Altpreussen, 2 : 4, 145—157

1937[b]. Der erste sichere Fund eines paläolithischen Geräts in Ostpreussen, Mannus, 29 : 1, 113—118

1937[c]. Nachweiss der Allerödschwankung im süd- und ostbaltischen Gebiet. Beihefte zum Botanischen Centralblatt, 57, Abt. B, Praha, 167—218

Auf den ältesten Spuren des Menschen in Altpreussen Prussia, 32 : 1, 84—139

1938[b]. Die ältesten Steinzeitfunde Altpreussens (Stand vom 1.4.1938). Altpreussen, 3 : 3, 83—85

1939[a]. Ein ostpreussischer Vorgeschichtsfund aus der Abschmelzzeit des Inlandeises, Altpreussen, 4 : 2, 33—35

1939[b]. Die Bedeutung des Renntierjägerfundes von Bachmann, Kreis Memel. Altpreussen, 4 : 3, 65—67

1939[c]. Die subfossilen Renntierreste Ostpreussens. Schiften der Phys.— Ökon. Gesellschaft, 71, H. 1

1940. Das Renntier in der Ostpreussischen Vorgeschichte. Altpreussen, 5 : 1, 1—4

1941. Mittelsteinzeitliche Funde aus Zinten. Altpreussen, 6 : 3, 34—6

1943. Die Altsteinzeit Ostpreussens im Rahmen der Späteiszeitlichen Entwicklung des Südbaltikums. Quartär, 1943

1958. Der heutige Stand der naturwissenschaftlichen Datierungsmethodik im Dienste der Vorgeschichtsforschung. Jahreschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, 41—43, Halle, 73—96

Gudelis, V.

1955. Lietuvos TSR Baltijos pajūrio geologinės raidos vėlyvajame glaciale ir postglaciale pagrindiniai etapai. Vilniaus Valst. V. Kapsuko v. Un-to Mokslo darbai, 7, Vilnius, 119—139

1958[a]. Lietuvos geografinės aplinkos raida geologinėje praeityje. Lietuvos TSR fizinė geografija, I, Vilnius

1958[b]. Vėlyvojo kvartero stratigrafijos ir paleogeografijos klausimai Europoje ir Šiaurės Amerikoje naujaisiais duomenimis. Geografinis metraštis, I, Vilnius

Gudelis, V., Kabailienė, M.

1958. Alerodinis ir priešalerodinis laikotarpiai Lietuvoje Nopaičio pelkės palinologinių tyrimų šviesoje. LTSR MA Geologijos ir geografijos institutas, Moksliniai pranešimai, 6

Hohmann, K.

1927. Ein neues Vorkommen der Lyngbystufe in der Mark Brandenburg, Prähistorische Zeitschift, 18; 3/4, 186—207.

Indreko, R.

1926. Die Rambachsche Sammlung. Bescheibung der in dem Pernauischen Museum deponierten Rambachschen Sammlung neolithischer Gegenstände. Sitzungsberichte der Altertumsforschenden Gesellschaft in Pernau, 8, 283—344

1936. Vorläufige Bemerkungen über die Kunda-Funde. Sitzungsberichte der Gelehrten estnischen Gesellschaft, 1934

1948. Die mittlere Steinzeit in Estland, Handlingar 66, Stockholm

Iversen, J.

1937. Undersøgelser over Litorina — transgressioner i Danmark (Forelobig meddelelse). Meddelelser fra Dansk geologisk Forening, 9 : 2

1946. Geologisk datering of en senglacial boplads ved Bromme. Aarbøger

1953. Radiocarbon Dating of the Alleröd Period. Science, 118

Jaanits, L.

1965. Die frühneolithische Kultur in Estland. Congressus secundus internationalis Fenno-Ugristarum, 2, 12—25.

Jablonskis, K.

1938—1960. Archeologinių tyrinėjimų dienoraščiai. LTSR MA Centrinės bibliotekos rankraštynas.

Jablonskytė, R.

1941[a]. Mezolitinė stovykla Puvočiuose. Lietuvos praeitis, 1 : 2, 3—27

1941[b]. Akmens amžiaus stovykla Skaruliuose (Jonavos vls., Kauno ap.). Vytauto Didžiojo Kultūros Muziejaus metraštis, 3—20

Jablonskytė-Rimantienė, R.

1963[a]. Žemųjų Kaniūkų IV—I tūkstantmečio pr.m.e. stovyklos. LTSR MA Darbai, ser. A, 1 (14), 65—90

1963[b]. Vėlyvojo mezolito stovykla Lampėdžiuose. LTSR MA Darbai, ser. A, 2 (15), 39—53

1964. Kai kurie Lietuvos paleolito klausimai. LTSR MA Darbai, Ser. A, 1(16), 35—51

1965. Radikių akmens amžiaus stovyklos. LTSR MA Darbai, Ser. A, 1(18), 33—45

1966a. Paleolitinės titnago dirbtuvės Ežerynų kaime (Alytaus rajone, Raitininkų apyl.). LTSR MA Darbai, Ser. A, 2(21), 87—109
1966b. Maglemozinė ankstyvojo mezolito stovykla Maksimonyse IV (Varėnos raj., Merkinės apyl.). LTSR MA Darbai, Ser. A, 3(22), 43—54
1969. Ankstyvojo neolito stovykla Ežerynuose. LTSR MA Darbai, ser. A, 2(30), 101—109

Jørgensen, S.
1961. Zur Frage der ältesten Küstenkultur in Dänemark. Bericht Hamburg, 440—447

Kabailienė, M.
1959. Augalijos raida vėlyvajame ledynmetyje ir poledynmetyje Lietuvos ir pietinės Latvijos pajūrio zonoje. Geografinis metraštis, 2, Vilnius

Klima, B.
1957. Übersicht über die jüngsten paläolithischen Forschungen in Mähren. Quartär, 9, 85—130

Kostrzewski, J.
1923. Wielkopolska w czasach przedhistorycznych, II, Poznań
1931. Über jungsteinzeitliche Besiedlung der polnischen Ostseeküste. Congressus secundus archaelogorum Balticorum Rigae, 55—64
1939—1948. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów. Prehistoria ziem polskich. Encyklopedia Polska, IV, częsc I, dzial V, Krakow, 118—359
1955. Wielkopolska w pradziejach, Warszawa—Wroclaw

Kozlowski, J. K., Schild, R.
1964. Über den Stand der Erforschung des späten und ausgehenden Paläolithikums in Polen, Forschungesberichte zur Ur- und Frühgeschichte, 7, Wien, 83—105

Kozlowski, L.
1924. Młodsza epoka kamienna w Polsce (neolit), Lwów

Kozlowski, S. K.
1965. Niektóre uwagi o polskim mezolicie. II Konferencja, poswięcona problematyce prahistorii pleistocenu i wczesnego holocenu Polski, Warszawa
1967. Z problematyki Polskiego mezolitu (cz. 3), Kultura komornicka na tle mezolitu Europy środkowej. Światowit, 28, 5—32
1968. Z problematyki Polskiego mezolitu (cz. 8), W sprawie tzw. górnego i póżnego mezolitu. Archeologia Polski, 13, 2, 443—454
1969a. Z problematyki Polskiego mezolitu. Wybrane zagadnienia z pradziejów dorzecza górnej i sródkowej Wisły we wczesnym holocenie. Wiadomośći archeologiczne, XXXIV, 1, 70—149
1969b. Z problematyki Polskiego mezolitu (cz. 9). W sprawie granicy paleolitu i mezolitu w Polsce. Światowit, 30, 117—134
1969c. Z problematyki Polskiego mezolitu (cz. 10). Kosciane harpuny i ostrza mezolityczne. Światowit, 30. 135—152

Kraszewski, J. I.
1860. Sztuka u Slowian, szczególnie w Polsce i Litwie przedchrześcijańskiej, Wilno

Krukowski, S.
1927. Inventarze krzemienne paleolityczne w zbiorze Z. Glogera — M. Federowskiego w Muzeum Archeologicznem PAU. Polska Akademja Umiejętnosci, Sprawozdania w czynności i posiedzień, 31 : 5, 10 : 11
1939—1948. Paleolit. Prehistoria ziem polskich. IV, dział V, 1—117

Kulikauskas, P.
1959a. Seniausieji Kuršių Neringos gyventojai. Iš lietuvių kultūros istorijos, 2, 72—85
1959b. Naujai aptikta akmens-žalvario amžių gyvenvietė Palangoje. LTSR MA Darbai, ser. A, 2(7), 33—41

Kulikauskas, P., Mačionis, A., Želba, S.
1957. Vilniaus mamutas, Mokslas ir gyvenimas, 1, 16—20

LAB
1961. **Kulikauskas, P., Kulikauskienė, R., Tautavičius, A.** Lietuvos archeologijos bruožai, Vilnius

Mathiassen, Th.
1937. Gudenaa — Kulturen. Aarbøger
1941. Two new danish implements of reindear antler. Acta archeologica, 12
1946. En senglacial Boplads ved Bromme. Aarbøger
1948. Danske Oldsager. I Aeldre Stenalder. København

Mey, W.
1957. Vorbericht über die Grabung 1957 auf dem endpaläolithischen Fundplatz Berlin—Tegel, Berliner Blätter für Vor-und Frühgeschichte, 6
1960. Jungpaläolithikum und Mesolithikum in Brandenburg. Quartär, 12, 1—51

Molyn, J. Ch. M. de
1954. The Bromme Culture, Quartär, VI : 2, 109—117

Narbutt, T.
1835—40. Dzieje strożytne narodu Litewskiego, Wilno

Nicolaescu-Plopşor, C. S.
1961. Sur le Swidérien en Roumani. Bericht Hamburg, 614

Niklasson, N.
1934. **Alin, J., Niklasson, N., Thomasson, H.,** Stenaldersboplatsen pa Sandarna ved Göteborg, 59—150

Pälsi, S.
1920. Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpolahti im Kirchspiel Antrea, Län Wiborg, SMYA, 28, 2, 3—19

Petersen, E.
Archaeologica, 37, 78—185

Polujanski, A.
1966. Klosterlun-Sønder Hadsund Bøllund. Acta
1859. Wędrówski po gub. Augustowskiej w celu naukowym odbyte, Warszawa

Polikarpowitsch, K.
1935. Das paläolithikum und mesolithikum der Weissrussischen SSR und einiger Nachbargebiete am oberen Dnjepr. Transactions of the II international conference... V., 70—83

Puzinas, J.
1935a. Poledinio Lietuvos gyventojo kultūra, Naujoji Romuva, 12—13 nr., 281—287
1935b. Vorgeschichtsforschung und Nationalbewustsein in Litauen, Kaunas
1938a. Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys (1918—1938 metų Lietuvos proistorinių tyrinėjimų apžvalga). Senovė, IV
1938b. Stand der archäologischen Forschungen in Litauen. Pirmā Baltijas Vēsturnieku konference Rīgā, 62—69

Rimantienė R.
1965. Pirmykštis Zervynų apgyvendinimas. Zervynos, Vilnius, 30—44

Rothert, L.
1936. Die Mittlere Steinzeit in Schlesien, Leipzig

Rust, A.
1937. Das altsteinzeitliche Rentierjägerlager Meiendorf, Neumünster

1944. Über die endglaziale Kulturentwicklung im rechtselbischen Nordeuropa. Offa, 6—7.
1958. Die jungpaläolithischen Zeltanlagen von Ahrensburg, Neumünster

Sauramo, M.
1955. Land Uplift with Hinge-Lines in Fennoscandia. Annales Acad. Sciant. Fenn., Ser. A, 44

Sawicki, L.
1933. Przemysł świderski I stanowiska wydmowego Świdry Wielkie I. Przegląd archeologiczny, V : 1
1936. Das Alter der Swiderien-Industrie im Lichte der Geomorphologie des Weichselurstromtales der Umgebung von Warschau. Beiträge zur Vor- und Frügeschichte anlässlich der Hundertjahrfeier des Museums vorgeschichtlicher Altertümer in Kiel, 8—52

Schild, R.
1960. Extension des elements de type tarnovien dans les industries de l'extrême fin de Pleistocène. Archaeologia Polona, 3, 7—64
1964a. Chronologie du cycle Mazovien. INQUA, Raport of the VIth international Congress on Quaternary, Warsaw 1961, IV, 363—382
1964b. „Świderskie" stanowiska górnej Wolgi i środkowej Oki a cykl mazowszański. Archaeologia Polski, 9 : 1

Schild, R., Więckowska, H.
1961. O tak zwanym przemyśle swidersko-tardenuaskiem. Archeologia Polski, 6 : 2

Schuld, E.
1954. Mecklenburg-urgeschichtlich, Schwerin
1958. Mittelsteinzeit, Mecklenburg, Ausgrabungen und Funde, 3, H. 48/5, 162—165
1961. Hohen Viecheln. Ein mittelsteinzeitlicher Wohnplatz in Mecklenburg-Berlin

Schwabedissen, H.
1951. Das Vorkommen des Magdalénien im nordwest — europäischen Flachland. Eiszeitalter und Gegenwart, 1, 152—165
1954. Die Federmesser Gruppen des nordwesteuropäischen Flachlandes. Offa-Bücher, Neumünster
1957. Das Alter der Federmesser — Ziwilisation auf Grund neuer naturwissenschaftlicher Untersuchungen. Eiszeitalter und Gegenwart, 8
1964. Sinngehalt und Abgrenzung des Mesolithikums nach den Forschungsergebnissen im nördlichen Teil des Europäischen Kontinents. INQUA, Łódź, 383—404

Schwantes, G.
1923. Das Beil als Scheide zwischen Paläolithikum und Neolithikum. Archiv für Antropologie. N.F. 20, H. 1, Braunschweig
1925. Der frühneolithische Wohnplats von Duvensee. Praehistorische Zeitschift, 16 : 3
1934—39. Vorgeschichte. Geschichte Schleswig-Holsteins, I, Neumünster

Seibutis, A., Suknikavičienė, F.
1960. Apie holoceninių pelkių susidarymo pradžią Lietuvos TSR teritorijoje. Geografinis metraštis, 4

Stieda, L.
1888. Constantin Grewingks archäologische Arbeiten. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia, 44, 219—253

Stimming, R.
1917. Die Renntierzeit in der märkischen Havelgegend, Mannus, 8, Würzburg, 233—240
1928. Die Ancyluszeit in der märkischen Havelgegend. Archiv für Anthropologie, N. F, 49

Szmit, Z.
1929. Badania, osadnictwa epoki kamiennej na Podlasiu. Wiadomości archeologiczne, 10, 36—118

Szukiewicz, W.
1901a. Poszukiwania archeologiczne w powiatach Lidzkim i Trockim (gub. Wileńska). Światowit, 3, 3—29
1901b. Szkice z archeologii przedhistorycznej Litwy. I. Epoka Kamienna w gub. Wileńskiej, Wilno
1907. Poszukiwania archeologiczne w powiecie Lidzkim gub. Wileńskiej. Materiały komisyi antropolog.— archeolog. i etnograficzn. Akademie umiejętnosci w Krakowie, 10.
1910. Ślady epoki kamiennej w gub. Wileńskiej. Kwartalnik Litewski, 1, 18—62

Šturms, Ed.
1939. Mezolita atradumi Latvijā. Senatne un Māksla, 1, 31—44

Talko-Hryncewicz, J.
1920, 1923. Z moich wspomnień o dawnych archeologach. Wiadomości archeologiczne, 5 : 1, 2, 65—72; 8 : 2—4, 187

Tarasenka, P.
1922. Ieškojimai Neries ir Šventosios santeklyje. Mūsų senovė, 4—5
1924. Panerio pirmykštės kultūros sėdybos (Nuo Kernavės iki Kauno). Kultūra, 7—8, 299—310
1928. Lietuvos archeologijos medžiaga, Kaunas

Taute, W.
1957. Spätaltsteinzeitliche Funde aus Berlin-Tegel. Berliner Blätter für Vor- und Frühgeschichte, 6, 1—13
1963. Funde der spätpaläolithischen „Federmesser-Gruppen" aus dem Raum zwischen mittlerer Elbe und Weichsel. Berliner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte, 62—111
1968. Die Stielspitzen — Gruppen im nördlichen Mitteleuropa, Köln.

Tyszkiewicz, E.
1842. Rzut oka na źródła archeologii krajowej, Wilno
1847. Ein Blick auf die Quellen der Archäologie Litthauens. Baltische Studien, 13 : 2, Stettin, 178—218
1850. Badania archeologiczne nad zabytkami przedmiotów sztuki rzemiosł... w dawnej Litwie i Rusi Litewskiej, Wilno.
1872. Archeologia na Litwie. Rocznik dla Archeologów, Numizmatyków i Bibliografów Polskich, Rok 1871, 2—8

Tyszkiewicz, K.
1868. O kurchanach na Litwie i Rusi Zachodniej, Berlin

Toepfer, V.
1958. Mittelsteinzeit, Sachsen—Anhalt. Ausgrabungen und Funde, 3, H. 3/4, 167—169

Valatka, V.
1968. Šarnelės stovykla. Muziejai ir paminklai, 39—42

Wilczyński, J. K.
1862. Musée archéologique à Wilno, Paris

Žilinskas, J.
1931. Akmens periodo žmogus Žemaitijoj ir Suvalkijoj, Kaunas

Zotz, L.
1931. Das Tardenoisen in Niederschlesien. Altschlesien, 3, 121—153

Zotz, L., Freund, G.
1951. Die paläolitische und mesolithische Kulturentwicklung in Böhmen und Mähren. Quartär, 5, 7—40

ALT- UND MITTELSTEINZEIT IN LITAUEN

Zusammenfassung

I. EINLEITUNG. FORSCHUNGSÜBERSICHT DER ALT- UND MITTELSTEINZEIT IN LITAUEN

Während der ersten Forschungsetappe die von 17. Jahrhundert bis achziger Jahren des 19. Jahrhunderts dauerte, wurden meistens nur zufällig gefundene neolithische Steinäxte angesammelt und bei den Privatkolektionären aufbewart. Seit Mitte des 19. Jahrhunderts wurde das in Ostlitauen gefundene Material auch in das von E. Tiszkiewicz 1856 gestifteten „Museum der Altertümer" an der Universität Vilnius gesammelt. Das in Westlitauen gefundene Material häufte sich in den Museen der „Altertumsgesellschaft Prussia" (gest. 1844) und der „Physikalisch-ökonomischen Gesellschaft" (gest. 1790) in Königsberg.

Die Funde Ostlitauens wurden von E. Tiszkiewicz, I. J. Kraszewski, C. Grewingk und J. R. Aspelin bekannt gegeben. Die genannten Forscher führten das Material der Steinzeit Litauens als Erbe dieser Periode in die wissenschaftliche Literatur ein. Doch aus dem uns interessierenden Zeitabschnitt (Alt- und Mittelsteinzeit) wurden in die wissenschaftliche Literatur nur drei Fundstücke eingeführt (eine Geweihaxt, ein Vogelpfeil und ein Kernstein). Während der zweiten Etappe begannen die Forscher selbst das Material auf den Feldern zu sammeln. Die berühmtesten Forscher dieser Zeit in Ostlitauen sind Z. Gloger, W. Szukiewicz, in Mittellitauen T. Daugirdas und in Westlitauen O. Tischler, A. Bezzenberger, E. Hollac. Zu dieser Zeit wurde das Material oft bekanntgegeben. In den Jahren 1893, 1895 und 1899 wurde das ganze Material Ostlitauens in die F. Pokrowskis Archäologischen Karten von Kaunas—,Vilnius— und Grodnogouvernement, und das Material Westlitauens — in die 1908 von E. Hollac zusammengestellte Ostpreussische Archäologische Karte eingetragen und veröffentlicht. Die III. Etappe der Forschungen zeichnete sich zwischen dem I. und dem II. Weltkrieg ab. Die Sammlungen der Steinzeit gelangten in die Museen drei Staaten (Litauens, Polens und Deutschlands). Zu dieser Zeit bereicherte sich das Kulturmuseum in Kaunas an Steinzeitfunden.

Eine Übersicht über die litauische Archäologie veröffentlichte A. Spicin im Jahre 1925, aber die Funde der Altsteinzeit und der Mittelsteinzeit in Litauen waren ihm noch beinahe unbekannt. Er wies nur allgemeine Richtpunkte dieses Zeitabschnittes hin. Im Jahre 1928 erschien P. Tarasenkas Verzeichnis des archäologischen Materials mit einer Landkarte, in der schon etwa 115 Steinzeitfundorte bezeichnet waren. Seine Erklärungen beruhen auf A. Spicins Schema. Eine mehr auf einheimischen Material begründete Periodisierung der Steinzeit in Litauen veröffentlichte Wl. Antoniewicz (1930, 1935) auf Grund der alten Sammlungen in Vilnius. Das neu angesammelte Material gab J. Puzinas (1935 a, 1938 a) bekannt. Während der III. Etappe waren schon ziemlich viele Funde aus der Alt- und der Mittelsteinzeit angesammelt und nun folgte die qualifizierte Interpretation dieses Materials. Die IV. Etappe begann nach dem zweiten Weltkrieg. Für sie sind systematische Ausgrabungen kennzeichnend. Das Altsteinzeit- und das Mittelsteinzeitmaterial wurde von P. Kulikauskas (LAB 1961) und der Verfasserin (1959, 1960, 1962, 1963 a, 1963 b, 1964, 1966 a, 1966 b, 1966 c) bekanntgegeben und charakterisiert.

Das Ziel dieses Werkes ist, auf Grund des ganzen angesammelten Material das Prozeß der Ansiedlung des litauischen Territoriums von den ersten Bewohnern bis Neolithikum zu kennzeichnen. Die Geschichte der Lebensweise wird nur so weit behandelt, wie es unentbärlich ist, um die ethnokulturellen Fragen zu lösen. Zum Teil für dasselbe Ziel, zum Teil, um die Chronologie genauer zu bestimmen, werden in diesem Werk die geomorphologischen Angaben angezogen.

II. ZUR FRAGE DER ERSTEN BEWOHNER IN LITAUEN

1. **Naturverhältnisse während der Arktischen Periode.** Als das Gletschereis das Territorium Litauens zu befreien begann, bot der Überfluß vom Wasser und das Klima der Altdryaszeit dem Menschen keine Ansiedlungsmöglichkeiten. Geringe Lebensbedingungen entstanden nur in der Böllingerschwankungszeit, als der Rand des Gletschers an den Endmoränen Mittellitauens lag (Abb. 1). Zu dieser Zeit konnten nur einzelne kleine Jägergruppen auf einem Ort einige Zeit verweilen, zur Erhaltung dieser Kulturschichten sollten aber besondere Verhältnisse gewesen sein müssen. Zu dieser Zeit gab es in Litauen Eiszeittiere, unter ihnen auch Mammute, es ist trotzdem kein bearbeiteter Mammutenknochen gefunden worden.

2. **Die Spuren der allerersten Ostbaltischen Bewohner** sind aus dem Kaliningrader Gebiet und aus Nordpolen bekannt (La Baume, 1925, Gross, 1937 a, 1938 a, 1938 b). Das sind Rengeweihe mit eingeritzten Rillen und ein Dolch aus Knochen. Die Bewohner waren warscheinlich aus dem Hamburger Kulturkreis gekommen.

III. ALTSTEINZEIT

1. **Naturverhältnisse in der Allerödschwankungszeit und im Spätdryas.** Die Bedingungen für das ständige Leben in Litauen entstanden nur in der Allerödschwankungszeit. Während dieses Zeitabschnittes erreichte die Grenze der Gletscher fennoskandische Endmoränen. Es entstanden viele abfließende Seen, die Tierwelt war mannigfaltiger geworden. Im Baltischen Bassin herrschte noch ein Süßwassereismeer (Abb. 2). In den Tällern der litauischen Flüsse formierte sich die zweite Überauenterasse, die in der zweiten Hälfte der Allerödschwankungszeit bewohnt wurde. Die Allerödschwankungszeitschichten werden schon in Sümpfen aller Teile Litauens gefunden, in denen Blütenstaub sogar wärmeliebender Gewächse vorkommt. Die Kulturschicht der Allerödschwankungszeit ist meistens aus feinkörnigem Sand gebildet, der auf quer gestreifter und mit deutlichen Ortsteinstreifen begrenzter Sandschicht liegt (Abb. 21, 29). Im Spätdryas begannen minerogenen Niederschläge auf den Terassen zu häufen, und Dryaszeitlehm hilft oft die Kulturschichten zu datieren. Dort, wo neben der II. Überauenterasse hohe lehmige Ufer ragten, lebte in Spätdryaszeit niemand. Zu dieser Zeit wurden die Wohnplätze meistens auf der III. Überauenterasse, weit von den jetzigen Ufern der Ströme gegründet (Puvočiai, Ežerynas, Mitriškės, Raudondvaris). Nur in der zweiten Hälfte der Spätdryaszeit wurde die II. Überauenterasse wieder angesiedelt.

2. **Die Ethnokulturgruppen am Ende der Altsteinzeit in Litauen.** Man unterscheidet in Grundzügen zwei Gruppen: die Baltisch-Magdelénienkulturgruppe und die Swidry-Kulturgruppe.

A. Die Baltisch-Magdalénienkulturgruppe. Unter diesem Namen verallgemeinert man alle Fundkomplexe in Litauen, die man genetisch mit den späteren Magdalénienderivaten am östlichem und sudöstlihem Ostseestrande (Ahrensburg, Bromme, Lyngby) verbinden kann. Die Baltisch-Magdalenienwohnplätze werden in Süd- und Mittellitauen (Abb. 5) getroffen.

1. **Die kennzeichnendsten Baltisch-Magdalénienstationen in Litauen.** Eine der kennzeichnendsten Fundplätze ist Vilnius (West) (Abb. 6). Die gefundenen Pfeilspitzen sind breit, mit spitzem Stiel. Als Spitzen dienen auch rückenretuschierte Messerchen. Die Schaber sind ziemlich groß und breit, die Stichel — meistens Eckstichel. In Südlitauen, in der kleinen Station am See Ilgis (Abb. 7) wurde auch ein ähnlicher Gerätekomplex gefunden. Einige Stationen desselben Typus wurden in den Fundplätzen Mitriškės 6 a (Abb. 8) und in der Nähe des Dorfes Smalninkai gefunden. Es unterscheidet sich eine Gruppe von Wohnplätzen, in denen die Pfeilspitzen viel breitere Stielspitzen haben, oft mit einem Schlagbuckel, wie z. B. in den Wohnplätzen: Maskauka 6 (Abb. 9), Ežerynas 9, 15 (Abb. 12), 16 (Abb. 11), Derėžnyčia 31 (Abb. 13). Aus den früher zufällig angesammelten Kollektionen sind magdalénische Pfeilspitzen aus den Fundorten Kašėtos (Abb. 16), Rudnia (Abb. 17), Gribaša (Abb. 18: 1—7) zu erwähnen. Die dritte Gruppe bilden die Wohnplätze, in denen die Pfeilspitzen Kerbspitzen sind, z. B. am See Glynas (Abb. 14,), Maksimonys 1 (Abb. 15), Kašėtos (Abb. 16 : 1—2), Rudnia (Abb. 17 : 1—3).

2. **Der Zusammenhang mit den benachbarten Magdalénienfundkomplexen.** In den Wohnplätzen Litauens sind inzwischen Funde nur aus Feuerstein bekannt. Alle gefundenen Geräte aus Geweih sind Streufunde. Nach den Pfeilspitzen aus Feuerstein kann man die erste Gruppe, wie z. B. Vilnius, Ilgis, Mitriškės 6a, mit der Ahrensburger Kultur vergleichen. Die zweite baltische Wohnplätzegruppe steht dem Bromme-Lyngby Typus näher, aber nicht dessen ältesten Phasen. Die dritte Gruppe ist mehr den östlichen Fundkomplexen eigen. Nach den geomorphologischen Angaben der Wohnplätze Litauens kann man sie mit dem westbaltischen chronologischen System sinchronisieren. Die erste Gruppe wird nur in Spätdryaszeit und Praeborealis getroffen, die

zweite beginnt ein wenig früher. Zu der Baltisch-Magdaléniengruppe sind auch Geräte aus Geweih und Knochen hinzuzurechnen. Das sind die spindel- und ruderförmige Lanzenspitzen (Abb. 20) aus einer Mergelgrube Kalniškiai (in Klaipėda) und aus manchen Ortschaften des Kaliningrader Gebiets. Zu demselben Kulturgebiet gehören auch Lyngby-Beile, Harpunen und Dolche. Da die Baltisch-Magdalénienfunde nicht nur an dem südlichen Strande der Ostsee, sondern auch auf den Inseln vorhanden sind, kann man den ganzen baltischen Raum auch geographisch verbinden. Die wichtigste Rolle eines Vermittlers zwischen Westen und Osten spielte wohl der untergesunkene Strand der Ostsee (Abb. 57). Aber auch aus den typischsten Beispielen ist zu ersehen, daß die südwestliche und die ostbaltische Kulturen nicht identisch sind. In Litauen läßt sich der ösliche Charakter spüren, die meisten Fundkomplexe sind sogar unter einem beträchtlichen Einfluß der Swidry-Kultur (Abb. 58—66).

B. Die Swidry-Kulturgruppe. Das kennzeichnendste Merkmal dieser Gruppe ist die Erhaltung manchen fernen Solutre-Kulturüberbleibsel bis Ende der Altsteinzeit. Infolgedessen sind Geräteformen entstanden, die sich von den Magdalénienformen unterscheiden. Es unterscheidet sich auch der ganze Kulturcharakter. Wenn man nicht imstande ist, die litauischen Magdalénienkomplexe in eine Entwicklungskette zu verbinden, so eben ist es der Fal bei den Swidry-Kulturkomplexen, denn die Swidry-Kultur entwickelte sich hier an der Stelle. Darum können wir die Swidry-Kulturkomplexe in mindest drei typologisch-chronologische Gruppen teilen.

1) Die Denkmäler der I. Swidry-Kulturgruppe in Litauen. Zu der frühesten Denkmälern kann man die Wohnplatzgruppe Eiguliai (die Vorstadt von Kaunas) A, B, D zählen. Sie befindet sich auf der II. Überauenterasse des Flusses Neris. Die Funde lagen unter einer fossilen Humusschicht auf Sand mit Ortsteinstreifen. In den Kulturschichten gab es auch Feuerstellenüberbleibsel. Die meisten Funde sind wenig bearbeitete Pfeilspitzen ohne Stiel, lange und schmale Schaber, Mittel- und Eckstichel, Kernsteine mit zwei Schlagflächen und eine geritzte Steinplatte (Abb. 22—31). Ein Fundort desselben Typus war auch Pypliai (Abb. 32). Manche spätere Züge hat die Siedlung Skaruliai (Abb. 33, 34): obwohl die Pfeilspitzen auch hier meistens ohne Stiele sind, gibt es hier weniger längliche als breite Schaber, die Stichel sind meistens Seitenstichel, es gibt schon manigfaltigere Geräteformen (Taf. II). Außerdem sind Funde der I. Gruppe in folgenden Ortschaften bekannt: Rudnia (Abb. 36), Gribaša, Kašėtos (Abb. 37), Marcinkonys.

2) Die Denkmäler der II. Swidry-Kulturgruppe in Litauen unterscheiden sich dadurch, daß die Pfeilspitzen ohne Stiel gewöhnlich kürzer und breiter sind, die Stielspitzen treten aber zahlreicher auf. Die Spitzen sind meist an beiden Enden retuschiert. Die Schaber sind deutlich kürzer, die Stichel sind kurz und breit. Ein geringer Einfluß des Magdalénien und des Azylien ist zu bemerken. Kennzeichnend ist die Lage dieser Wohnplätze auf der III. Überauenterasse.

Puvočiai ist eine der bedeutendsten Wohnplätze, in der sich Fundhäufungen mit mehreren Nestern ausgezeichnet haben. Die Pfeilspitzen machen beinahe einen Drittel aller Funde aus, die meisten sind bestielt. Die Schaber machen etwa eine Hälfte der Zahl der Pfeilspitzen aus, die meisten sind länglich, die Stichel — meistens Mittelstichel (Abb. 39—41). Neben den Wohnplätzen mit vielen Fundhäufungen kommen auch kleine, mit einer Fundhäufung, wie Eiguliai I C (Abb. 43, 44), Ežerynas 1, 4, 14 (Abb. 47—50), an dem See Glynas 3 und 1 (Abb. 51—53), Mardosavas 3 (Abb. 54) u. a.

3. **Der Zusammenhang mit den benachbarten Denkmälern der Swidry-Kultur.** Den Grundzügen und dem Mengenverhältnis der Gerätetypen nach (Taf. II, III) kommt die erste Swidry-Kulturgruppe in Litauen und in Belorußland nicht aus dem Rahmen der Frühgruppe des sogenannten Masowischen Cyklus in Polen heraus. Nach Litauen ist sie aus Südwesten hergebracht worden, wahrscheinlich ohne den Raum der Mazurischen Seen und das westlich des Flusses Nemunas (Memel) gelegene Gebiet zu streifen, und verbreitete sich diesem Flusse entlang bis zur Einmündung des Flusses Neris (Vilija) (Abb. 35). Bis zum Ende der Altsteinzeit sind Fundkomplexe erhalten, in denen mehr Züge der I. Gruppe zu bemerken sind. Daraus folgt wohl, daß die II. Gruppe von der zweiten Swidry-Kulturwelle hergebracht worden sei. In der Tat sollen am Ende der Altsteinzeit die Vertreter beider Gruppen gleichzeitig gewohnt haben. Die II. Gruppe steht der sogenannten Pludy-Kultur in Polen sehr nahe. Ihr ist die Erscheinung mancher azylischen Elemente, sowohl hier wie auch in Polen, kennzeichnend.

C. **Die gegenseitige Wirkung der Magdalénien- und der Swidry-Kulturen** ist nicht gleichartig. Daran wird auch die Zugehörigkeit bestimmter Fundkomplexe der einen oder der anderen Kulturzone entschieden. Die Swidry-Kultur übergibt der Magdalénienkultur vor allem die handwerkliche Traditionen: das Spalten langer Klingen von einem prismoiden Kernstein und die Swidry-Retusche. Die Magdalénienkultur übergibt der Swidry-Kultur einige Typen der Geräte, insbesonders breite kurze Stielspitzen. Die Swidry-Kultur beeinflußt die Magdalénienkultur als erste; ein wenig später spürt man Ein-

flüsse der Magdalénienkultur auf die Swidry-Kultur.

1. **Magdalénienkulturkomplexe mit Swidry-Kultureigenarten** werden schon am Ende der Allerödschwankungszeit vorgefunden, wie z. B. der Wohnplatz Kašėtos 16 (Abb. 58), wo allein die Stielspitze Swidry-Retusche trägt. In dem Wohnplatz desselben Zeitabschnittes Šilelis 2 (Abb. 59) ist sowohl die Retusche der Kehrseite der Pfeilspitzen, die Verjüngung und das Längerwerden des Pfeilspitzenblattes, wie auch das Gebrauch des Kernsteins mit zwei Schlagflächen unter dem Einfluß der Swidry-Kultur zu bemerken. Das Längerwerden der Schaber sollte auch der Swidry-Kultur zugerechnet werden. Der Einfluß derselben Kultur ist sowohl in den Fundkomplexen Mergežeris 3 (Abb. 60), Ežerynas 8, 17 (Abb. 61—64), Nendriniai (Abb. 65), wie auch in manchen Wohnplätzen in Nordostpolen und Brandenburg festzustellen. Der Einfluß der Swidry-Kultur auf die hiesigen Denkmäler in Südostbelorußland ist älter, als in Litauen, denn dieser Einfluß ging anderen Weges (Abb. 57).

2. **Die Swidry-Kulturkomplexe mit Eigenarten der Magdalénienkultur** kommen meistens nur in Jungdryas vor. Charakteristisch ist die untere Kulturschicht des kleinen Wohnplatzes Raudondvaris (Abb. 67—69). Fundreich ist das Material aus der unteren Kulturschicht des Wohnplatzes Netiesai 1 (Abb. 70—75). Viele Wohnplätze dieser Gruppe sind im Bassin des Flusses Merkys bekannt (Abb. 76—77). Am Ende der Altsteinzeit ist auch in der Swidry-Kulturkernzone (in Masowien und ganz Polen) so ein Einfluß festzustellen. Es soll gesagt werden, daß in der Peripherie (in Litauen und Belorußland) dieser Einfluß älter ist, denn da lebten beide Kulturgruppen nebeneinander.

3. **Charaktermerkmale der Altsteinzeitkultur in Litauen.** Ein bedeutender Unterschied zwischen den Kulturkomplexen hat meistens ethnokulturellen aber nicht chronologischen Charakter. In breiten Zonen verbreiteten sich die Kulturen beinahe gleichzeitig. Allerödschwankungszeit sollte eine Periode stürmischer Umsiedlungen gewesen sein. Dies läßt auch territorial sehr entfernte Fundkomplexe sinchronisieren. Die kennzeichnendste Übersiedlungsperiode ist die zweite Hälfte der Allerödschwankungszeit, als die Wälder schon überall verbreitet waren. Zu dieser Zeit stellen sich neben den reinen auch gemischte Kulturgruppen heraus. Das ist den weiten ehemaligen Gletscherrandgebieten Europas charakteristisch. Die allerödschwankungszeitlichen Fundkomplexe haben noch keine azylischen Elemente, denn es ist ein Spätdryaszeitmerkmal. Die Knochen und Geweihgeräte ist das zweite zwischenkulturelle Spätdryaselement, Während der ausgehenden Altsteinzeit entstand ein bestimmtes beschränktes Territorium, in dem die Bewohner miteinander Kontakt hielten. Die Größe und die Aufstellung der Wohnplätze hängt oft von der Kulturgruppe ab. Die Einheimischen Swidry-Kulturwohnplätze sind gewöhnlich groß, mit mehreren Fundhäufungen; vermutlich wiederholt aufgesucht. Nicht lange während, klein und gewöhnlich nur mit einer Fundhäufung sind die Wohnplätze der aus fernen Gebieten herangesiedelten Magdalénienkulturvertreter. Ein ähnliches Bild bietet sich auch in den Feuersteinrohstoffsammelorten; in den Swidry-Stationen sind nebst Abschlägen nicht wenig feine Klingen liegen geblieben, aber aus den Magdalénienstationen sind alle Klingen mitgenommen und weggeholt (Ežerynas). In Spätdryas wird mehr untereinander verkehrt, deshalb sind die Kulturgrenzen des ganzen Gebiets deutlicher geworden, obwohl sie von den Naturhindernissen nicht abhängig waren. Dieser Raum grenzt im Westen an die Oder, im Süden an die Karpaten, im Osten bis an den westlichen Teil Polesie, im Norden an Mittellitauen und die Ostsee.

IV. MITTELSTEINZEIT

1. **Naturverhältnisse in der Mittelsteinzeit.** Die deutlichste Grenze zwischen der Alt- und Mittelsteinzeit ist die Grenze zwischen Spätdryas und Praeborealis, was sich ganz deutlich in der Topographie der Fundplätze schildert. Diese Grenzen hängen auch von nur archäologisch wahrnehmbaren kulturgeschichtlichen Faktoren ab. Die Wohnplätze des Praeborealis, der Yoldia-Meeres-Zeit, werden auf der I. Überauenterasse, weit von den jetzigen Ufern entfernt, vorgefunden. Während der Ancylus-Periode werden die Wohnplätze zum Ufer der I. Überauenterasse näher gerückt. Während der Litorina-Periode wird die Auenterasse besiedelt. Die II. und III. Überauenterasse werden erst während der II. Litorina-Transgression für kurze Zeit wieder bewohnt.

2. **Das Schicksal der ausgehenden Altsteinzeitkulturen während der Nacheiszeit.** Die Praeborealiskultur steht den Typen der Geräte nach noch der Altsteinzeitkultur nahe, deshalb ziehmt es diesen Zeitabschnitt Epipaleolithikum zu nennen. Der Anfang dieses Zeitabschnittes wird paleoklimatisch bezeichnet, nur das Ende dieser Periode kann nicht bezeichnet werden, denn die neue, allein der Mittelsteinzeit charakteristische Kultur entstand zu der Zeit, als noch die erwähnte epipaleolithische Kultur existierte. Auf

diese Weise wird hier Epipaleolithikum nicht allein als chronologischer, sondern auch zuallererst als kulturgeschichtlicher Begriff behandelt. Die Verschmälzung aller Altsteinzeitkulturgruppen und der Anschluß nur der Mittelsteinzeit charakteristischen Elemente ist dieser Gruppe kennzeichnend. Charakteristisch für diese Gruppe sind die Swidry-Pfeilspitzen mit dornförmigem Stiel, meistens nur mit Randretusche, und die Magdalénienpfeilspitzen, die nicht so steil wie früher retuschiert und kleiner sind. Die typischen Schaber des Epipaleolithikums sind breit und groß, sie treten jetzt zahlreich auf. Die Stichel sind auch kurz und breit. Es verbreiten sich Knochen- und Geweihgeräte des altsteinzeitlichen Typus: Harpunen mit Wiederhacken, kleine Meisel, spindelförmige und dreikantige Speerspitzen, Dolche (Abb. 100—102). Die bedeutendsten Wohnplätze dieses Typus sind: Pamerkinė (Abb. 86, 87), der Zwischenseewohnplatz am See Glynas (Abb. 89), Dubičiai 2 (Abb. 90—93), Jakštonys (Abb. 94), Drąseikiai (Abb. 95, 96), Saleninkai 2, 3 (Abb. 97, 98).

Am Ende des Epipaleolithikums übersiedelte ein Teil der Bewohner nach Osten, Norden und Süden Europas. Es entstanden neue Kulturgebiete weit von den Grenzen des Grundgebiets entfernt.

3. **Denkmäler der Maglemosekultur in der Frühmittelsteinzeit** sind auf dem Rande der I. Überauenterasse zu finden. Einer der deutlichsten Beispiele ist Maksimonys 4 (Abb. 103—108). Alle in diesem Wohnplatz gefundenen Pfeilspitzen können lanzetförmig genannt werden, obwohl sie sich in Einzelheiten von der erwähnten Form unterscheiden. Hier gibt es keine Mikrolithen. Die Schaber sind aus großen Abschlägen, seltener aus Klingen gemacht worden. Es gibt hier schon auch Kernbeile. Diese Kultur ist keine Fortsetzung der einheimischen Kultur. Sie ist aus Westen hergebracht und hat eine gerade Verbindung mit solchen Wohnplätzen, wie Klosterlund, Star-Carr. Nirgens verweilte diese Kultur längere Zeit, denn schon in der Ancylus-Periode ergriff sie die Mikrolitisationswelle. Auch Knochen- und Geweihgeräte sind der Maglemoskultur kennzeichnend, solche Geräte waren aber im Laufe der ganzen Mittelsteinzeitperiode vorhanden, deshalb werden sie weiter erwähnt werden.

4. **Die mikrolithisch-makrolithische Kultur in Litauen** entstand im Laufe der Borealis-Atlantiszeit. Sie besteht aus drei Komponenten: aus dem swidrischen, dem mikrolithischen und dem makrolithischen. Sie ist einheimisch, deshalb können alle Fundkomplexe leicht in eine Entwicklungskette verbunden werden. Der Topographie der Wohnplätze nach werden 3 chronologische, nicht gleiche Zeit währende Abschnitte unterschieden.

a) **Die Charakteristik der Fundkomplexe des I. Abschnittes.** Für diese Wohnplatzgruppe ist die Lage auf der Auenterasse kennzeichnend. Sie gehört in die Periode vor der maximalen Litorina-Transgression. Von dem Maglemose-Fundkomplexe unterscheidet sich dessen Inwentar durch das Auftreten und die Verbreitung der Mikrolithen und durch die Erhaltung der Swidry-Elemente. Der deutlichste Beispiel ist der Wohnplatz Paštuva (Abb. 110—113). Aus den Swidry-Typen ist die Pfeilspitze und ein Bruchstück einer Lanzenspitze zu erwähnen. Die meisten Pfeilspitzen sind aber unregelmäßige Klingenspitzen und lanzetförmige Spitzen. Die Mikrolithen sind fein bearbeitete Harpunenschneiden. Es gibt viele breite, lange Klingen, große Schaber (es gibt aber auch kleine) und Stichel, Messerchen mit schräg retuschierten Enden, sehr wenig Sonderformen, und Kernbeile. In Litauen gibt es nicht wenig Wohnplätze dieses Typus, obwohl sie meistens sehr schlecht erhalten sind, was von ihrer Lage auf der Auenterasse abhängig ist. Es sind folgende Wohnplätze zu erwähnen: Brūžė (Abb. 114), Derėžnyčia 15 (Abb. 115), 16, 29, Kačerginė, Virbaliūnai u. a.

b) **Der II. Abschnitt.** Diese Fundkomplexe kommen auf der II. und III. Überauenterasse vor un gehören zum Zeitabschnitt der maximalen (II) Litorina-Transgression. Die Grundtypen der Geräte bleiben dieselben, wie auch in der I. Gruppe. Nur ein deutliches Kleinerwerden der Geräte ist zu bemerken. Die Zahl der großen Schaber vermindert sich. Die Zahl der kleinen im Gegenteil vergrößert sich. Viel seltener treten große, breite Klingen auf. Die Grundtypen der Mikrolithen sind noch immer Harpunenschneiden, aber in manchen Wohnplätzen kommen schon Trapezen vor. Die Kernbeile sind viel regelmäßiger. Die hoch gelegenen Wohnplätze sind oft besser erhalten. In der Kulturschicht dieser Wohnplätze werden Feuerstellen-, Gruben und Pfalspuren vorgefunden. Die bedeutendsten Wohnplätze dieser Art ist Raudondvaris (die mittlere Kulturschicht) (Abb. 116), Kaniūkai 1 (die untere Kulturschicht) (Abb. 117—121), Netiesai 1 (die mittlere Kulturschicht) (Abb. 122—125), Merkinė (am Hange des Flusses Merkys) (Abb. 126, 127), Druskininkai 7 (Abb. 128) u. a.

c) **III. Abschnitt** fällt in die Zeit nach der maximalen Litorina-Transgression. Die Wohnplätze werden auf der Auenterasse vorgefunden, aber gewöhnlich weit von den heutigen Ufern entfernt. In dem Fundmaterial sind jetzt deutliche Spuren der Mikrolitisation festzustellen. Die Swidry-Pfeilspitzen verlieren gänzlich ihre altsteinzeitlichen Züge. In allen Wohnplätzen treten jetzt Trapezen nebst Harpunenschneiden auf. Große Schaber werden jetzt zu Seltenheit. Die Stichel machen einen sehr kleinen Teil des In-

wentars aus. Es gibt schon keine klare Altsteinzeitgerätetypen. Die bekanntesten Wohnplätze sind Lampėdžiai (Abb. 129—132), Kampiškės (Abb. 134), Saleninkai 1 (Abb. 135), 2a (Abb. 136), Derėžnyčia 27, 52 u. a.

2) **Die charakteristischen Merkmale des Mesolithikums in Litauen.** Die Grundtypen des Mesolithikums sind aus Feuerstein, Knochen und Geweih. Beinahe alle Feuersteingeräte treten als Wohnplatzfunde auf, deshalb ist ihre Entwicklung aus den Beschreibungen der Fundorte klar. Alle Geräte aus Knochen und Geweih sind indessen Einzelfunde und können nur mittels der typologischen Vergleichung angezogen werden. Nach den Feuersteinschneiden, die in den Wohnplätzen vorgefunden werden, kann man am besten die Vogelpfeile (Abb. 142) mit den Wohnplatzfunden verbinden. Sie sind während des ganzen Mesolithikums vorhanden. Die jüngsten sollten wohl eine lange Geweihspitze haben. Mit den Kernbeilen könnte man die vorgefundenen Geweihschäftungen (Abb. 144) verbinden. Die mesolithischen Harpunen sind fein gezahnt oder mit spärlichen und ausgedähnten Wiederhacken (Abb. 109). Sehr selten kommen Harpunen mit einem Zahn vor (Abb. 109 : 7), die dem Ende des Mesolithikums wohl angehören. Der einzige Dolch mit einem Griff soll (Abb. 143) der Litorina-Periode gehören. Es ist nicht wenig kurze Äxte (Abb. 145 : 1,2) mit einem eingeschlagen oder ausgebohrten Schäftungsloch vorgefunden worden. Sie sind im Laufe des ganzen Mesolithikums vorhanden und gehen ins Neolithikum über. Der zweiten Hälfte des Mesolithikums gehören die langen Äxte mit einem Loch an der Stelle der abgeschnittenen Geweihsprosse (Abb. 145 : 3). Dem Ende des Mesolithikums gehören auch Bruchstücke einiger Lochstäbe (Abb. 146 : : 1,2).

5. **Die Entstehung und Verbreitung der mikrolithisch-makrolithischen Kultur.** Der erste Bestandteil — das Swidry-Kulturerbe — kommt von der Altsteinzeit. Der größte Teil dieses Erbes sind Pfeilspitzen, manche Stichel, prismoide Kernsteine. Ihre Bearbeitung ist aber viel nachlässiger geworden. Ihre Zahl ist nicht groß, aber das ist einer der Grundzüge, der das Ostbaltische Kulturgebiet von den benachbarten Gebieten unterscheidet. Die kleine Zahl der Funde dieses Typus zeigt trotzdem, daß der größte Teil der epipaleolithischen Bewohner übersiedelt worden sein soll. Der zweite Bestandteil sind die Makrolithen, die mit den Maglemosekultur zu verbinden sind (es ist auch möglich, die mesolithischen Kernbeile mit den uns bekannten Swidry-Kultur-Äxten zu verbinden). Der dritte Bestandteil sind Mikrolithen geometrischer Formen, die mit vielen Kulturgruppen einen Zusammenhang haben. Sie sind als Zwischenkulturelemente durch längere Zeit allmählich hergebracht worden. Dreieckige ausgedehnte regelmäßige Messerchen treten schon in den Maglemose-Wohnplätzen auf. Weiter werden sie von den lanzetförmigen Spitzen verdrängt. Die Trapezen treten allmählich nur am Ende der Mittelsteinzeit vor. Ihr Verbreitungszentrum sollte im Südwesten oder sogar im Süden gesucht werden. Die Harpunenschneiden sind wohl auch mit Süden oder gar Osten zu verbinden, denn in Westen tragen sie keine Retusche. Beinahe alle Knochen- und Geweihgeräte gehören dem Assortiment der Maglemosekultur an, obwohl ihre Herkunft manchmals nicht in der erwähnten Kultur zu suchen ist.

V. NACHWORT

Nachdem man die ganze Hinterlassenschaft des ausgehenden Paläolithikums und Mesolithikums besichtigt hat, gewinnt man die Vorstellung, daß die Besiedlung Litauens von mehreren Kulturzentren aus statgefunden hat. Jedes Kulturzentrum hat sein eigenes Kulturschatz mitgebracht. Man sollte meinen, daß die neuen Ansiedler verschiedenen ethnischen Gruppen angehört haben.

Antropologische Angaben sind sehr nichtig. Aus den wenigen Schädeln, die in Kamšai (Kirsna), Kebeliai, Turlojiškė gefunden sind, ist herauszustellen, daß in der Mittelsteinzeit und im Frühneolithikum Vertreter mehrerer antropologischer Typen gewesen sind, obwohl sie alle der großen Rasse der Europeoiden angehören.

Um die Mitte des Mesolithikums wurde aus all den mitgebrachten Elementen ein Gesamttypenschatz gebildet, das in einem abgegrenzten Teritorium verbreitet ist, und das läßt sich mit recht als lokales Mesolithikum klassifizieren — die mikrolithisch-makrolithische Kultur. In Lettland und Estland erstattete die Welle der Maglemosekultur in Verbindung mit östlichen Einflüssen eine andere Kulturgruppe zu entstehen — die Kunda-Kultur, die auch in Nordlitauen zu spüren ist.

Die uneinheitliche Besiedlung Litauens in der Alt- und Mittelsteinzeit hinterließ deutliche Spuren auch im Neolithikum und in den späteren Zeitabschnitten. Das heißt, daß seit den ältesten Zeiten die ost- und westlitauischen Gebiete sich voneinander unterscheiden. Die Narwa-Nemunas-Kultur des Frühneolithikums in Nordwestlitauen und die Kultur des Oberlaufes des Flusses Nemunas in Südostlitauen ist die Fortsetzung der mesolithischen Kulturgebieten.

LIETUVOS PALEOLITAS IR MEZOLITAS

Santrauka[1]

I. ĮVADAS. PALEOLITO BEI MEZOLITO TYRINĖJIMŲ APŽVALGA

Apžvalgoje išskiriami du momentai — medžiagos kaupimas ir jos interpretavimas, nes dažnai tai darė ne tie patys asmenys. Pirmajame tyrinėjimo etape, trukusiame nuo XVIII a. iki XIX a. aštuntojo dešimtmečio, Rytų Lietuvoje kaupėsi daugiausia tik atskiri neolitiniai gludinti dirbiniai — iš pradžių privačiose kolekcijose, o nuo 1856 m. E. Tiškevičiaus įsteigtame Vilniaus Senienų muziejuje, įsikūrusiame Vilniaus Universitete. O Vakarų Lietuvos, konkrečius, J. I. Kraševskis, K. Grevingkas, J. R. Asdžiaga kaupėsi Karaliaučiuje (dabartiniame Kaliningrade), keliuose Archeologijos ir Gamtos draugijų rinkiniuose.

XIX amž., ypač jo antrojoje pusėje, apie akmens amžiaus radinius yra skelbę E. Tiškevičius, J. I. Kraševskis, K. Grevingkas, J. R. Aspelinas. Visų jų nuopelnas tas, kad per juos Lietuvos akmens amžiaus medžiaga pateko į mokslinę literatūrą. Tačiau tuo metu literatūroje buvo paminėti tik trys mezolitiniai dirbiniai (raginis kirvelis, raginis žeberklas su titnago ašmenėliais ir titnaginis skaldytinis).

Antrajame etape (nuo aštuntojo XIX amž. dešimtmečio iki Pirmojo Pasaulinio karo) tyrinėtojai patys ėmė keliauti ir rinkti medžiagą laukuose. Žymiausi iš jų buvo: Rytų Lietuvoje Z. Glogeris ir V. Šukevičius, Vidurio Lietuvoje T. Daugirdas, o Vakarų Lietuvoje O. Tišleris, A. Becenbergeris, E. Holakas. Šiame laikotarpyje medžiaga gausiai skelbiama, tačiau mažai interpretuojama. Prireikia archeologinių žemėlapių. Į Rusijos sudėtį įeinančios Lietuvos dalies medžiaga buvo suregistruota ir paskelbta V. Pokrovskio 1893, 1895 ir 1899 m. išėjusiuose Kauno, Vilniaus ir Gardino gubernijų archeologiniuose žemėlapiuose, Vakarų Lietuvos, t. y. buv. Klaipėdos krašto,— 1908 m. E. Holako sudarytame archeologiniame žemėlapyje.

Trečiasis tyrinėjimo etapas prasidėjo po I-ojo Pasaulinio karo. Senieji rinkiniai atiteko trims respublikoms — Lietuvai, Lenkijai ir Vokietijai. Šiuo laikotarpiu daugiausia medžiagos buvo kaupiama Kaune Valst. Kultūros muziejaus ir privačia iniciatyva (P. Tarasenkos, K. Jablonskio). Plati Lietuvos archeologijos apžvalga buvo paskelbta į Lietuvą atsilankiusio tarybinio archeologo A. Špicino 1925 m., tačiau apie paleolito bei mezolito medžiagą iš Lietuvos jis mažai težinojo, tad pasitenkino tik bendromis gairėmis. 1928 m. pasirodė P. Tarasenkos archeologinės medžiagos aprašas su archeologiniu žemėlapiu, kuriame buvo sužymėta apie 115 akmens amžiaus stovyklų vietų. Medžiaga interpretuojama pagal A. Špicino pasiūlytą schemą. Į to meto Lenkijos archeologijoje vyravusią schemą bandė įterpti Lietuvos — daugiausia tik Vilniaus krašto — medžiagą V. Antonevičius (1930, 1935). Naujai besikaupiančią Lietuvoje paleolito bei mezolito medžiagą paskelbė J. Puzinas (1935$^{a, b}$, 1938$^{a, b}$). Svarbiausias šio laikotarpio požymis, kad jau buvo sukaupta daug paleolito bei mezolito radinių ir pasirodė kvalifikuoti jos apibendrinimai.

IV-asis etapas prasidėjo po Tarybų Lietuvos išvadavimo iš hitlerinės okupacijos. Jam būdingi sistemingi žvalgomieji bei stacionariniai tyrinėjimai, kuriuose dalyvavo A. Bernotaitė, K. Jablonskis, R. Rimantienė ir kt. Paleolito bei mezolito medžiaga apibūdinta P. Kulikausko (LAB, 1961) ir atskiruose autorės straipsniuose (1959, 1960, 1962, 1963a, 1963b, 1964, 1966, 1966a, 1966b).

Čia pateikiamo darbo tikslas yra, pasiremiant visa sukaupta medžiaga, apibūdinti Lietuvos teritorijos apgyvendinimo procesą nuo pirmųjų gyventojų pasirodymo iki neolito. Pagrindinis dėmesys skiriamas etnokultūriniams klausimams, todėl buities istorija liečiama tik tiek, kiek ji susijusi su šiais klausimais.

---

[1] Pilnas originalo tekstas lietuvių kalba yra LTSR MA Centrinės Bibliotekos rankraščių skyriuje ir LTSR MA Istorijos institute.

II. PIRMŲJŲ LIETUVOS GYVENTOJŲ KLAUSIMU

1. Gamtinės sąlygos arktiniu periodu. Ledynui pasitraukus iš Lietuvos teritorijos, liko didžiuliai prieledyniniai ežerai, augalijos danga susidarė dar negreit. Kol ledynas galutinai sutirpo Skandinavijoje, vyravo arktinis klimatas, kurio buvo du žymesni atšilimo laikotarpiai—biolingas ir aleriodas, ir trys atšalimo periodai tarp jų — driasas I, II ir III. Šiokios tokios pragyvenimo sąlygos susidarė pirmajame atšilimo laikotarpyje — biolinge, XI tūkstantmetyje pr. m.e., kai ledyno pakraštys buvo ties vidurio Lietuvos galinėmis morenomis. Šiame laikotarpyje, tirpstant ledynų palaidotiems ledo luitams, susidarė ir pirmieji termokarstiniai ežerai. Tuo metu į Lietuvos teritoriją galėjo užklysti pirmieji medžiotojų būreliai, tačiau apie tai dar neturime duomenų, nes stovykloms išlikti pirmykštėje padėtyje reiktų ypatingų sąlygų. Tokio atsitiktinio medžiotojų lankymosi, be abejo, negalėjo sutrukdyti nežymus vidurinio driaso klimato atšalimas. Arktiniame periode Lietuvoje būta ledlaikio žvėrių, tarp jų ir mamutų, tačiau nerasta nė vieno apdirbto mamuto kaulo. Tad tenka manyti, kad arba žmogus negyveno kartu su mamutu, arba nebuvo pratęs jo medžioti.

2. Ankstyviausių Rytų Pabaltijo gyventojų pėdsakai žinomi iš dabart. Kaliningrado srities ir šiaur. Lenkijos (buv. Rytprūsių) teritorijos (Gross, 1937a, 1938a, b, La Baume, 1925). Tai šiaurės elnių ragai su išrėžtais grioveliais ir kaulinis durklas. Gyventojai bus atėję iš Vakarų, Baltijos pajūriu, iš Hamburgo kultūros srities. Panašių radinių galima tikėtis ir Lietuvoje.

III. PALEOLITAS

1. Gamtinės sąlygos aleriode ir vėlyvajame driase jau buvo palankios žmogui pastoviai įsikurti Lietuvos teritorijoje. Tuo metu ledynų riba pasiekė Fenoskandijos galines morenas. Aleriodo laikotarpio sluoksniai aptinkami jau visos Lietuvos pelkėse, ir juose kartais randama net šilumamėgių augalų žiedadulkių. Aleriodas yra pagrindinis Lietuvos ežerų termokarstinių procesų laikotarpis; susidaro daug nutekamų ežerų, nuslūgsta jų vandens lygis. Baltijos baseine — vis dar gėlavandenis Baltijos ledyninis ežeras. Lietuvos upių slėniuose aleriode susidaro antroji viršsalpinė terasa, kurioje, aleriodo laikotarpiui baigiantis, ima kurtis žmonės. Šio laikotarpio stovyklų kultūrinį sluoksnį sudaro suplautas smėlis, slūgsąs virš įstrižai dryžuoto ortšteino-smėlio sluoksnio II viršsalpinės terasos pakraštyje (21, 29 pav.). Sitokia stratigrafija būdinga ir kitoms aleriodo laikotarpio stovykloms plačiuose Europos plotuose. Vėlyvojo driaso laikotarpyje ant terasų ima kauptis minerogeninės nuosėdos, driasiniai moliai, kurie dažnai padeda datuoti paleolitinių stovyklų kultūrinius sluoksnius. Ten, kur prie II viršsalpinės terasos stūksojo aukšti molėti III terasos krantai, vėlyvajame driase nebuvo įmanoma gyventi, ir žmonės buvo priversti susikraustyti ant III viršsalpinės terasos, toli nuo dabartinių didžiųjų upių krantų (Vilniaus, Raudondvario, Ežeryno stovyklos). Tik vėlyvojo driaso pabaigoje stovyklos vėl nusileidžia žemiau.

2. Paleolito pabaigos etnokultūrinės grupės Lietuvoje aplamai išskiriamos dvi: Pabaltijo madleno kultūrų grupė ir svidrinių kultūrų grupė.

A. Pabaltijo madleno kultūrų grupės vardu apibendrinamos visos tos stovyklos, kurių inventorių genetiniais ryšiais galima sieti su vėlyvesniais Vakarų Europos madleno derivatais pietiniame bei pietvakariniame Baltijos pajūryje (Arensburgo, Bromės, Lyngby kultūrų grupės), nors sutapatinti su kuria nors kultūrine grupe Lietuvos medžiagos paprastai negalima. Būdingiausias visų jų bruožas — dar jaučiami tolimi orinjakinio palikimo atgarsiai. Pabaltijo madleno stovyklų aptinkama pietų ir vidurio Lietuvoje (5 pav.) ant II ir III viršsalpinių upių terasų.

1. Būdingiausios Pabaltijo madleno stovyklos yra labai nevienodos, tačiau jų negalima susieti į vieną chronologinę raidos grandinę. Jos turėjo egzistuoti reliatyviai viena šalia kitos. Ryškiausias pavyzdys Vilniaus stovykla, buvusi dabartinėje SES teritorijoje (6 pav.). Strėlių antgaliai platūs, smailiomis įtvaromis, be to, kaip antgaliai vartotos ir smailios, netaisyklingos, retušuotos skeltės. Gremžtukai daugiausia trumpi, rėžtukai daugiausia kampiniai, skaldytiniai viengaliai, labai maža specialios paskirties dirbinių. Daugiau nedidelių šio tipo stovyklų yra Pietryčių Lietuvoje. Minėtina stovykla prie Ilgio ežero (7 pav.), kur rasta panašaus, tik kiek smulkesnio inventoriaus. Keli to paties tipo lizdai buvo Mitriškių 6a (8 pav.) ir 6 stovyklose Smalninkuose ir kt. Antrą grupę sudaro stovyklos, kurių strėlių antgaliai turi žymiai platesnes įtvaras, dažnai su išlikusia skėlimo kuprele blogojoje pusėje, pvz., Maskaukos 6 stovykla (9 pav.), Derėžnyčios — 31 (13 pav.), Duobupio — 1b, Babriškių — 4 b, 4 d, Ežeryno—9, 15, 16 stovyklos (11, 12 pav.). Trečią grupę sudaro

stovyklos, kurių antgalių įtvaros būna iškąstos tik iš vieno šono. Tokių radinių buvo Glyno ež. stov. (14 pav.), Maksimonių 1 stov. (15 pav.) ir kt. Gausūs nesistemingi V. Šukevičiaus rinkinių madleniniai radiniai paprastai išsiskiria ne tik savo formomis, bet ir stora patina. Ypač daug madleninių radinių aptikta Pietryčių Lietuvoje, Kašėtų (16 pav.), Rudnios (17 pav.) ir Dūbos ež. apylinkėse, dalis pateko į rinktinių dirbinių kolekciją, pavadintą Merkio ir Ūlos upių vardu.

2. Lietuvos ir kaimyninių kraštų madleninių paminklų bendri bruožai. Šiai kultūrinei grupei būdingi ir titnaginiai, ir kauliniai-raginiai dirbiniai, tačiau Lietuvos stovyklose tuo tarpu teturime titnago dirbinių, o visi kauliniai-raginiai rasti atsitiktinai.

Pagal titnaginius strėlių antgalius, pirmąją stovyklų grupę (Vilniaus, Ilgio ež., Mitriškių 6 a ir pan.), galima gretinti su Arensburgo tipo stovyklomis pietų ir pietvakarių Pabaltijy. Jose šalia plataus trumpo arensburginio antgalio tipo pasitaiko netaisyklingų nusmailintų antgalių iš skelčių bei negeometrinių mikrolitų. Arensburginiai gremžtukai dažniausiai trumpi, rėžtukai platūs, padaryti iš nuoskalų, rėžiamasis kampas sudarytas nuskėlimu ir retušu. Antroji Pabaltijo madleno stovyklų grupė artimesnė Bromės—Lyngby tipui, tik ne ankstyviausioms jo formoms. Visi dirbiniai palyginti stambūs, o antgalių įtvaros plačios. Geomorfologiniais duomenimis šios Lietuvos stovyklų grupės sutampa su Vakarų Europos paleolito pabaigos chronologine sistema: tenai Arensburgo tipo stovyklos priskiriamos tik vėlyvojo driaso ir preborelio klimato laikotarpiams, o Bromės tipo stovyklos pasirodo kiek anksčiau. Trečioji Lietuvos madleninių antgalių grupė yra būdinga rytinėms šios kultūrinės srities dalims, kur šis tipas išsilaiko labai ilgai.

Tai pačiai Pabaltijo madleno kultūrinei grupei tenka priskirti ir paleolitinius kaulo-rago dirbinius: šeivos ir irklo pavidalo antgalius, pažįstamus iš Klaipėdos (Kalniškių) (20 pav.) ir kai kurių Kaliningrado srities vietovių. Šioje srityje rastieji vėlyvuoju driasu datuoti Lyngby tipo kapliai, žeberklai, peikenos irgi turėtų priklausyti kalbamajai kultūrinei grupei.

Pabaltijo madleno kultūrinė grupė plito iš vakarų, greičiausiai dabar nusmegusiomis Baltijos ledyninio ežero pakrantėmis. Tačiau ir pačiuose tipiškiausiuose čia pateikiamuose stovyklų pavyzdžiuose Pietų bei Pietvakarių ir Rytų Pabaltijo radiniai nėra identiški. Ir gana grynuose Lietuvos stovyklų radinių komplektuose jaučiamas rytinis pobūdis, o dauguma komplektų yra aiškioje svidrinės kultūros įtakoje.

B. Svidrinės kultūros grupei būdinga tai, kad iki pat paleolito pabaigos išsilaiko kai kurios tolimos solutreno liekanos ir tuo būdu susidaro titnago dirbinių formos, skirtingos nuo madleninių. Kadangi Lietuvos teritorija įėjo į pagrindinę svidrinės kultūros susidarymo sritį, čia vietoje galima pasekti šios kultūros raidą. Todėl svidrinės stovyklas dažnai galima suvesti į chronologinę raidos grandinę. Tačiau išsiskiria ir trys tipologinės grupės: I ir II beveik grynos svidrinės, o III — su ryškia madleninės kultūros įtaka. Paleolitinės svidrinės stovyklos yra ant upių aukštutinių terasų.

1. I (ankstyvosios) grupės paminklai Lietuvoje labai negausūs. Ankstyviausios yra Eigulių I (Kauno priemiesčio) stovyklos A, B, D, tyrinėtos 1948—1957 m. Stovyklos buvo ant II viršsalpinės Neries terasos, radiniai gulėjo po iškastinio dirvožemio sluoksniu, virš dryžuotų oršteinuotų smėlių. Kultūriniuose sluoksniuose rasta židinių pėdsakų. Pagrindinius radinius (22—31 pav.) sudaro menkai apdirbti, siauri, ilgi strėlių antgaliai, beveik visi neišryškinta įtvara, ilgi ir siauri gremžtukai, pleištiniai viduriniai rėžtukai, dvigaliai skaldytiniai ir netaisyklingai įraižyta akmeninė plokštelė. Tam pačiam tipui priklausė Pyplių stovykla (32 pav.). Kai kurių vėlyvesnių bruožų turi Skarulių stovykla (33, 34 pav.), kurios visi strėlių antgaliai neįsmaugtomis įtvaromis, tačiau gremžtukų mažiau pailgų, negu plačių, rėžtukai daugiausia šoniniai, be to, yra ir dirbinių tipų, neaptiktų Eigulių I stovyklose. Be to, I-osios grupės radinių žinoma iš Rudnios (46 pav.), Kašėtų (37 pav.), Gribašos, Marcinkonių stovyklų.

2. II (vėlyvosios) grupės paminklai Lietuvoje skiriasi kai kuriais pagrindiniais dirbinių tipais ir jų kiekio santykiu. Šios grupės antgaliai neišskirta įtvara paprastai būna trumpesni ir platesni, ypač daug antgalių išskirta įtvara. Antgalių smaigaliai retušuojami. Gremžtukai trumpesni, rėžtukai trumpi ir platūs. Pastebimas kai kurių kitų kultūrų (madleninės ir azylinės) poveikis. Stovyklos randamos ant III viršsalpinės terasos.

Viena iš ryškiausių yra Puvočių stovykla (39—41 pav.), kurioje apie 1 km plote aptiktos 7 aikštelės, kiekviena su keletu lizdų. Aikštelės buvo vienalaikės. Beveik $^1/_3$ visų radinių sudarė strėlių antgaliai. Daugiausia antgalių buvo su išskirta įtvara, kai kurie iš jų kiek primena madleninius tipus. Gremžtukų maždaug dvigubai mažiau, negu antgalių skaičiaus, dauguma jų pailgi, tačiau paprastai tesiekia $^1/_2$ pločio, rėžtukai daugiausia viduriniai pleištiniai. Pasitaiko ir vieno lizdo stovyklų, kaip pvz. Akmuo, Eiguliai 1C (43, 44 pav.), Ežerynas 1, 4, 14 (47—50 pav.), Glyno ež. 1, 3 (51—53 pav.), Mardosavas 3 (54 pav.) ir kt. Paleolito pabaigoje stovyklose pasirodo mažai retušuoti ietigaliai, kurie kartais tėra vienintelis antgalio tipas, kaip pvz., Ežeryno 11 stov. ar Glūko ež. stovykla.

3. Ryšiai su kaimyniniais svidrinės kultūros paminklais yra labai glaudūs. Pagrindiniais savo bruožais ir dirbinių tipų kiekio santykiu Lietuvos bei vakarų Baltarusijos I svidrinė grupė neišeina iš Lenkijoje vadinamo Mazovinio ciklo ankstyvosios grupės ribų. Jos pirmieji nešėjai į Lietuvą atėjo iš pietvakarių, greičiausiai, nepaliesdami Mozūrų ežerų srities bei srities į vakarus nuo Nemuno (35 pav.), plito Nemuno upe iki Neries santakos. Iki pat paleolito pabaigos Lietuvoje išliko stovyklų, turinčių daugiau I grupės bruožų negu II. Tad tenka manyti, kad II grupę bus atsinešusi antroji svidrinės kultūros banga. Tuo būdu dvi išskirtąsias grupes reikia laikyti ne vien chronologinėmis tipologinėmis, bet ir kultūrinėmis grupėmis. Vadinasi, paleolito gale turėjo šalimais gyventi I grupės palikuonys su naujai atėjusiais II kultūrinės grupės atstovais. Antrajai grupei artimiausia kultūra, Lenkijoje vadinama pludine, kuriai, kaip ir Lietuvoje, būdingas azylinių elementų atsiradimas.

C. Madleninės ir svidrinės kultūros sąveika yra ne vienodo pobūdžio. Svidrinė kultūra madleninei pirmiausia teikia techniškas naujoves — ilgų skelčių skaldymą nuo prizminio skaldytinio ir svidrinį paviršinį retušą, o madleninė svidrinei kultūrai — dirbinių tipus — plačius, trumpus kotinius antgalius. Svidrinė kultūra pradėjo anksčiau veikti madleninę, negu atvirkščiai.

1. Madleninių stovyklų su svidrinės kultūros įtaka buvo jau aleriodo pabaigoje, kaip pvz., Kašėtų 16 stov. (58 pav.), kur tik vieno antgalio įtvara paretušuota svidriškai. Madleninėje Šilelio 2 stovykloje (59 pav.) pastebime antgalių blogosios pusės retušavimą, taip pat, matyt, svidrinės kultūros įtakoje, siauręja bei ilgėja lapelis. Čia aptinkama jau ir ilgų, svidrinių, skaldytinių, ilgėja ir gremžtukai. Panaši įtaka pastebima tokiose stovyklose kaip Mergežeris 3 (60 pav.), Ežerynas 8, 17 (61—64 pav.), Nendriniai (65 pav.) ir kt., be to, kai kuriose šiaurės rytų Lenkijos bei Vokietijos (Brandenburgo srities) stovyklose. Menkos įtakos siekia net Vakarų Europos madleną VI.

2. Svidrinės stovyklos su madleninės kultūros įtaka — dažniausios vėlyvojo paleolito pabaigoje. Šiose stovyklose, šalia pagrindinio svidrinio inventoriaus, randama ir madleninių dirbinių tipų, ypač antgalių. Nedaug tos įtakos dar matyti Raudondvario stov. apatiniame sluoksnyje (67—69 pav.). Labai gausi medžiaga iš Netiesų 1 stov. apatiniojo kultūrinio sluoksnio (70—75 pav.), kur rasta tikrų svidrinių antgalių, pereinamojo tipo smaigų ir madleninių antgalių plačiomis įtvaromis, įvairių tipų gremžtukų, tačiau rėžtukai daugiausia siauri ir pailgi. Nemaža šio tipo radinių yra iš įvairių Merkio upės baseino stovyklų (76—77 pav.).

Paleolito pabaigoje tokia įtaka buvo ir pagrindinėje svidrinės kultūros paplitimo srityje— Mazovijoje ir pietų Lenkijoje. Periferijose, kur šalimais gyveno abidvi kultūros (pvz., Lietuvoje, Baltarusijoje), ta įtaka, atrodo, buvusi ankstyvesnė.

3. Lietuvos paleolito kultūrų būdingosios savybės. Pastebimi ryškūs paleolito kultūrinių kompleksų skirtumai. Jie yra daugiau ne chronologinio, bet etnokultūrinio pobūdžio. Palyginus vakarinio bei pietinio Baltijos pajūrio stovyklų radiokarbonines bei geochronologines datas, matyti, kad įvairiose vietose tos pačios kultūros stovyklos pasirodo maždaug tuo pat metu, tad aleriodas turėjo būti labai judrus ir audringas persikilnojimų laikotarpis. Ši prielaida leidžia sinchronizuoti labai tolimų teritorijų radinius. Žymiausias migracijos laikotarpis — aleriodo pabaiga, kai jau visuotinai buvo išplitę miškai. Tuo metu plačiuose buv. prieledyninės Europos plotuose šalia grynų kultūrų stovyklų pasirodo ir mišrių. Tad suvesti Lietuvos aleriodines stovyklas į chronologinę grandinę neįmanoma. Jų dirbinių kompleksuose dar beveik nėra azylinių elementų; tai jau vėlyvojo driaso požymis. Antras tarpkultūrinis elementas, plintantis vėlyvajame driase, buvo kaulo-rago dirbiniai.

Vėlyvajame driase toli nebeklajojama, o daugiau bendraujama tarpusavy jau tam tikroje teritorijoje. Ši teritorija vakaruose siekė Oderį, pietuose Karpatus, rytuose Paliesės vakarinę dalį, šiaurėje vidurio Lietuvą, o šiaurės rytuose atskirų punktų būta net Dniepro aukštupyje.

Atskiros kultūrinės grupės buvo tam tikra prasme ir etninės ir tarpusavyje bendravo greičiausiai egzogamiškai, be to, pačia primityviausia—matrilokaline—egzogamijos forma (į kitas kultūrines grupes ateina vyrų darbo įrankiai).

Stovyklų dydis ir išsidėstymas daug kuo priklauso nuo kultūrinės grupės. Vietinės visų laipsnių svidrinės kultūros stovyklos paprastai būna didelės, su daugeliu lizdų, gal būt, keliskart grįžtamos (Eiguliai, Skaruliai, Puvočiai, Glynas ir kt.), o iš toli atklydusių madleninių kultūrų nešėjų stovyklos paprastai mažos, vieno lizdo ir trumpalaikės. Panašus skirtumas pastebimas ir titnago kasimo vietose — dirbtuvėse. Svidrinėse stovyklose daug dirbinių buvo pasigaminama vietinėse dirbtuvėse, todėl lieka ir gražių ilgų skelčių ir nebaigtų dirbinių (Ežerynas 1, 4, 14), o madleninių dirbtuvių skeltės, matyt, visos išsigabenamos ruošiniais (Ežerynas 15, 16, 17).

Paleolito pabaigoje visi šie skirtumai ima niveliuotis.

IV. MEZOLITAS

1. Gamtinės sąlygos mezolite. Paleolito ir mezolito riba tai riba tarp vėlyvojo driaso klimatinio periodo ir preborealio, tai riba tarp Baltijos ledyninio ežero ir Joldijos jūros. Gamtinės sąlygos daugiausia atsiliepė žmonių gyvenimui kaip tik pereinant iš paleolito į mezolitą, todėl ši riba apčiuopiama ir archeologiškai. Ji ypač ryški stovyklų topografijoje. Preborealio, t. y. Joldijos jūros laikotarpio, stovyklos randamos ant pirmosios viršsalpinės upių terasos, toli nuo kranto, borealio, t. y. Ancylaus ežero laikotarpio,— priartėja prie I-osios viršsalpinės terasos pakraščio, o atlantinio, t. y. Litorinos jūros laikotarpio, stovyklos jau ant salpos. Tik II-osios (maksimaliosios) litorininės transgresijos metu stovyklos neilgą laiką vėl kuriamos ant aukštųjų terasų (II—III) pakraščio.

2. Vėlyvojo paleolito kultūrų likimas poledyniniame laikotarpyje. Preborealio kultūra, negavusi jokių naujų elementų, savo dirbinių tipais dar artima paleolitui, todėl jai labiausiai ir tinka epipaleolito vardas. Šio laikotarpio kultūros pradžia apibrėžiama klimatiškai (ir tuo pačiu topografiškai), tačiau nenustatoma pabaiga, nes epipaleolitinė kultūra dar gyvavo, kai šalimais pasirodė naujos, tik mezolitui būdingos grupės. Todėl epipaleolitas čia ne tiek chronologinė, kiek kultūros istorijos sąvoka. Būdingas epipaleolito bruožas, priešingas paleolitui,— kad pranyksta skirtumai tarp atskirų kultūrinių grupių. Tačiau epipaleolitas nėra tiesioginė ir nuosekli vėlyvojo driaso laikotarpio kultūrų tąsa. Tai visų paleolitinių kultūrų elementų samplaika, ir kartais čia kaip tik prasikiša kokia nors labai sena atgyvena, pvz., šalia modernizuotų, jau net geometrines formas primenančių svidrinių antgalių tipų aptinkame antgalių su viena užbarzda, primenančių pačius ankstyvuosius Pabaltijo madleno tipus. Tokie reiškiniai preborealyje pastebimi ir kaimyniniuose kraštuose.

Epipaleolito pabaigoje dalis gyventojų, matyt, išsikėlė į rytus ir į pietus nuo pagrindinės šios kultūros paplitimo srities, sudarydama panašias grupes už pagrindinės srities ribų, o likusieji gyventojai susiliejo su ateiviais — mezolitinių kultūrų nešėjais.

Lietuvoje turime nemaža epipaleolitinių stovyklų su gausiais radiniais, tačiau jos retai išlieka sveikos. Visų jų dirbinių kompleksas yra atsiradęs iš aiškaus svidrinių ir madleninių kultūrų mišinio, su kai kuriais mezolitui būdingais elementais. Ryškiausi pavyzdžiai yra Dubičių 2 (90—93 pav.), Melnyčėlės C, Pamerkinės (86, 87 pav.), Zervynų 3 b, Drąseikių (95, 96 pav.), Saleninkų 2, 3 (97, 98 pav.) ir kt. stovyklos. Jos paplitusios jau beveik iki pat šiaurinių Lietuvos ribų. Šių stovyklų svidriniai strėlių antgaliai paprastai smulkūs, retušuotais smaigaliais, dažnai visai be svidrinio, o tik su pakraštiniu retušu, kartais jų formos artėja į geometrines. Madleniniai antgaliai, iš vienos ar iš abiejų pusių susmaugta įtvara, pasižymi gana nuolaidžiu retušu. Būdingas epipaleolito gremžtukas yra niekur paleolite neaptiktas platus, didelis, kartais beveik apskritas dirbinys. Gremžtukų randama ypatingai daug. Rėžtukai paprastai irgi trumpi ir platūs. Paplinta paleolitinio tipo kauliniai-raginiai dirbiniai (100—102 pav.): žeberklai su užbarzdomis, raginiai kalteliai, šeivos pavidalo ietigaliai, tribriauniai ietigaliai, kauliniai durklai ar peikenos. Kai kuriuos jų pavyko susieti su datuotais žiedadulkių horizontais pelkėse. Raginiai dirbiniai, paplitę visame Rytų Pabaltijy ir toliau į šiaurę nuo Lietuvos, sudarė pagrindą Kundos kultūrai.

3. Maglemozinės kultūros paminklai Lietuvoje ankstyvajame mezolite pasirodo šalia epipaleolitinio tipo stovyklų. Ryškiausias pavyzdys Lietuvoje yra Maksimonių 4 stovykla (103—108 pav.). Ji buvo ant I-osios viršsalpinės terasos pakraščio, po daugeliu vėlesnių kultūrinių sluoksnių. Stovyklos sluoksnyje aptiktos vieno židinėlio liekanos. Visi rastieji strėlių antgaliai galėtų būti vadinami lancetiniais, nors jie gana įvairių tipų, tarp jų tikrų mikrolitų nėra. Gremžtukai daugiausia iš gana stambių nuoskalų, rečiau skelčių, rasta stambių gramdukų, ovalinių kirvelių. Panašaus tipo stovyklų Lietuvoje labai maža. Minėtina dar Girežerio 3 stovykla, kur šalia lancetinių antgalių yra ir stambesnių smaigų.

Ši grupė nėra jokios vietinės kultūros tąsa. Ji atėjusi iš Vakarų ir siejasi su Klosterlund ir Star Carr stovyklomis, nors inventorius nėra visai tapatus. Artimos jai Janislavicų grupės stovyklos Lenkijoje, tačiau toji kultūra neturi ovalinių kirvelių. Ankstyvoji maglemozinė kultūra niekur ilgai neišlieka, nes jau borealiniame periode ją pasiekia mikrolitizacijos banga.

Maglemozinei kultūrai ypač būdingi kauliniai-raginiai dirbiniai, kurie bus nagrinėjami tolimesniuose skyreliuose.

4. Mikrolitinė-makrolitinė kultūra Lietuvoje susiformuoja borealio-atlanto laikotarpiu. Joje glaudžiai susiję trys komponentai — makrolitinės ir mikrolitinės technikos dirbiniai kartu su svidrinės kultūros palikimu. Šios kultūros stovyklas galima aiškiai sujungti į vieną raidos grandinę, o tai yra būdinga vietinei kultūrai. Teritoriniai skirtumai būna nedideli, priklausomai nuo vienų ar kitų kaimynų. Pagal topografiją stovyklas galima suskirstyti į tris ne-

vienodo ilgio chronologines grupes. Tačiau tai yra tik chronologiniai atramos taškai, išryškėja ir grupės pagal dirbinių tipus (V lent.).

1. STOVYKLŲ APIBŪDINIMAS

a) I-as etapas. Būdinga stovyklų padėtis — ant salpos, laikotarpis — prieš II (maksimalią) litorininę transgresiją. Nuo maglemozinių stovyklų ypač skiriasi mikrolitų pasirodymu ir įsigalėjimu. Viena ryškiausių šios grupės stovyklų yra Paštuva (110—113 pav.). Iš dirbinių su svidriniais elementais minėtina vienas episvidrinis strėlės antgalis ir ietigalis su svidriniu retušu. Antgaliai daugiausia lancetiniai. Mikrolitai — labai dailaus darbo, siauri žeberklų ašmenėliai. Kiti dirbiniai stamboki: plačios ir ilgos skeltės, stambūs gremžtukai, nebūdingų tipų rėžtukai. Specialios paskirties dirbinėlių reta, tačiau būdingi peiliai įstrižai nuretušuotu smaigaliu ir ovaliniai kirveliai. Dauguma skaldytinių laibi, skirti žeberklų ašmenėliams nuskelti, arba rastos tik visai išnaudotos liekanos. Šio tipo stovyklų Lietuvoje nemaža, tačiau jų kultūrinis sluoksnis dažnai sunykęs, nes stovyklos paprastai užliejamos potvynių. Minėtinos Kačerginės, Brūžės (114 pav.), Virbaliūnų, Derėžnyčios 15 (115 pav.) 16, 20 ir kt. stovyklos. Stovyklas, kurių dirbiniai jau smulkesni ir pasitaiko trapecijų, kultūriniu požiūriu reikia sieti su antruoju etapu.

b) II-ojo etapo stovyklos aptinkamos ant II—III viršsalpinės upių terasos ir priklauso II litorininės transgresijos metui, todėl dažniausiai išlieka gerai. Pagrindiniai dirbinių tipai tie patys, kaip I-ojo etapo stovyklose, dirbiniai smulkėja, daug mažiau stambių gremžtukų, daugiau smulkiųjų, retai pasitaiko stambių skelčių. Episvidriniai antgaliai nebetenka savo ankstesnio grakštumo. Pagrindinis mikrolitų tipas — žeberklų ašmenėliai, tačiau atsiranda trapecijų. Ovaliniai kirveliai geresnės kokybės.

Stovyklų kultūriniuose sluoksniuose randama židinių, duobių ir šulų liekanų. Svarbiausios šio laikotarpio stovyklos: Raudondvaris (apatinis kultūrinis sluoksnis 116 pav.), Žemieji Kaniūkai (apatinis kultūrinis sluoksnis 117—121 pav.), Merkinė — Merkio šlaitas (126—127 pav.) ir kt.

c) III-ojo etapo stovyklos buvo apgyventos po maksimaliosios litorininės transgresijos, jos aptinkamos vėl ant salpos, tačiau dažniausiai toliau nuo dabartinio upės kranto. Stovyklų inventorius labai susmulkėjęs. Svidrinis antgalis nebetenka savo paleolitinių požymių, visose stovyklose randama žeberklų ašmenėlių ir trapecijų. Gremžtukų daug, beveik visi smulkūs. Rėžtukų nedaug, nebėra ryškių paleolitinių tipų. Ryškiausios stovyklos yra Lampėdžiai (129—132 pav.), Kampiškės (134 pav.), Saleninkai 1, 2a (135, 136 pav.), Derėžnyčia 27, 52 ir kt.

2. Būdingieji Lietuvos mezolito bruožai. Aptinkama titnaginių ir raginių-kaulinių dirbinių. Titnaginių daugiausia randama stovyklose, todėl gerai galima pasekti jų raidą pagal vietinę medžiagą (V lent.). O kauliniai-raginiai dirbiniai beveik visi atsitiktiniai ir gali būti priskirti tik tipologinių lyginimų keliu.

Visose mikrolitinėse-makrolitinėse stovyklose aptinkama posvidrinių antgalių, visai skirtingų nuo paleolitinių. Jie padaryti iš tiesių skelčių, staigiai nusmailinta viršūnėle. I-ajame etape jie dar nemaži ir taisyklingi, II-ajame — atsiranda ir daugybė smulkių, o III-ajame — prisideda antgaliai tik siaurai retušuotais pakraščiais. Įtvara, jeigu ji būna, per visą mezolito laikotarpį yra spyglio pavidalo. I-ajame ir II-ajame etapuose dar pasitaiko į svidrinius antgalius panašių ietigalių. Lancetiniai antgaliai ankstyvosiose stovyklose paprastai ilgi, o vėlyvosiose daugiausia trumpi. Retai jų pasitaiko retušuotu pagrindu. Tikrų trikampių beveik nėra. Per visus tris laikotarpius būta siaurų, retušuotais galais, šonais arba smailių žeberklų ašmenėlių. Trapecijos pasirodo tik antrajame etape, prasidėjusiame dar prieš maksimaliąją litorininę transgresiją. Jų maža, kai kuriose stovyklose kiek pagausėja tik į mezolito pabaigą. Stambių skelčių aptinkama tik ansktyvokas—rėžtukas ir kampinis. I etapo stovyklose stambūs, platūs, smulkių — maža; pastarieji įsivyrauja III etape. Gremžtukai sudaro didelę inventoriaus dalį. Juos mezolito pabaigoje ima keisti specialios paskirties dirbinėliai.

Mezolito rėžtukai dviejų tipų — tai gramdukas—rėžtukas ir kampinis. I etapo stovyklose jie daugiausia padaryti iš nuoskalų, o nuo II etapo padaugėja iš skelčių padarytų rėžtukų.

Visų etapų ovaliniai kirveliai (144 pav.) padaryti iš skaldytinių, jie mažai skiriasi. Ankstyvajame neolite tokie patys pradedami gludinti. Žymiai mažiau aptinkama pleištų, padarytų iš storų nuoskalų, dažnai iš dalies su žieve, kartais apskaldyta blogąja puse.

Skaldytiniai paprastai kūginiai ar piramidiniai. Žeberklų ašmenėliams skelti yra specialūs laibieji arba laivelio pavidalo skaldytiniai. I etapo stovyklose randama ilgų plačių skelčių skaldytinių, vėliau jie trumpėja. Ypač taisyklingų ir dailių, matyt, naudotų ir vietoj gremžtukų, skaldytinių pasitaiko II etapo stovyklose.

Ryškiausi kaulinių-raginių dirbinių tipai yra tie, kuriuos galima tiesiog susieti su titnaginiais radiniais. Tai žeberklai su titnago ašmenėliais ir ovalinių kirvelių rankenos. Žeberklų būna vienaeilių ir dvieilių, kartais su ilga smailia viršūne (142 pav.). Jie išsilaiko iki pat neolito, vėlyviausieji yra su ilgu smaigaliu. Antras mezolitinis žeberklo tipas — su smulkiais dantukais

(109 pav.) ir su retomis ištęstomis užbarzdomis. Mažiausiai rasta vienadančių žeberklų, priklausančių mezolito pabaigai (109, *7* pav.). Litorinos laikotarpiui priskirtinas ir vienintelis durklas su rankena (143 pav.). Rasta nemaža raginių kirvių su iškalta arba pragręžta skyle kotui (145, *1, 2* pav.). Jie išlieka visą mezolitą ir įeina į neolitą. Litorinos laikotarpio, mezolito pabaigos, yra ilgi kirviai su skyle kotui nupiautos rago atšakos vietoje (145, *3* pav.). Vėlyviausiam mezolito etapui priklauso kelios vadinamųjų „valdžios ženklų" nuolaužos (146, *1, 2* pav.).

3. Mikrolitinės-makrolitinės kultūros susidarymas ir išplitimas. Nedidelė šios kultūros dalis paveldėta iš paleolito (epipaleolito), o didžioji dalis — atvežta maglemozinės kultūros. Iš paleolito yra paveldėtas posvidrinis antgalis. Jų nedaug berandama, būna gana prastai apdirbti, tačiau tai labai svarbus požymis, skiriantis Rytų Pabaltijo mikrolitinės-makrolitinės kultūros sritį nuo kaimyninių kultūrinių sričių. Mažas jų kiekis rodo ir tai, kad didžioji dalis epipaleolitinių gyventojų išsikėlė, o jų vietą užėmė nauji. Be antgalių, su svidriniu palikimu galima sieti nebent kai kuriuos rėžtukus. Antrasis komponentas — makrolitai sietini su maglemozine kultūra, tačiau iš dalies gali būti kildinami ir iš svidrinės kultūros kirvelių. Trečiasis komponentas — mikrolitai pateko kaip tarpkultūriniai elementai ne vienu kartu. Žeberklų ašmenėliai, atrodo, pateko iš pietų, trapecijos — iš pietvakarių ar pietų, nes beveik nėra siaurų aukštų formų, būdingų vakariniam Baltijos pajūriui. Lancetai yra būdingi ir pietvakarių, ir vakarų sritims. Kauliniai-raginiai dirbiniai beveik visi priklauso maglemozinei kultūrai, nors kai kurių jų kilmės (tribriaunių ir šeivos pavidalo ietigalių, kai kurių kirvelių) netenka ieškoti pačioje maglemozinėje kultūroje.

Susidarant mikrolitinei-makrolitinei kultūrai, svarbiausias vaidmuo tenka maglemozinės kultūros elementams, kurie ne vienu laiku pateko į šią sritį. Galutinai ją suformavo mikrolitizacijos banga, kuri įsigalėjo jau vėl esant tam tikram kultūros stabilumui.

Šiaurinėje Lietuvoje, Latvijoje, Estijoje maglemozinės kultūros banga sudarė kitą — Kundos — kultūrą.

Mikrolitinė-makrolitinė yra miško gyventojų kultūra. Ūkio formoms atsekti kai kurių duomenų davė stovyklų židinių anglių tyrimas. Paaiškėjo, kad buvo kūrenama beveik vien pušies šakos bei sausuoliai, atseit, medžiai, kurių vaisiai nevalgomi. Kitaip to negalima paaiškinti, nes mezolitas — tai geriausio klimato ir didžiausio lapuočių išplitimo laikotarpis. Kaip rodo susilydę smėlio grūdeliai, židiniuose ugnis buvo palaikoma ilgai. Į židinius atsitiktinai pateko maisto medžiagų — agarų riešutų, lazdynų riešutų, paparčio šaknų. Be abejo, to meto gyventojai vertėsi ir medžiokle, ir žvejyba. Nereikėtų manyti, kad pereiti prie žvejybos vertė tik klimato pakitimas. Tai buvo kultūrinė banga, tuo metu plitusi visu pietiniu Baltijos pajūriu.

Mikrolitinė-makrolitinė kultūra paplitusi gana aiškiame plote. Maglemozinės kultūros elementai atėjo greičiausiai dabar nuskendusiais Ancylaus ežero bei Litorinos jūros krantais.

V. PABAIGA

Pasekę kultūros raidą Lietuvoje nuo X iki IV tūkstantmečio pr. m. e., susidarome vaizdą, kad pirmykštis Lietuvos teritorijos apgyvendinimas prasidėjo nuo daugelio atskirų etninių bei kultūrinių grupių. Tik mezolite iš jų susidarė vientisa, į vieną grandinę sujungiama mikrolitinė-makrolitinė kultūra, kuri gyvavo apie penkis tūkstančius metų, pereidama į neolitą. Šiaurinę Lietuvos dalį apėmė taip pat iš maglemozinių elementų susidariusi Kundos kultūra, kuriai nebūdingi nei ovaliniai kirveliai, nei trapecijos.

Sekant patį apgyvendinimo procesą, svarbu buvo išskirti kultūros elementus, rodančius gimininių bendruomenių kilnojimąsi. Išryškėjo trys laikotarpiai, kada naujos etninės grupės įsiliejo į Lietuvos teritoriją (biolingas (?), aleriodo antroji pusė ir borealio pradžia), ir du laikotarpiai, kada, kultūroms nusistovėjus, smarkiai plito bendraeuropiniai tarpkultūriniai elementai (vėlyvasis driasas ir atlantinis laikotarpis).

Kultūra ir rasė yra skirtingi dalykai, tad sunku pasakyti, ar tie menki skirtingi Lietuvos mezolito bei ankstyvojo neolito antropologiniai duomenys atspindi kaip tik pastarosios reiškinius. Tačiau Lietuvoje mezolite bei ankstyvajame neolite jau būta kelių tipų žmonių — ilgagalvių ir plačiagalvių, nors jie visi įtelpa į didžiąją europeoidinę rasę.

Mezolite susidarę kai kurie teritoriniai Lietuvos skirtumai toliau gilėja neolite: išryškėja šiaurės vakarų ir pietų rytų sritys, kuriose neolite aptinkame ir kito tipo keramikų (šiaurės vakaruose Narvos-Nemuno kultūra, pietų rytuose Nemuno aukštupio kultūra) (VII lent.), o mezolitinio tipo kaulo-rago bei titnago inventorius išlieka net iki vėlyvojo neolito virvelinės keramikos kultūros.

УКАЗАТЕЛИ

I. Мест палеолитических и мезолитических находок в Литве, упомянутых в тексте

2. Географических пунктов других советских республик и зарубежных стран

3. Именной*

* Только латинским шрифтом даются те имена, которые в тексте по-русски не упоминаются, а только русским — те, что не дублируются латинским.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *П. Римкявичюс*
Обложка худ. *Р. Буйвидаса*
Худ. редактор *Р. Дихавичюс*
Тех. редактор *И. Анайтис*
Корректор *Н. Иванова*

Издание № 12182. Тираж 700 экз.

Сдано в набор 10.VIII.1971. Подписано к печати 23.II.1972. ЛВ 01028. Бумага $84 \times 108^1/_{16}=$ $=6,375$ л. б., печатная № 1. 21,56 и п. л., 22,6 уч. изд. л.

Цена 2 руб. 30 коп.
«Минтис» Вильнюс, Серакаско 15.
Гостипография «Пяргале», Вильнюс, Латако, 6.
Заказ № 2681.